Революция и Война

1922 г. сб. 17

Год издания III-й Сборник 17.

Революция и война.

Научный военно-политический журнал.

Орган В.Р.С. и военно-научного клуба Запфронта

1922

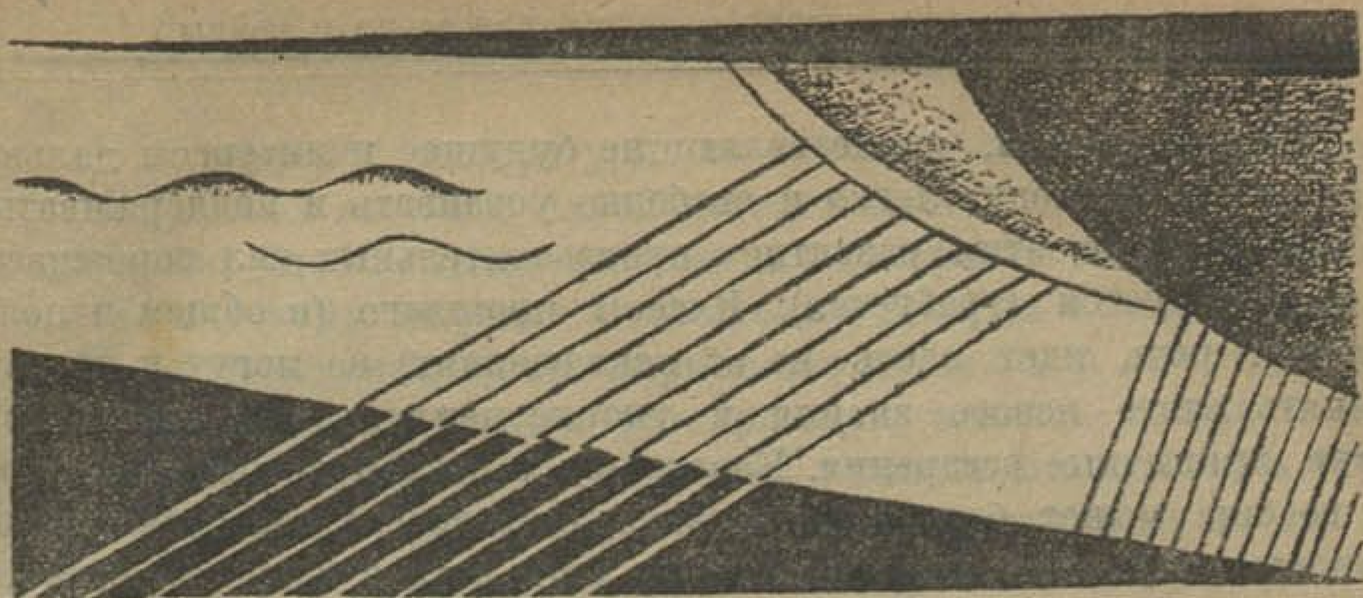
ОКТЯБРЬ 1922

РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЙНА

СБОРНИК 17

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.



Проф. В. Миллер.

Классовая точка зрения в вопросах истории и войны.

Перед чтением следует исправить следующие опечатки, ис-
жающие смысл:

На стр. 6 вычеркнуть две предпоследние строчки.

„ „ 8 в строчке 8 вместо „одновременность“ читать „о-
сторонность“.

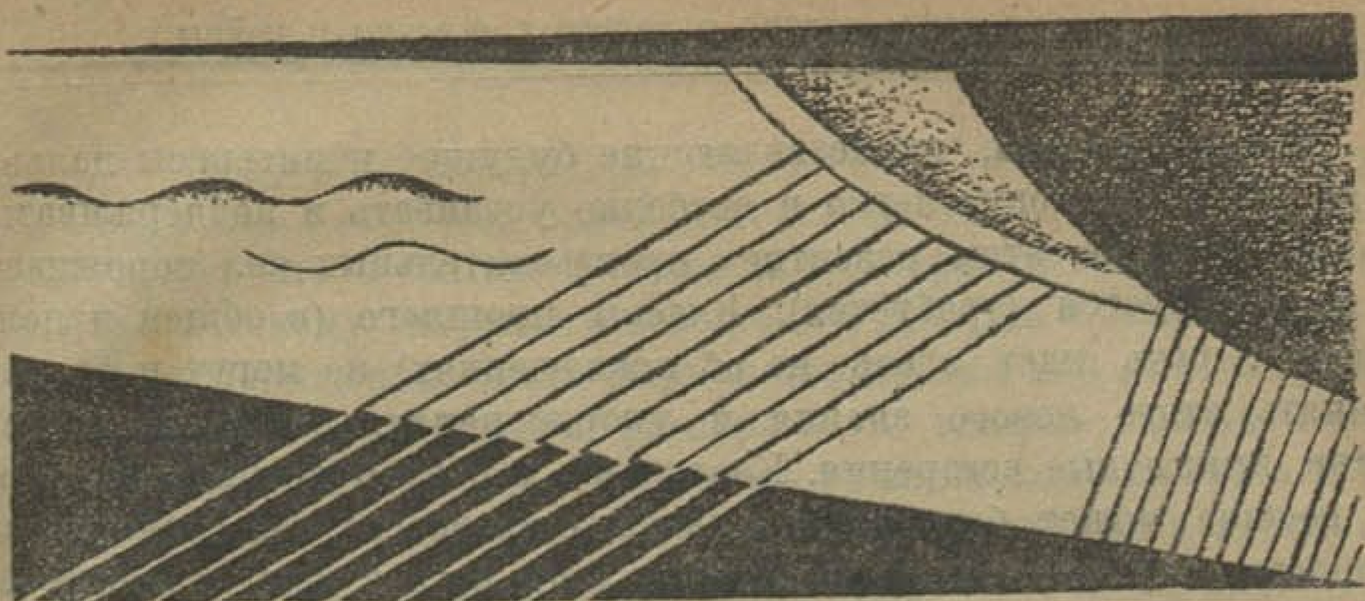
„	„	„	13	„	„Шаппар“ читать „Шаппер“.
„	„	9	31	„	„тридцатью“ читать „тринадцат
„	„	10	6	„	„политическую“ чит. „полемичес
„	„	14	5	„	„актов“ читать „фактов“.
„	„	15	3	„	„XIV“ читать „XIX“.

одну какую-либо группу населения (один какой-либо класс), которая является как бы представителем данной ступени развития, особенно сильно заинтересована в его сохранении и поэтому особенно упрямо сопротивляется переходу к следующим, более высоким ступеням развития. Отсюда и получается более или менее яркая классовая окраска тех точек зрения, которые характеризуют данную ступень развития, особенно, если эти точки зрения касаются общественных проблем и интересов**). Отсюда же получается неизбежное расхождение точек зрения, особенно в эпохи перелома и революций.

---

*) Такое всестороннее и полное отображение мыслимо лишь, как предел. Но понятие об этом пределе совершенно необходимо для адэкватного представления о сущности истины и знания.

**) Возьмем, напр., отношение античных писателей к физическому труду и экономической деятельности вообще—или же их отношение к рабству.



Проф. В. Миллер.

Классовая точка зрения в вопросах истории и войны.

(Продолжение).

II.

В прошлой статье я пытался возможно точно очертить смысл и значение классовой точки зрения, поскольку она должна применяться к научному исследованию вообще,—и при изучении общественного развития—в особенности. Точный смысл ее оказался следующий: в бесконечном приближении к всеохватывающей истине, т. е. к полному и всестороннему отображению мировых явлений*), наше познание проходит ряд ступеней, соответствующих в общих чертах ступеням хозяйственного развития, так как самый прогресс знания есть лишь следствие и как бы рефлекс роста производительных сил. Но пока существует товарный обмен и классовое деление общества, каждая такая ступень выдвигает на первое, особенно привиллегированное место одну какую-либо группу населения (один какой-либо класс), которая является как бы представителем данной ступени развития, особенно сильно заинтересована в его сохранении и поэтому особенно упрямо сопротивляется переходу к следующим, более высоким ступеням развития. Отсюда и получается более или менее яркая классовая окраска тех точек зрения, которые характеризуют данную ступень развития, особенно, если эти точки зрения касаются общественных проблем и интересов**). Отсюда же получается неизбежное расхождение точек зрения, особенно в эпохи перелома и революций.

---

*) Такое всестороннее и полное отображение мыслимо лишь, как предел. Но понятие об этом пределе совершенно необходимо для адэкватного представления о сущности истины и знания.

**) Возьмем, напр., отношение античных писателей к физическому труду и экономической деятельности вообще—или же их отношение к рабству.

Только классы, представляющие будущее и интересы дальнейшего развития, могут легко и свободно усваивать и поддерживать то знание, которое этим развитием производительных сил порождается и постулируется (требуется). Классы прошлого (в общем и целом, конечно: речь идет здесь не об исключениях) не могут и не хотят принять этого нового знания и упорно цепляются за свои старые, узкие, привычные воззрения. Классовый характер истины, поскольку он вообще может быть нами осознан, есть всегда известная ограниченность, неумение или нежелание итти нога в ногу с прогрессом. Только в таком смысле Маркс и употреблял выражение „буржуазная наука“, „буржуазная политическая экономия“ и т. д.

Значение же классовой точки зрения применительно к научному исследованию общественных явлений выяснилось двоякое. Во-первых, вся политическая, идейная, религиозная, философская жизнь классового общества и даже его научное творчество (в том смысле, как это выяснено выше) насквозь пропитаны результатами классовой борьбы и без учета классовых влияний просто на просто не могут быть понятны. Историки, и в особенности историки философии, правда, до сих пор воображают, что здесь дело сводится к одной „филиации идей“. Подобно евангелисту Матфею, который начинает свое повествование фантастической генеалогией „Авраам роди Исаака, Исаак роди Якова, Яков роди Иуду“ и т. д., так и эти историки бессмысленно твердят (списывая эту премудрость друг у друга): Бэкон роди Гоббеза, Гоббез роди Локка, Локк роди Юма и т. д., не замечая, как величайшие общественные катаклизмы: развивающаяся английская революция и приближающаяся великая французская (в случае Юма) с их обостреннейшей классовой борьбой наложили самую мощную и, каждый раз, совершенно отличную печать не только на содержание, но и на самый метод каждого из 4-х перечисленных учений. В таком же роде идеалистической историографией до неузнаваемости искажена почти вся история мысли и учреждений.

Второе важное значение классовой точки зрения, на котором я в первой статье остановился особенно подробно, касается способа пользования источниками и пособиями, или вообще всякого рода справками и свидетельствами, на основе которых строятся выводы и положения в гуманитарных науках. Нужна самая строгая проверка и очистка этих кирпичей научного здания не только со стороны их общей достоверности и добросовестности их авторов, но и со стороны всегда возможного классового искажения об‘ективной истины. В особенно сильной степени это относится к эпохам великих переломов и обостренной классовой борьбы.

Только в самое последнее время в России условия эти изменились (Академия, библиотеки).

Таковы главнейшие выводы первой статьи. Теперь надлежит иллюстрировать, проверить и заострить эти выводы на разборе имею-

щейся марксистской литературы по военной истории и некоторых лучше изученных вопросов самой истории войн.

Известно, что в смысле применения материалистического метода к систематическому научному освещению истории сделано пока немного. В распоряжении самих марксистов до сих пор для этого было слишком мало материальных рессурсов, а, главное, слишком мало времени. Большая часть этого времени уходила не только на практическое участие в классовой борьбе пролетариата, но и на тысячу первый разбор все „новых“ и „новых“ недоумений и опровержений, воздвигаемых на пути диалектического материализма оффициальной (буржуазной) „наукой“. Как известно, один дурак способен задать столько вопросов, сколько сотня мудрецов не в состоянии разобрать в течение всей своей жизни. Это правило применимо и к социальной глупости, вытекающей из классовой ограниченности среды, от которой зависит ученый. Когда теперь пересматриваешь сочинения Плеханова (особенно последнего периода), то становится прямо жалко смотреть, какую массу труда и времени должен был тратить этот выдающийся ум на распутывание всякого вздора и всяких пустяков, которые теперь большей частью забыты даже их авторами (вспомним подвиги Берштейна, который, впрочем, лишь суммировал „сомнения“, навеянные некритическим чтением буржуазной премудрости, нагроможденной за 50 лет „уничтожения марксизма“).

Но в свое время эти „открытия“ (о том, что акционерная кампания способствуют равномерному распределению богатств, что тресты и синдикаты уничтожают возможность промышленных кризисов, что классовые противоречия вообще смягчаются и т. д. и т. п.) афишировались на всех перекрестках, как „последнее слово науки“, и эти крики подчас сбивали даже марксистов, не умевших правильно применить классовый анализ к результатам научного и псевдонаучного творчества. Только *в самое последнее время* в России положение несколько изменилось и для положительной научной работы в духе революционного марксизма (т. е. в духе истинно-современной и подлинно-прогрессивной точки зрения) созданы более благоприятные условия.

Что же касается специально истории войн, то здесь дело, естественно, обстоит еще хуже. Правда, никто иной как сам Энгельс усиленно занимался военными науками и достиг высокой степени совершенства в этой области, как показывают его блестящие брошюры, написанные накануне и по поводу войны 1859 года, а также длинный ряд статей в New-York Tribune и других газетах. Но он преследовал при этом, прежде всего, узко практическую и техническую задачу. Толчком к этому усиленному занятию послужило его участие в баденско-пфальцском восстании 1849 г., этой отчаянной попытке южно-германских демократов вооруженной рукой защитить имперскую конституцию от окончательно обнаглевшей контр-революции, которая, опираясь главным образом на прусские войска, собралась ликвидировать

все завоевания 1848 г. Энгельс с самого начала предвидел неудачу этого восстания, но так как оно явилось наиболее решительным выступлением, на которое только с'умела подняться германская революция 48 года, Энгельс со своим огненным темпераментом не мог остаться в стороне. Руководителем этого восстания был бывш. прусский лейтенант Виллих, и здесь Энгельсу впервые пришлось столкнуться с односторонним и узко-военным пониманием революционной борьбы. Эта одновременность, к тому же, соединялась с высокомерным пренебрежением к мнениям штатских революционеров, которые-де не могут понять задач и условий вооруженных выступлений. Приехав после разгрома пфальцского восстания кружным путем в Лондон, Энгельс вместе с Марксом должен был выдержать в союзе коммунистов большую борьбу с фракцией Виллих-Шаппар, которая пыталась искусственными средствами оживить революционное движение и в фантазиях которой односторонне и узко-военная точка зрения играла не последнюю роль. Энгельс поэтому в письме к жене Маркса от 23/V 1851 г. пишет: „Все эти истории показывают, что я ничего лучшего не могу сделать, как продолжать мои военные занятия, дабы хоть один из „штатских“ мог с ними справиться в теории.

Во всяком случае я хочу добиться того, чтобы такие типы не могли меня заговорить“. В другом месте того же письма он добавляет: „Мы в свое время покажем этим господам (Виллиху, Шиммельпфенигу и Зигелю), какое значение имеют „штатские“.

Но Энгельс добился гораздо большего. Когда в 1859 г., по поводу готовившейся франко-австрийской войны, он анонимно выпустил свою брошюру „По и Рейн“, то даже в кругах, близких к прусскому штабу, полагали, что автором этого произведения является какой-либо видный военный. Мало того: перечитывая теперь это произведение и тесно связанную с ним другую работу Энгельса „Савоя, Ницца и Рейн“ (обе брошюры вместе перепечатаны в 1915 г. известным издательством Дитца в Штутгардте), поражаешься, как метко характеризован и как верно описан Энгельсом целый ряд обстоятельств, сыгравших огромную роль в мировой войне 1914 г. Маркс помогал Энгельсу в его стратегических и военно-научных занятиях присылкой книг из Лондона и в четырехтомной переписке двух друзей рассыпана масса обстоятельных рассуждений и соображений Энгельса по военным вопросам, которые несомненно представляют большой интерес для специалистов, но до сих пор, к сожалению, этим специалистам мало известны.

После всего сказанного легко понять, что во всех произведениях Энгельса, о которых сейчас идет речь, на первое место выдвигаются узко-военные, стратегические проблемы.

Он, правда, касается и политических вопросов, связанных с надвигавшимися уже тогда войнами. Но почти нигде он не пытается анализировать классовую подоплеку тех или иных военно-политических программ и стремлений. Он все время говорит о стремлениях и пла-

нах Англии, Франции, Австрии, иногда, правда, как бы специально выделяет политику царизма или „декабрьской банды“ (при помощи которой Наполеон III добился власти и удерживал власть) и изредка различает между политикой оффициальных немецких правительств и национального движения в Германии *). Почему Энгельс поступает таким образом? Боюсь, некоторые „марксисты“ скажут (или, по крайней мере, подумают), что здесь на лицо „остатки буржуазного способа мышления“. На самом деле здесь проявляется одно из самых основных свойств марксизма, на котором важно остановиться подробнее, потому что как раз в России это именно свойство очень часто плохо понимается. Когда Маркс и Энгельс окрестили свою точку зрения на социальное движение „научным социализмом“, то это, прежде всего, не было, конечно, простой рекламой, как наивно воображают иногда анархисты и народники (известно, что люди любят мерить других своим собственным аршином). Но нельзя также представлять себе дело так, будто это название выражает исключительно тот факт, что материалистическое понимание истории впервые подвело строго научный фундамент под всю сумму общественных наук, а, следовательно, и под теорию социализма. Девиз, заключающийся в словах „научный социализм“, надо понимать шире и глубже. Ведь и самое открытие исторического материализма и его успешное применение и развитие, точно также как то единственное в своем роде научное здание, которое Марксом воздвигнуто в „Капитале“ на почве всестороннего уточнения и развития научных достижений классической школы политической экономии—все это возможно было только благодаря глубоко выдержанному, строго научному подходу как к исходным точкам всякого исследования—к фактам, наблюдениям, статистическим данным, так и ко всем следующим ступеням этого исследования, вплоть до самых общих выводов. Маркс говаривал, что считает заслуживающим внимания только такие положения, которые он может доказать тридцатью способами. Именно это глубоко добросовестное отношение к научному исследованию не дало возможности Марксу самому закончить и издать II и III томы „Капитала“. Такой подход к делу, требующий все возобновляемой критики и самокритики, все новой и новой проверки и уточнения данных (для уточнения и развития выводов) связан с очень длительной, терпеливой работой, лишенной эффектности и внешней привлекательности. Этот строго научный метод далеко не сразу был обретен даже и в естествоведении, в общественных же науках он очень редко встречался до Маркса и особенно редко у до-марксковских социалистов, которые всеми условиями своей деятельности толкались более к смелым (но очень ненадежным) выводам и красноречивому разукрашению этих выводов,

*) Это различие Энгельс проводит и в своих письмах к Лассалю, который расходился с Марксом и Энгельсом в вопросе об отношении к франко-австрийской войне. Об этих письмах см. биографию Маркса, написанную Мерингом, главу „Спор с Лассалем“, где дается также краткий пересказ упомянутых брошюр Энгельса.

чем к терпеливому и внимательному изучению законов действительности *).

Если Маркс презрительно называл Герцена беллетристом, а Бакунина характеризовал как человека, „который из всех социалистических систем усвоил лишь заглавия“, то это опять таки не следует рассматривать как простую политическую фразу (Маркс совершенно не умел бросаться звонкими, но пустыми фразами), это есть чрезвычайно меткая и важная характеристика *расхождения в методах*. Тот, кто не усвоил этого кардинального различия в путях и способах, которым приходили к своим выводам Маркс, с одной стороны, и люди, подобные Герцену и Бакунину, с другой—вообще не может правильно понять Маркса**).

Если подлинно-научное исследование общественных явлений, столь сложных и запутанных—вообще требует длительной и кропотливой подготовительной работы, то это в особенной степени относится к расшифровыванию классовой подоплеки той или иной идеологии. Прежде всего самое классовое деление общества чрезвычайно сложно и изменчиво. Правда, в наше время это деление становится несравненно более определенным и ясным. Маркс и Энгельс в „Коммунистическом манифесте“ говорят: „Наша эпоха—эпоха буржуазии отличается однако тем, что она упростила классовое противоречие. Общество *все более и более разделяется****) на два больших враждебных лагеря, на два больших, стоящих друг против друга класса: буржуазию и пролетариата“. Эту очень точную формулу люди поверхностные читают однако совершенно иначе; они выносят впечатление, что в современном обществе *заслуживают внимания* только два класса и с легким сердцем скидывают со счетов все остальные классовые группировки. Отсюда часто получаются громадные практические ошибки,

---

*) Это относится ко всем утопистам, включая и Прудона, и путем противопоставления Маркса Прудону это свойство может быть особенно рельефно выявлено. Прудон уже пытался соединить французский социализм с английской экономией (Рикардо) и немецкой философией (Фейербахом и Гегелем). Но для реального выполнения этой величественной задачи, которая ставилась истории и которая блестяще была выполнена Марксом. Прудону не хватало, прежде всего, одного—точности и основательности в обращении с фактами и выводами. Свой известный отзыв о Прудоне (предпосылаемый обычно "Нищете философии") Маркс поэтому начинает с упоминания об одной из первых прудоновских работ о всемирном языке, которая „показывает, с какой бесцеремонностью хватался он за такие задачи, для решения которых ему не доставало самых элементарных познаний“. Далее Маркс постоянно подчеркивает, что Прудон очень любил гнаться за „наукой“ в смысле априорных умствований утопистов, обнаруживая при этом всегда самое трогательное невежество в реальных науках (напр. полит. экономии).

**) Я не говорю здесь о форме изложения, которая, разумеется, может отличаться очень различной степенью изящества и выразительности—и о Марксе надо сказать, что он в высокой степени обладал даром облекать свои выводы в блестящую и яркую форму—только он никогда не делал этого в ущерб точности и осторожности научных формулировок.

***) Курсив мой. Я обращаю внимание на удивительную точность этой *динамической* формулировки.

особенно в таких странах, как Россия, на что в 1920-1921 г. г. усиленно указывал тов. Ленин. Вот эти то группировки промежуточных и оставшихся от прошлого классов очень сложны и изменчивы. На этой почве родилось даже одно из многочисленных обвинений Маркса в „противоречии“, так как в различных своих сочинениях он различным образом перечисляет мелкие, дробные классы, на которые распадается общество. Мы, однако, имеем здесь дело не с противоречием Маркса, а с противоречием в самой действительности. Насколько текучи и изменчивы эти деления, видно из того, что часто очень влиятельные и устойчивые партии в течение очень долгого промежутка времени явно опираются на несколько различных классов (французские социалисты-демократы в 40—50 годах, католический центр в Германии, начиная с 70-х годов и до настоящего времени, и т. д.), причем подчас эта их социальная основа сильнейшим образом меняется. С другой стороны, один и тот же класс может поддерживать совершенно различные идеологии, в зависимости от того, защищает ли он свои большие, длительные интересы или интересы временные или даже иллюзии прошлого, как прекрасно показал Маркс в „18 брюмера“ на примере французского крестьянства.

Запутанность и трудность вопроса о классовой подоплеке тех или иных программ, умственных течений и стремлений еще увеличивается от того, что носители этих программ вовсе не должны быть, как мы уже видели из представляемого ими класса.

Эти программы и умонастроения лишь *приспосабливаются* к определенному социальному базису и процесс их возникновения и приспособления совершается на основе особой закономерности очень узкой, ломкой и условной, но именно потому трудно поддающейся исследованию.

Вот почему для решения такой тонкой задачи, как установление классовой подоплеки данной идеологии, нужно очень детальное и основательное знание фактического материала. Образцовым примером такого решения является „18-ое брюмера“ Маркса. Но Маркс мог написать эту *небольшую брошюру* только потому, что в течение многих лет не только углублялся в изучение недавнего прошлого Франции*), но изо дня в день внимательнейшим образом следил за политической жизнью Франции и собрал огромный материал по этой части (об этом сообщает Энгельс в предисловии к „18 брюмера“, подчеркивая, кроме того, что именно во Франции „меняющиеся политические формы“, в которых развивается борьба между классами „и в которых суммируются ее результаты, выражены в наиболее резких очертаниях“).

*) Это углубление приводило в отчаяние Руге—соредактора „Немецко-французских ежегодников“, так как отвлекало Маркса от текущей журнальной работы. „Маркс все снова бросается в беспредельное море книг“ . . . теперь он собирает материал для истории конвента и наметил очень интересные точки зрения, пишет Руге в своем письме к Фейербаху от 7 мая 1844 г.

Такого дробного и детального фактического материала, строго проверенного и критически сортированного, не было под рукой у Энгельса, когда ему приходилось касаться политической стороны военных столкновений европейских государств.

Воздерживаясь от теоретического анализа классовой подоплеки этой политики, он поступал совершенно правильно. Он следовал тому основному научному правилу, которое известный физик Хвольсон как-то формулировал в виде „двенадцатой заповеди": „Не пиши о том, чего не знаешь" . . . Правило это в общественных науках, к сожалению, исполняется еще довольно редко.

Из старой гвардии марксизма, наряду с Энгельсом, можно упомянуть только одного, вплотную занимавшегося военно-историческими вопросами: швейцарского социал-демократа Карла Бюркли. В 1886 г., на склоне своих лет, он выпустил книгу „Справедливый Винкельрид. Тактика старых швейцарцев". В этой книге с большим знанием дела исследуются стратегические и тактические условия героической борьбы швейцарских крестьян (союзников южно-германских городов) против немецко-австрийского дворянства. К сожалению, эта любопытная книга, обратившая на себя серьезнейшее внимание специалистов-военных, является большой редкостью. На основании же одних отзывов и косвенных свидетелей трудно составить себе представление о том, насколько Бюркли удалось проанализировать классовую подоплеку этого столкновения. (Эта подоплека в данном случае выражена очень наглядно).

Не случайность, конечно, что наступление эры империализма и приближение мировой войны усилило внимание к вопросам военной истории и среди марксистов.

В 1907 году вышла книга Гуго Шульца „Кровь и железо", большое двухтомное, богато иллюстрированное издание, задача которого состояла в том, чтобы внести некоторое знакомство с этими вопросами в толщу рабочих масс. Сообразно с этими чисто-популяризаторскими задачами, автор не мог заниматься углубленным теоретическим анализом событий и передавал их в той форме, как они обычно излагаются в наиболее известных общих сочинениях. Тем не менее этот популярный обзор истории войн привел автора-марксиста к некоторым общим выводам, главный из которых он формулирует следующим образом: „Я пытался вскрыть диалектическое противоборство („dialektisches Widerspil") аристократических и демократических элементов в военных усилиях народов. Синтез этого противоборства может быть выражен следующим парадоксальным положением: военная мощь (die Wehrmacht) культурного народа становится тем большей, чем более она является выражением интересов, силы и воли тех классов, которые внутренне наиболее враждебны войне".

Гораздо большее значение для детального изучения вопросов военной истории имела другая книга, появившаяся около того же

времени и заслужившая не только похвальный отзыв, но даже обстоятельнейший и благосклоннейший разбор в виде большой брошюры со стороны выдающегося марксиста-спартаковца Франца Меринга.

И тем не менее, автор ее не марксист, а консервативный историк (и публицист), долголетний сотрудник „Прусских Ежегодников“— Ганс Дельбрюк. Книга эта, выходившая отдельными томами в течение ряда лет и явившаяся результатом долголетних специальных исследований, для нашей темы чрезвычайно интересна во многих отношениях *).

Прежде всего, как об'яснить, что реакционер, ничего общего не имеющий ни с социализмом ни с пролетариатом, заслужил такие похвалы со стороны революционного марксиста Меринга? Пусть Меринг сам говорит за себя: „Хотя это прозвучит очень странно, но абсолютное отсутствие понимания, которое обнаруживает господин Дельбрюк по адресу исторического материализма, ставит его на много выше Зомбарта и К°. Господин Дельбрюк слишком честен и слишком умен, чтобы низводить исторический материализм до уровня профессорской игрушки... Нервы его (Дельбрюка) не выносят революционной диалектики исторического материализма“... Но „вместо того, чтобы замешивать расплывающуюся кашу, подобно Зомбарту и его присным, господин Дельбрюк часто пишет многие страницы, как их не мог бы написать основательнее и яснее ни один марксистский историк, чтобы затем впасть в такую крайнюю идеологию **), какую нельзя найти ни у одного буржуазного историка“.

Эти очень правильные замечания Меринга совершенно непонятны с точки зрения упрощенной классовой точки зрения, но оно легко об'ясняется, если иметь в виду ту правильную классовую точку зрения, которую развил Маркс. Дельбрюк—умный, основательный, в высшей степени добросовестный историк, профессор берлинского университета—всю жизнь работал над главнейшими этапами истории войн, всегда связывая узко-технические, часто военные вопросы с политическими и общеисторическими условиями ***) данного вре-

*) Дельбрюк: „История военного искусства в рамках политической истории“. Берлин.

**) Напомню, что у Маркса (и ортодоксального сторонника его метода Меринга) слово „идеология“ всегда означает точку зрения, в которой в большей или меньшей степени проявляется ненаучный, антинаучный идеализм. Для Маркса выражение „идеология пролетариата“ не имеет смысла или, если имеет смысл, то смысл очень печальный. У нас в России, под влиянием главным образом А. Богданова, вошло в обиход другое понимание этого термина, что, между прочим, сильно затрудняет правильное понимание Маркса.

***) Вот главнейшие работы Дельбрюка: „Жизнь фельдмаршала Гнейзенау (1880)“. „Персидские и бургундские войны (1886)“, „Стратегия Перикла, поясненная стратегией Фридриха (1890)“, „Фридрих, Наполеон, Мольтке“. „Старая и новая стратегия (1894)“ „История военного искусства в рамках политической истории“ выходила в течение длинного ряда лет.

мени. И окружавшая его классовая среда, несмотря на всю ее реакционность, на отсталость ее общих точек зрения, которая не могла не отразиться и на Дельбрюке, в некоторых отношениях даже способствовала углубленному проникновению в связь исторических событий и, в частности, в связь актов военной истории между собой и с общеисторическими условиями вообще. Вспомним, что реставрация полуфеодальной Пруссии после наполеоновского разгрома произошла при деятельном участии военной науки, которая выдвинула тогда такую внушительную фигуру как Клаузевиц. Вспомним знаменитую характеристику основанного тогда же берлинского университета, как „умственной лейб-гвардии Гогенцоллернов", характеристику, в которой метко выражена тесная связь полуфеодального прусского абсолютизма как с военным искусством, так и с известным покровительством науке. Богатое наследство школы Клаузевица *) Дельбрюком было блестяще использовано, расширено и приведено в связь с общеисторическими перспективами. Широкое применение сравнительно-исторического метода предохранило его от впадения в безыдейный „историзм" и толкало к научным обобщениям и об'яснениям. И так как единственно научный метод есть метод материалистический (Маркса), то Дельбрюк и написал длинный ряд страниц, блестяще подтверждающих и бессознательно применяющих метод исторического материализма. Но когда дело касается сознательной формулировки метода или вообще общих воззрений, (с которыми слишком легко связываются „нежелательные выводы"), классовая ограниченность среды неизбежно сказывается в сильнейшей степени. И так как среда эта—крайне реакционное полуфеодальное юнкерство (не забудем, что Дельбрюк был долголетним воспитателем принца Вольдемара Прусского)—то и идеализм Дельбрюка носит столь крайнюю форму, „какую нельзя найти ни у одного буржуазного историка".

Совсем другое дело „Зомбарт и К°".

Зомбарт принадлежит к числу тех академиков, которые в 90-е годы изрядной фалангой перешли в ряды марксистов, не порвав, однако, окончательно с ограниченностью и неизбежным идеализмом буржуазной среды, с которой оставались связанными. Такое ублюдочное положение было для них возможным потому, что тогда не только в России (где готовилась первая буржуазная революция), но и в Германии социал-демократия стала притягивать к себе также и наиболее оппозиционные элементы буржуазии, так как решительная борьба против ставшей невыносимой феодальной реакции концентрировалась именно только в этих пролетарских организациях. Понятно поэтому, что Зомбарт с самого начала занимался не только специально-научными вопросами (ряд исследований, вошедших

*) Напомним, что Клаузевицу принадлежит знаменитая формула о том, что война есть лишь продолжение политики мирного времени другими (насильственными) средствами.

в конце концов, в его двухтомное сочинение „Современный капитализм“), наоборот, его всегда сильно привлекали общие социально-экономические темы („Социализм и социальное движение в XIV столетии“, „Почему нет социализма в Соединенных Штатах“ и т. д.). Но, пользуясь богатой сокровищницей идей Маркса, он не отставал и от идей исторической школы (которые воспринял от учителя своего, проф. Шмоллера), постоянно сбиваясь с материалистического пути то на индивидуально-психологические об'яснения, то на еще более анти-научную и реакционную „расовую теорию“—словом, замешивая ту „расплывающуюся кашу“, о которой говорит Меринг. Эта каша тем более вредна, что ее слишком легко смешивают с марксизмом. В частности, у нас, в России, несомненно переоценили в свое время главный труд Зомбарта „Современный капитализм“ и через посредство этой „истинно-немецкой“, непомерно разбухшей (вследствие чисто показной учености и других скрытых недостатков) книги, к нам были импортированы многие вздорные выдумки и многие скверные привычки „исторической школы“. В частности, центральная мысль этой книги, будто промышленный капитализм первоначально возник и мог возникнуть лишь из накопленной земельной ренты, есть не только вздор, но вздор тем более вредный, что его опять таки слишком легко приводят в связь с „марксистскими идеями“, между тем как здесь в лучшем имеется „марксизм“ самый вульгарный и извращенный. И только когда Зомбарт в последующих книгах со все растущим легкомыслием стал производить промышленный капитализм „от все новых и новых мамаш“ (как зло и метко выразился тов. Бухарин)—то от еврейства, то от роскоши, то от войны—на этого эффектничающего франта „от науки“ установился более правильный взгляд. Для нашей темы книга Зомбарта „Война и капитализм“, выпущенная им в 1913 г., могла бы иметь большой интерес, если бы не охарактеризованный только что метод, лишающий ее выводы всякой достоверности и научной ценности.

После всего сказанного понятно, что при попытках выявить (на некоторых более интересных и достоверных примерах) влияние классового деления на возникновение, ход и исход войны, которые я намерен дать в следующей статье, мне придется базироваться в первую голову на фундаментальном труде Дельбрюка и разборе этого труда Мерингом.

В. В. Корейво.

Забытый вид пропаганды в Красной Армии.

Войны, веденные старой Россией, явили миру сотни примеров исключительной военной доблести как целых войсковых частей, так и отдельных лиц. Можно и должно не соглашаться с теми причи-

нами, кои вызывали эти войны, но нельзя отрицать, что эти проявления военной доблести, героические подвиги отдельных лиц и целых масс, заслуживают всяческого к себе внимания и уважения: независимо от побудительных мотивов, они выявляют во всю мочь истинный дух русского солдата, вышедшего, как теперь, так и тогда, из самых глубин рабоче-крестьянской толщи. Совершенно не важно, что герой японской войны, рядовой Василий Рябов, умер со словами „За веру, царя и отечество"—это детали, и Рябов не виноват в том, что его учили умирать с этими словами,—видно то, что Рябовы умели так умирать, что их умели научить такому самопожертвованию, когда человек отдает во имя известной идеи то, что ему всего дороже—свою жизнь. И вот с этой точки зрения необходимо и важно изучение тех приемов, коими достигались подобные результаты. А достигались они чрезвычайно просто. Каждый молодой солдат, попадавший впервые в казарму, видел на каждой стенке, большей частью раскрашенную, картинку, изображавшую тот или иной боевой эпизод с подробным его описанием; тут имелись такие примеры, как знаменитый переход суворовской армии через Альпы, когда русская артиллерия, встретившая на своем пути препятствие в виде глубокой расщелины в каменистой почве, должна была быть брошенной в руки врага, но перешла через эту расщелину благодаря добровольному самопожертвованию гренадер Фанагорийского полка, заполнивших ее своими телами; тут был изображен подвиг солдата Ширванского полка Архипа Осипова, предпочевшего вместе с товарищами взорвать себя на воздух, нежели, сдав порученный ему боевой участок, попасть в плен к неприятелю. И надо отдать справедливость старому правительству—оно умело использовать подобные подвиги, влияя на психику солдатских масс самыми оригинальными способами. Так, имя Архипа Осипова обессмертили оставлением его навсегда в списках полка, причем ежедневно на вечерней перекличке фельдфебель роты вызывал Осипова, а правофланговый отвечал: „Погиб во славу русского оружия тогда-то, там-то". Излишне говорить, какое впечатление производила эта процедура на воображение молодого солдата. Кроме чисто боевых эпизодов, молодой солдат видел не менее почтенные подвиги мирного времени, когда часовой на посту, не смотря на угрожающую его жизни опасность от воды (наводнение в Петербурге в 1824 г.) или от огня (пожар Оренбурга в 1872 г. близ пороховых погребов), оставался на своем посту только потому, что ему сумели внушить, что долг—выше всего что каждая измена этому долгу будет сурово наказана, а исполнение его—повлечет поощрение. Таким образом, с самых первых шагов в военной службе, молодой солдат всюду видел перед собой героические подвиги своих предков, он приучался к мысли, что этих подвигов ждут и от него, что это составляет, так сказать, его священную обязанность. Для большего внедрения в сознание молодых солдат понятий воинской доблести, для поднятия в них воинского духа, их обучали подробной истории своей

части, с первого дня ее существования, ее участию в кампаниях, разбирали отдельные боевые эпизоды; каждый солдат знал, за что именно получено его частью то или иное отличие, он знал всех наличных героев своей части, награжденных военным орденом и за что даны им эти ордена и т. д.

К сожалению, этому способу пропаганды в Красной Армии уделяется очень мало внимания. Каждый из нас гораздо лучше знает в лицо какого нибудь Колчака или Врангеля по плакатам ПУР'а и мало знает, а то и совсем не знает, истинных красных героев, плоть от плоти и кровь от крови рабочих и крестьян,—Буденного, Ворошилова, Киквидзе—имя им легион. Между тем в старой армии популяризации имен Брусилова, Рузского, Кузьмы Крючкова и других не мало способствовало распространение их портретов самым широким образом—на открытках, портсигарах и т. п. Мы-же в этом отношении наталкиваемся поистине на курьезные анахронизмы: с развитием НЭПО на каждом углу улиц встречаешь толпы малолетних „коммерсантов", прославляющих на все голоса Наполеона продажей папирос его имени. Почему Наполеон? Что он Гекубе и что ему Гекуба? Отчего не Савонаролла, не Клеопатра? Переходя к конкретным выводам, мы полагаем несомненно целесообразным ввести обязательное обучение красноармейцев истории своей части, обращая сугубое внимание на ее участие в боях, на проявленные ею подвиги в целом и отдельными лицами в частности. Почин в этом отношении уже сделан начальником связи Запфронта: по его приказанию это обучение уже введено в войсках связи фронта; для постоянного-же наглядного напоминания красноармейцам истории их части, в каждой казарме вывешены на видных местах доски с четкими надписями о боевой их работе, с указанием имен отдельных героев, полученных ими отличий и т. п. С той-же целью следует ввести обязательное вывешивание в ротах портретов командного, комисарского и красноармейского состава, награжденного „Красным Знаменем", и траурных списков погибших при исполнении служебных обязанностей. Понятно, что не все еще части молодой Красной Армии имеют боевую историю, особенно части вспомогательного назначения, не соприкасавшиеся непосредственно с противником. И вот, для введения военной пропаганды в этих частях, а равно вообще взаимного ознакомления одних частей с боевой жизнью других, нужна работа Политотделов: издавайте плакаты с изображением подвигов—массу материалов могут дать приказы РВСР о награждении красных героев орденом „Красного Знамени"—распространяйте портреты народных героев с описанием их заслуг перед Рабоче-Крестьянской Республикой, не останавливаясь даже перед подобием рекламы; пусть военные кооперативы выпускают папиросы или конфекты имени Троцкого, Каменева—может быть это предложение покажется парадоксальным, но, право, это будет своевременнее и остроумнее для Р. С. Ф. С. Р., чем пропагандирование великого реакционера Бонапарта—оставим-же его тень в покое

или предоставим ее исключительно для изучения теории военного искусства в тиши научных кабинетов.

Сверх того, мы считаем полезным издание специальных брошюр на эту тему, причем отнюдь не следует пугаться помещением в них и примеров проявления героизма старых русских солдат, независимо от носимого ими чина или ранга. То обстоятельство, что майор Горталов, герой 16-й пехотной дивизии, носил золотые погоны, ничуть не умаляет его подвига, когда, дав слово Скобелеву оставаться до конца на вверенном ему редуте на Зеленых Горах, он сдержал это слово, оставшись там последним, без всякой надежды на спасение, и был поднят турками на штыки Или-же равным образом не меняется смысл полных достоинства и презрения к врагу слов однорукого нейшлотского коменданта Кузмина (война России со Швецией 1788—1790 г. г.) на предложение шведов сдаться: „И рад бы отворить ворота (крепости), да у меня одна рука, и та занята шпагой", от того, что он, Кузмин, имел чин секунд-майора.

И если эти примеры придут на память хоть одному красному командиру в наших будущих столкновениях с капиталистическими странами, возможность каковых не исключается при складывающейся международной обстановке, и дадут толчок к совершению подвига, покроющего славой наши красные знамена—смысл и цель издания подобной брошюры будет вполне достигнута. Только надо поторопиться с проведением в жизнь этого рода пропаганды и отнестись к ней с должным вниманием, памятуя, что „промедление времени смерти безвозвратной подобно" и, что три четверти успеха всякого дела зависит от моральной его стороны.

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА

Ф. Огородников.

Борьба с технически более сильным противником.

С точки зрения современного военного искусства и современной военной науки было бы странно отыскивать способы верного успеха, которые лежали бы совершенно вне современной техники.

Военная техника уже на наших глазах сделала и продолжает делать такие успехи, что сама обратилась в один из важнейших факторов победы. А потому военная наука должна не отвращать внимание от военной техники, а, напротив, устремлять его именно в этом направлении, в котором открываются все новые горизонты и возможности.

Тем не менее приходится останавливаться перед практическим вопросом, который именно для нас имеет важное значение: что делать, если противник превосходит нас в технических средствах?

Если, с одной стороны, было бы наивно отрицать значение современной военной техники, то, с другой—нельзя же складывать оружие перед противником только потому, что он превосходит нас в технических средствах. Какие же общие принципы борьбы можно было бы установить для такого случая?

Попробуем это сделать, не сходя с почвы исторических фактов.

Если мы обратимся к истории военного искусства, то увидим, что победа зависила, конечно, не от одной военной техники.

Гордый Рим, обладавший средствами современной ему техники, пал под ударами варваров.

Закованное в железо и вооруженное с головы до ног рыцарство, производившее свои нападения из неприступных замков, было сломлено горожанами. И сломил не порох, а его общедоступность: демократизация военного искусства.

Превосходная в техническом отношении шведская армия погибла под Полтавой.

Технически сильные полчища Наполеона погибли в технически слабой России.

Эти исторические примеры могут показаться недостаточными для современных выводов по той причине, что в прежние времена техника не играла такой роли, как в настоящее время.

Тем не менее полезно иметь в виду подобные уроки военной истории, которые напоминают нам, что кроме военной техники во все времена в решении судьб войны принимали участие: живая сила, воплощенная в армии, с ее физическими и моральными качествами, силы и явления природы, не совсем еще подчиненные технике, и социально-экономические условия.

К этим данным надо присоединить еще один, может быть, важнейший фактор победы—искусство в управлении.

Как в поражении Карла XII под Полтавой, так и в неудаче Наполеона в 1812 году искусство управления на стороне его противников, как известно, сыграло не маловажную роль.

Попробуем теперь с этим масштабом подойти к оценке более новых, а потому и более поучительных событий.

Остановимся на крупнейших событиях последней мировой войны 1914—1918 годов. Бесспорно одна из главнейших причин наших неудач лежала в техническом превосходстве противника Но едва ли можно утверждать, что это была главная причина.

Австрийцы в военно-техническом отношении не много уступали германцам, однако австрийская армия была разбита не один раз. Наши неудачи против германцев зависили не только от недостатка тяжелой и траншейной артиллерии и от недостатка снарядов и винтовок, но в еще большей степени от плохой подготовки нашего высшего командного состава, от общего недостатка тактической подготовки, которую должна была заменять массовая муштра, и вообще от неумения маневрировать.

Резкий перелом в войне на нашем фронте, наступивший в 1917 году, зависил не от соотношения военно-технических средств, но от перенесения войны в совершенно другую социально-политическую плоскость

Однако, война в течение некоторого времени на стороне противника продолжалась еще в прежней плоскости, с подавляющим превосходством его в технических средствах. В этот период противнику помешали развить успехи те же обстоятельства, которые в самом начале войны удержали его от вторжения в Россию с главными силами, именно: обширные пространства, бездорожье, редкость населения, грязь (пятая стихия,—по выражению Наполеона), леса и болота и, вообще, географические условия или силы природы.

К этим условиям с конца 1917 года присоединилось еще одно задерживающее обстоятельство, также не имеющее технического происхождения, это революция в России, которая „зажигала почву под ногами немецкого солдата“ по мере его продвижения.

На Французском фронте техническое превосходство в начале войны было на стороне Германии.

Обе стороны, уже в течение войны, продолжали вводить в свою военную технику ряд усовершенствований.

В результате, ко времени решительных сражений на Марне и в Лотарингии, в сентябре 1914 года, немцы, по крайней мере, не имели такого военно-технического превосходства, которое могло бы решающим образом отразиться на исходе сражения.

Превосходство в числе и качестве войск, т. е. в живой силе, на стороне немцев также оказалось недостаточно велико, чтобы решить участь боев.

Надо допустить, что отличные качества немецкой пехоты уравновешивались отличными свойствами личного состава французской артиллерии.

Недостатки в общих грандиозных расчетах в связи с нашим вторжением в Вост. Пруссию (германская житница и колыбель юнкерства) не дали, при этом, и достаточного численного перевеса*).

Итак, маневренный период мировой войны на французском фронте, по крайней мере, указывает, что:

1) Совершенство военной техники не устраняет значения других факторов, в особенности—живой силы.

2) Для получения решительного перевеса, при равенстве прочих условий, надо иметь решающий перевес в военной технике.

3) Применение новейших технических средств должно быть соединено с пропорциональными заботами о тыле, которые выдвигают значение пространства и связанных с ним географических условий.

В период позиционной войны к весне 1918 года немцы получили решительный перевес в военно-техническом отношении над французами по той причине, что вся вообще немецкая промышленность была лучше приспособлена к войне, а немецкая военная промышленность—в частности, к позиционной войне, чем французская.

Однако, надо заметить, что—этот перевес в военно-технических средствах немцы имели уже в 1917 году, но *не могли им воспользоваться, не имея достаточно живой силы*. Эта возможность явилась, когда к весне 1917 года можно уже было в значительной степени снять со счетов русский фронт и сосредоточить на французском 90 дивизий, прорыв удался, т. е. победа в позиционной войне была выиграна, но общая победа, как достижение решительных результатов всей вообще войны, снова не удалась.

Причины неудачи пока еще недостаточно выяснены.

Можно полагать, что перевес, как в военной технике, так и в живой силе, достаточный для победы в позиционной войне, оказался

---

*) Перевод „Эволюции артиллерии во время мировой войны" под редакцией **А. Бурова**, изд. В. В. Р. С. Москва, 1921 г.).

Гаскуен, кроме того, утверждает (стр. 19), что одной из главных причин, заставивших немцев отступить в сентябре 1914 года, был недостаток в снарядах.

недостаточным для развития, сверх того, широкой маневренной войны. Самые военно-технические средства для этой войны требовали иного развития, нежели то, которое им давала позиционная война.

Но причины неполной удачи, конечно, лежали не в одном недостатке технических средств. Решающее значение имело количество, а, в особенности, качество живой силы после нескольких лет упорной войны.

Вот, что пишет по этому поводу Балк*):

„Достоинство пехоты 1918 года было совершенно другое, чем той, с которой мы начали войну. Батальоны и роты велись в бой молодыми и, зачастую, даже очень молодыми офицерами, которые имели боевой опыт, но которым не доставало того, что составляло силу нашего офицерского корпуса в мирное время, а именно служебного стажа, постоянной заботы о подчиненных и умения выходить из всех положений . . . подготовка была не та, в шесть месяцев нельзя было достичь тех же результатов, что в два года...

К недостаткам подготовки прибавилось еще телесное недоразвитие молодого поколения. Значительно хуже было то, что эта молодежь выросла вне влияния родных, дравшихся в армии, что она была развращена как высокими заработками, так и плохим питанием и поддавалась влиянию агитации.

Последние строки Балка оценивают положение с узко специальной точки зрения и неудачны по своей редакции, но они указывают на самую глубокую из причин немецкой неудачи. Эта причина—экономическое истощение и приближение социальной революции.

Французы упрекают русских в измене, которая дала возможность немцам перебросить с востока на запад значительное число дивизий, но они упускают из виду, что именно на восточном фронте, „загорелась земля под ногами немецкого солдата", и в этом еще раз (после самсоновского наступления) выразилась очень серьезная „поддержка".

Зарождалась социальная революция, подготовлялось полное крушение прежних идеалов и верований, а с военной точки зрения это означало *подрыв воли к победе*, т. е. подрыв всех прежних основ военного могущества.

Наступление началось с воодушевлением, но этот порыв не вынес тяжелых испытаний и сменился упадком энергии под впечатлением потерь, тогда сделалось ясным, что это усилие еще нельзя считать последним для успешного окончания войны.

Мы не будем останавливаться на июльском наступлении немцев 1918 года и на контр-наступлении союзников, которым закончилась война.

Из приведенных только-что замечаний уже достаточно выясняются общие причины побед и поражений, которых можно было ожидать в этот заключительный период войны.

Балк говорит, что основной причиной успеха союзников и неуспеха немцев было применение союзниками газов, дымовых шашек, танков и сухопутных броненосцев.

Затем он упоминает, что нужный отдых не мог быть дан армиям, что роты доходили до 40—50 человек. Все заканчивается словами, что война, в связи с политическими осложнениями, преждевременно

*) *Балк.* Развитие тактики пехоты. Перевод Баторского 1921.

кончилась. Гаскуен подходит ближе к вопросу и подчеркивает, что участие многочисленных, свежих американских войск, составленных из молодых, сильных и храбрых солдат, хорошо снабженных и быстро пополняемых, предрешило неудачу немцев и спасло Париж. Он говорит, что эти войска были в состоянии оказать более сильное и длительное сопротивление, чем французские войска на тех же участках фронта, и были способны к контр-атакам.

Эта живая сила надежнее защищала Париж, чем недостаточно подготовленная новая оборонительная линия.

Что же касается до успешности наступления союзников, то Гаскуен характеризует обстановку этого наступления словами: „Теперь не было уже грозного препятствия—окопов, запутанных и усеянных проволочными заграждениями..., не существовало более и немецких защитников, с их непоколебимой стойкостью и высокой военной доблестью“.

Отсюда ясно, что главные причины удачи союзников и неудачи немцев надо видеть не столько в превосходстве военной техники союзников, сколько в превосходстве их *живой силы*, с ее лучшими физическими качествами и, в особенности, с ее обновленной *волей к победе*.

Кроме этих причин на неудачном исходе немецких операций отразилось то, что Гаскуен (стр. 116) подразумевает под „удачными стратегическими и тактическими решениями высшего французского командования в кампанию 1918 года“: отвод 4-ой армии в Шампани, контр-наступление 6-ой и 10-ой армий 18 июля и использование леса Вилле-Котре в качестве обширной и укрытой базы для начала атаки, а также общий метод внезапных атак, который был рекомендован директивой французской главной квартиры от 12 июля.

Это дает повод Гаскуену высказать даже следующее положение, особенно интересное в устах противника „единой военной доктрины“: тому, кто сумеет вырвать и удержать инициативу,—стратегическое наступление принесет громадный успех*).

Итак, мы видим, что успехи союзников в последний период войны, во всяком случае, зависили также не только от технического превосходства, но от превосходства в количестве и в качестве живой силы и, сверх того, от более „удачного“, как говорит Гаскуен, командования, при чем выводы Гаскуена, не склонного, в общем, к преуменьшению значения материальных и технических данных, как будто, склоняются на этот раз к признанию превосходства в живой силе и в командовании, как главных причин удачи союзников и неудачи немцев.

В связи с этим, для некоторых последующих выводов, интересно отметить ту технику, которой держались или пробовали держаться

*) Из этого видно, что можно быть противником доктринерства, шаблонов и „выкроек“, но не быть противником принципов.

немцы при своем отступлении под напором превосходных сил противника.

Директива Людендорфа, отданная одновременно с приказом об отходе, гласила: наша задача не в выигрыше местности и не в удержании ее во что бы то ни стало, а в уничтожении живой силы противника. Противник с каждым шагом отвоевывал родные места; для германцев решающим было сбережение своих сил и ослабление сил противника.

Надо было держаться такой тактики, чтобы каждое новое наступление противника дорого обходилось бы ему, приводило бы к движению „по невыгодной местности, в полосе сильного огня“.

Задача эта разрешалась: занятием закрытых и глубоких позиций, оборона которых была основана на полной скрытности всего расположения, на искусном расположении пулеметов с перекрестной обороной подступов, на широком применении искусственных препятствий и убежищ, на защите глубокой полосы, проникая в которую противник попадал в „огневой котел“. Если выяснялось, что противник достаточно изучил сильные и слабые стороны позиции и подготовился к атаке, то войска оттягивались заблаговременно на новую позицию.

Вместе с тем арьергардные позиции с обороной, расчитанной лишь на выигрыш времени, чередовались с линиями, подготовленными к самой упорной обороне, что вводило в заблуждение противника и вовлекало его в большие потери или вынуждало к более осторожному образу действий. Выводы этой тактики очень рельефно описаны у Гаскуена, который говорит, что немцы, как и всегда, использовали с большим искусством местность и в полной мере—огонь.

Особенность этих отступательных сражений заключалась в том, что они проводились „элементами сопротивления стойкими и почти невидимыми“, главным образом,—одними пулеметами, никогда не занимавшими классических военных гребней, но естественные капониры (часто двойные), защищенные от прямого наблюдения и уязвимые только для навесной стрельбы.

„Дни и недели,—как свидетельствует Гаскуен,—пехота союзников должна была останавливаться перед подобными хорошо организованными позициями, несмотря на то, что они занимались незначительными частями“.

В этой тактике, бесспорно, видное место занимал огонь. Но какой огонь? Сравнительно *небольшого* числа пулеметов, в котором еще нельзя видеть торжества военной техники, но зато можно видеть торжество искусства в пользовании другим элементом военных средств, т. е. пространством или местностью, а также торжество стойкости *небольших* частей.

Но такое применение этого средства, каким задались немцы в своих отступательных боях под напором превосходных сил противника, в значительной части более свежего, снабженного превосход-

ной техникой, ставило одно условие, которого немцы в течение долгого времени уже не могли выполнить.

Оно требовало, хотя бы и не таких многочисленных, но стойких и закаленных бойцов, требовало также достаточно многочисленного и опытного командного состава, которого не было.

Вот почему Балку со вздохом приходится сказать, что германское командование верило в правильность своего способа действий, верило в успех своих начинаний, но... судьба решила иначе.

Общие итоги мировой войны позволяют отметить еще один факт, который касается относительного значения живой силы и техники.

Мировая война массовых армий с особенной силой выдвинула значение резервов, т. е запаса второ-очередных частей и обученных людей для пополнения перволинейных войск и образования стратегических резервов. Это война установила также тот факт, что „после некоторого времени боев, притом таких боев, каких еще никогда не приходилось выдерживать ни одним войскам *), резервные дивизии в обоих лагерях (т. е. как по стороне Германии, так и ее противников) сравнивались с перволинейными“.

Такое быстрое перерождение можно, до известной степени, приписать совершенным качествам современных технических средств защиты и нападения, которые не требуют каких-либо исключительных физических или моральных качеств от массы бойцов и позволяют освоиться с ними на практике в сравнительно короткое время. Но тот же факт показывает, что даже современная техника средств поражения не может поколебать значения живой силы, подразумевая под ней не сырой человеческий материал, но личный состав армии, обученной и воспитанной до уровня современных требований.

Чтобы закончить выводы из опыта мировой войны 1914—18 г. г. для нашей темы, остается коснуться очень важного вопроса об основах применения самой воен. техники, как одного из важнейших средств для достижения победы.

В этом смысле Гаскуен делает целый ряд принципиальных выводов, указывая на то, что *тактика* в современных условиях *должна эволюционировать даже во время войны*.

По опыту истории, говорит он, лучшая тактика оказывается ничем иным, как систематическим использованием некоторого временного технического, материального и *морального***) превосходства над противником.

В подтверждение этой мысли делается ссылка на германцев, которые в последнюю войну постоянно применяли тактику, которая возводила в систему то или иное временное материальное или тех-

*) Генерал Бюа. „Германская армия в мировой войне“ (ее величие и падение и ее маневрирование по внутренним операционным линиям). Цитируется по переводу, помещенному в № 6 „Армия и Революция“ 1921 г.

**) Курсив наш. Он показывает лишний раз, что и Гаскуен не отрицает значения морального превосходства.

ническое превосходство, как, например,—широкое применение фортификации в начале войны, бомбы с удушливыми газами в Шампани, артиллерия большой мощности под Верденом, траншейные орудия в 1917 году, навесный огонь скорострельной артиллерии весной 1918 года и т. д.

В остальном все сводится к суждению, что в материальной и технической части военного дела так же вредно следовать рабски одной и той же неподвижной системе, как и в других областях. Все должно подчиняться цели и обстановке.

Но техника находится в особых условиях. Она работает целыми, готовыми системами, которые не могут применяться с такою гибкостью ко всякой обстановке, как живая сила. По своим основным свойствам каждое техническое средство может развить только определенный ряд действий в известных условиях обстановки.

Поэтому для техники задача сводится к тому, чтобы иметь общий уровень развития достаточно широкий, чтобы выбрасывать на театр одну систему за другой, по мере надобности, или совершенствовать и видоизменять существующие системы в зависимости от изменений в задачах и обстановке.

Это, в конце концов, приводит Гаскуена к заключению, что если война закончилась победой Франции, то только благодаря неистощимым промышленным и материальным рессурсам ее союзников, а не вследствие образцового использования собственного вооружения.

Но где же искать каких-нибудь пределов или каких-нибудь направляющих условий для такого развития материальных и технических средств, в особенности считаясь с тем, что они не всегда могут быть „неистощимыми".

Гаскуен предостерегает от заблуждения, что для успешного ведения войны в современном масштабе достаточно развернуть, как можно шире, фабричное производство (стр. 125). Он напоминает, что чем больше выбрасывается фабрикатов (пушек, снарядов), тем лучше должен быть транспорт, от развития которого также зависит исход войны.

Из целого ряда фактов, приводимых Гаскуеном, видно, что именно *техника транспорта*, в общем, *отставала* в своей работе от потребностей средств разрушения (о потребностях продовольствия он не упоминает).

Одну из причин такого явления Гаскуен видит в чрезмерной расточительности средств разрушения, т. е. в чрезмерном расходе пороха и металла, что, в свою очередь, зависило от несоответственной конструкции средств разрушения, не отвечающих практической пользе, которой можно от них потребовать.

Такое ошибочное направление военной техники Гаскуен приписывает преувеличенным заботам о моральном эффекте.

Кроме этой, как выражается Гаскуен, „тактики чувства", такое-же отрицательное значение имели и различного рода „умствования", как

проявления доктринерства: пристрастие к настильной стрельбе и к излюбленному 75-м.м. орудию, увлечение очень тяжелой артиллерией и т. д.

Но где же найти верный масштаб для конструкции материальной части? Как избавиться от вредных влияний тактики чувств и доктринерства? Гаскуен видит выход, по крайней мере, для артиллерии, в постановке ей, кроме двух прежних требований,—„подвижности“ и „могущества огня“, еще третьего требования—„полезной производительности орудий“.

Требование это, как общий принцип, несомненно, верное. Артиллеристы знают, что современное орудие далеко от идеала производительности, как машина.

Но тогда является вопрос: как определить ее полезность?

Не делая определенного вывода, Гаскуен говорит лишь по поводу „умствований“, что они грешили: „Отсутствием основательного и точного знания материальных средств, имевшихся на лицо, и тех, которыми можно было бы легко располагать, а также и незнанием боевых нужд пехоты“.

Вот в этих-то „нуждах пехоты“ и заключается вся сущность и вся трудность вопроса. Надо только посмотреть на дело еще шире, чем делает это Гаскуен, да не только в сторону материальных средств, но и других средств военного искусства.

Пехота не единственный род войск, она есть только главный представитель главного средства военного искусства—живой силы. С „нуждами“ этой живой силы и должна считаться военная техника.

И, действительно,—попробуем задать себе вопрос: что такое техника, какие задачи она может преследовать?

Всякое военно-техническое орудие, в сущности, имеет целью развить до чрезвычайных размеров физическую деятельность человека или деятельность его органов зрения (бинокль), слуха (телефон), движения (автомобиль), действия (ружье, пушка), а потому в целесообразном развитии своей деятельности военная техника должна следовать тем же принципам, которые направляют живую силу. В том числе не отставать от живой силы в ее неограниченной способности применяться ко всякой обстановке.

Задачи эти настолько трудны, что даже самая совершенная техника не всегда может ее выполнить, и напрасно думает Гаскуен, что применение принципов Тейлора в военном деле может устранить затруднения. Сам Гаскуен говорит (стр. 108), что в периоды успеха после прорыва германского фронта французская пехота часто предпочитала обходиться без артиллерии, чтобы использовать внезапность и движение в тишине. Но такие случаи могут быть не только после прорыва и не только в периоды успеха. Мы знаем, что почти каждая ночная атака исключает применение огневых средств. В конце концов, применение каждого технического средства (танков, аэропланов) обставлено известными условностями. С другой стороны, требования

морального воздействия могут вызвать технику к такой работе, к которой она не была предназначена.

Итак, на опыте мировой войны мы видим:

1) Что военная техника продолжает оставаться на службе у живой силы.

2) Что требования этой живой силы и боевой обстановки ставят военной технике очень трудные и не всегда исполнимые задачи.

3) Что применение технических средств сопровождается требованием известных условий, в смысле транспорта, времени и места действий и т. п., которые не всегда могут быть выполнены.

Отсюда с достаточной ясностью следует заключить, что не только современная, но, вероятно, и будущая техника может предоставить шансы на успех даже и технически более слабому противнику.

Техника может ошибаться или, вернее, не может не ошибаться. Тем чаще, чем более она приспособлена лишь к определенному способу действий.

Общее техническое превосходство противника еще не гарантирует ему победы. Его техническое производство может итти по неверным путям с военной точки зрения.

Это особенно возможно на стороне противников Советской России, где царит—капиталистическое производство.

Мы знаем, что в общей, не военной промышленности, оно искусственно создает для себя спрос такими махинациями, как мода, задержка готового товара на складах и т. п.

В военной промышленности к услугам производителей являются, с одной стороны, тупое доктринерство, с другой—военные и невоенные комиссионеры. Не потому ли Гаскуену и приходится расточать столько доводов и красноречия по поводу нездорового направления военно-промышленной деятельности: не даром Франция давно известна, как страна капитализма и регламентации.

В заключение нельзя не остановиться на одном из средств современной военной техники, в котором она проявляет наибольшую силу. Это средство—ядовитые газы и другие химические способы борьбы.

В современной военной литературе можно даже найти указание, что наступает новая эпоха „химического ведения войны“, в которой новые химические средства получат такое же подавляющее значение, как порох в начале его употребления.

Оставаясь на почве исторических фактов, надо признать, что в мировую войну 1914—1918 годов химические средства, действительно получили выдающееся значение.

Но можно ли из опыта этой войны сделать вывод, что именно химические способы могут перевернуть все основы войны и создать для военной техники решающую роль, в противовес другим элементам военного дела?

Противники германцев на французском театре войны не только освоились с приемами газовой борьбы, но даже внесли в нее значи-

тельные усовершенствования. Отлично поставленная у союзников газовая оборона вынудила немцев ограничить применение газобаллонных атак и сосредоточить внимание на стрельбе химическими минами и снарядами. Правда, газоатака в общем пока осталась сильнее газообороны. Но кроме чисто-технических условий (недостатка противоядий или изолирующих средств для некоторых газов), это зависит также и от того, что атаковать, имея на то средства, вообще выгоднее, чем обороняться. Стрельба химическими снарядами бывает успешнее, чем выпуск газов из баллонов, главным образом, по причине внезапности действия, которую трудно предупредить.

В маневренной войне химические средства проявили себя не сильнее, если не слабее, чем другие средства военной техники (танки, аэропланы), а потому, в общем выводе, основываясь на опыте мировой войны, нет, казалось бы, основания приписывать химическим средствам войны больше значения, чем другим средствам новейшей техники. Необходимо лишь подчеркнуть, что химические средства резче, чем другие, указывают на неизбежную необходимость в наши дни серьезно считаться с военной техникой, находить технические же средства для противодействия технике противника и, по крайней мере, уметь *освоиться* с его техническими способами борьбы, чтобы противодействовать ему всеми возможными способами, какие дает военное искусство.

Общие выводы из опыта мировой войны можно свести к следующему:

1. *Значение техники*, как одного из элементов военного искусства, несомненно, *усилилось*; трудно расчитывать на успех, располагая слишком недостаточными или слишком устарелыми техническими средствами; необходимо освоиться с техникой противника, чтобы противодействовать ей всеми средствами военного искусства. Но успехи военной техники не ослабляют значение других элементов этого искусства, пред'являя, однако, *соответственно повышенные требования к живой силе и к управлению*; в этом, последнем, и сказываются более всего успехи военной техники.

2. Окончательный исход войны более всего зависит от общих социально-политических и социально-экономических условий, и военная техника, являясь сама лишь продуктом общего производства страны,—изменить их не в состоянии: *носительницей решающих условий войны является живая сила армии.*

3. Заменить военную технику живой силой нельзя, но в такой же, и даже в большей мере, *невозможно заменить живую силу машиной или обойтись* без *управления*; вообще нельзя заменять одним элементом военного искусства другого; сама техника приобретает силу и значение лишь в соединении с другими элементами; повышение же выгодных качеств других элементов может повысить шансы борьбы даже с технически более сильным противником.

4. Военная техника, являясь продуктом общего производства страны, зависит не только от об'ема, но и от общего направления этого производства; ошибки в ее направлении так же трудно исправить, как ошибки в первоначальном развертывании армии (по известному выражению Мольтке); ее приспособление к изменчивым целям и условиям обстановки на войне составляет ряд трудных задач, неверное решение которых на стороне противника *дает шансы для успеха в борьбе* с ним совершенно так же, как и другие его ошибки.

Эти выводы позволяет сделать опыт мировой войны, где массовые армии, сплошные фронты, позиционная война, развитие промышленности и густая сеть путей сообщения выдвинули военную технику на небывалую до наших времен высоту.

Обратимся теперь к опыту наших войн 1918—1921 годов.

Нельзя было бы утверждать, что в гражданских или классовых войнах периода 1918—1921 годов техника утратила свое значение.

Недостаток военно-технических средств постоянно давал себя чувствовать на стороне Красной Армии, становясь одной из серьезнейших причин неполной удачи, напрасных потерь или неудачи. Этот недостаток сказывался не только в средствах поражения (в орудиях, винтовках, бронесилах, авиации) и защиты (в проволоке, бетоне и других инженерных средствах), но, может быть, еще более в средствах дальней разведки, связи и транспорта.

По временам перевес в технических средствах оказывался, тем не менее, на стороне Красной Армии, и тогда заметно делался одной из причин общего успеха.

В виде примеров достаточно напомнить хотя-бы защиту Петрограда, поход на Варшаву, операции против Врангеля.

Первоначальные успехи Юденича не мало зависили от общего превосходства в технических средствах, которыми его обильно снабдили англичане. Особенное преимущество дали ему на первых порах танки, многочисленные пулеметы и авиация. Но у Юденича был недостаток в артиллерии. На подступах к Петрограду перевес в артиллерии перешел на сторону Красной Армии, в том числе дала себя почувствовать даже артиллерия линейного крейсера „Севастополь“ *). Этот перевес в артиллерии способствовал отражению Юденича, но потери, как говорит оффициальное описание, были „не малые“, и все подкрепления шли на пополнение потерь, которые, добавим мы от себя, были тем чувствительнее, что выбывали из строя, в упорных боях, как всегда,—командный и комиссарский состав и лучшие бойцы.

В походе на Варшаву удачный исход июльского прорыва 1920 г. в известной мере зависил от нашего превосходства над бело-поляками в артиллерии и даже в некоторых других средствах. При прорыве со стороны Полоцка сыграли видную роль танки и аэропланы. Нельзя

*) „Доблестная защита Петрограда в октябре 1919 г.“. По материалам пол. штаба Р. В. С. Респ. 1921 г.

не упомянуть также того превосходства, которое обнаружилось с нашей стороны в восстановлении переправ.

На подступах к Варшаве, обратно, техническое превосходство слишком резко, во всех отношениях перешло на сторону противника, что и послужило одной из причин катастрофического положения, в котором оказалась Красная Армия.

В операциях против Врангеля в начале августа наше „скудное снабжение в особенности техническими видами довольствия“ *) было одною из причин первоначальных успехов противника: по сведениям штаба 13 армии, наша Перекопская группа имела непрерывную укрепленную полосу от моря до моря, с двумя рядами проволочных заграждений; в действительности же были лишь неглубокие, прерывчатые, стрелковые окопы, к устройству заграждений было лишь местами приступлено, но работа брошена за недостатком проволоки.

Иначе выглядели Перекопские укрепления на стороне белых, когда пришлось их штурмовать в ноябре 1920 года.

Укрепления Каховского плацдарма, не взирая на свое несовершенство, в августе—октябре 1920 года выполнили свое назначение.

В боях за этот плацдарм военная техника, насколько позволяют судить имеющиеся описания, играла довольно видную роль. Противник, кроме сильного артиллерийского огня, постоянно применял аэропланы (от 4 до 12 одновременно), производя разрушения в тылу, а также неоднократно пуская в ход по несколько танков (4—6), которые прорывали внешнюю линию. Но как раз против танков наша техника оказывалась на высоте задачи: благодаря заблаговременной пристрелке нашей артиллерии по многим точкам внутри плацдарма, а также благодаря хорошо развитой телефонной, штабной и артиллерийской, связи,—борьба артиллерии с танками заканчивалась их поражением.

Этих примеров, вероятно, достаточно, чтобы показать, что в гражданской войне техника играла также немаловажную роль. Однако, если присмотреться попристальнее к этим примерам, то мы увидим, что конечные результаты зависили далеко не от одного лишь участия техники.

Успех в отражении Юденича зависил, прежде всего, от перелома в настроении красных войск, созданного несмотря на превосходство белогвардейской техники, а затем—от превосходства сил, использованного в маневре против фланга и тыла противника.

Успех июльского прорыва 1920 года на польском фронте зависил главным образом от тех же причин: от под'ема духа (порыва) и значительного превосходства сил на участке прорыва, при чем вся операция, в целом, имела характер маневра, которым опрокидывался фронт противника.

*) См. Описание этих операций в журнале „Армия и Революция“ № 2, 1922 года в статьях „Каховский плацдарм“, И. Граужиса и „Крымская кампания“, Шефа.

Неудача под Варшавой более всего зависила от истощения живой силы, как в количественном, так и в моральном отношении, а также от чрезвычайной невыгоды и опасности общего стратегического положения, создавшегося по недостатку сил на фланге армий, чем и воспользовался противник для встречного контр-маневра.

Рассматривая еще более глубокие причины неудачи, надо указать на разруху транспорта и расстройство военно-железнодорожного дела, которые помешали подвезти своевременно десятки тысяч готовых пополнений*); но эти причины относятся уже не к военно-техническим, а обще-экономическим.

Неудачи белогвардейцев под Каховским плацдармом были, главным образом, обусловлены не силой наших укреплений и не превосходством техники, а стойкостью частей 51-ой и Латышской дивизий, которые не пропускали пехоту противника и удерживались, несмотря на прорыв танков.

Прорыв укрепленных линий Врангеля на Перекопском перешейке и к югу от Чонгарского полуострова, несмотря на силу этих укреплений и на поддержку бронепоездов, судовой артиллерии и других технических средств, удался, с одной стороны, благодаря мужеству и настойчивости Красной Армии и искусству маневра (переправа в брод через Сиваш, а также по Чонгарскому пешеходному мосту, в обоих случаях в обход главных участков обороны, с другой стороны, благодаря расстройству и упадку духа в рядах белогвардейцев, которые уже потеряли веру в находившиеся в их руках технические средства и тем легче поддавались панике, чем более мужества и настойчивости проявляли красные герои.

Относительно менее значительное участие техники во всех событиях гражданской войны, по сравнению с живой силой и маневром, об'ясняется, прежде всего, относительной слабостью технических средств, по сравнению с теми, которые были сосредоточены в мировую войну на французском фронте.

Но, наряду с этим, действовали и другие обстоятельства.

Сюда относятся—прерывчатость и меньшая устойчивость фронтов и, как результат этих условий,—усиление значения маневренных действий.

Силы сторон не могли быть так значительны, как в период массовых армий; отношение числа к пространству было иное; прерывчатость фронтов понятна сама собой.

Меньшая устойчивость зависила как от прерывчатости фронтов, так и от особенностей качества живой силы.

Выводить „средние“ качества этой силы и сравнивать их с такими же качествами германской или другой армии в мировую войну было бы крайне трудно.

*) См. отчеты об операциях Кр. Армии—1920 г.

Но надо отметить для периода гражданских революционных войн подверженность живой силы колебаниям от беззаветного порыва до паники и обратно, а также неоднородность состава, как по моральным качествам, так и по боевой подготовке.

Колебания в настроениях зависили от общей психологии масс в период революционных движений, так и от недостатка военной организации и дисциплины.

Неоднородность состава об'ясняется теми же недостатками однородной организации и дисциплины, различными условиями комплектования, различными примерами начальников и т. п. В результате, рядом с порывистыми частями, могли оказаться неподвижные и инертные, рядом с отличными боевыми войсками—неопытные, необстрелянные, на ряду с хорошим управлением—самое неумелое или бесталанное.

Все эти условия, в совокупности, выдвинули на первое место—маневр, как способ пользоваться невыгодными положениями противника и выходить с успехом из самых трудных положений.

Другую, очень существенную, причину относительно более слабого воздействия техники можно видеть в тех же особых свойствах или, может быть вернее, в особом состоянии массы бойцов, которое с особой яркостью выступало на стороне Красной Армии в периоды революционного под'ема духа. Это своеобразное пренебрежение к преградам и разрушениям, производимым техникой противника, в минуты высокого под'ема духа, можно отчасти отнести к расовым свойствам массы, отчасти к той или другой степени культурности или безотчетности действий; даже чисто физическое состояние людей (их сила, ловкость, сытость) могли иметь значение. Но, без сомнения, революционный порыв, а, тем более, сознание общности массовых интересов, которое выражается в определенных классовых чувствах,—относятся к наиболее сильным возбудителям военных доблестей, что и можно проследить на многих эпизодах нашей гражданской войны (Перекоп, Чонгар, Кронштадт).

Наконец, среди причин, которые ограничивали значение технических средств на театрах нашей гражданской войны, нельзя не указать на естественные условия этих театров—географические и культурные.

Военная техника, сама по себе, лишь в слабой степени может бороться с силами и явлениями природы. Она до известной степени преодолевает ночную тьму, но не может преодолеть на значительных пространствах зимней стужи, уничтожить леса и болота и т. п. Техника, созданная в условиях западно-европейских театров войны, не может сразу найти для себя полного применения в других условиях, требующих ее переработки и приспособления.

Из всего сказанного относительно опыта нашей гражданской войны, в широком масштабе, на наших театрах войны, можно заключить, что этот опыт хотя и подтверждает общие выводы относительно

значения военной техники, которые можно сделать из опыта мировой войны, но дает больший простор другим элементам военного искусства: живой силе, приспособлению к особенностям театра войны, маневру. Тем более шансов на успех создается в борьбе с технически более сильным противником.

Является, однако, вопрос: следует ли эти „наши" условия считать временными, быстропроходящими или же они носят в себе некоторые устойчивые элементы?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо принять какие-нибудь устойчивые границы для его постановки.

Если мы примем, что речь будет итти о борьбе с нашими ближайшими соседями, на наших театрах войны, Красной Армией, воспитанной на лучших традициях недавней гражданской войны, то очерченные выше условия можно считать достаточно устойчивыми.

Можно лишь выразить надежду, что революционный порыв будет закреплен, неустойчивость переработана прочной организацией и дисциплиной, маневренные способности развиты подготовкой командного состава.

Но можно указать некоторую устойчивость в шансах борьбы с технически более сильным противником даже и за „нашими" ближайшими пределами.

Эти шансы созданы русской революцией и ее отголосками в Западной Европе и в других частях света.

Борьба с технически более сильным противником означает, в сущности, борьбу с тем, кто владеет орудиями производства, т. е. борьбу с капиталом.

Сомневаться в возможности борьбы с технически более сильным противником значило бы сомневаться в возможности борьбы с капиталом.

Нельзя ожидать, чтобы в периоды революционной борьбы военная техника была всецело или преимущественно на стороне пролетариата. В современную нам эпоху мы видим, что лишь в некоторых странах (в России) пролетариат овладел средствами техники, да и то в истощенном и разрушенном состоянии, в других он еще не владеет ими, а в третьих (во Франции)—утрачивает то, чем владел: правящие буржуазные классы переходят на „машинную армию" с большим процентом профессиональных бойцов и чернокожих; живая сила пролетариата отходит на второй план, выпуская из своих рук орудия военной техники.

Но, с другой стороны, противник пролетариата, олицетворенный в современной Франции, при всех его технических преимуществах, обнаруживает слабое место в общей системе своих вооруженных средств, в которых военная техника, воплощенная в действующей армии, перестает находить для себя надежную опору в живой силе населения; не даром Гаскуен поучает, что „тактика должна быть выбрана сообразно нашей (т. е. французской, буржуазной) рождае-

мости: она должна быть экономной в людях и расточительной в первоклассных машинах".

Фош также возводит в один из принципов экономию сил.

Гаскуен видит спасительный выход в применении в артиллерии и во всей армии—системы Тейлора. Но, как показывают выводы того же Гаскуена, эту систему трудно применить даже к производству военных машин, еще труднее—к производству победы живыми силами армии.

Поэтому общий раскол между военной техникой и источниками живой силы—это слабое место всех армий капиталистических стран, которое открывает возможности для борьбы с ними.

Заключение.

Окинув общим взглядом те выводы, к которым приводят рассмотренные выше факты из истории мировой, а затем и нашей гражданской войны, можно отметить следующие условия для борьбы с технически более сильным противником:

1. Военная техника, при всех ее усовершенствованиях, не может считаться решающим фактором победы, если речь идет не о каких-либо экспедициях, но о массовой борьбе значительных групп человечества, с большим запасом достаточно стойкой (сплоченной единым началом) живой силы, в особенности, когда более слабая в техническом отношении сторона имеет за собой естественные условия театра войны, невыгодные для противника, и искусство управления. Этим определяются и главнейшие условия, наиболее выгодные для борьбы с технически более сильным противником.

2. Борьба с технически более сильным противником в современных условиях получает наиболее широкую и мощную основу в борьбе трудящихся масс с капиталом. Поэтому особое значение получают приемы политической борьбы с капиталом, в том числе: углубление классового чувства, которое об'единяет трудящиеся массы и создает коллективную волю к победе и, вместе с тем, вносит разложение в военную организацию противника. Политическое воспитание армии и подготовка театра войны в политическом, отношении составляют важнейшие задачи в указанном направлении.

3. Не располагая техническим превосходством над противником, надо иметь превосходство в живой силе, как в количественном, так, и в качественном отношении. Второе важнее первого. Но под высокими качествами живой силы надо подразумевать не только общие, духовные, военные доблести, которых издавна требует война, как социальное явление, но достаточное умственное и духовное развитие, насколько того требуют современные технические условия войны, чтобы с ними освоиться.

4. В каждую эпоху развития военной техники существует такой предел военно-техничевкого снабжения живой силы, ниже которого

нельзя опускаться, не рискуя поражением, при всем превосходстве над противником в живой силе, как в количественном, так и в качественном отношении. Важнейшие условия успеха составляют: вера в свое оружие, основанная на отличном владении, и уверенность в источниках для поддержания сил.

5. В борьбе с технически более сильным противником выгодно противопоставить ему и его технике непривычные и неблагоприятные естественные условия театра войны, силы и явления природы, с которыми он должен бороться, заставляя приспособлять к ним технические средства и навыки живой силы. В то же время своя живая сила и свои технические средства должны быть наилучшим образом освоены с естественными условиями театра войны и его особенностями.

Но естественные условия театра войны, как и живая сила в современных условиях, не могут оставаться без участия техники, которое надо уметь сосредоточить там, где это действительно необходимо.

6. Борьба с технически более сильным противником требует высокого развития управления, при том, не только в тактическом, но и в более широком, стратегическом масштабе.

Особое значение приобретает знание технических средств как своих, так и противника, чтобы уклоняться от его сильных сторон и пользоваться слабыми. Но именно в борьбе с технически более сильным противником не приходится основывать успеха на состязании военно-техническими средствами. Надо стремиться к тому, чтобы все средства военного искусства, т.-е. живая сила с ее моральными качествами, техника и естественные условия театра войны— получили наиболее выгодное приложение во взаимном сочетании. При этом под'ем духа войск останется всегда наиболее важной задачей.

Идти дальше этих общих заключений надо уже осмотрительно, чтобы не впасть в доктринерство, т.-е. не создавать заранее системы войны на все случаи, которых нельзя предвидеть.

Казалось бы, с известной оговоркой, можно признать, что в борьбе с технически более сильным противником невыгодно прибегать к обороне, не переменяя места расположения: почти все новейшие технические средства, такие, как тяжелая и траншейная артиллерия, танки, авиация, удушливые газы,—приобретают в этом случае особенную силу.

Но нельзя же оборону исключить из необходимых способов действий? Очень часто самые решительное наступление нуждается в обороне на том же или на соседнем участке. Да, наконец, военное искусство вовсе не в том, чтобы с одинаковым успехом бороться на всех пунктах, но в том, чтобы нанести поражение противнику на главном участке, хотя бы ценой неуспеха на остальных. При

этом нельзя заранее исключать из программы действий даже самую упорную оборону во что бы то ни стало, например, в тех случаях, когда при защите какого-нибудь пункта нет простора для отступательного маневра. Поэтому в борьбе с технически более сильным противником остается только организовать оборону таким способом, чтобы применение его технических средств встретило наибольшие трудности как по местным условиям, так и по самому выбору времени и направления действий; со стороны обороняющегося нужны особая скрытность расположения, предусмотрительность в группировке средств и внезапность в их применении. Надо стремиться к тому, чтобы, преодолев сопротивление оборонительной полосы, живая сила атакующего, хотя бы на время, оказалась без мощной поддержки своих технических средств: тогда живая сила обороняющегося, если он сильнее по количеству и качеству войск, получит явные преимущества.

В приведенных выше ссылках на факты мировой войны умышленно были перечислены сведения о приемах германской обороны к концу войны, которые по идее носили вполне правильный характер. Те же идеи в англо-бурской войне получили несколько иное выражение. По существу к ним же сводятся многие моменты позиционной войны 1914-1918 годов.

Но нельзя, с другой стороны, считать указанные приемы действий за лучшую систему во всех случаях. В них постоянно есть один недостаток: инициатива действий перехватывается, выбивается из рук противником. Выгоднее вести войну так, чтобы захватывать всецело инициативу действий, не уступая ее противнику даже на время. Подвергаться испытанию более могущественных технических средств противника также рискованно. Нередко, в противовес более сильной и совершенной технике противника, проводится маневр, как лучший или один из лучших способов с ним справиться.

По сравнению с неподвижной обороной—маневр, действительно, может дать больше преимуществ технически более слабой стороне, не подвергая живую силу тому испытанию технического превосходства противника, о котором выше говорилось; маневр дает возможность выбрать время и место для встречи с противником.

Но надо уметь маневрировать против технически сильного противника: маневр на поле боя и даже подход к полю сражения значительно затрудняются в этих случаях и требуют известных сноровок.

Кроме того, маневр, сам по себе, еще не решает дела даже в том случае, если он дает ряд частных успехов над противником: испытав ряд частных неудач, противник может, все-же, сохранить преимущество на главном направлении. Нужно еще, чтобы весь ряд маневров приводил к решению на этом направлении, заключая внутреннюю цельность одной стратегической операции. Естественные условия театра войны могут дать наиболее устойчивые данные для

борьбы с превосходной техникой противника. Некоторые из этих условий, по существу, имеют повсеместное значение; таковы: ночь, туман, непогода. Нужно стремиться к тому, чтобы приемы действий в этих условиях были для войск вполне обычным делом. Другие условия времени, как зима или распутица, а также особые условия местности—леса, болота, степи, бездорожье свойственны лишь некоторым театрам или некоторым участкам театра войны. Все они, по своего рода исключительности, могут быть выгодны в борьбе с технически более сильным противником, но при условии наилучшего приспособления к ним своей, хотя бы и более слабой, техники, которая не может просто копировать наиболее совершенные технические образцы противника, но должна специализироваться в определенных направлениях.

Достаточно очевидно, что по естественным условиям наших вероятных театров войны, наша военная техника, для сохранения маневренных способностей армии, должна обладать наибольшей подвижностью и наименьшей зависимостью от тыла. В этом отношении остается еще широкое поле деятельности; достаточно напомнить, что наша артиллерия, при всех ее достоинствах, именно не обладает вышеприведенными качествами. Обладая подвижными войсками, с соответственной подготовкой командного состава, можно, действительно, командовать театром войны, совершая быстрые движения там, где противник не может этого сделать, и „просачиваясь“ через такие полосы, которые для него недоступны.

Но наиболее верным залогом успеха должна служить подготовка живой силы, т. е. красноармейского и командного состава.

Массовая воля к победе, упорство, находчивость, дисциплина, отличное владение, хотя бы и небогатой, техникой, экономное расходование материальных средств и отличное управление нужны на всяких театрах войны и при всех способах действий.

Майор Дидьо.

Общая мобилизация *).

Перевод с польского В. Довбор.

Определение.

Предварительно надлежит точно определить понятие—„мобилизации“:

Мобилизация во Франции была проведена в течении 13-ти дней (со 2-го по 14-е августа 1917 года), увеличив численность армии

*) Bellona. Апрель 22 г. Продолжая печатание цикла лекций, читанных офицерами французской военной миссии, и статей в польской военной прессе, редакция обращает внимание читателей—комсостава на статью майора Дидьо, в общем правильно охватывающую вопрос общей мобилизации, который у нас понимается не всегда достаточно глубоко и верно. *Ред.*

мирного времени (840.000 солдат)—на 2.900.000 резервистов, т. е. утроив численный состав частей каждого рода оружия мирного времени и удесятерив состав вспомогательных служб.

Мобилизация в Германии—в 1914 году дала аналогичные результаты.

Мобилизация в Америке была проведена в течении 18-ти месяцев. К моменту об'явления мобилизации Америка располагает армией численностью в 150.000, солдат, каковую увеличивает по меньшей мере до 2.400.100, т. е. удесятеряя численный состав частей мирного времени и в двадцать с лишним раз увеличивая состав вспомогательных служб.

Мобилизация в Польше в 1920 году продолжалась 5 месяцев. Начала ее Польша в марте 1920 года, располагая армией численностью в 500.000 солдат, каковая к августу 1920 года достигла одного миллиона, увеличив таким образом численный состав войсковых частей на одну десятую и в три—четыре раза состав вспомогательных служб.

Итак словом „мобилизация" не всегда определяется одно и тоже понятие.

Огромнее различие между германской или французской мобилизацией 1914-го года, с одной стороны, и американской или польской—с другой стороны, об'ясняется тем, что в то время, когда во Франции—Германии проводилась она *по заранее выработанному плану*, в Америке и Польше, в силу сложившихся тогда обстоятельств, приходилось *все импровизировать*.

Во французском понятии, мобилизация далеко еще не заключается в призыве всех возрастов, классификации способных к несению военной службы людей, распределении их по полкам, обмундировании, снабжении и вооружении их при помощи центральных складов, придаче им закупленных лошадей или реквизиции и распределении необходимых материалов, ибо подобные методы повлекли бы за собой недопустимые опаздывания и беспорядок

Раньше говорилось, что мобилизация заключается в переходе армии с мирного на военное положение. В настоящее же время в борьбе, в той или иной форме, принимает участие весь народ, и таким образом мобилизация в данном случае является уже переходом с мирного на военное положение всего народа. *Мобилизация армии является только частью общей мобилизации.* Итак, под *определением понятия общей мобилизации подразумевается переход всего народа с мирного на военное положение, по заранее и детально разработанному плану,* до последнего момента *ничего не оставляющему на произвол импровизации.*

Эволюция системы пополнения армии в военное время.

Уже издавна все народы были принуждены вооружаться: воющие грабительские племена вооружались с целью насильственного

захвата продуктов производства других племен, мирно же настроенные племена, дабы суметь противостоять нападению соседей. Одновременно та и другая сторона стараются ограничить это вооружение, так как в мирное время солдат являет собою непродуктивный элемент, содержание которого дорого обходится. Поэтому с самого начала уже наблюдалась тенденция к созданию профессиональных войск, которые бы служили исключительно для военных целей. Что касается остального населения, то последнее старается быть вдали от борьбы, не принимая в ней никакого участия, разве лишь в качестве жертвы нашествий, а подчас и нередко — в качестве жертвы собственных своих защитников. Таким образом армия состояла тогда исключительно из добровольцев.

Однако в случае, если права и имущество, приобретенные трудами рабочего населения, будут подвержены непосредственной опасности, население это вооружается: таким образом создается милиция, оказывающая помощь профессиональной (регулярной) армии. Однако, будучи плохо ознакомлена с профессией солдата, милиция эта быстро падает духом, решившись же на усилия, быстро распадается под влиянием крупных потерь и недостатков, явившихся результатом неопытности, болезней и отсутствия дисциплины.

Французская революция положила начало новой эры. Граждане, получившие права на некоторую долю суверенной власти, поняли необходимость защиты недавно добытой свободы и имущества. Если общественное сознание не достигло еще должной степени совершенства, а добровольчество не дает желанных результатов, тогда на сцену выступает закон, как выражение общей воли, накладывая на всех граждан обязательную воинскую повинность. Естественно, что этот закон стремится одновременно возможно меньше дезорганизовать течение нормальной жизни народа. Так, от воинской повинности освобождаются, например: отцы семейств, владельцы промышленных предприятий и разных категорий чиновники; допускается даже принцип заместительства; во всяком случае основной принцип остается в полной мере: военная служба стала обязательной.

Тем не менее, чтобы проведение этого принципа возможно менее отразилось на хозяйственной жизни страны, отмечается тенденция к задержанию под ружьем известного контингента на возможно больший срок, чтобы уменьшить таким образом число людей, призванных на военную службу.

В применении этого принципа лицо, вступившее в ряды войск, является уже почти потерянным для семьи. По истечении семи лет военной службы (такова была продолжительность срока), человек этот не имеет ни другой определенной профессии ни семейного очага, а потому ему ничего не остается делать, как вновь вступить в ряды войск, освобождая таким образом своего возможного наследника. Наконец, в эту эпоху велись постоянные войны, а так как новобранец являет собою мертвую ценность на весь период военного

обучения, крайне важно задержать в рядах войск старых солдат, которых можно было бы немедленно использовать в дело.

Вот, собственно, как обстояло в начале XIX века. Содержалась постоянная мобилизованная армия, которая пополнялась только с момента об'явления войны.

Ограничение численного состава вооруженных сил Пруссии после 1806 года дало толчек новым мероприятиям. Так, прусское правительство, будучи принуждено по воле победителей содержать малочисленную армию, а потому лишившись возможности играть прежнюю роль в европейской политике, реорганизовало свою сокращенную армию мирного времени в одну огромную школу, задачей коей было всеобщее военное обучение всех способных носить оружие граждан. В момент возникновения военной угрозы, армия эта радикально преобразовывается, численность частей и количество боевых единиц значительно увеличивается. Это уже не есть регулярная армия, получающая пополнение, а вооруженный народ, пользующийся кадрами инструкторов мирного времени. Это именно и есть современная военная точка зрения.

Если Версальский договор, ограничивая численность германской армии, одновременно навязал ей продолжительный срок службы, то исключительно для того, чтобы не дать Германии возможности вновь создать боеспособную армию, путем всеобщего военного обучения.

Отсюда является совершенно очевидной громадная разница между мобилизацией профессиональной и регулярной армии, заключающаяся всего лишь в пополнении и снабжении существующих уже частей, и мобилизацией вооруженного народа, при которой общее количество вооруженных частей не состоит ни в каком соотношении к количеству обученных частей мирного времени. Численный состав каждой части мирного времени совершенно не соответствует такому же составу частей военного времени; так же резко разнятся и материальные их штаты.

Современная мобилизация армии во всех отношениях является действительно творческим делом. Создать такую армию импровизацией невозможно. Эту работу можно проделать лишь медленно и постепенно. Организации подобной армии должен предшествовать целый ряд подготовительных работ, изысканий и изучений, проэктов и планов, прежде чем станет возможным реальное осуществление хотя бы незначительной части мобилизации.

Отложить решение этого вопроса до момента возникновения войны—значило бы: стать виновником слишком позднего выступления на борьбу, передать инициативу в руки более предусмотрительного противника, подвергнуть часть страны опасности неприятельского вторжения, себя же—опасности поражения, до открытия собственных военных действий.

Чтобы сократить время, необходимое для приведения армии в состояние боеспособности, надлежит: во первых—проделать в мирное

время все то, что может быть в это время проделано (изучение органами, проводящими эту мобилизацию, составных элементов армии), во вторых—предусмотреть и до мельчайшей подробности определить порядок работы, которая может быть выполнена лишь только с момента об'явления мобилизации, старательно ее при том координировав и соразмерив, чтобы не было путаницы и чтобы одно не мешало другому.

Эта предусмотрительность, касающаяся всех инстанций и каждой отрасли работы в отдельности, заключается в определении нужд, распределении источников средств и удовлетворении этих нужд, в зависимости от имеющихся средств.

Персонал; определение нужд.

Признав за правило, что в борьбе, в той или иной форме, принимает участие весь народ, естественно, приходим к выводу, что для создания армии нужно призвать все способное носить оружие население.

Однако надлежит заметить, что административная и общественная работа данного народа отнюдь не должна прерываться. Экономическая и хозяйственная жизнь страны не только не должна ослабевать, а—наоборот—развиваться, лучшим доказательством чему служит последняя война. Отсюда чрезвычайно важным является—сохранить или создать те административные и экономические органы, которые обеспечили бы жизнь населению и снабжение действующей армии.

Использованный для этой цели персонал, подобно персоналу, предназначенному для обслуживания армии, в полном своем составе должен находиться в распоряжении народа. Количество этого персонала будет ограничено до необходимого минимума, причем минимум этот будет тем больше, чем многочисленнее будет действующая армия.

Этим, собственно, и заканчивается первая часть. Важнейший фактор, с которым необходимо считаться, это—вопрос военной мощи возможных противников.

Вполне понятно, что какой нибудь великий народ не будет нуждаться в использовании всех своих рессурсов, если противник, с которым ему придется иметь дело, будет плохо вооружен, снабжен, к тому же—незначительной численности.

Однако, с другой стороны следует иметь в виду, что чем напряженнее будут усилия одной стороны, тем скорее будет побежден более слабый противник. Факт этот достаточно уже говорит за то, чтобы в этом направлении не слишком себя ограничивать.

Другим подобным обстоятельством является тот факт, что, в сущности говоря, никогда нельзя точно учесть силы возможного противника. Так, например, сторона, более слабая по численности, может

быть выравнена отличной технической и материальной частью, а также—соответствующей помощью союзников.

Поэтому будет вполне правильным приступить к подготовке таким образом, чтобы быть в состоянии использовать все способное к несению оружия мужское население.

Однако, здесь играет свою роль и другой фактор—материальная сторона дела или, точнее—финансы данного государства. Ведь нужно одеть, снарядить и вооружить людей, отправляемых на фронт, снабдить их современными техническими средствами борьбы, гарантирующими им возможность победы.

Если такие государства, как Франция или Германия, в период последней войны, сумели влить в состав армии весь имевшийся в их распоряжении мужской элемент, то исключительно потому, что соответствующие материальные средства были ими создаваемы, собираемы и постепенно накопляемы в продолжении сорока пяти лет.

Однако, не все страны находятся в таком исключительном положении. Можно даже с уверенностью сказать, что во многих государствах вопросы материальных средств будут ограничивающе влиять на численность выставленной армии.

Одновременно нужно также считаться и с тем обстоятельством, что численный состав действующей армии весьма быстро тает, требуя пополнений; отсюда, внутри страны следует иметь постоянные источники укомплектования, которые каждую минуту готовы были бы к отправке на фронт, или же—иметь в своем распоряжении учебные кадры, в которых бы производилось обучение людей, не проходивших военной службы.

Таким образом, первой подготовительной мобилизационной работой является—определение нужд: действующей армии; предназначенных для пополнений—частей (запасных частей) или—школ; административных властей, фабрик и заводов, работающих на оборону государства.

Наконец, если в этом явится необходимость, надлежит определить число людей, временно освобожденных от призыва. Вычисления эти должны быть произведены возможно тщательней, ибо от цифры людей, признанной безусловно необходимой, зависит число годов, подлежащих призыву.

Но для того, чтобы возможно дольше не отрывать людей от их производительного труда, весьма важно, как можно дольше, продлить срок призыва тех, в которых временно не ощущается необходимость.

Вышеупомянутые нужды определяются двумя табелями: „ordre de bataille" (боевого состава) и штатов военного времени. Табель боевого состава должен точно определять все части—действующей армии, тылов, запасные, для обслуживания заводов и мастерских, работающих на оборону и т. п., предусматривая абсолютно все. Табель штатов военного времени должен предусматривать для каждой части строго определенный состав. Вполне понятно, что для упрощения

управления ими будет иметь место тенденция к уменьшению числа однотипных частей. Работа по составлению этих двух табелей, а именно: боевого состава и штатов военного времени, должна быть проделана возможно обдуманней и с чрезвычайной тщательностью. Табель боевого состава, определяющая взаимоотношения частей всех родов оружия и служб, кроме того, должна еще предусматривать силы возможного противника, а также—театр военных действий.

В борьбе с уступающим в техническом отношении противником, можно, например, будет соответственно сократить состав некоторых дорого стоющих технических частей.

В случае, если на театре военных действий недостаточное количество железных, шоссейных и грунтовых дорог, надлежит предусмотреть большее количество обозов и рабочих дружин в тылу, нежели это понадобилось бы для территории с хорошими путями сообщения.

Наконец, как уже упоминалось выше, та и другая табели (боевого состава и штатов военного времени), должны быть разработаны с чрезвычайной тщательностью и ясностью.

Как бы ни был богат народонаселением данный край, игнорировать и разбрасываться людским материалом—нельзя. Неполное, а, стало быть, нерациональное, использование людского состава является большой ошибкой. Каждая часть должна иметь лишь то, что необходимо для ее существования и выполнения поставленных перед нею задач, помимо этого—ничего. Все излишнее в части является расточением народных средств, которые могли быть рациональнее использованы в другом месте.

Наконец, весьма важный фактор, с которым необходимо считаться—это дальнейшее пополнение армии людским составом. Численный состав армии быстро редеет, однако уменьшение это для каждого рода оружия—различно. Так, во французской армии потери убитыми в период последней войны выражаются в нижеследующих цифрах:

В пехоте	1 человек	на	4.
„ кавалерии	1	„	„	13.
„ артиллерии	1	„	„	17.
„ инжен. войск	1	„	„	13.
„ авиации	1	„	„	28.
„ воздух. войск.	1	„	„	37.
„ обозных войск.	1	„	„	28.
„ санитарн. служ.	1	„	„	37.
„ интенд. служ.	1	„	„	37.
„ разные.	1	„	„	37.

Таким образом для запасных частей или же временных их мест расположения необходимо предусмотреть некоторое количество людей, отвечающее предполагаемой на известный промежуток времени убыли.

При этом нужно обратить внимание на то обстоятельство, что, желая, например, иметь в действующих частях людей более или менее одинакового возраста, в силу неравномерности убыли в разных родах оружия, придется прибегать к изменению этого последнего по отношению к лицам из запаса, переводя, например, в пехоту или артиллерию людей, служивших в кавалерии, но в продолжении 10—12 лет состоявших в запасе *).

Определение запасов, сил и средств.

Вся задача—в подсчете сил (перепись населения), имеющихся в распоряжении данного государства. Некоторые мыслители известных исторических эпох хотели передать это дело в ведение гражданских административных властей. Следует, однако, заметить, что, во-первых, гражданские административные власти для проведения этой работы не имеют соответствующей подготовки, во-вторых—недостаточно знают все нужды армии и, наконец, не располагают необходимыми данными. Отсюда для этой цели пришлось бы создавать специальные учреждения. При таких условиях совершенно естественным является организация военных отделов, которые могли бы быть в постоянной связи с гражданскими властями для заполучения от них необходимых статистических данных, имея своей конечной целью подготовку народа к войне **).

Отсюда невольно всплывает мысль о поручении этого задания войсковым частям (единицам), существующим в мирное время. К каждой такой части прикреплена была часть территории, все средства которой были бы у нее на учете и в распоряжении.

Один из органов этой части выполнял бы техническую работу. Однако, как нам уже известно, количество войсковых частей, имеющее быть выставленным в момент об'явления мобилизации, не имеет никакого соотношения к количеству частей мирного времени.

Поэтому пришлось бы образовать такое количество постоянных учетных учреждений, сколько имеет быть мобилизовано войсковых частей, что повело бы за собой огромное расширение штатов.

---

*) Перераспределение контингента запаса по родам оружия во время войны крайне затруднительно. Нужно еще в мирное время психологически и технически подготовить специалистов всех оттенков к работе в пехоте. С этой целью нужно видоизменить понятие „поверочный сбор", принятый, как основание, к поверке статистики и учета, превратить в сбор с целью усовершенствования в своем роде оружия. „Учебный сбор", который до сих пор отвечал лишь последней задаче, превратить действительно в *учебный*, т. е. поступательного усовершенствования в знании других родов оружия, а не повторения задов. *Ред.*

**) Учетные учреждения военного ведомства должны сохранять за собой не только руководство и инструктирование, но и техническое исполнение. Этим будет гарантирована точность работы основной учетной единицы. Кроме того, непосредственное, постоянное соприкосновение с массой запасных осуществляется только в этих низших единицах; чтобы у этой массы пробуждать военные воспоминания, чувствования и, может быть, традиции необходимо наличие военных работников в низах. *Ред.*

Может быть, тогда заботу о тех частях, которые имеют быть созданы в момент надобности, возложить на полки, существующие в мирное время? Это, пожалуй, было бы гораздо лучшим разрешением данного вопроса, однако надлежит здесь заметить, что концентрация частей в мирное время не обязательно должна отвечать плотности населения.

Места расположения частей на мирное время будут находиться в зависимости от необходимости обеспечить правильное течение мобилизации, содержать в некоторых центрах гарнизоны для поддержания порядка и т. п. Будут они также зависить от удобств для ведения обучения, каковые могут повести за собою большую концентрацию и размещение войск в существующих уже в известных округах казарменных помещениях и т. д.

Наконец дислокация частей в мирное время носит непостоянный характер. В случае каких либо политических осложнений, может, например, явиться необходимость в усилении такого округа, в котором ранее находилось мало войсковых частей.

В то же время на плотность гражданского населения влияют совершенно другие обстоятельства. Так, последнее сосредоточивается в городах, вблизи копей и рудников, промышленных центров, вдоль важнейших путей сообщения. Поэтому территориальное деление на призывные округа, в зависимости от состава гарнизонов мирного времени, вещь абсолютно-невозможная.

Допустим даже, что в известную эпоху упомянутые условия осуществились бы, и дислокация войск проводилась бы в строгом согласии с плотностью населения; но и тогда соотношение это могло бы быстро измениться, в силу увеличения или уменьшения состава частей, перемены мест расположения или же—перемещения населения. Таким образом пришлось бы постоянно изменять границы территориального деления и заново производить перепись и статистические исчисления миллионных масс. Такого рода приемы привели бы к образованию округов, к которым принадлежали бы исключительно кавалеристы, артиллеристы или санитары, поводом чему являлось бы весьма нецелесообразное использование сил и средств, а также служило бы причиной недопустимых различий.

Органы, производящие учет средств, так называемые военно-призывные учреждения (призывные комиссии*), с одной стороны будут связаны определенной территорией, с другой стороны—независимы ни от числа ни от расположения частей, предусмотренных в табели боевого состава.

Раз число призывных органов, в целях возможного облегчения работы, останется уже установленным, то последнее должно оставаться неизменным в окончательно установленных границах, в то время как число частей мирного и военного времени будет изменяться.

*) Прим. переводчика.

в зависимости от обстоятельств, политической кон'юнктуры, технических условий и т. д.

Опыт показал, что одно призывное учреждение (призывная комиссия) может пропустить до 40,000 людей.

Управление резервами.

Число вооруженных сил мирного времени является лишь незначительной частью общих сил, подлежащих мобилизации.

Даже во Франции до 1914 года, в каковой обязанности к отбыванию воинской повинности являлись довольно тяжелыми, отношение численного состава армии мирного времени к такому же составу военного времени не превышало $^1/_{12}$. Отсюда следует, что люди, возвратившиеся к мирному труду, должны находиться на постоянном учете военных властей, на обязанности коих лежит мобилизация их в будущем.

Администрация резервами имеет своей задачей назначение каждого человека, в случае об'явления мобилизации, на известную должность, в зависимости от его возраста, семейного положения, физического состояния здоровья, военных способностей, чина, места жительства и т. д. Эти условия в период тридцатилетней военной жизни постоянно меняются. Отсюда, если мы желаем отнестись к этому вопросу серьезно, то всякое изменение в положении, занимаемом данным солдатом, должно влечь за собою изменение в его назначении по мобилизации. Работа эта трудная, необходимая.

Отсюда, каждый гражданин должен иметь свою личную карточку (лучше всего—страничку в тетради, чтобы не утерять), в которой будут отмечаться его характерные черты. Карточка эта должна быть составлена таким образом, чтобы всякое изменение в положении данного лица могло быть в ней отмечено. Личная карточка заводится с момента поступления данного лица на военную службу, должна ему сопутствовать в период его военной карьеры, постоянно и непрерывно дополняясь соответствующими данными.

Теперь вопрос, кто будет занят ведением этих карточек? С точки зрения учета резервов, личную карточку должен выдавать и вести тот призывной округ, на территории коего проживает данное лицо. Начальник округа должен поддерживать связь с людьми, принадлежащими к данному округу, дабы иметь возможность своевременно учесть всякого рода изменения.

Если данное лицо меняет место своего жительства, то одновременно с ним должна препровождаться и его личная карточка. (Было-бы весьма целесообразным, если в призывном округе, в котором данное лицо впервые было зарегистрировано, имелась бы для справок копия его личной карточки, в каковых справках нередко встречается необходимость).

Устав о всеобщей воинской повинности должен обязать каждого гражданина извещать о всякого рода происшедших изменениях в его

положении; в этой работе по учету каждого отдельного лица военным властям должны оказывать содействие полиция, гражданские и административные власти.

На основании этих данных каждый призывной округ составляет именные списки на принадлежащих к данному округу людей, согласно года рождения, профессии, местожительства, воинского чина, семейного положения и т. д.

Эти списки служат основанием для применения сил в зависимости от нужд. Совершенно ясно, что для упрощения работы каждая рубрика формуляра должна быть старательно обдумана. Для облегчения сравнения полученных сведений, все вопросы должны непременно быть одинаково составлены.

Использование рессурсов согласно нужд.

Армия мирного времени, прежде всего, является школой. Армия в военное время—орудие борьбы.

Соотношение частей мирного и военного времени весьма непостоянно.

Пехота, обозные и автомобильные войска преимущественно могут состоять из призванных из запаса. Поскольку имеются в наличии соответствующие кадры, эти рода оружия во время войны могут быть значительно развернуты.

Такие же рода оружия, как кавалерия и авиа-войска, личный состав которых требует постоянного обучения—наоборот, почти совершенно не могут расчитывать на запасных, по крайней мере в первой стадии войны. Уже в мирное время эти рода оружия должны иметь почти такой же состав, как и в военное время.

По установлению количества частей, подлежащих сформированию по каждому роду оружия и службы, задачи по формированию этих последних распределяются командованием между войсковыми частями, существующими в мирное время.

Каждая войсковая часть, существующая в мирное время, таким образом, будет представлять собою единицу, производящую мобилизацию определенного количества других войсковых частей. На обязанности такой части будет лежать в мирное время—подготовка к мобилизации этих частей.

Способы формирования частей в военное время весьма разнообразны. В некоторых случаях просто это будет старая часть, существовавшая еще в мирное время, но доведенная до состава военного времени, хотя, по мере сокращения состава мирного времени и одновременного увеличения состава военного времени, последнее случается редко. В иных случаях войсковая часть мирного времени подразделяется на 2, 3 или 4 более мелкие части, каждая из которых представляет собою ядро новой боевой части. Можно также формировать части, путем назначения туда нескольких унтер-офицеров или—

специалистов, большинство же персонала—назначать из резерва. Наконец, из последних можно формировать целые части.

Тем не менее в каждом отдельном случае необходимо наметить определенный план действий, при чем последний будет зависить от того, какие требования пред'являются той или иной части, а также—какую намерены извлечь из нее пользу.

Однако, если желаем, чтобы формирование этих частей произведено было в возможно кратчайший срок, то порядок формирования последних должен быть детально разработан еще в мирное время. Таким образом мобилизационный план будет заключать в себе порядок передачи в распоряжение каждой мобилизационной части известного количества людей (увеличенного в известной пропорции для заполнения возможных пробелов), необходимого для организации частей, имеющих быть выставленными ею.

Выбор этих людей не может производиться на-авось.

Табель штатов военного времени подробно указывает нам, сколько понадобится на каждую часть унтер-офицеров, специалистов, верховых и т. д. Количество людей, имеющих быть отданными в распоряжение мобилизационных частей, должно отвечать соответствующему количеству унтер-офицеров, специалистов, верховых и т. д.

Вот, собственно, все то, что касается количества людей, имеющих быть переданными в распоряжение данной части.

Теперь остановимся над вопросом—откуда должны происходить эти люди?

Мы уже подчеркнули необходимость быстрого проведения мобилизации. Чем ближе данный человек проживает от мобилизационного пункта, тем скорее он явится по призыву. Ему быть может даже не придется воспользоваться для этого железной дорогой, к тому же и без того перегруженной в такое время. Поэтому было бы наиболее целесообразным—причислить людей к частям, которые ближе всего находились бы от места его жительства.

Это, именно, и есть принцип местного или окружного призыва.

Однако, как мы уже ранее отметили, плотность населения не отвечает группировке войск по гарнизонам, являющимся по обыкновению—мобилизационными пунктами, предназначенными для формирования частей.

Формирование частей из людей одной и той же местности представляет собою большую опасность; с другой же стороны, жители, происходящие из разных местностей, не обладают ни одинаковой боеспособностью ни патриотическими чувствами, а потому получились бы части или среднего качества или совершенно ненадежные*).

*) Различный классовый состав населения, а, следовательно, и различное отношение к данной мобилизации и войне, надлежит особенно тщательно учитывать в классовых войнах. *Ред.*

Если, например, какое-нибудь несчастье постигло целый полк, то это отразилось бы на мужском населении целой деревни и даже города, что, естественно, весьма вредно отразилось бы на обороноспособности всего населения данной местности, неожиданно застигнутого этим несчастьем. Специалисты и унтер-офицеры живут преимущественно в городах, а не в деревнях. Некоторые полки, набранные преимущественно из больших городов, были бы слишком хорошо снабжены по сравнению с другими полками. Сведение жителей какой-либо местности в один полк порождает местный патриотизм, чего нельзя допустить, имея ввиду об'единение народа. А потому строго местная мобилизация неприемлема, хотя бы она даже была выгодна для более быстрого ее проведения, благодаря легкому транспортированию.

Итак, нужно ли, игнорируя местом жительства, принимать в каждый полк людей, происходящих из различных местностей, или же—ограничиться системой национальной мобилизации, в полном смысле этого слова?

Такая постановка вопроса означала бы переход от одной крайности в другую, создавая этим неслыханные трудности для мобилизационных транспортов.

Отсюда, следует избрать и применить такой порядок действий который бы сглаживал эти противоречащие друг другу постулаты.

А потому будем сводить каждый полк из людей, происходящих из нескольких различных мобилизационных районов.

Так, например: людей, происходящих из района расположения гарнизона; людей—из соседних районов;—из более отдаленных районов, не пользующихся удобным железно-дорожным сообщением с мобилизационным пунктом;—из больших городов (преимущественно специалистов), для перевозки коих в установленное время составляются специальные транспорты.

Вышеуказанные районы, вместе взятые, будут составлять полковой призывной район. Такой способ гарантирует большую свободу действий, а также допускает возможность использовывать всякого рода выгодные комбинации.

Этот метод безусловно обязателен по отношению к специальным родам оружия и служб, какими, например, являются авиация или автомобильная служба, так как люди, могущие войти в состав этих частей, в мирное время разбросаны по всей территории страны.

Материал.

Что касается материала, то в данном случае мы станем перед лицом тех же проблем, как в призыве людей. Предварительно следует определить нужды. Так же, как составляли табели боевого состава и штатов военного времени, придется нам составить для каждой части табель необходимых ей материалов. Табель эта должна быть со-

ставлена весьма обдуманно и тщательно. Таким образом мы получили точные указания всего того, что нам будет необходимо на случай войны.

Одним из моментов, при вычислении людского состава, была подчеркнута необходимость предусмотреть пополнение; точно также и в данном случае мы должны предусмотреть снабжение и определить пополнение его соответствующими материалами.

Теперь вопрос, является ли необходимость группировать запасы всех этих материалов?

Надлежит здесь заметить, что, подобно тому, как не можем держать под ружьем всех подлежащих мобилизации людей, так, равно, нет необходимости концентрировать в государственных складах всего мобилизационного материала.

Необходимо будет только составить опись всех имеющихся в стране материалов, определить, какое количество их необходимо будет оставить для удовлетворения нужд населения на период военных действий, и выработать порядок передачи последних в распоряжение армии.

Итак, единственная только разница между нашими нуждами и—ресурсами страны должна оставаться в качестве запасов и храниться в государственных складах.

Обмундирование.

Обмундирование и обувь, необходимые в период мобилизации, должны быть окончательно налицо, ибо нужно полагать, что их может не оказаться на рынке. Равным образом должен быть предусмотрен известный запас его—для первых пополнений. Лишь только в будущем возможно будет развить продукцию и удовлетворить текущие нужды.

Однако не нужно забывать, что на фронте обмундирование изнашивается в 3—4 раза быстрее, нежели в тылу. А потому, если продукция в мирное время выпускает достаточное количество обмундирования, т. е. один комплект на одного солдата на год, то по истечении 3—4-х месяцев от начала военных действий, последнюю надлежало бы усилить в 4 раза, что является трудно достижимым.

Военное снаряжение. В силу того, что полного кавалерийского и артиллерийского снаряжения в частной продаже не имеется, последним необходимо запастись еще в мирное время.

Оружие, боеприпасы и техническая материальная часть. (Повозки—принадлежности) равным образом должны быть заготовлены почти полностью, ибо на получение пополнения из центров страны—совсем почти не приходится рассчитывать.

Казалось бы на *продовольствие* не следовало бы обращать никакого внимания, так как мобилизация армии нисколько не влияет на число потребителей. Однако нужно обратить внимание на то обстоятельство, что существуют целые категории продовольственных про-

дуктов, которые находятся в продаже лишь только в назначительном количестве. Так, например, консервы являются ценным и незаменимым для запаса—продуктом, между тем как потребление последних значительно менее свежих. А потому надлежит своевременно позаботиться об их приобретении.

Предусмотрительность требует также снабжения продовольствием некоторых мобилизационных центров, укрепленных районов, крупных городов и т. д.

Мобилизация, концентрация, первоначальные боевые операции, почти совершенно прекратят нормальное железнодорожное движение. В мирное время железнодорожный транспорт едва справляется с текущими нуждами. Что же получится во время мобилизации, когда армия возьмет большую часть железно-дорожного транспорта в свое исключительное пользование?

Можно ли будет тогда рассчитывать на нормальную доставку продовольственных припасов? Наконец, далеко не все припасы репродуктируются данной страной (как, например, кофе,чай, некоторые лечебные средства).

А потому, если нельзя рассчитывать на постоянные сношения с государством и, производящими данные продукты, надлежит запастись последними.

Во избежание обременения государства приобретением и хранением этих припасов, можно заключать договоры с поставщиками, которые за определенное вознаграждение обяжутся хранить таковые в своих складах; этот способ обойдется значительно дешевле содержания их за счет государства. В данном случае требуется однако строжайшее наблюдение за тем, чтобы недобросовестные поставщики не ограничивались бы только вознаграждением, а постоянно хранили бы соответствующие припасы.

Перевозочные средства.—лошади, повозки, упряжь, автомобильные средства передвижения, имеют настолько большое значение, что доказывать это было бы совершенно излишне.

В этом нужды армии в мирное время ничтожны—в сравнении с таковыми в военное время.

Во-первых, материал, подлежащий перевозке, является весьма незначительным; случается от времени до времени перевезти немного продовольствия и других запасов, при чем движение это зачастую происходит между двумя постоянными пунктами, имеющими при том железнодорожное сообщение. Обыденной практикой установлено, что в мирное время армия не нуждается в других перевозочных средствах, кроме—доставляемых ей частными учреждениями и торгово-промышленными предприятиями—этих перевозочных средств ей вполне достаточно.

С момента же возникновения войны, картина резко меняется. Состав армии увеличивается слишним в десять раз; война поглощает боеприпасы и материал, подлежащий постоянному подвозу.

Этот подвоз лишь только частью может быть осуществлен по железной дороге. Подвоз к конечным, т. е. подвижным пунктам по обыкновению должен производиться грунтовыми путями.

На ежедневный подвоз продовольствия для дивизии понадобится 12—15 железнодорожных вагонов, когда же этот подвоз производится по железной дороге, отстоящей на сто километров от конечного пункта, для подвоза его понадобится 5000 с лишним местных повозок.

Для того, чтобы снабдить всю дивизию огнеприпасами из расчета по 300 снарядов на 75-ти миллиметровое орудие, т. е. на один день боя, для подвоза последних понадобилось бы 3000 повозок.

Чтобы поддержать ежедневный запас огня, этих повозок понадобилось бы в восемь раз большее количество.

Из расчета, подтвержденного опытом, усматривается, что на три человека требуется по меньшей мере одна лошадь и на 7—8 человек одна повозка.

А потому о содержании такого состава в мирное время не может быть и речи.

Отсюда, чтобы не впасть в ошибку, является необходимым подготовить списки всего того, что может предоставить нам государство.

Что же касается некоторого имущества, как, например,—лошадей, то последним не только нужно произвести подробную перепись, но также и классифицировать по их пригодности для использования в армии.

Над этим имуществом должен быть учрежден постоянный контроль для того, чтобы удостовериться, что последнее имеется на лицо, и не пропадет в момент необходимости.

Что касается материала, имеющегося в достаточном количестве, но в недостаточном—для снабжения, необходимо изыскать и предусмотреть средства для репродукции или же—приобретения последнего, разработать план закупки и фабрикации, а также обеспечить себя достаточным количеством сырья.

При учете и распределении материалов в зависимости от нужд, требуется та же обдуманность и старательность, как и при учете и распределении людского материала.

Для быстрого проведения мобилизации надлежит принять за правило, чтобы весь материал, необходимый войсковым частям для выступления в бой, был сконцентрирован в районе мобилизации данной части, ибо всякого рода манипуляции, в целях подвоза такового в последнюю минуту, повлекут за собой опоздание, тем паче, что, как говорилось уже выше, в такие минуты транспорт бывает весьма перегружен. Отсюда видим, насколько важным является вопрос своевременной доставки необходимых материалов. Надлежит засвидетельствовать, что последний оказывает также соответствующее влияние и на боевой состав.

Итак, рассматривая все наши нужды, подчеркнули необходимость стремления к использованию максимума нашего людского материала.

В то же время наши рессурсы убеждают нас в необходимости снабдить людей всем необходимым. Отсюда будем вынуждены отказаться от некоторых частей или же—пойти на замену технических частей—частями, снабженными более дешевым техническим имуществом, выход из положения правда не удачен, но—неизбежен*).

За счет иных пропорционально увеличим другие рода оружия. Не нужно однако забывать, что сбережения материала должны будем искупить кровью.

Через сознательный элемент необходимо однако убедить массы, что действительная выгода отнюдь не заключается в бережливости, граничащей со скупостью, которая нередко влечет за собой безвозвратные потери.

Мобилизационный план.

Итак, нами уже утверждено, что мобилизационный план всегда обнимает три положения, а именно: предусмотрение общих нужд, перепись составных элементов и применение этих элементов к удовлетворению нужд. До сих пор не было ни одного намека на оперативный план—и вполне обоснованно, ибо последний надлежит иметь в виду постольку, поскольку речь идет об определении нужд. Однако в этой работе имеем дело с тремя разновидностями (разными вещами). Задача—весьма не легкая, ибо, во первых, мы не можем сказать, что разработаем мобилизационный план. Можем только разработать известный план, отвечающий опять таки известному положению вещей. Однако и в таком случае, при каждом происшедшем изменении в нуждах или рессурсах, неужели мы будем вынуждены вновь приступить и переделывать эту громадную работу? Это могло иметь и имело место при разработке первых мобилизационных планов

В настоящее же время является неоспоримым фактом, что ряд известных правил, являющихся плодом долгих оп тов и здра ого рассудка, становятся общими для всех планов или же только в деталях подлежат изменениям. Правила эти делаются **принципами**, коими будем руководствоваться в целой работе.

Прежде чем перейти к плану, выработанному в применении к известным условиям и времени, рассмотрим ранее положения, коими будут руководствоваться независимо от местных условий. Представим здесь их в виде инструкции. Поименованная инструкция в целом обыкновенно является в виде приказов, в форме проблем, над разрешением которых мы останавливались в начале настоящего изложения.

---

*) Неизбежная необходимость такой замены очевидна; но здесь нужно не упустить из вида богатства другими средствами. Всегда привыкли недостаток техники восполнять рядами пехоты. Это ошибка и ошибка существенная. Страна, имеющая в избытке коней— пусть сильнее разовьет конницу или транспорт для придачи подвижности пехоте и т. д.

Ред.

За этим следует целый ряд независимых в общей сложности от переходных моментов, косвенных указаний, как, например:

1) общая мобилизационная инструкция, ясно разделяющая понятие мобилизации сил от их концентрации, т. е. понятие создания отдельных боевых частей от перевозки в места их первоначального назначения, а также от того, что подразумевается под понятием оперативного плана т. е.—способа использования операции сконцентрированных уже войск и т. д.

2) Общая инструкция распространения приказа о мобилизации, определяющая, при каких условиях, как и какими органами власти надлежит распространять приказ о мобилизации.

3) Инструкция о средствах передвижения одиночных людей и команд, следующих в свои части, определяющая каким из них следовать пешком и каким по железной дороге.

4) Инструкция о роли и задачах запасным частям, определяющая характер деятельности частей, остающихся в тылу для подготовки маршевых рот, формирования новых частей, дополнения обучения больных и обучения новобранцев.

5) Инструкция о переписи, классификации и реквизиции необходимых для армии материалов, определяющая состав персонала, коему будут поручены эти работы, а также—условия из'ятия этого материала в государственное распоряжение.

6) Инструкция о снабжении войск в период мобилизации, предусматривающая способы продовольственного снабжения войск, а также и гражданского населения, в период, когда перевозочные средства большей своею частью будут использованы для перевозки войск и гражданского населения, нормальное же движение товарных поездов мирного времени не будет в состоянии функционировать.

7) Инструкция по управлению резервами, определяющая способы переписи и учета людского состава на весь, обязующий его к отбыванию воинской повинности, срок.

За этим следует целый ряд руководящих приказов, позволяющих ориентироваться в тех или иных условиях и обстановке, в зависимости от сил противника, предположений и расчетов командования, состояния материальных средств и т. д.

Такими приказами, например, будут: табели боевого состава, определяющие количество и состав частей каждого рода оружия и штатов военного времени, отдельно и до мельчайших подробностей определяющих состав офицеров, унтер-офицеров, рядовых, лошадей, материальный и т. д. каждой части; табель транспортов мобилизованных (план перевозки войск), указывающая, какое количество людей и материальной части надлежит перевезти с каждой станции каждому из мобилизационных пунктов для того, чтобы с момента об'явления мобилизации можно было определить

количество необходимого для этой цели подвижного состава; табель мобилизационных категорий, указывающая какие категории лиц подлежат мобилизации из состава мирного и военного времени; табель реквизиций, указывающая источники всякого рода материалов, необходимых тому или иному мобилизующемуся полку, как-то: лошади, повозки, упряжь, продовольствие, различные материалы; табель конечных сроков подготовки, определяющая к какому сроку та или иная часть должна быть готова для отправки ее к месту концентрации войск:, и, наконец—табель очередей военных транспортов, распределяющая очереди перевозки той или иной части мобилизационного полка.

Две этих последних табели содержат — последняя страница мобилизационного плана и первая--плана концентрации войск *).

Тадеуш Пискор.
Полковник польского генштаба.

Трикратная система

в организации высших войсковых единиц **).

Перевод с польского И. Колендо.

Не считаясь пока с существующим и принятым повсюду разделением войсковых соединений на тактические и оперативные единицы, для устранения недоразумений и для определения рамок моего исследования подчеркиваю с самого начала, что под общим именем „высшей войсковой единицы“ я разумею полк, бригаду, дивизию, корпус.

Выбор известной организационной системы, вполне соответствующей различным и часто даже противоположным друг другу требованиям, является делом чрезвычайно важным и одновременно

*) Указанные здесь положения касаются лишь общей мобилизации. Частичная мобилизация, мобилизация войск завесы (охранных войск) являются частностью, требующей отдельных по каждому случаю распоряжений. *Прим. переводчика.*

**) Редакция публикует перевод статьи полк. Пискора не потому, чтобы она открывала какие либо новые горизонты, но для ознакомления читателей с организацией высших соединений в современных иностранных армиях и вообще с современными взглядами по этому вопросу, еще сравнительно мало затронутому в нашей военной литературе. К сожалению, в части, касающейся Советской России и Красной Армии, суждения автора настолько пристрастны и, вследствие этого, ошибочны, что почти утрачивают об'ективную ценность.

Чрезмерная очевидность пристрастия, однако, имеет то преимущество, что позволяет читателю легко отделить действительные факты от фантазии.

Редакция.

трудным. Степень распорядительности солдатским материалом, культурный уровень последнего, изобилие солдатских и офицерских кадров, возможность их быстрого усовершенствования, общая численность войск и населения, наконец, национальные, географические, финансовые и хозяйственные условия данного государства—вот главные факторы, влияющие решительным образом на строительство и взаимоотношение вышеупомянутых войсковых единиц. Рядом с этими условиями, существующими в подготовительный к войне период—во время мира, существует целая категория факторов, выступающих на сцену во время войны, факторов боевой природы. К ним относятся: командные взаимоотношения, подвижность данной единицы, ее достаточная самодеятельность и боевая выдержанность, кроме того возможность легкого снабжения, транспорта и размещения.

Все это сплетение условий и причин влияет на принятие такой организационной системы, которая лучше всего соответствовала бы обстановке, существующей в данном государстве. При этом нужно помнить, что, желая иметь хорошо организованную и ценную оборону государства—войско, надлежит обратить главное внимание на вторую категорию факторов, т. е. надлежит стремиться к выполнению в организационной области в первую очередь—боевых требований.

Однако в действительности проведение этого принципа целиком едва ли достижимо. Благодаря противоречивости интересов, играющих ту или другую роль в каждом государстве, разрешение вопроса об организации войска принуждено происходить по линии большего или меньшего компромисса. Разнообразие условий жизни отдельных государств влияет также на однородность конструкции боевых единиц в этих государствах.

Пересмотр в общих чертах исторического развития организаций войск, исследование различий в организационных системах европейских государств с подчеркиванием их плюсовых и минусовых сторон, указания на опыты войны, а равно на новые попытки, предпринятые теперь в организационной области,—дадут нам возможность вывести общие заключения относительно организационной системы, лучше других соответствующей условиям польской жизни.

I.

До времен Фридриха Великого не отдавали себе ясного отчета в значении существования определенной организационной системы для развития войск и военных операций. Малочисленность войск, существовавших в 17 и 18 веках, по сравнению с настоящими временами, малая величина полей сражений, на которых разыгрывались тогдашние разные битвы, дозволяли полное и непосредственное управление войсками одному человеку—главкому. В его руках концентрировалась власть. В каждом отдельном случае, из общей, находящейся в его распоряжении, массы пехоты, кавалерии и артиллерии, он создавал отряды, давал им задачи, назначал командиров.

Командиры частей этих отрядов сменялись в зависимости от воли упомянутого главкома. Он связывал инициативу подчиненных, требуя от них только слепого исполнения приказов. Кратковременность и несложность тогдашних сражений допускали до некоторой степени такой организационный беспорядок и отсутствие установленных командных взаимоотношений.

Только Фридрих Великий создает в этом хаосе определенный организационный порядок. Он начинает применять новый метод борьбы—*линейную тактику, соединенную с маневром*.

Тактика эта основывалась на такой группировке войск, как на походе, так и на отдыхе, чтобы они всегда были готовыми к бою в определенном боевом порядке, а именно: вся пехота выстроена в двух линиях, из которых каждая разделялась на два крыла, прикрываемые кавотрядами. Артиллерия частью была придана частям (батальонные орудия), частью же находилась в непосредственном подчинении главкома (позиционная артиллерия). Кроме того выдвигалась вперед передовая стража (авангард) и выделялся резерв, главную силу которого, по преимуществу, составляла конница. Выделение авангарда давало Фридриху возможность, под прикрытием последнего, произвести незаметный маневр, имеющий целью связать неприятеля одним крылом, в то время как другое крыло, усиленное резервом, всей своей массой и напором стремилось разбить неприятеля. Таким образом резерв увеличивал маневренную способность войск Фридриха.

Применение маневра в линейной тактике было уже связано с некоторой самостоятельностью подчиненных начальников, а потому было первым шагом вперед в области развития командования и разделения войск. Однако такое разделение войск и назначение им начальников из числа находящихся в распоряжении главкома не были постоянными явлениями: все еще господствовала тут некоторая свобода, регулируемая в каждом отдельном случае.

Только появление на мировой сцене больших революционных французских армий имело влияние на установление более прочной организационной системы, имеющей целью придать массам войсковые формы. Уже в 1788 г. Франция была разделена на 21 дивизионный военный округ. Каждый округ был обязан выставить несколько полков пехоты и конницы. В 1792 году французские армии разделяются на дивизии, состав которых в отношении числа и рода войсковых частей устанавливается всякий раз в зависимости от обстановки и цели. В 1796 году в Италии Наполеон имел в распоряжении 4 дивизии пехоты, каждая из 4—5 полубригад, т. е. полков, 2 дивизии кавалерии и артиллерийский резерв. Организация эта подвергалась в течение военных действий в Италии частым изменениям в зависимости от появляющихся потребностей.

В таких случаях Наполеон организовывал группы и отдавал их под команду избранных генералов. У противников Наполеона,

в особенности у австрийцев, царили еще более не установившиеся организационные взаимоотношения. Хотя коалиция, беря пример с Наполеона, и установила деление своих армий на дивизии, однако сила и состав последних были совершенно случайными. Таким образом в организационной области господствовала еще большая неразбериха.

Поэтому Наполеона следует считать творцом военной организации в современном ее значении. Созданные им принципы дожили в общих чертах до настоящего времени, ему же было суждено и переработать до 1805 года организацию своей армии. А именно, Наполеон разделил ее на единицы, более крупные в оперативном отношении—корпуса, предоставив комкорпусов значительно большую долю самостоятельности. Однако в дальнейшем они были ограничены в отношении оперативной и тактической инициативы. Подполковник французской службы В. Де-Гэш [1]) следующим образом характеризует труды Наполеона в области установления командных норм:

„Наполеон создал корпуса не для того, чтобы дать своим маршалам более широкое поле для почина, но для того, чтобы предоставить им известную независимость в исполнении его приказов". „Зная основательно характер и способности своих помощников, он, в зависимости от этих данных, регулировал, как состав, так и задания отрядов, порученных их командованию. Когда поднимался вопрос об исполнении стратегических заданий, связанных с удалением на некоторое время из под контроля Наполеона, последний давал тогда подробные инструкции"...

В 1806—7 г. г. Великая Армия насчитывала уже 7 корпусов пехоты и кавврезерв. Корпус состоял из 2—3 дивизий, а эти последние из 2 бригад по 2 полка пехоты в каждой. Кроме того, к каждой дивизии было придано от 2 до 3 кавполков (бригада) и по 2 батареи.

Независимо от этого в непосредственном распоряжении комкорпуса был полк легкой пехоты. Указанная организация не применялась, однако, с абсолютной точностью. Примером может служить самый большой корпус французской армии, находившийся *под командой Даву:*

1 пехотная дивизия из 5 п. полков, 1 легкий полк и 1 батарея.
2 пехотных дивизии „ 4 „ „ 2 „
3 пехотных дивизии „ 4 „ „ 2 „
Бригада легкой конницы силою в три полка.

Французская кавалерия состояла из 2 легких кавбригад, 4 драгунских дивизий и тяжелых дивизий (кирасиров) из 4—5 полков и из 3 орудий. Всей массой командовал Мюрат.

До войны с Россией в 1812 году Наполеон не изменил в основе организацию армии, увеличил лишь число корпусов и их силу (от 2—5 дивизий) в зависимости от талантов комкорпусов.

[1]) De L'initiative à la guerre et de l'emploi de reserves tactiques. Paris—стр. 13 и дальше.

Великая Армия 1812 года, если не считать вспомогательных корпусов, состояла из гвардейского корпуса, 10 линейных пехотных и 4 кавалерийских корпусов, общей силой около 600000 людей, 180000 лошадей и 1250 орудий. Все корпуса, равно как и сильный артиллерийский резерв, зависили прямо от Наполеона. Как нововведение в организацию, является артрезерв в составе каждого корпуса, подчиненный непосредственно комкорпуса. Нововведение это было тактической необходимостью: введением в бой в решительном пункте и в решительный момент массы артиллерии достигнут развязки боя. Кавкорпуса, состоящие из 3 дивизий (около 10—12 тысяч коней), были массами, настолько громоздкими для боевых действий, походных движений и продовольствия, что Наполеон не мог использовать их подлежащим образом для охраны флангов, ординарческой службы и разведки.

Командование в этой громадной лавине людей и коней стояло на весьма первоначальной степени развития. Все концентрировалось в руках самого Наполеона, и только гениальности последнего надо приписать то обстоятельство, что вся эта машина могла вообще функционировать до известной степени.

Однако плохие стороны концентрации быстро дали себя почувствовать. Наполеоновские маршалы и генералы, привыкшие к ролям исполнителей и не имея штабов, заблаговременно подготовленных для войсковой работы, не чувствовали себя в момент необходимости достаточно опытными для вождения „detachements“, т. е. самостоятельно действующих отрядов. Все это было результатом отсутствия индивидуального воспитания и инициативы в операциях. „На поле битвы *император руководил* всем лично“. [1]) Уже в 1809 году увеличение размеров полей сражений и численности войск, принимавших участие в боях, затруднило возможность личного командования. Тьер прибавляет: „Наполеон не мог более ни всего видеть ни управлять всем единолично, и принужден был положиться на своих ад'ютантов“. Там, где в решающий момент не было ясного приказа Наполеона,— там обыкновенно наступало поражение его маршалов.

„Союзники в 1813 году отдавали себе ясный отчет, что означало присутствие на поле сражения самого Наполеона, поэтому взяли за правило отступать перед ним и бить его маршалов оперирующих самостоятельно“ *).

Вина, однако, лежала не в самих маршалах, а в невоспитании в них способности управления самостоятельными отрядами и в боевом составе войск. Увеличивающаяся в числе армия для полного ее использования и работы требовала децентрализации. Наполеон чувствовал это и в сентябре 1813 г. жаловался, что где его нет, там маршалы терпят поражения.

*) Подполковник W. de Heusch, стр. 19 и дальше.

„Инициатива в действительности не импровизируется, она должна быть плодом тщательного обучения и воспитания*)".

В течение 19 века организационные принципы Наполеона были приняты его противниками и получили дальнейшее развитие. Наибольший прогресс в этом направлении виден у немцев, вложивших в организацию много систематичности. Они ассимилировали наполеоновские максимы с присущими им последовательностью и старательностью. Примером этого может служить 2-ой корпус Клейста в 1813 г. Состоял он из четырех бригад, а именно:

IX бригада	$10^1/_2$ бат-онов	4 эск.	1 бат.
X „	10 „	4 „	1 бат.
XI „	$10^1/_2$ „	6 „	1 бат.
XII „	10 „	2 „	1 бат.,

кроме того артрезерва (8 бат.) и кавврезерва (28 эск. и 2 бат). При такой организации бригады соответствовали по силе слабым дивизиям, снабженным всеми родами оружия, а благодаря сформированию в корпусах резервов артиллерийского и кавалерийского, корпуса стали единицами, способными вести самостоятельный бой, т. е. оперативными единицами.

Каждая война выдвигала организационные недостатки, давала новые опыты, способствовала необходимости перемен и усовершенствований в военной организации. Постепенно начали отказываться от произвольного состава дивизий и корпусов, а равно от случайного назначения командиров и, наоборот, старались провести во всем войске боевой состав (ordre de bataille), признанный хорошим. „Ordre de bataille" поэтому является первой ступенью и главным фундаментом того спасительного методизма, который, как качание маятника, регулирует на войне дела *).

Итальянская война 1859 г., австро-прусская 1866 г., французско-немецкая 1870 г. дали в особенности много опыта и материалов. Первенство в организационной области перешло в руки немцев, благодаря талантливости их военных, в особенности Мольтке. Они сделались учителями, поэтому будет полезно познакомиться с принципами организации войск, предложенными Мольтке в 1868 году, в особом мемориале, королю прусскому.

Принципы эти следующие:

1. Расчленение армии на равные в отношении силы и состава корпуса.
2. С выделением корпусной кавалерии, об'единение главных сил конницы в самостоятельные дивизии, непосредственно подчиненные главному командованию армии.
3. Аннулирование понятия „общий кавалерийский резерв" и обращение конницы на услуги стратегической разведки.

---

*) Clausewitz.

4. Уничтожение „артиллерийского резерва“ и сформирование вместо него корпусной артиллерии, непосредственно подчиненной комкорпуса.
5. Оставление без изменений во время войны корпусов, сформированных в мирное время.

Реорганизация прусской армии, произведенная после 1866 года, одержала полный успех в 1870—81 годах. Каждый корпус состоял из 2 дивизий, эта же последняя из 12 бат-онов пехоты, отдельно „стрелки“ составляли 13-й бат-он, 1 полка дивизионной кавалерии силою в 4 эскадрона, 4 батарей пешей артиллерии, 1 санитарного отряда, 1—2 технических рот с легким понтонным парком.

Кроме того, были подчинены непосредственно командованию корпуса: 6 батарей, об'единенных в полк полевой артиллерии, 5 артиллерийских и 4 пехотных парка (с боевыми припасами), понтонный парк, лагеря, госпиталя, провиантские обозы, пекарни и т. п. Три—четыре корпуса сводились в армию. Кавдивизия, которых было шесть, насчитывала 30 эскадронов. Благодаря этому, эти немецкие дивизии и корпуса были единицами хорошо спаянными между собою и вполне законченными в своей организации, импровизирование армий и групп в течение войны 1871 года дало хорошие результаты, хотя и здесь не обошлось без трений. Эти организационные основы—дивизии и корпуса,—просуществовали до теперешней войны, если не считать, конечно, перемен, вызванных естественным развитием оружия, артиллерии и технических сил. Французы не имели такого точного и систематически проведенного разделения сил. Там, попрежнему, продолжали из массы пехоты и кавалерии выделять корпуса и армии, в особенности во втором периоде войны. Случайность формирования боевых единиц и неурегулированные командные взаимоотношения (битва под Спихерен) сурово отомстили французскому командованию.

Поучительным примером будет также сравнение организационно-командных взаимоотношений в русско-японской войне 1904—1905 г. Японская организационная система отличалась от общепринятого европейского типа тем, что оперативной единицей был тут не корпус, а дивизия, состоявшая из двух бригад, в каждой бригаде по два полка из трех батальонов. Кроме того, в состав дивизии входили: кавполк силою в 3 эскадрона, артполк силою в 6 батарей по 6 орудий в каждой, пионерный баталион и, по общему положению, резервная бригада (6 бат., 1 эскадрон и 2 батареи). В течение войны из этих резервных бригад создавались для определенных заданий дивизии и, кроме того, они принимали участие в военных действиях и как самостоятельные единицы. Следует при этом подчеркнуть, что японская резервная бригада была всегда наделена, хотя и в скромном размере, артиллерией и кавалерией. Таким образом общая сила японской дивизии доходила до 18 бат-онов, 4 эск. и 8 батерей. Кроме пехотных дивизий японцы имели в своем распоряжении еще 2 самостоятельных кабригады, по 8 эскадронов каждая, и 2 артбригады, из 3 полков

каждая. Бригады эти были целиком присоединены к некоторым из японских армий, которые состояли из 2—4 пехотных дивизий и нескольких резервных бригад. В течение всей войны дивизионные соединения были сохранены почти всегда. Японские командующие строго держались принципа ненарушения мирных войсковых соединений и, в случае необходимой крайности, пользовались прежде всего резервными бригадами.

В противоположность этой простоте в организации японской армии (если не считать достаточно сложной организации тылов, что было вызвано отсутствием хорошей и густой сети дорог и коммуникации в Манджурии) у русских встречаем постоянное импровизирование войсковых единиц как для тактических, так и для стратегических целей, а также постоянную смену начальников. Все это по необходимости должно было вызвать замешательство и отсутствие доверия к руководительству. Формирование „отрядов" (напр. походы ген. Штакельберга под Вафангоу, ген. Засулича на Ялу, рейд ген. Мищенки на Инкоу и т. п.) было у русских в моде.

Было характерным для русских такое образование стратегического резерва в боях под Мукденом. В течение войны ген. Куропаткин два раза, под Ляояном и Мукденом, перегруппировывает и переорганизовывает подчиненные ему войска—результаты известны всем. Нарушение постоянных войсковых соединений, перемешивание отрядов, неурегулированные и даже часто нарушаемые сверху командные взаимоотношения—вот причины руссских поражений.

II.

Из этого беглого очерка развития организации войск следует, что боевой состав всегда являлся результатом тактических и оперативных взглядов своей эпохи, находясь в зависимости от географических и хозяйственных условий и от состояния развития военной техники. Поэтому установленный с определенной целью боевой состав является в руках вождя могущественным средством борьбы и одним из факторов победы.

Из опытов войн прошлого века и русско-японской войны легко было вывести известные посылки, которые нашли полное применение в мировой войне, то-есть посылки о том, какой должна быть организация высших войсковых единиц согласно современных понятий, а именно:

1. Переход с мирного положения и мирной организации на военную ногу должен быть нетруден, и мобилизационные работы, а равно создавание новых формаций—просты.

2. Мирные командные соединения должны быть, по возможности, сохранены; в течение войны следует, равным образом, избегать перемен как в самой организации, так и в составе единиц.

3. Нужно формировать такие войсковые единицы (корпуса, иногда—даже дивизии), чтобы они были достаточно крупными в отношении

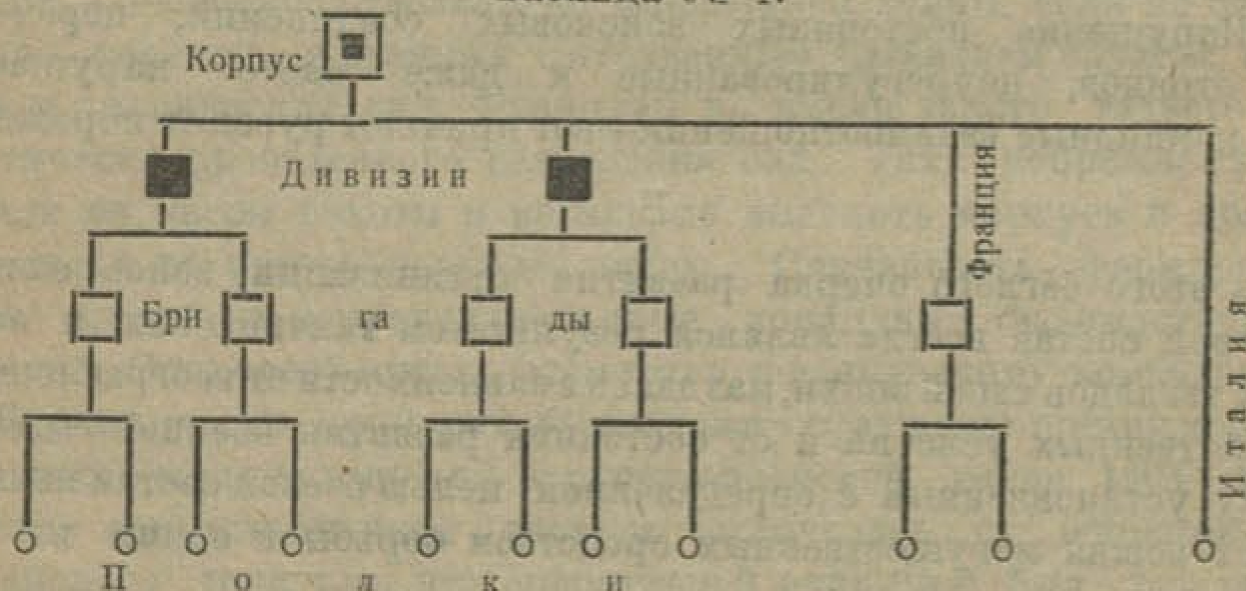
численности, состава и силы и могли самостоятельно решать появляющиеся задачи, т. е., чтобы они были оперативными единицами. С другой стороны, они должны быть лишь настолько крупными, чтобы их боевое применение и подвижность (в особенности при маршах по одной дороге), а, равно, их командное об'единение не вызывали трений и затруднений.

4. Состав и организация таких единиц должны быть однородными.

5. Под командой одного начальника можно сосредоточивать только такое количество единиц, чтобы командование ими было действительно достижимо при наличии командных взаимоотношений, соответственно скомбинированных и проникнутых большой самостоятельностью подчиненных.

Поднимается теперь вопрос, в какой степени отдельные европейские государства выполнили эти требования. Для того, чтобы дать ответ, рассмотрим прилагаемую таблицу, которая представляет схематически боевой состав корпусов французского, итальянского, австро-венгерского, немецкого и русского, принимая во внимание единицы до полка включительно и притом только пехотные и в довоенное время. Пехота, „царица полей сражений“, не потеряла своего значения, как основной род оружия.

Таблица № 1.



Несмотря на появление в теперешней войне колоссальных завоеваний в области военной техники (минометы, огнеметы, удушливые газы, самолеты для нападения, танки и т. п.), равно на применение непрактиковавшихся до сего времени масс артиллерии самых разнообразных типов и калибров—пехота осталась на том же пьедестале, при чем ей, однако, пред'явлено большее требование, как в отношении физических способностей, так и в отношении нравственных качеств (morale). Она продолжает быть той „живой силой“ (force vive), которая решает вопрос о победе. Поэтому, говоря об организации войск вообще, прежде всего надо иметь в виду пехоту.

Из приложенной таблицы № 1 видно, что командные взаимоотношения (разделение единиц), главенствующие в организации европей-

ских войск, перед войной, были основаны *на двукратной системе*, т. е. корпус, дивизия, бригада и полк относятся друг к другу, как 1:2:4:8, это значит, что каждому командованию в пределах корпус—полк подчинено только две единицы.

Таким образом из командно-организационного хаоса времен Фридриха, когда вождь непосредственно отдавал распоряжения всем составным частям армии, собранным совершенно произвольно, благодаря реформам Наполеона, внесшим некоторый организационный порядок, а, главным образом, благодаря созданию новой оперативной единицы—корпуса, наметившему новое направление в развитии войсковых формаций, дошли накануне теперешней войны до противоположного конца—до границы, к которой только могло довести расчленение сил,—т. е. до двукратной системы. Система эта усовершенствовалась, победоносно выдержала боевое испытание (1870, 1904/5 г.) и стала почти повсеместной. Однако, несмотря на хорошие стороны, которыми она несомненно обладает и в первом ряду которых является заслуга установления твердых норм в организационной области, вместо произвольных, так гибельных в жизни войск, все же эта система имеет большие недостатки по сравнению с *системой трикратной*, которая, как лучшая форма, становится в войсках наследницей двукратной системы.

Плюсовыми сторонами двукратной системы являются:

1. То, что таковая система во всей своей широте и последствиях проникла в организацию и жизнь армий, к ней приспособлены вспомогательные учреждения, заведения и система снабжения, к ней, наконец, привыкли офицеры.

2. Она несомненно дает легкость командования отрядами (только две подчиненных единицы) даже людям, пользующимся одной рутиной, приобретенной ими в течение многолетней службы в мирное время. Однако нельзя приспосабливать организацию войск к заплесневшим умам, наоборот, необходимо принимать во внимание людей со средними способностями; ежедневная жизнь армии обязана, как через сито, просеивать офицерский материал. Естественный подбор должен быть проведен в полном об'еме, хотя применение его в условиях мирного времени чрезвычайно затруднительно. Весьма трудно судить в мирное время о способностях лиц, призванных к командованию; притворно блестящие способности вождя, совершенно заслуженно восхваляемые на маневрах, учебных поездках и в оперативных трудах, могут совершенно подвести на войне". [1]) Только война является камнем испытания действительных военных и руководительских способностей офицерского корпуса. В этом отношении дало много примеров начало нынешней войны, напр. Россия и Австрия, принуждены были основательно провести „омоложение кадрового офицерского состава" на низших, а в особенности на высших ступенях войсковой

[1]) v. Beseler—Soldatenberuf, Berlin 1921, Mittler и. S. стр. 35.

иерархии. „Офицерский корпус должен быть молодым и свежим, а это достижимо сравнительно быстрой переменой должности, обеспечивающей офицеру в сравнительно молодом возрасте возможность деятельности в самостоятельной и ответственной сфере“ *).

3. Наконец, при двукратной системе дивизия обладает большей ударной силой (4 полка против 3 при трикратной системе). Однако ввиду характера современной войны—войны людских масс и в виду редкой, вообще, возможности предоставления дивизиям самостоятельных оперативных заданий (причем ведущаяся теперь нами на востоке война ни в коем случае не может служить образцом для будущего в виду распыленности фронта и вытекающей отсюда самостоятельности дивизий) дело заключается скорее в том, чтобы создать из дивизий подручное для распоряжения орудие в руках высшего командования, т. е. в руках комкорпуса; корпус же при трикратной системе сильнее на один полк по сравнению с двукратной системой, а потому и взгляд на большую ударную силу дивизии отпадает сам собой.

Недостатки же двукратной системы по сравнению с трикратной являются весьма значительными, в особенности в *отношении штабов*.

Каждое командование должно состоять из известного числа офицеров и рядовых, причем, чем выше командование, тем численный состав на круг больше. Согласно довоенных норм **), состав командования для полка, бригады, дивизии и корпуса выражался в цифрах 60—80—100—330. Если примем во внимание значительное увеличение в военное время частей разведывательной службы, находящихся непосредственно при штабах, то указанные цифры возрастут соответственно до 80—100—180—350, что, в общем, составит для корпуса 1750 ч., из которых около 185 офицеров. Содержание поэтому таких численных штабов (15,—т. е. штаб корпуса, 2 штаба дивизии, 4 бригадных и 8 полковых), являющихся следствием двукратной системы, повлечет за собой значительные расходы, непропорционально отягчающие общую стоимость содержания войска. При состоянии на довольствии в корпусе 40.000 людей, одни штабы от полковых и выше дадут значительный процент—4,5, который будет значительно быстро возрастать при одновременном уменьшении численного состава корпуса во время военных действий (убитые, раненые, пленные, больные, дезертиры). Однако вопрос о расходах должен был бы быть поставленным на задний план, если бы двукратная система являлась необходимостью для работы штабов; этого на самом деле нет. Большие и переполненные штабы способствуют процветанию лености и комфорта на войне, замедлению в работе вследствие слишком большого числа промежуточных инстанций (по команде) и создают наконец специальный тип „штабного офицера“ в худшем значении это понятия, не имеющего ничего общего с фронтом и его потребностями. Такой

*) А. Beseler—там же стр. 34.

**) Согласно норм австрийских; немецкие меньше.

офицер является тепличным растением, даже более—трутнем в здоровом теле войскового организма. Чем меньше штабов, тем добросовестней и интенсивней они работают, тем больше у них связи с войсками, тем легче приобретают они доверие этого войска. В этом отношении специальные польские традиции, подтвержденные, увы, так ярко в современной войне, должны указать в будущем на большую осторожность и умеренность при формировании штабов. Малые штабы требуют от офицеров много труда, инициативы и самодеятельности, воспитывая таким образом дельных военных. Исходя поэтому из взглядов финансовых, моральных и боевых, при организации штабов надо отдать первенство трикратной системе. Вместо отношений 1:2:4:8 получим отношения 1:3:9. При этих рассуждениях считаю, что в трикратной дивизии не будет, так называемого, начпехоты, и пехотные полки будут подчиняться непосредственно командованию дивизии.

Отсюда следует:

1. При трикратной системе имеем на 2 штаба меньше (13) при одновременном увеличении числа полков—9 вместо 8; в особенности уменьшается число высших командований, потому что вместо 7 (4 бригадных, 2 дивизионных и одно корпусное) будем иметь при трикратной системе только 4 (корпусное и три дивизионных). Из этого, однако, следует необходимость иметь во главе дельных генералов.

2. Число штабов, приходящихся на полк, при двукратной системе доходит до $^{15}/_{8}$=1,875, при трикратной до $^{13}/_{9}$=1,444, т. е. в последнем случае имеем 23% экономии на штабах.

3. Трикратная система исключает одно промежуточное звено в командовании, т. е. вместо корпуса, дивизии, бригады и полка будем иметь корпус, дивизию, полк. Отсюда вытекает большее приближение штабов к массе войск.

В еще большей степени выступает вредность двукратной системы при выделении резервов, т. е. в области тактической и оперативной. Без расчленения тут возможны только две комбинации 1—1 и 2—0, где первая цифра обозначает число единиц в боевой линии, а вторая в резерве. При делимости частей на 3 достигается большая возможность комбинации 1—2, 2—1 и 3—0.

Достоинством боевого состава является его гибкость, чего именно не доставало при двукратной системе. При разделении войск (Truppeneinteilung) с целью образования групп для определенных тактических и оперативных заданий не должен нарушаться их боевой состав (Kriegsgliederung), чем обеспечивается однородность и согласованность действий. На эти недостатки уже давно обратили внимание немецкие военные писатели, почему и привожу ниже их самые характерные взгляды.

[1]) Immanuel Taktik M. 1 стр. 29.

„Не подлежит никакому сомнению—пишет полк. Иммануэль, что выделение боевого резерва при теперешнем расчленении возможно только путем разрыва единиц. Если, напр., комкорпуса выделит сильный резерв в составе пехотной бригады, то на этом потеряет дивизия, которая должна будет отдать половину своей пехоты; в самом деле она потерпит ущерб не только в своей боевой силе, но равно и в своем значении, как боевая единица. В таком же самом отношении нарушит начдив состав бригады, комбриг—состав полка при условии выделения необходимого им резерва“.

Согласно ген. Мозера **), при немецкой системе „комкорпуса (в отношении своих дивизий) является всегда берущим или дающим из кармана другого“, что составляет психологически невыгодное явление. Наконец генерал Ф. Фрейтаг—Лорингофен ***) добавляет: „Никогда не удастся избежать целиком нарушения соединений, когда существует двуделимость дивизий, бригад, а у нас также и корпусов. Противостоять злу в широком масштабе может только трикратная система, которая для войны должна стать закономерной. Двуделимость корпуса является особенно вредной при выделении одной из дивизий, так как остающаяся в корпусе дивизия полагает двух командиров: начдива и комкорпуса. Поэтому нет никакого сомнения, что триделимость корпуса является сама по себе желательной вещью, однако, с другой стороны, надо добавить, что проведение этой системы является нелегким делом“.

III.

В некоторых армиях не остановились на одном только признании достоинств трикратной системы; наоборот, уже перед войной мы встречаем некоторую деятельность в направлении применения ее с частичными реформами, с проэктами, оговаривающими конкретные способы замены двукратной системы целиком или частично. На первом месте стоит Англия, имевшая свою армию, уже перед войной, сформированной на основании трикратной системы, а именно, английская пехотная дивизия состояла из трех бригад, каждая силою из 4-х восьмиротных баталионов.

Трикратная система была применена в сфере дивизий и бригад.

Однако ниже—организация носит чисто английский отпечаток, так как не имеется полка, как организационного звена, а вместо этого бригада непосредственно разделяется на 4 баталиона, каждый нормальной силой в 1000 солдат, разбитых на 8 рот. Но так как до реформы Китченера вся английская армия состояла только из 6 дивизий, то естественно организация эта не могла служить примером для миллионных войск европейских государств.

**) V. Moser—Die Führung des Armee korps im Feldkriege, Berlin 1913 Mittler u. S стр. 108—109.

***) Br v Freytag—Loringhoren Betrachtungen über den r. j—Kreig t. II Berlin 1913 Mittler u. S стр. 117—118.

Неудобство двукратной системы при выделении резерва итальянцы старались отчасти избегнуть придачей корпусному командованию трех батальонного полка „берсальеров“, французы же созданием резервной бригады силой в 6 баталионов (таблица № 1).

Немцы в теории пошли еще дальше, выдвигая положение о корпусе в 3 дивизии. По этому поводу полк. Иммануэль*) пишет: „И образование третьей дивизии, составленной согласно теперешних принципов, не устранит совершенно зла, существующего в корпусе“.

Несомненно комкорпуса имел бы в этой третьей дивизии, находящейся в его распоряжении, боевую силу, обеспечивающую ему влияние на исход борьбы. Однако против такого разрешения вопроса находится возражение, что корпус из 3 дивизий, будучи, например, ограничен одной дорогой в составе армии, не мог бы ввести в бой, в тот же самый день, всех своих сил, в виду длины походной колонны, доходящей до 36 километров: головная дивизия с прикрывающими частями 14 кил. и каждая из остальных дивизий по 11 кил.

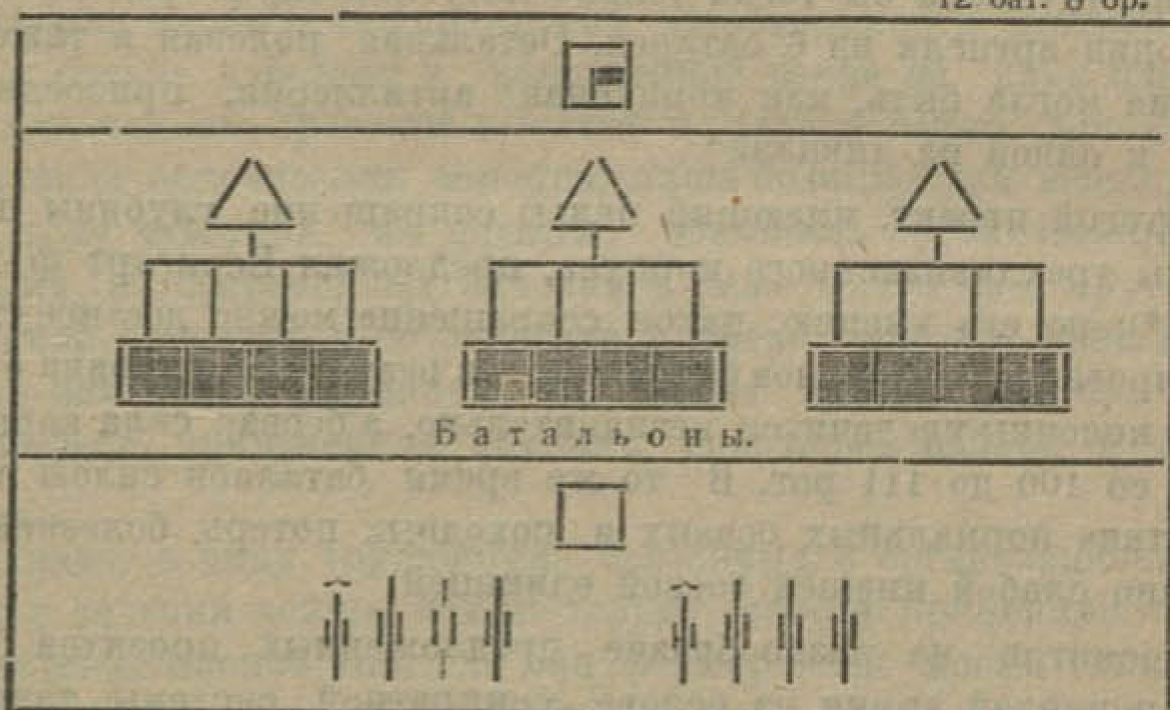


Таблица № 2.

Выгода разделения корпуса на 3 дивизии проявилась бы тогда, если-бы возможно было разделением сил самой дивизий действительно сократить глубину ее походной колонны.

Генерал ф.-Мозер**) видит выход из этого затруднения в „разделении корпуса на три малых поворотливых дивизии, как это принято некоторыми государствами (напр., Турцией) при новом составе полевых армий“. Такое разделение „было бы несомненно полезным для немецкого корпуса, однако, подобная реформа, при большом числе немецкого войска, связана с такими коренными изменениями и большими расходами, что ожидать проведения ее в мирное время почти невозможно“.

*) Immanuel—там же.

**) Y. Moser—там же.

Более конкретезирует свои проекты ген. бр. ф.-Фрейтаг-Лорингофен*): „Наши теперешние корпуса—пишет он—занимают по одной дороге до 25 километров**): это максимум того, что может поместиться на одной дороге, если переход должен быть выполнен в один день. Нельзя поэтому, не нарушая одновременно подвижности армии, преступить эту походную глубину. Французы, без сомнения старались устранить современные неудобства двукратной системы добавлением к своим корпусам по резервной бригаде из 6 баталионов; причем увеличили даже недавно кадры резервных бригад дивизий. В виду того, что французский корпус имеет еще корпусную артиллерию, комкорпуса, при современном боевом составе корпуса, может выделять резерв без нарушения соединений своих активных дивизий. Однако, при такой трикратной системе появляется скверная сторона под видом действительного увеличения глубины походной колонны. Удобнее было бы применить в корпусе трикратную систему, составляя его из трех более слабых дивизий—силою по 9 бат-онов и 6 батарей. Каждая дивизия насчитывала бы тогда только одну пехотную бригаду из 3 полков и один артполк из 6 батарей. Остальная полевая и тяжелая артиллерия могла быть, как корпусная артиллерия, присоединена на походе к одной из дивизий".

Другой проект, имеющий целью сокращение глубины походной колонны трехдивизионного корпуса, предложил Бернгарт ф.-Шеллендорф***); по его мнению, такое сокращение можно достигнуть путем „формирования баталионов из трех рот", в результате глубина общей походной колонны увеличится незначительно, а боевая сила корпуса возрастет со 100 до 111 рот. В то же время баталион силою в 3 роты, вследствие нормальных боевых и походных потерь, болезней, был бы численно слабой низшей боевой единицей.

Несмотря на разнообразие предложенных проектов реорганизации немецкой армии на основе трикратной системы, таковая реорганизация перед войной не наступила, вследствие тех затруднений, связанных с колоссальной работой по ее проведению, на которые указал уже ген. Ф. Мозер. „И хотя как в теории, так и на практике—говорит Иммануэль[1]) трикратная система превосходит двукратную, все же, ввиду трудности осуществления этого старого пожелания, все останется так, как существует почти теперь повсюду".

В предвидении этих затруднений ген. ф.-Мозер****) выдвинул компромиссный проект, основанный на французских образцах „. . полезно было бы, по моему мнению, подумать и у нас о добавлении резервной пехотной бригады к активному корпусу. Эта бригада должна быть так сорганизована и так составлена, чтобы она вполне со-

*) Br. u Freytag—Loringhofen, там же.
**) Только боевые части.
***) Dienst des Generalstabes IV Aufl, стр. 210.
***) Immanuel, там же.
****) V. Moser—там же

ответствовала своему назначению—быть полезным орудием в руках комкорпуса. Поэтому она должна быть в высокой степени способной к маршам и бою. Так как комкорпуса будет применять эту бригаду и вводить ее в бой чаще всего в решительных пунктах: для охвата, прорыва, удара, иногда даже для принятия отступающих своих войск, причем часто необходимы будут форсированные марши, то от нее, прежде всего, потребуется ловкое и полное энергии тактическое поведение. Из этого вытекает, что пехотная резервная бригада должна состоять из самых молодых резервистов, должна быть обеспечена сильными кадрами активных унтер-офицеров и находиться под командой опытного генерала действительной службы. Таким образом, сформированная резервная бригада с приданной к ней резервной ружейно-пулеметной ротой явилась бы в руках комкорпуса сильным козырем, которого ему до сих пор не доставало, или который он должен был создавать в решительный момент путем отнятия частей от одного или от обоих начдивов".

Однако, в виду возникновения мировой войны, и эта половинчатая реформа не была осуществлена. Необходимость быстрой мобилизации и боевые действия в маневренной войне на двух фронтах не позволили немцам провести в жизнь в начале войны проэкты трехдивизионной организации корпуса; лишь позиционная война, которая с 1915 года охватила все фронты, позволила организование новых формаций на современных началах и даже выход из очерченных перед войной проэктов, в особенности в сфере корпус—дивизия. В основание для новых формаций был принят проэкт ген. бр. Фрейтаг-Лорингофена, примененный немцами еще перед войной в турецкой армии.

Однако, в виду трудностей, связанных с организационными работами в течении войны, немцы только отчасти применили трехкратную систему, именно там, где они формировали новые единицы. Поэтому вся масса дивизий, существовавших в мирное время, сохранила большею частью свою прежнюю двукратную организацию.

Подобные проэкты возникли и у нас в начале 1917 года, причем основной единицей польской армии должна была быть „малая дивизия" ген. бр. ф.-Фрейтаг-Лорингофена, значительно ослабленная в отношении артиллерии, кавалерии, а также технических и хозяйственных средств.

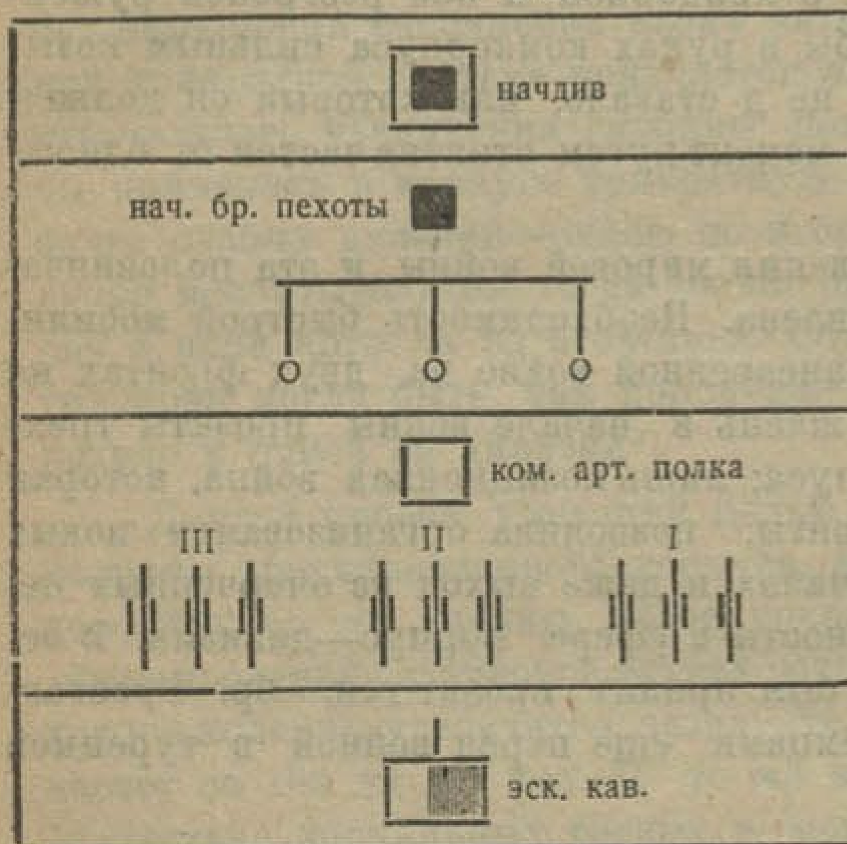
IV.

Мировая война, кроме Франции, втянула в вихрь военных действий Англию и, наконец, весной 1917 года Америку, т. е. государства, по общему мнению, не милитаристические, основывающие усовершенствование своих немногочисленных армий на системе добровольной вербовки ни численностью, ни состоянием своей боевой подготовки эти армии не удовлетворяли требованиям современной войны,

а потому как англичане, так и американцы принуждены были начинать формирование своих армий с начала.

Франция после победоносного отражения немецкого нашествия в битве на Марне и после безрезультатного „бега к морю“ (course à la mer) поздней осенью 1914 года приступила к реорганизационным работам, использовав для этого период относительного затишья на фронте, вызванного позиционной борьбой. Приступая к этой колоссальной работе, Франция остановилась на современной трикратной системе, настолько наделив свою трехполковую дивизию всеми вспомогательными средствами, что она сделалась самой меньшей оперативной единицей, вполне способной к самостоятельным действиям. Одновременно, принимая во внимание доминирующее значение, которое приобрела, наряду с пехотой, артиллерия, французское руководительство применило организацию этого рода оружия в пределах дивизии и в отношении пехоты, таким образом, что трем полкам пехоты соответствовали три дивизиона по три четырехорудийных батареи. Благодаря этому облегчалось выделение из дивизий смешанных отрядов (detachements) из пехоты и артиллерии. Кроме того, как пехота, так и артиллерия получили тактических специалистов, командиров, зависимых от оперативного командования—начдива. „Боевой состав“ (ordre de bataille) французской трехполковой дивизии, указан в таблице № 3.

Таблица № 3.



Англия остановилась на своем прежнем организационном фундаменте—трехбригадной дивизии, каждая бригада силой в 4 баталиона. Вместо прежних небольших 8 рот формировали четырехротные бат-оны нормальной силы—в 1000 солдат. Полка, как тактического соединения, у англичан не было.

Благодаря такой организационной системе, основанной на трикратном принципе, английская дивизия насчитывала 12 бат-онов по сравнению с 9 бат-нами французской дивизии. Дивизионная артиллерия состояла из артполка, разделенного на 2 дивизиона, каждый силою в две шестиорудийные батареи, вследствие этого, при выделении батарей в пехотные бригады, всегда нужно было разрывать тактические артиллерийские соединения. Непрактичным является еще и то обстоятельство, что число батарей меньше числа бат-онов, в резуль-

тате чего иногда приходилось дробить батареи с явным ущербом для их боевой деятельности, хотя этого дробления легко было бы избежать, заменяя шестиорудийные батареи четырехорудийными.

Английская дивизия так же снабжена артиллерией, как и французская, т. е. 4 орудия на бат-он, с той только разницей, что: а) 25% орудий составляют полевые гаубицы (11,75 сант.) и б) полевые орудия имеют калибр (8,38 сант.) больший, чем французские полевые (7,5 сант.), а потому и действительность их огня значительно больше. Боевой состав (ordre de bataille) английской дивизии указан в таблице № 2.

Америка. В американской армии, менее других обеспеченной кадровыми офицерскими и унтер-офицерскими составами, не имеющей, вообще говоря, начальников с современной боевой практикой в большом масштабе, начальников с теоретической подготовкой и маневренным опытом, остановились в пехоте на двукратной системе, как более легкой для восприятия, а в артиллерии—на трикратной. Однако трехполковая артиллерийская американская бригада состоит из 2 полков полевой артиллерии, соответствующих пехотным бригадам, и одного полка тяжелых гаубиц из 2 дивизионов, причем тяжелый дивизион, опять таки, соответствует бригаде. Обеспечение артиллерией является таким образом более богатым, чем в Англии и Франции, потому что составляет 4 легких орудия и 2 тяжелых гаубицы на один бат-он. Боевой состав (ordre de bataille) американской дивизии указан в таблице № 4.

Из армий этих трех государств, английская и американская армии не могут служить для нас примером, ввиду того, что они создавались при исключительных обстоятельствах, неприменимых к нам (за морем) и по окончании боевых действий были почти целиком демобилизованы при возвращении к прежней системе добровольной вербовки. Поэтому следует брать пример единственно с французской организационной системы, выработанной на основании продолжительных довоенных и военных опытов, т. е. с трикратной системы.

В армиях Антанты основной оперативной единицей была дивизия, а не корпус; она имела в своем распоряжении все необходимое для ежедневного существования и для боя. Благодаря этому, корпус сделался более облегченным, и войска в целом несомненно выиграли бы в подвижности и поворотливости, если бы вновь, под влиянием позиционной борьбы, Антанта не перегрузила их тяжелой артиллерией, а равно всякого рода средствами и сооружениями, необходимыми в окопах для жизни и боев.

Корпус приобрел скорее значение постоянного командования группой, составленной, в зависимости от нужды, из 2—5 дивизий, которые при этом могут постоянно сменяться. Подобное явление имело место и у немцев, где однажды произошел случай, что под корпусным командованием оказалось в известный момент операций до 11 дивизий. В подобных случаях командование корпусом выступало уже, как необходимое, облегчающее руководительство звено между выс-

шим командованием (ком. армии) и значительным числом дивизий, находящихся в распоряжении этого высшего командования. Вследствие этого, корпус был постоянно наделен кавалерией (2 3 эскадрона) для ординарческой службы и связи, а также тяжелой артиллерией и другими необходимыми учреждениями.

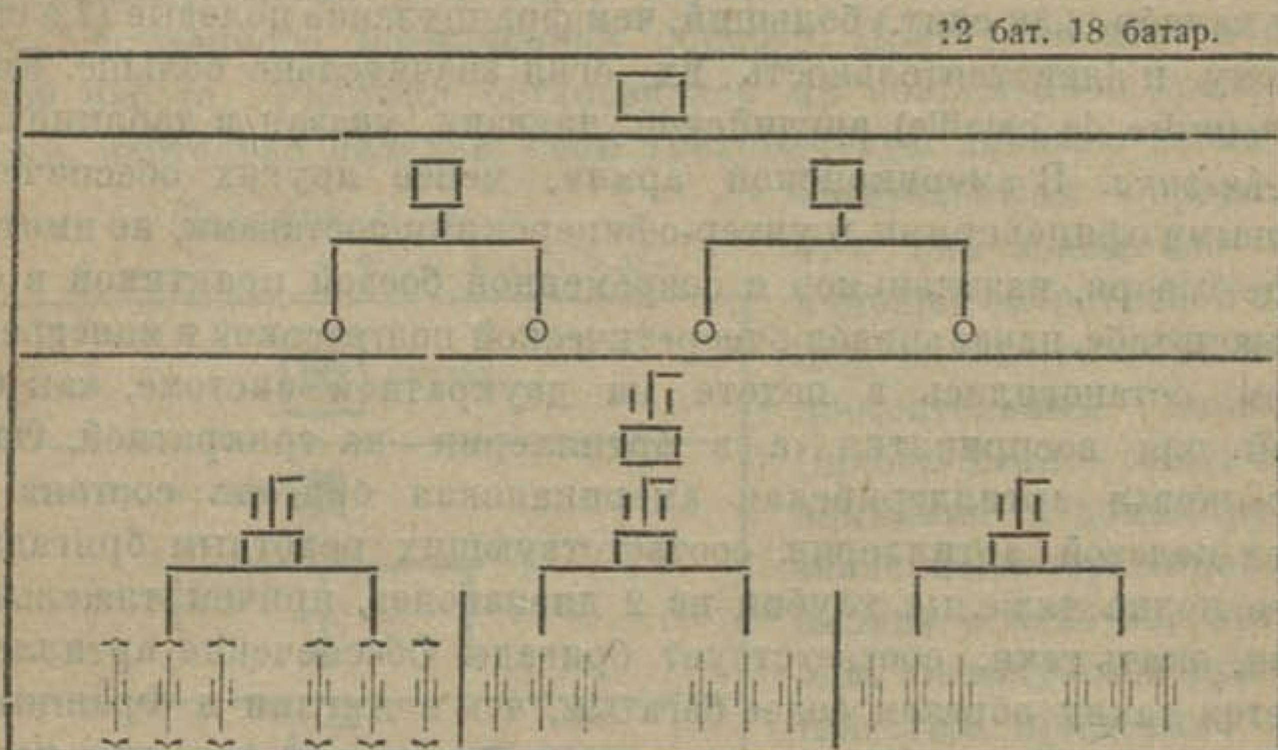


Таблица № 4.

Довоенный французский корпус, составленный из 2 дивизий и пехотной резервной бригады, заменен теперь корпусом из 4 трехполковых дивизий, что в сумме дает 12 полков против прежних 10. Таким образом, в организации корпуса применена четырехкратная система. Такое, однако, отношение корпуса к дивизии (1:4), хотя чрезвычайно увеличивает боевую силу первого, а тем самым его самодеятельность, в то же время уменьшает его способность к перемене фронта и движению и требует для роли комкорпуса чрезвычайно дельного генерала. Поэтому корпус из 4 дивизий, как постоянное войсковое соединение, невыгоден, в особенности при подвижных боях, с которыми всегда надо считаться в начале войны на нашей территории, лишенной естественных границ.

V.

Отдельно хочу остановиться над организационными работами в Германии и России, хотя принципиально они различны между собою. Характерно для них только то, что эти работы являются первыми опытами после войны государств, проигравших кампанию и вследствие этого *), прошедших или переживающих период революции. Кроме того, эти государства являются ближайшими нашими соседями и в то же время самыми грозными противниками на военном поле.

*) Заблуждение автора слишком очевидно, чтобы на нем стоило останавливаться. *Ред.*

Правда, об их организационных мерах в армии можно говорить только, как о временных опытах, предпринятых для выхода из тяжелого положения, в котором они очутились, тем не менее, на некоторый период времени эти опыты являются примерными, заслуживающими ознакомления и освещения.

Россия. Революция Керенского разрушила царскую армию и толкнула ее в направлении большевизма—на дорогу наименьшего сопротивления к немедленному окончанию войны.

Современные держатели диктаторской власти в России—большевики, захватив власть путем переворота, оперлись на армию, руководимую солдатскими советами. Но после переворота армия подверглась окончательному разложению, перестав существовать, как фактор силы, и став, вместо того, очагом общественной разрухи. Большевики, усмотрев, что дальнейшая опора на бурной стихии может сделаться гибельной для них самих, временно сформировали наемные войска (китайцы, латыши...) и коммунистические дружины, при помощи которых, с одной стороны, и террора—с другой, начали создавать большую Красную Армию—опору своей власти *). По необходимости в ее ряды были призваны, как специалисты, офицеры старого режима, уцелевшие еще от предшествующего погрома. Со временем были уничтожены солдатские советы и введена твердая дисциплина, основанная на каре смертью за самые малые нарушения. Истолкователями этих новых порядков в армии, вместо прежней войсковой иерархии, сделались комиссары, в помощь которым, как тактические специалисты, были приданы офицеры.

Большевики, давая армии новые моральные и дисциплинарные основы, хотели также дать и новую организационную систему, сами же, будучи людьми новыми и насквозь проникнутыми догматизмом, применили целиком, сверху до низу—трикратную систему. Боевой состав большевистской дивизии указан в таблице № 5.

Составленная таким образом дивизия в 27 баталионов, насчитывает по штату: на довольствии 25806 солдат, из них 12000 бойцов, при значительно слабой артиллерии. Бригады состоят исключительно из пехоты, вследствие чего приходится всегда делить артиллерию, что, впрочем, не затруднительно, ввиду применения трикратной системы и в организации артиллерии.

---

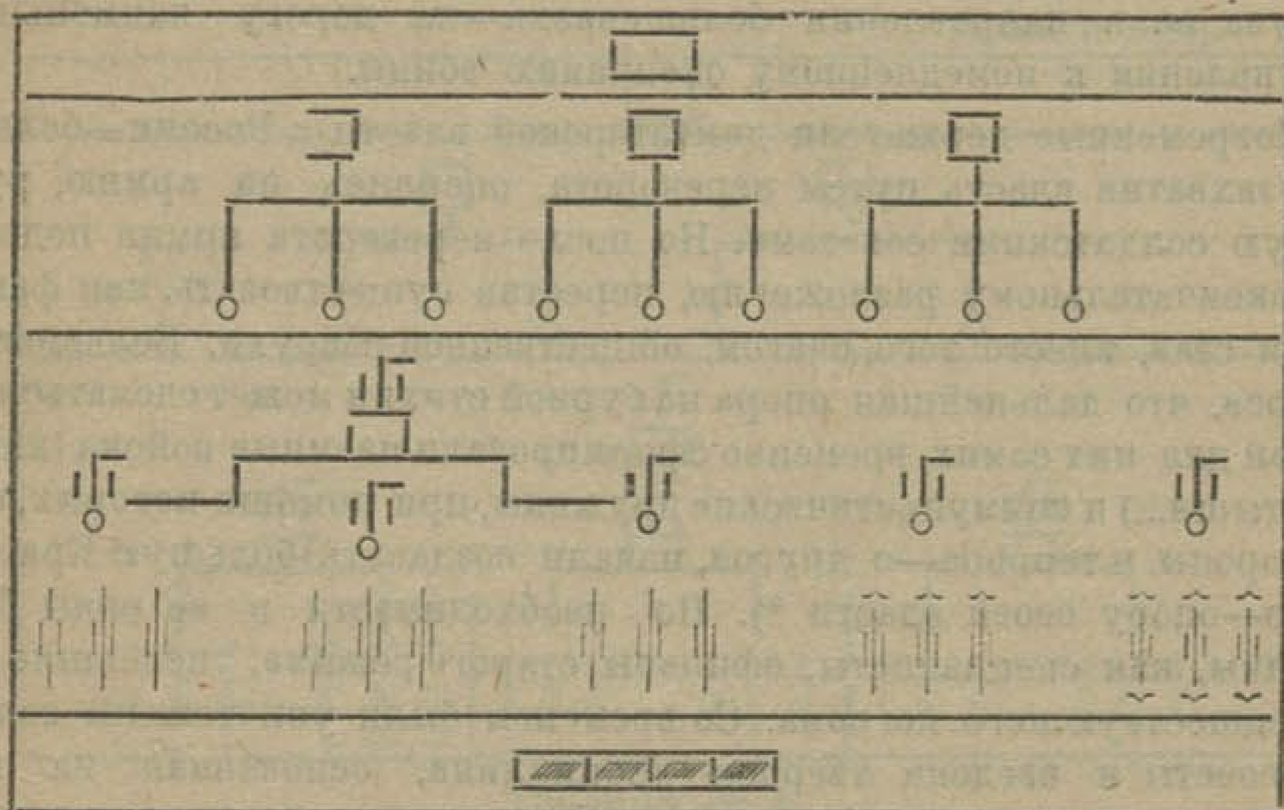
*) Характерно, что автор, усмотрев в Кр. Армии китайцев, не заметил в ней того революционного под'ема и об'единения с комсоставом на новых классовых началах, которые более всего содействовали строительству армии. Но таковы уже, вероятно, результаты „естественного подбора" офицеров в польской армии. К тому же автор в момент написания статьи, еще не располагая опытом, который был им, несомненно, приобретен потом, когда Красная Армия угрожала стенам Варшавы. В противном случае он отнесся бы к ней значительно серьезней и, вероятно, заметил бы многое, что ему так не хочется заметить.

Ред.

Боевая практика на польском фронте принудила большевиков создать из бригады оперативную единицу, придав к ней артиллерию и, часто, даже кавалерию.

Таблица № 5.

27 бат. 4 эск. 15 батар.



Вследствие перегруженности дивизии вспомогательными войсками даже при малочисленности тяж. артиллерии и техн. войск, большевистские отряды страдают недостатком способности к быстрым передвижениям *), а потому, с точки зрения операции, сконструированы плохо. Именно тут—при недостатке вышколенных командиров, общей необученности войск и дающих часто отказ средствах связи, трикратная система является трудной при применении, потому что не позволяет овладеть вполне войсками и использовать их, как подходящее орудие для военных действий.

Германия. В теории перед войной и на практике во время войны немцы были горячими приверженцами трикратной системы в организации дивизии, а именно в том, что считали дивизию в оперативном отношении за низшее звено в руках высшего командования. На таком основании они организовали турецкую армию.

Несмотря на многочисленные и победоносно проведенные операции, немцы проиграли войну; результатом проигрыша была современная (после войны) зависимость немецкой армии от чужестранной силы, Антанты, как в отношении численности, так и в отношении

*) Трудно понять, каким образом *недостаток* тяжелой артиллерии и технических средств мог *перегрузить* дивизии. Но верно, что дивизии из трех бригад при недостатках в подготовке комсостава, в перевозочных средствах и в средствах связи были для нас невыгодны.

Ред.

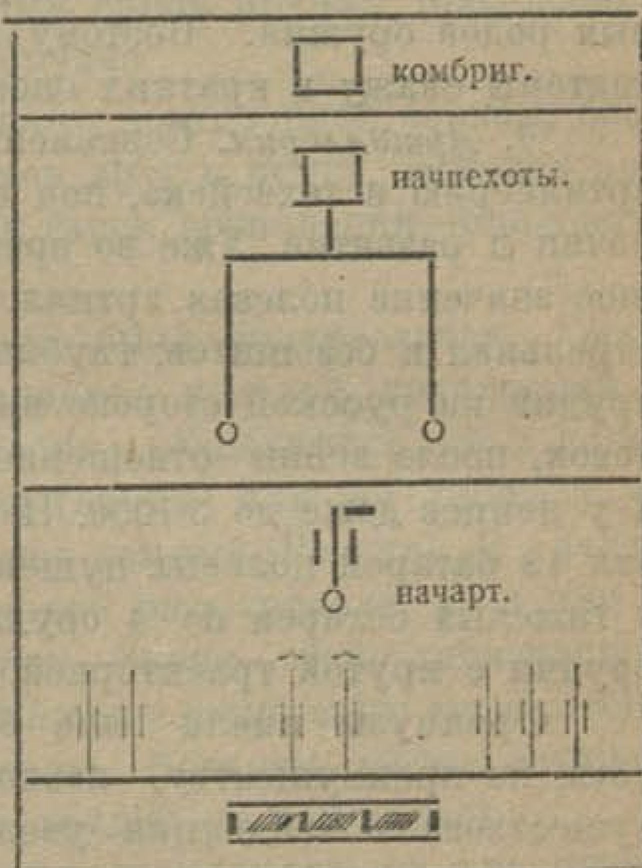
военной структуры. Немцы очутились в положении подобном после разгрома под Веной, когда им было навязано Наполеоном требование об уменьшении армии.

Поэтому, вместо нормальной работы над развитием и усовершенствованием армии, переработки и применения военных опытов, немцы должны были обратить всю свою энергию на то, чтобы вообще удержать армию, создав ей условия для дальнейшего развития. Эти ненормальные для строительства армии условия извратили намерения немцев. Чисто военные взгляды при организации армии были отодвинуты на задний план, давая место взглядам политическим. Как после Вены, немцы начали конспирировать.

Поэтому применение ими вновь в организации армии двукратной системы является результатом не опытов войны, а политической необходимостью, благодаря которой они будут в состоянии выставить в случае мобилизации довоенное число корпусов. Высшей войсковой единицей у них является „Reichswehr-brigade“*) (таблица № 6). Если сопоставим ее с охотничьими формациями „Sicherhei'tswechr'a“**), зависимыми от министерства внутренних дел, то убедимся, что вместе они составляют корпус, притом номерация обоих формаций вообще соответствует друг другу и равняется номерации прежних корпусов. Такимобразом, благодаря ограничениям Антанты, немцы принуждены были строить свою армию по системе нерациональной, даже странной, однако дающей им возможность легко выставить в случае войны от 20 до 24 действующих корпусов.

Таблица № 6.

6 бат. 5 эск. 7 батар.



Желая брать пример с организации немецкой армии, нужно поэтому иметь в виду их армию во время войны, когда она находилась на вершине своего развития и силы, т. е. когда она базировалась на трикратной системе.

VI.

До сих пор в своих рассуждениях я основывался на организации пехоты, однако помимо пехоты в состав корпуса входят артиллерия, кавалерия, технические и специальные войска, заведения, обозы

*) „Бригада правительственных войск“. *Ред.*

**) Охранных войск. Классовая организация, предназначенная для борьбы с революцией. *Ред.*

с аммуницией и провиантом, наконец лагеря. В виду того, что вопрос о присоединении этих частей к различным тактическим и оперативным единицам разрешен европейскими государствами различно, в виду того, что современная война дала много новых указаний в области употребления и применения различных родов оружия, наконец ввиду появления новой организационной системы—является необходимость осветить, в какой степени эти факторы повлияли на состав и организацию других, кроме пехоты, родов оружия. Главными родами оружия, кроме пехоты, являются артиллерия и кавалерия. Все остальные войска и вспомогательные военные учреждения являются необходимыми для повседневной жизни и функционирования войска как в мирное, так и в военное время, однако их организация представляет собою только отражение организации и состава основных родов оружия. Поэтому для дополнения картины трикратной системы скажу в кратких словах еще об артиллерии и кавалерии.

А. Артиллерия. Современная война выдвинула на видное место артиллерию и техвойска, под их флагом совершается теперь военный почин и развитие. Уже во времена японской войны приобрела большое значение полевая артиллерия, тогда еще только отчасти скорострельная и без щитов; гаубицы и мортиры были редкостью. Число орудий на русской стороне выражалось отношением 3 на 1000 винтовок, после войны отношение это возросло у русских до 4/1000, а у немцев даже до 5/1000. Немецкий корпус перед войной насчитывал 18 батарей полевых пушек, 5 батарей полевых гаубиц по 5 орудий, 4 тяжелых батареи по 4 орудия, всего 150 орудий, в том числе 52 орудия с крутой траекторией, т. е. 30%.

Французы имели еще более богатое снабжение артиллерией, хотя, по преимуществу, легкой полевой, в то время как у немцев существовала тенденция увеличения тяжелой полевой артиллерии. Современная война, где уже в начальных фазах боя вступает в борьбу тяжелая артиллерия (10,5; 12; 15 и даже 21 сантм.), подтвердила полностью предположение немцев о боевой действительности тяжелых калибров в подвижной войне. В виду этого воюющие государства начали быстро увеличивать тяжелую артиллерию, требуемую, притом, еще позиционной войной. Начальный перевес центральных государств в области тяжелой артиллерии, благодаря приспособлению французской и английской промышленности к военным нуждам, а главным образом, благодаря американской помощи—был уравновешен уже в 1916 году. Число орудий в отношении к пехоте постоянно растет и без преувеличения можно принять, что это отношение выразилось в числе 10/1000, из коих 50—60% тяжелой артиллерии. Войска стали окончательно перегружены последней, что было обусловлено заменой подвижной войны войной позиционной. В войне подвижной вооружение артиллерией должно приближаться к немецким довоенным нормам, иначе корпуса утратят свою подвижность, а также силу удара пехоты, энергия которой обратилась бы тогда на обеспечение своей

артиллерии. Генерал фон-Мозер пишет: „Через добавление резервной пехотной бригады к каждому корпусу произошла бы дальнейшая выгода, а именно, получили бы внутри подвижного корпуса более рациональное соотношение сил между пехотой и артиллерией. При настоящих силах этих двух родов оружия внутри корпуса—24 бат-она и 24 батареи по 6 орудий—надлежит опасаться, что после первых больших маршей и решительных боев пехота, уменьшенная вследствие походных и боевых потерь на $^3/_4$ или $^2/_3$ своих сил, не могла бы в дальнейших боях развернуться на широком фронте на 144 орудия, необходимом для атаки или обороны; поэтому значительная часть полевой артиллерии должна была бы отпасть или быть недостаточно обеспеченной на своих позициях".

Для подвижной борьбы желательным типом орудия продолжает быть и далее скорострельное полевое орудие.

Тяжелые калибры—это необходимость позиционной борьбы; благодаря приближению окопов противников друг к другу, тяжелая артиллерия частично была заменена новым типом артиллерии—ближнего боя, минометами и бомбометами.

Разница в организации артиллерии была значительная. Одни государства создавали, как высшую единицу полевой артиллерии—бригаду с 2 артполками, причем последние разделялись на 2 дивизиона по три 6-ти орудийных батареи (немцы) или же бригаду из 3 дивизионов по три 8 орудийных батареи каждый (Россия). В других государствах высшей единицей артиллерии был артполк из 2 или 3 (Франция) дивизионов по 2—3 батареи. Кроме этой дивизионной артиллерии некоторые государства имели еще корпусную артиллерию (Австрия и Франция), полевую и тяжелую. Наконец, состав батарей изменялся в границах от 4 (Франция) орудий до 8 (Россия).

Во время войны некоторые государства приняли от французов систему четырехорудийной батареи, как более легкую для управления и передвижения, а благодаря скорострельности дающую почти тот же самый огневой эффект при условии достаточного снабжения снарядами.

Я не собираюсь полемизировать, какая организация более всего соответствует артиллерии, это дело специалистов-артиллеристов. Мое дело заключается в том, чтобы, принимая во внимание трикратную систему, начертить схематический абрис разделения артиллерии и ее присоединения к пехотным единицам. В данном случае надлежало-бы руководствоваться следующими взглядами:

1. Вся масса артиллерии в трикратном корпусе должна состоять из 4 групп: три первые одинакового состава должны быть приданы к пех. бригадам*), четвертая, составленная из полевой и тяжелой артиллерии, должна находиться в непосредственном распоряжении

*) Сам автор выше считает, что 50—60% тяжелой артиллерии это—уже перегрузка. *Ред.*

комкорпуса, возобновляя таким образом „артрезерв“ корпуса. В этом случае место и способ ее употребления зависили бы от воли комкорпуса.

2. Для избежания перегруженности артиллерии, при трехполковой пехотной бригаде должен находиться только артполк, из трех дивизионов по 3 четырехорудийных батареи, в том числе один дивизион гаубиц. Всего в бригаде надлежит иметь 36 орудий, что дает отношение 4/1000, т. е. отношение, существующее в армиях французской и английской.

3. Корпусный артрезерв составляется из полка полевой, т. е. легкой, артиллерии и полка тяжелой; этот последний состоит из дивизиона дальнобойных пушек, дивизиона гаубиц и дивизиона мортир; дивизионы также трехбатарейные. Таким образом на корпус пришлось бы 180 орудий, в том числе полевых—96, т. е. 53%. Отношение орудий к корпусной пехоте достигло бы 6—7/1000 и было бы весьма полезным по сравнению с нормальным снабжением артиллерии, принятым в других государствах. Само собой разумеется, что для специальных заданий и целей, как, напр., позиционная борьба, атака укрепленных пунктов, прорыв фронта, форсирование рек и проходов и т. п., артиллерия и, главным образом, тяжелая должна быть стягиваема в данный пункт из общего артрезерва армии.

4. Кроме того корпус должен иметь в своем распоряжении противоаэропланные орудия, орудия траншейной борьбы (Ynfanterie-Geschütze), автомобильные и т. п.

Б. Конница. Вопрос о кавалерии в корпусе был разрешен также различным образом: разрешение зависило от взглядов, господствовавших в данном войске в отношении деятельности дивизионной и корпусной кавалерии. На ряду с чисто ординарческой службой (Россия), кавалерия эта несла службу тактической разведки, охрану флангов на малых расстояниях и внутреннее патрулирование. Стратегическая разведка, действие в тылу и на флангах противника—это была задача самостоятельной конницы. В зависимости поэтому от тех или других взглядов, встречаем в России только один эскадрон (secina) при корпусе и ¼ эскадрона при дивизии; в Австрии, помимо, так называемых, штабных взводов, при штабах дивизий и корпуса пехотные дивизии имеют по дивизиону кавалерии из 3 эскадронов; в Германии к каждой дивизии придан четырех-эскадронный полк, наконец, во Франции пехотная дивизия не имеет в своем распоряжении кавалерии, а вместо этого корпус имеет бригаду из 2 полков по 4 эскадрона. В настоящее время малая французская дивизия располагает эскадроном кавалерии.

Позиционная война уменьшила до минимума применение кавалерии; неподвижность и оцепенелость фронтов отняли у конницы поле деятельности, усовершенствованное огнестрельное оружие связывает движение на коне, летательный аппарат дает быстрее и лучше и притом более дальние сведения. Европейская война,

в большей части своей по преимуществу позиционная, отняла у конницы то значение, которое она несомненно имела еще в последние войны, где не было непрерывных фронтов, где существовали „разрывы—фланги“. Конница, кроме того, есть дорогой род оружия. Поэтому появилось тяготение к ее уменьшению.

Не следует, однако, забывать, что в будущем, в период мобилизации и начальных фаз каждой войны, на конницу будут возложены труды колоссального значения: прикрытие собственной мобилизации и сосредоточения сил и помеха в этом направлении неприятелю. Далее повсюду, где поднимается вопрос о решительном ударе, операции всегда будут иметь подвижный характер, а потому наличие численной и подготовленной к бою и к маневру кавалерии стано-

Таблица № 7.

Корпусное командование

III бригада
9 п. п. 8 п. п. 7 п. п.
3 п. пол. арт.
III II I
3/1 п. к. стрел.

II бригада
6 п. п. 5 п. п. 4 п. п.
2 п. пол. арт.
III II I
2/1 п. к. стрел.

I бригада
3 п. п. 2 п. п. 1 п. п.
1 п. пол. арт.
III II I
1 эск. кон. егерей.

Артбригада
1 п. тяж. арт.
III II I
4 п. пол. арт.
III II I

1 п. кон. егерей
4. 5. 6.

вится необходимостью. Наконец, в условиях специально польских, длинная линия открытых границ принуждает иметь многочисленную конницу, в особенности на восточной границе.

Новые условия боя поставили также большие требования кавалерии. Она должна не только стремиться в будущем к удару холодным оружием, но и уметь самостоятельно вести и выдержать атаку в пешем строю.

Такое требование следует пред‘являть стратегической коннице.

Отрядная кавалерия, предназначенная для более ограниченных целей, скорее ординарческих, чем боевых, является равным образом необходимой. Дивизии английские и американские—сформированные в течении войны для позиционной борьбы, кавалерии не имеют. В движении, когда технические средства связи откажут, в особенности в неприятельской стране, хороший конный патруль окажет ничем не заменимые услуги. Присоединение кавалерии к дивизиям или бригадам придает этим единицам известную самостоятельность.

Поэтому как в самостоятельных соединениях (стратегическая кавалерия), так и в приданных к отрядам частях, конница продолжает сохранять неуменьшенные права к существованию, потому что только подвижная война дает развязку, а потому к такой войне должна быть приспособлена организация отдельных родов оружия. Кавалерия должна быть приспособлена к условиям трудной полевой работы, иначе, несмотря на красивый вид в мирное время, может не оправдать надежд в первые же моменты войны.

Не рассматривая организацию самостоятельной конницы, полагаю, что при трикратной системе дивизии (бригады) корпуса должны иметь по целому эскадрону (150 сабель) для службы связи, ординарческой и патрульной, кроме того в распоряжении корпусного командования необходимо наличие трехэскадронного полка по образцу английскому или японскому.

VII.

Какие же отсюда вытекают посылки для организации польского войска?

1. Войска надо создавать на основе трикратной системы, принятой главными военными государствами—Францией, Германией и Россией и имеющей более всего плюсовых сторон.

2. При такой системе наиудобнейшей единицей был бы корпус из 3 бригад, каждая составленная из всех родов оружия. Называю такую единицу бригадой, а не дивизией, потому что исключаю, так называемого, командира пехоты, который существует в организации французской и немецкой, вследствие чего бригадир явился бы одновременно не только командиром пехоты, но и др. родов оружия, отсюда бригада, а не дивизия.

Боевой состав такого корпуса указан в таблице № 7.

3. Таким образом сформированный корпус более всего удовлетворяет пунктам, об'ясненным в главе II. Возражение о недостатке силы удара является неосновательным, потому что, хотя дивизия состоит из 9 баталионов, корпус состоит из 27 бат-онов, а потому является более сильным, чем корпус, организованный по двукратной системе.

4. Существует только еще один вопрос принципиального значения, а именно, что соответствует более всего польским условиям, как самостоятельная оперативная единица, корпус или бригада?

Разрешение этой проблемы зависит, прежде всего, от обширности территории и плотности населения польского государства. Если примем во внимание, что, согласно довоенных норм, корпусный округ насчитывает в среднем до 2—3,000,000 жителей, то оказывается, что мы смело можем принять за таковую единицу корпус, в противном случае мы имели бы значительно большее число самостоятельных бригад, зависимых непосредственно от центральных военных властей.

5. При всех вышеуказанных рассуждениях естественно не принимались во внимание, как пример для будущего, наши теперешние военные действия на восточном фронте. В будущем нужно будет считаться скорее с русским „паровым валом“, который при помощи масс, брошенных, как то было осенью 1914 года, будет стараться достигнуть развязки.

Поэтому выводов, сделанных оттуда, не следует считать примерными в организационной области. Нам надо базироваться скорее на опытах Запада, как более современных и более применимых к тем формам, в которых несомненно проявится грядущая война.

В. Микулин.

Служба разведывательного эскадрона и приемы практического обучения ей в частях.

Работа отдельного раз‘езда, будь он даже ь большого состава, становится очень тяжелой, если раз‘езду приходится отойти на значительное расстояние от главных сил конницы и нести свою службу несколько дней подряд.

В этом случае люди и лошади, не имея смены, быстро утомляются от непрерывного напряжения, между тем как силы раз‘езда быстро тают—приходится выставлять промежуточные посты для передачи донесений, отправлять из раз‘езда всадников, последним, быть может нести потери и т. п.

Практически можно считать, что к началу третьих суток своей работы отдельный раз‘езд настолько ослаблен численно и настолько утомлен предшествующей службой, что ожидать сколько либо серьезных результатов от дальнейшей его работы трудно, *особенно если раз‘езду придется для достижения этих результатов действовать силой, в чем почти всегда неизбежно встретится надобность.*

Доставка донесений от отдельного раз‘езда также встречает много затруднений, *особенно если раз‘езд пробрался в тыл противника.*

Люди и лошади сильно утомлены; в карте отдельные всадники в большинстве случаев разбираются плохо, а между тем ехать с донесением приходится чаще всего по незнакомой, новой дороге, да еще рискуя везде нарваться на противника.

При этих условиях на благополучную, *а, главное — своевременную* доставку донесения надежды очень мало, и часто, очень часто весь результат тяжелой и опасной работы раз'езда обесценивается пропажей или *опозданием* донесения.

Наконец отдельные раз'езды могут вести наблюдение лишь в сравнительно узкой полосе местности; а еще вернее—по определенному лишь направлению (дороге). Поэтому, при ведении разведки на широком фронте, можно всегда опасаться, что раз'езды противника проскользнут незамеченными между нашими.

Высылать же отдельные и достаточно сильные раз'езды *на все пути*, идущие от противника—невозможно, так как это поведет к непосильному наряду на одну лишь разведку.

Короче говоря, следует признать, что в общем и целом способ разведки при помощи *одних* отдельных раз'ездов пригоден *лишь* в том случае, если разведка ведется накоротке, на сравнительно небольшом участке, и не особенно крупными частями конницы (отдельный полк напр.); в этих условиях протекает работа дивизионной конницы (при пехотных дивизиях) и для последней высылке отдельных раз'ездов является обычным и нормальным приемом ведения разведки.

Что же касается конницы стратегической, т. е. крупных кавалерийских соединений (дивизия, корпус), имеющих *самостоятельное* задание перед фронтом своих армий или на флангах, а особенно в тылу противника, то для них этот способ разведки мало или вовсе непригоден в силу всех его недостатков, изложенных выше.

Вот почему крупные кавалерийские соединения обычно прибегают к другому приему—к высылке разведывательных эскадронов (§§ 111 и 117 пол. уст.), работа которых обычно дополняется на второстепенных направлениях отдельными раз'ездами (§§ 110 и 117 пол. уст.).

Такая организация обеспечивает:

1. *Активность разведки*, т. е. всегда своевременную и достаточную сильную поддержку передовых разведывательных органов там, где противник оказывает сопротивление и где надо проложить себе дорогу *силой*.

2. *Непрерывность разведки*, т. е. всегда заблаговременную замену передовых разведывательных частей другими по мере их усталости.

3. Прочную связь передовых частей назад, а тем самым—*надежность передачи донесений*.

4. *Наблюдение всех решительно подступов и путей* со стороны противника *на широком фронте*, что особенно важно тогда, когда направление движения противника только еще выясняется.

5. *Удобство организации и руководства*.

Разведывательные эскадроны следует считать, таким образом *основным* средством ведения дальней (стратегической) кавалерийской разведки.

ЧАСТЬ I-ая.

I. Краткое понятие об организации разведки при помощи разведывательных эскадронов.

Организация разведки при помощи разведывательных эскадронов обычно такова:

Полоса местности (§ 88 Пол. Уст.), подлежащая разведке, разбивается на полосы (§ 117 Полевого Устава), каждая из которых поручается отдельному эскадрону.

Ширина по фронту такой полосы обычно не превышает 8 верст (§ 109 Пол. Уст.).

Распределение производится в штабах, высылающих разведку, с таким расчетом, чтобы отдельные полосы были *обязательно* смежные и чтобы между ними не оставалось неосвещенных участков. Границы каждой полосы указываются по местным предметам и сообщаются соотв. командирам эскадронов, дабы последние совершенно *точно* знали, за какие полосы они несут ответственность (каждая полоса является „*сдачей*“ того эскадрона, которому она поручена).

В пределах порученной полосы каждый командир разведывательного эскадрона *совершенно самостоятельно* высылает раз‘езды и определяет число их и силу, а также задачи каждого из них (§ 117 Пол. Уст.).

Таким образом *вся ответственность за организацию и выполнение разведки на месте ложится на командира эскадрона*—отсюда видно, как важно для него основательно знать эту отрасль службы.

Обычно высылаются несколько разведывательных эскадронов сразу, захватывая таким образом определенный фронт.

Нормальные размеры последнего не превышают для кавалерийской дивизии 6-ти полкового состава 40—45 верст (§ 115 и применительно к § 109 Пол. Уст.) из расчета высылки не более одного эскадрона от каждого полка, что является нормой, превышение которой следует признать нежелательным в интересах сохранения боеспособности главных сил конницы и удобства управления разведывательными органами.

В случае необходимости еще *увеличить* фронт разведки—это может быть сделано путем высылки *добавочных* фланговых (иногда промежуточных) *отдельных раз‘ездов*, чем будет достигнуто увеличение еще верст на 8—10 (схема № 1). (§ 110 Пол. Уст.).

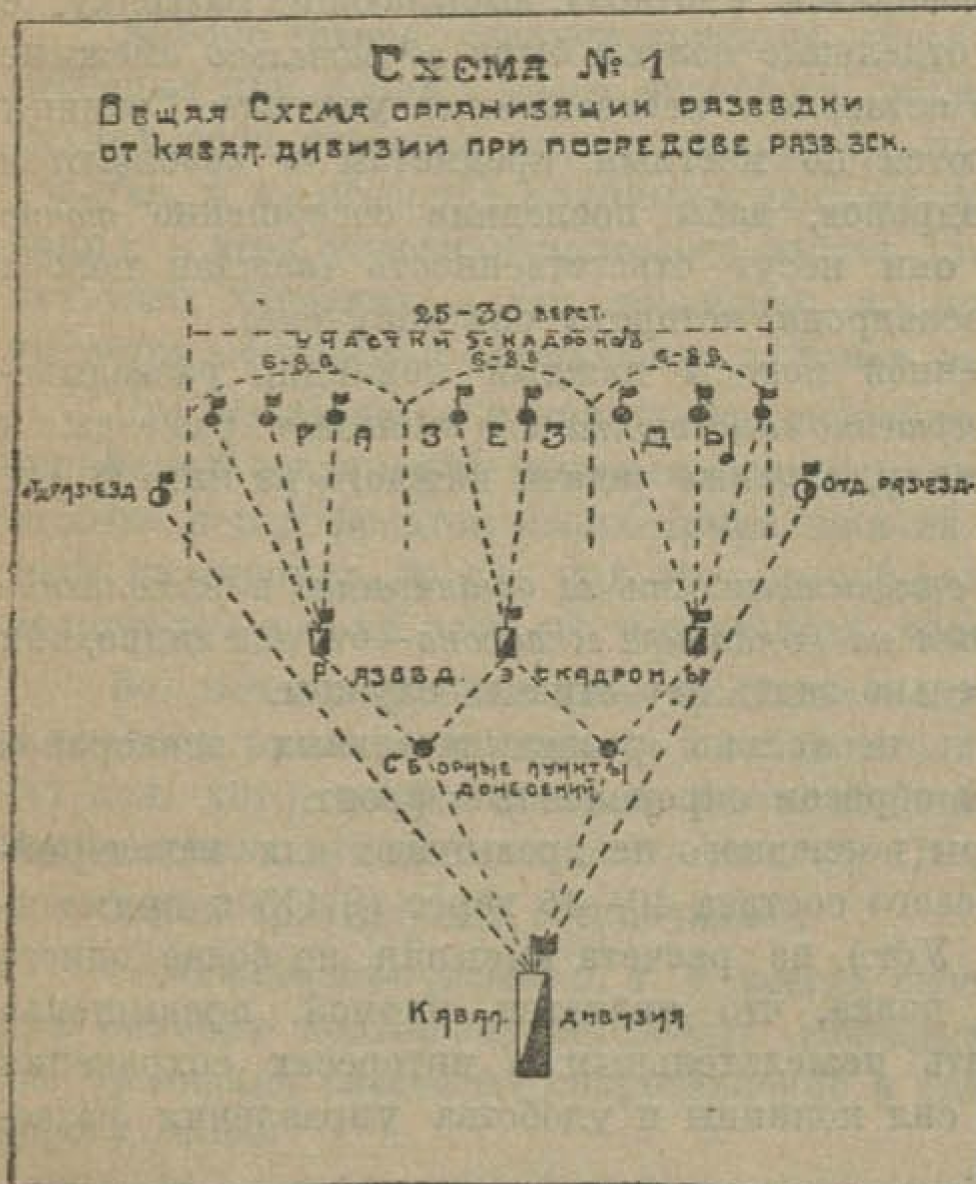
Фронт разведки в 55 верст следует считать *безусловно* предельным для кавалерийской дивизии и всякое дальнейшее увеличение этой цифры—уже исключительным и ненормальным явлением.

Что же касается расстояния, на которое высылаются разведывательные эскадроны от главных сил конницы, то это расстояние определяется, в среднем, верст в 20-25—примерно переход (§ 119 Пол. Уст.).

Увеличение этой нормы допустимо *лишь* в случае особо благоприятных и надежных условий связи разведывательного эскадрона с начальником конницы; тогда такое увеличение даже желательно.

Уменьшать же это расстояние не следует, так как чрезмерная близость разведывательного эскадрона к главным силам конницы не позволит им *своевременно* дать *нужные сведения*; проверить свои сведения разведывательные эскадроны тоже не успеют и, работа их не даст, в конечном итоге, возможности во время принять нужные меры.

Продолжительность службы разведывательного эскадрона может достигать нескольких суток и находится в *полной зависимости* от обстановки. Последнюю всегда стараются использовать так, чтобы смену одних разведывательных эскадронов другими приурочить к определенным моментам в ходе отдельных боевых операций, чаще всего к концу таковых, когда сами события требуют высылки *новой* сети разведки, чаще всего уже в *ином* направлении (§ 87 Пол. Уст.).



Отсюда кстати вытекает необходимость *замены*, а не смены разведывательных эскадронов, так как возможность встречи сменяющих и сменяемых, даже при условии высылки обоих в одном и том же направлении, почти невероятна и может иметь место лишь случайно, так как сменяемый эскадрон находится в движении и не может иметь определенного местопребывания в своей полосе.

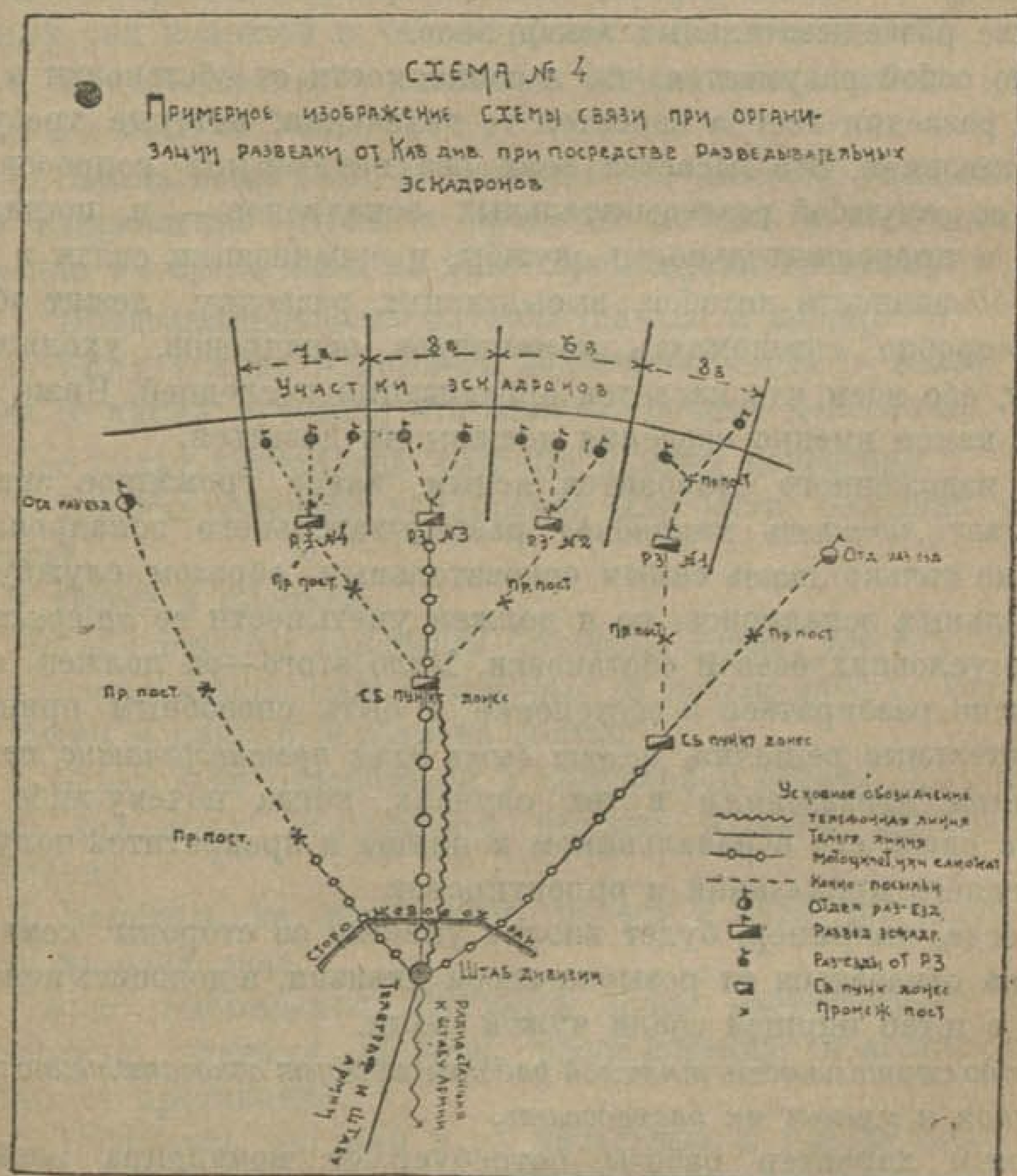
Поэтому обычно производится *замена во времени*, т. е. командирам эскадронов указывается день и час, когда они могут считать свою задачу оконченной; новые эскадроны высылаются с таким расчетом, чтобы быть на месте *несколько ранее* указанного срока (применительно к § 92 Пол. Уст.).

Определение продолжительности службы разведывательных эскадронов и замена их лежит на обязанности штабов, высылающих разведку.

Вопрос связи приобретает для разведывательных эскадронов особенное значение, как обеспечивающий успех всей их работы.

Связь по фронту, т. е. с соседними разведывательными эскадронами, обычно *не поддерживается вовсе*, так как это привело бы к громадному расходу людей, принимая во внимание неопределенность местопребывания соседних разведывательных эскадронов, находящихся в движении. Даже большой наряд на связь по фронту последней не обеспечил бы, и поэтому *все* сведения о соседях и об изменениях обстановки на участке командиры разведывательных эскадронов получают *через начальника конницы (через связь в глубину)*, сами же *непосредственной связи* вправо и влево *не* поддерживают.

Зато тем большее внимание обращается *на связь в глубину*, которая одна обеспечивает и отправление донесений и получение приказаний, ориентировок в обстановке, сведений о соседях и т. п. (схема № 4).



Для обеспечения связи и быстроты передачи обычно выставляются распоряжением начальника конницы *сборные пункты донесений* в составе ответственного сотрудника штаба и команды всадников, с придачей им, по возможности, технических средств связи (мотоциклет, телефон и т. п.).

Эти сборные пункты располагаются обычно за двумя или несколькими эскадронами, в узле дорог, и служат приемниками донесений, идущих от командиров разведывательных эскадронов. Здесь донесения не только получаются, но и сводятся, и в таком виде передаются дальше (§ 85 Пол. Уст.).

В свою очередь разведывательные эскадроны выставляют от себя конные промежуточные посты, примерно через 10—12 верст, между собой и сборными пунктами (применительно к § 106 Пол. Уст.). В отдельных случаях эскадронам придаются иногда и средства технической связи, преимущественно мотоциклеты и самокатчики.

Главная забота об обеспечении связи и об ее организации (в целом) ложится на штабы, высылающие разведку. Разведывательные эскадроны должны принимать от себя *все меры* к поддержанию соприкосновения с головными частями связи, идущими из тыла.

Таковы, в общих чертах, основы организации разведки при посредстве разведывательных эскадронов.

Само собой разумеется, что в зависимости от обстановки в организацию разведки всегда вносятся те изменения, которые требуются этой обстановкой. Это касается всех без исключения вопросов, связанных со службой разведывательных эскадронов — и постановки заданий, и продолжительности службы, и организации связи и т. п.

На обязанности штабов, высылающих разведку, лежит обязанность подробно осведомлять командиров эскадронов, уходящих в разведку, обо всем, что касается организации последней. Ниже будет указано, какие именно сведения должны им даваться.

Из изложенного становится ясным, какое громадное значение приобретает *личность командира* разведывательного эскадрона. Он должен не только *знать* самым основательным образом службу разведывательных эскадронов, но и должен уметь нести ее *на практике* в тяжелых условиях боевой обстановки. Мало этого—он должен совершенно ясно разбираться в обстановке и быть способным принимать самостоятельные решения, *может быть даже противоречащие полученным раньше приказаниям* в тех случаях, когда почему-либо будет прервана связь его с начальником конницы и прекратится получение от последнего приказаний и ориентировок.

Иногда, например, будет вполне уместно со стороны командира эскадрона отказаться от розыска своей дивизии, а доносить непосредственно в штаб идущей сзади чужой части.

Продолжительность тяжелой работы требует основательного знания сил лошади и уменья их расходовать.

Самый характер работы потребует от командира эскадрона физической выносливости, сметливости, ловкости, глазомера и решительности в действиях, соединенных со смелой ездой и пониманием местности.

Одним словом, к командиру разведывательного эскадрона предъявляются очень и очень серьезные требования и удовлетворить им в

полной мере сможет *лить тот, кто неустанно будет работать* над собой в деле усовершенствования своих знаний, а над своей частью— в деле ее подготовки.

II. Работа разведывательного эскадрона.

1. Обязанности командира разведывательного эскадрона перед выступлением.

Командиру эскадрона обычно дается письменное приказание от штаба.

Если приказание дается на словах, то его следует *подробно записать*.

В приказании *обязательны* следующие данные:

1. Сведения о противнике.

2. Сведения о расположении и предстоящих передвижениях главных сил конницы и частей армии (*не записывается!*).

3. Предположение о действиях начальника конницы (*не записывается!*—§ 94 Пол. Уст.).

4. Задача эскадрона *), границы его полосы, указание важнейшего направления (пути) в пределах полосы и конечных пунктов движения на сутки (или на иные промежутки времени).

5. Продолжительность службы (начало и конец) **).

6. Кому и куда присылать донесения, когда (в каком часу) или откуда (с каких рубежей) отправлять срочные донесения.

Где будут выставлены сборные пункты донесений.

7. Полосы соседних эскадронов или пути соседних отдельных раз‘ездов.

8. Отзыв и пропуск.

На обязанности командира эскадрона лежит просить тех указаний, из числа перечисленных, которых он почему-либо не получил.

Затем командир эскадрона обязан:

1. Тщательно разобраться в полученной задаче *и, в случае малейшей неясности обязательно, просить* нужных раз‘яснений или дополнений.

2. Наметить на карте свою полосу и пути раз‘ездов, хотя бы только на один день.

Число высылаемых раз‘ездов *всегда* соответствует характеру местности и, главным образом, расположению и количеству путей, идущих от противника.

3. Назначить раз‘езды и их начальников, указав каждому из них задачу и конечные пункты суточной работы.

---

*) В задаче указывается, какие важнейшие сведения ожидаются от эскадрона. *Ред.*

**) Место *возвращения* (куда вернуться) не указывается, так как при продолжительной работе в несколько суток его указать невозможно, и это делается по мере надобности путем посылки соотв. приказания.

4. При отправлении раз'ездов проделать все положенное по Полевому Уставу (§ 94); при этом необходимо особенное внимание обратить на снабжение картами, биноклями, часами и компасами. Все эти предметы должны *обязательно* быть у каждого начальника раз'езда. Очень желательны карманные электрические фонари.

5. Цель движения всему эскадрону следует об'яснить лучше в пути, при этом желательно сообщить, как именно предполагается выполнить задачу, а если это почему-либо невозможно или неудобно— то хоть указать путь предстоящего движения.

Как правило, разведывательные эскадроны должны брать с собой *минимум* колесного обоза, дабы, в случае необходимости, беспрепятственно сходить с дорог и итти по местности. Безусловно всегда берутся (по 2 на эскадрон) тяжелые пулеметы (возимые на тачанках или иным способом), как составляющие основу огневой самостоятельности и устойчивости разведывательного эскадрона.

Кроме этого должны иметься ружья-пулеметы (Льюиса, Шоша и т. п.), по возможности по 2 на взвод, возимые попарно на особых вьюках или на людях (последний способ применяется раз'ездами при придаче им этих пулеметов). Ружейные патроны в достаточном количестве раздаются на руки и в седельный вьюк. Если по роду задачи необходимо иметь с собой подрывное имущество, то таковое берется в специальных вьюках.

В особых случаях, отдельным разведывательным эскадронам могут быть приданы, распоряжением начальника конницы, и легкие бронемашины.

Что же касается до *обоза*, как такового (продовольствие, фураж и т. п.), то он берется лишь *в тех отдельных частных случаях*, когда приходится предвидеть невозможность для разведывательного эскадрона добыть на месте все необходимое путем реквизиции (например, в лесистой или болотистой, мало населенной местности и в др. аналогичных случаях). Вообще же следует признать, что всякое увеличение числа колес при разведывательном эскадроне крайне стесняет подвижность последнего; держать же обоз сзади, на некотором расстоянии, не приходится, так как дополнительный расход людей на его конвоирование явится весьма обременительным и ослабляющим боевую мощь эскадрона.

Поэтому, беря с собой продфуражный обоз, командир разведывательного эскадрона должен ***твердо помнить***, что боевые действия эскадрона ***менее всего*** должны иметь конечной целью защиту и сохранение в целости своего обоза, и что заботы о последнем не должны помешать тому, *чтобы решительно бросить его*, если это будет вызвано обстановкой.

2. Движение разведывательного эскадрона.

Как правило, и ядро разведывательного эскадрона и высланные от него раз'езды движутся по дорогам *до тех пор, пока это возможно*

без ущерба для производства разведки, требующей движения подступами без дорог, в сфере соприкосновения с противником.

Такой порядок движения, соответствующий и указаниям Полевого Устава (§ 98), обеспечивает сохранность конского состава, а главное— возможность *скорее дойти* до противника, *„увидеть“* его.

Однако следует иметь ввиду, что уступать противнику пути движения тоже *не следует;* поэтому командир эскадрона должен избирать путь движения *явра в зависимости от обстановки, раз‘езды же вблизи противника всегда идут по местности.*

3. Скорость движения разведывательного эскадрона.

Вдалеке от противника скорость эта будет гораздо больше, чем вблизи от него, так как движение идет, как сказано выше, по дорогам, и надобности в особенно тщательном наблюдении нет. Является возможность идти переменным аллюром, не менее 8 верст в час. *Движение одним шагом безусловно неправильно,* как утомляющее людей и лошадей и *задерживающее* выдвижение разведки вперед.

При сближении с противником приходится идти без дорог. Вероятность встречи требует тщательного наблюдения и принятия мер осторожности, и движение сильно замедляется.

Обычно оно не превышает две-три версты в час.

Таким образом, средняя скорость движения разведывательного эскадрона исчисляется в 5—6 верст в час, из какого рассчета обыкновенно и исходят при рассчете суточного движения эскадрона (§ 100 Пол. Уст.).

4. Порядок движения разведывательных эскадронов.

Как уже сказано, разведывательные эскадроны высылают каждый в своей полосе один или несколько раз‘ездов (§ 117 Пол. Уст.).

Число раз‘ездов *во всех случаях будет находиться в зависимости от обстановки* и, главным образом, от количества дорóг, идущих от противника в пределах полосы, порученной эскадрону; *по каждому пути,* возможному для движения противника, следует выслать *особый раз‘езд.*

Сила этих раз‘ездов всего лишь несколько человек и редко достигает 8—10.

В очень редких случаях, когда самому раз‘езду поручается выполнение какой-нибудь самостоятельной задачи (напр. порча пути или т. п.), сила его *временно* доводится до взвода.

Раз‘езды высылаются в таком малом составе потому, что они двигаются на незначительном удалении от эскадрона и всегда могут расчитывать на быструю поддержку. Кроме того, незначительный расход на высылку раз‘ездов имеет значение и для организации замены их, которая при большом составе раз‘ездов должна была бы происходить реже, приводя к большому утомлению всего состава эскадрона.

Для большей устойчивости раз'ездов им необходимо придавать по 1—2 ружью-пулемету.

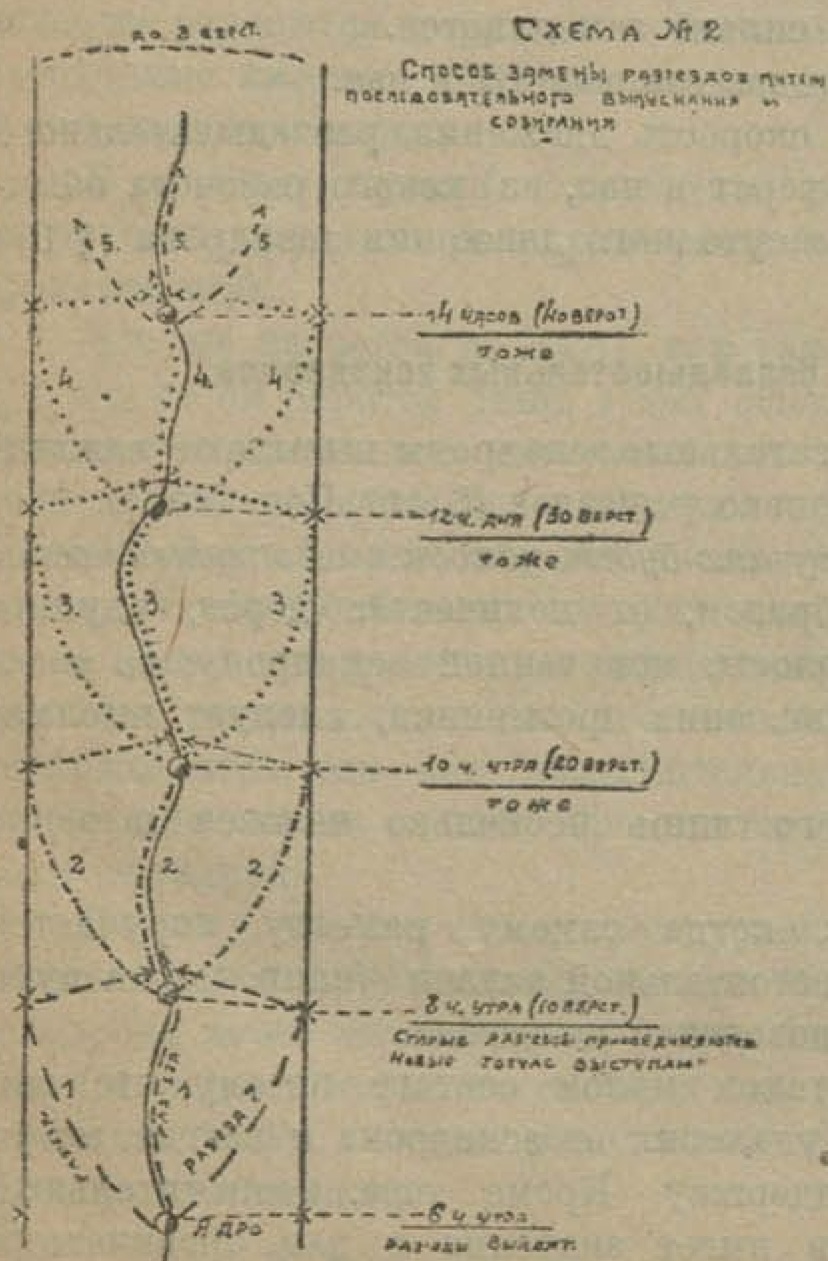
Удаление раз'ездов от ядра эскадрона не должно превосходить 8 верст (§ 118 Полевого Устава), в интересах своевременной поддержки их из ядра.

Эту норму следует считать *безусловно предельной*. Обычно раз'ездам не следует удаляться от ядра эскадрона дальше, чем на 5—6 верст. Ядро обычно идет по пути одного из раз'ездов, в зависимости от важности путей в своей полосе.

Что же касается продолжительности службы таких раз'ездов, то она может быть или суточной или ограничиваться всего несколькими часами.

В зависимости от того, какой способ избран командиром эскадрона, организуется и замена раз'ездов (§ 92 Пол. Уст.).

В случае, если решено замену раз'ездов производить *несколько* раз в сутки, то прибегают к приему *последовательного выпускания и собирания* их через известные промежутки времени или на заранее намеченных и удобных для этого рубежах (схема № 2).



Ядро эскадрона, по выходе на рубеж, намеченный для замены, *тотчас*. высылает новую серию раз'ездов и останавливается в ожидании того, пока старые раз'езды к нему подтянутся. Эта остановка ядра продолжается столько времени, сколько требуется для того, чтобы новые раз'езды ушли вперед на достаточное расстояние—верст 6 или около 1 часу времени, после чего движение продолжается до следующего рубежа, где замена происходит таким же порядком и так далее.

Отработавшие раз'езды идут на присоединение к ядру ускоренным ходом, чтобы не задерживать его ожиданием (по 8 верст в час—верста рысью, верста шагом).

Рубежи намечаются приблизительно верст через 8—10 друг от друга, применительно к местности: это соответствует, примерно часам

2-м хода от замены до замены и 3-м—4-м заменам раз'ездов на протяжении суточного перехода (в среднем 30 верст).

Этот способ удобен тем, что он не требует особенных рассчетов во времени; часы необходимо иметь только командиру эскадрона, начальники раз'ездов могут, на худой конец, обойтись и без них; весь эскадрон равномерно несет наряд, и лошади в раз'ездах не так устают, как при суточной замене.

Той серии раз'ездов, которая высылается перед ночлегом, делается распоряжение ночевать на определенном рубеже.

Ночевка и замена раз'ездов на утро следующего дня производится таким же точно порядком, как и при суточной замене (см. ниже); дальнейшее движение производится, как уже указано выше.

Зато этот способ весьма неудобен вблизи от противника, так как во время соприкосновения с последним сменять *раз'езды крайне нецелесообразно.*

Обычно применяется способ замены раз'ездов через целые сутки; в этом случае раз'езды ночуют самостоятельно, а к утру присоединяются к ядру эскадрона на ходу в каком-нибудь определенном пункте, лежащем на его пути. Новые же раз'езды *заблаговременно* высылаются из ядра, проходят через линию ночлега старых раз'ездов и следуют дальше (схема № 3).

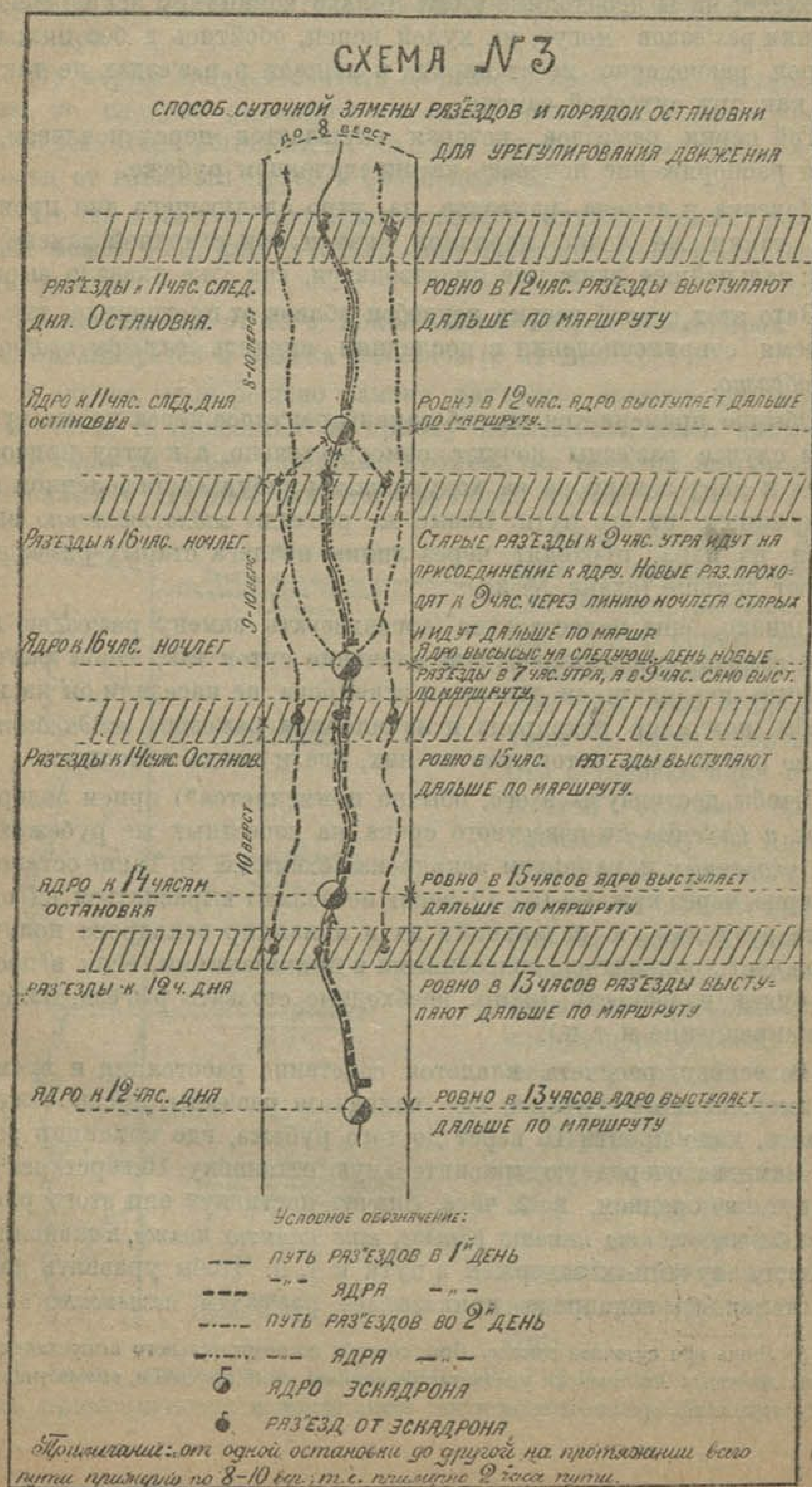
Однако, еще недостаточно организовать замену раз'ездов; надо еще и *урегулировать* их движение в течение суток так, чтобы раз'езды не зарывались слишком далеко от эскадрона, не наседали бы на него, и чтобы командир эскадрона и начальники раз'ездов *всегда были бы взаимно осведомлены* о том, кто из них, где и когда находится.

Чтобы достигнуть этого, обычно применяется*) прием задержки *и ядра и раз'ездов* до известного срока, на известных же рубежах, *заранее указанных* командиром эскадрона (схема № 3). Такие остановки, примерно, через каждые 10 - 12 верст позволяют выравняться на одной высоте раз'ездам, а начальники их и командир эскадрона получают возможность обменяться донесениями и приказаниями, если в последних будет надобность (напр. необходимо отозвать раз'езд, изменить ему направление и т. п.).

В основу рассчета кладется сочетание расстояния и времени, например: от того рубежа, где находятся раз'езды, предположим, в 12 часов, надо пройти 10 верст до того рубежа, где командир эскадрона наметил очередную уравнительную остановку. 10 верст раз'езды пройдут, в среднем, в 2 часа. Значит достигнут они этого рубежа около 14 часов, *кто немного раньше, кто немного позже,* в зависимости от дорог, случайных задержек в пути и т. п. Чтобы уравнять движение, командир эскадрона приказывает раз'ездам, *независимо от вре-*

*) Лишь при суточной замене. При способе последовательного выпускания и собирания движения *механически* уравнивается самими этими приемами, вызывающими задержку ядра и *одновременное* выдвижение новых раз'ездов.

мени выхода на указанный рубеж, задержаться на нем до 15 час. и *ровно* в 15 продолжать двигаться дальше.



Таким образом раз'езды около часа (*кто больше, кто меньше*) простоят на месте, успеют за это время снестись с командиром эскадрона, осмотрят седловку, ковку, подкормят слегка лошадей, соберут имеющиеся сведения у жителей и *ровно* в 15 часов, *без особого приказания*, продолжают двигаться до следующего рубежа, где опять задерживаются до того времени, которое будет указано командиром эскадрона.

Ядро движется точно также, верстах в 6—8 от линии остановки раз'ездов, задерживается на заранее намеченном рубеже и начинает двигаться в *тот-же час*, что и раз'езды. Таким образом последние не могут оторваться от ядра или слишком насесть на него, и между всеми частями эскадрона достигается *полная связь*.

На схеме № 3 подробно указано движение разведывательного эскадрона с уравнительными остановками.

При таком порядке движения оно должно быть заранее строго рассчитано командиром эскадрона и производиться *по часам*, без чего этот прием не дает ожидаемых результатов, а внесет лишь путаницу.

Какой бы способ ни применялся—он должен быть достаточно изучен в периоде обучения и не должен являться новостью для непосредственных исполнителей—командного состава и красноармейцев. *Отсюда вытекает необходимость тщательного обучения и большой маневренной практики в мирное время.*

Следует помнить, что данные указания не являются шаблоном, и окончательное решение только основывается на этих указаниях.

В общем же и целом разведывательный эскадрон должен двигаться *перебежками* (*перекатами*), используя командующие высоты и всякие укрытия для наблюдения, без которого отнюдь не двигаться дальше (применительно к § 99 Пол. Уст.)

Если при этом встречается необходимость перейти какой нибудь рубеж (напр. реку, болото), доступный на фронте полосы, указанной эскадрону, *лишь в одном каком нибудь месте* (мост, гать), то раз'езды, работающие вправо и влево от этого места, надо стянуть к нему, направляя их *вдоль* препятствия, для наблюдения за противоположной стороной его, а ядро эскадрона в этом месте *остановить* и *немедленно* выслать новую серию раз'ездов по ту сторону препятствий.

При этом раз'езд, шедший по дороге, ведущей через переправу, *обязательно* останавливается на ней и ждет подхода ядра, обеспечивая наблюдение. Таким образом *само препятствие* как бы предрешает уравнительную остановку и замену раз'ездов.

Само собой понятно, что нормальное движение по заранее произведенному расчету возможно лишь до встречи с противником.

Установив соприкосновение с последним, командир эскадрона обязан *его поддерживать и сохранять, как свою задачу*. Здесь уже уместны *любые приемы*, лишь бы только достичь цели—видеть, оставаясь самому невидимым.

В случае невозможности вести скрытую разведку, раз'езды поддерживаются из ядра, которое *с боем* продвигает их вперед. *Возможность делать это является одним из главных преимуществ разведывательных эскадронов* перед отдельными раз'ездами, не имеющими поддержки.

Вообще в это время командиру эскадрона приходится труднее, чем когда-либо. От его сметливости, изобретательности, находчивости и правильной оценки местности зависит весь успех работы.

Почти всегда командиру эскадрона необходимо принять *личное участие* в непосредственном наблюдении противника, оставив ядро эскадрона сзади, в укрытом месте, с мерами самоохранения.

В заключение остается указать, что разведывательные эскадроны работают преимущественно засветло и лишь в случае *крайней* к тому нужды—ночью.

При малейшей к тому возможности темноту следует использовать для подхода к цели разведки, последнюю же вести с рассвета.

5. Охранение движения разведывательных эскадронов.

Ядро эскадрона охраняется головными и тыловыми дозорами.

Раз'езды—только парными или одиночными головными.

Всякое большее увеличение наряда на охранение является излишним.

Осмотр местности по бокам достигается высылкой, *по мере надобности*, отдельных всадников из головного дозора с *присоединением* их к ядру эскадрона, откуда на пополнение высылаются в головной дозор *новые* всадники (применительно к § 423 Пол. Уст.).

6. Меры для скрытности движения.

Порядок движения разведывательных эскадронов несколько разнится от порядка движения отдельного раз'езда в отношении мер, принимаемых для скрытности своего движения.

Отдельный раз'езд, не имея поддержки, естественно принужден быть более осторожным, скрытным в своем движении, и применять различные приемы, вроде движения зигзагами и т. п., вообще—*прятаться*.

Разведывательный эскадрон, ведущий *активную* разведку, цель которой—*опрокинуть* разведывательные органы противника и, через них, дойти до его главных сил, может быть менее щепетильным в этом отношении, так как на его стороне сила и *особенно* скрытничать ему *незачем*.

Вместо этого разведывательным эскадронам необходимо всячески стремиться *к быстроте движения, имеющей при ведении дальней разведки огромное значение;* поэтому всякие приемы, замедляющие эту быстроту, должны быть отброшены.

Однако, в известных случаях, может оказаться полезным распускать ложные слухи о своих намерениях. Это всего удобнее через проводников, отпускаемых обратно, и через местных жителей. Точно также может быть полезным первоначальное движение в ином направлении,

нежели имеется в виду в действительности Этот прием удобен, однако, *лишь на известном расстоянии от своих главных сил* и применяется обычно по выходе с ночлегов.

Не следует также зря гоняться за небольшими партиями противника, отступающими перед эскадроном, обнаруживая себя и свои намерения. Лучше предоставить преследование нескольким всадникам, а с прочими уклоняться в сторону и продолжать движение.

7. Остановка для отдыха, продовольствия людей и лошадей и ночлега.

Останавливаться для этой цели следует в подходящих укрытых местах, *отнюдь не прерывая* наблюдение за противником. Такими местами могут быть не только лески, рощи, овраги и т. п., но и глухие хутора и фольварки, конечно при наличии надлежащих мер охранения и взятии заложников.

Охранение это будет состоять из отдельных постов и конных дозоров впереди их. Охранение должно быть *весьма рассчетливо* поставлено, дабы наблюдать за главными путями своего района, и должно быть, особенно ночью, *исключительно бдительно.*

Раз'езды, ночующие самостоятельно, охраняются часовым с подчаском и являются как бы *дальним охранением ядра эскадрона.*

На ночлег раз'езды следует ставить *ближе* к ядру и не далее 3—4 верст от него.

Только такие меры предосторожности позволят эскадрону, сохраняя надлежащую боевую готовность, расседлывать попеременно часть лошадей, *что является совершенно необходимым.*

Раз'езды, ночующие отдельно, лошадей *не расседлывают никогда.*

Находясь в явно враждебной стране, иногда полезно, став уже на ночлег, быстро сняться и уйти в другое место в целях обезопасить себя от возможности внезапного нападения.

Вообще к-р эскадрона обязан принять *все меры* к тому, чтобы эскадрон не подвергся внезапному нападению, так как таковое обычно расстраивает всю работу эскадрона на продолжительное время*).

8. Действия разведывательных эскадронов при встрече с противником.

Основная задача разведывательных эскадронов—это добыть сведения о главных силах противника. Поэтому командир эскадрона должен понимать слова „установить соприкосновение с противником“, *именно в том смысле,* что он должен дойти до его *главных сил,* при чем ему, по пути, придется встретиться сначала с разведкой противника, а затем с его охраняющими частями.

Поэтому разведывательному эскадрону следует действовать так, чтобы, возможно *скорее и решительнее, преодолеть* сопротивление этих частей.

*) При остановках необходимо иметь тайное охранение, высылать секреты, брать заложников, принимать все меры для отпора и быстрого ухода. *Ред.*

Наличие поддержки раз'ездов в виде ядра эскадрона является для этой цели весьма ценным, и командир эскадрона имеет возможность проталкивать свои раз'езды *с боем*.

Поэтому работа разведывательного эскадрона должна носить *исключительно активный и смелый характер*. В этом отношении разведывательный эскадрон имеет все преимущества перед отдельным раз'ездом и *обязан использовать их до конца, решительно опрокидывая* мелкие части противника, преграждающие ему дорогу.

9. Поддержание соприкосновения с противником.

Установив соприкосновение с главными силами противника, командир эскадрона обязан *поддерживать его непрерывно, считая его своей задачей*.

В этом отношении необходимо раз'яснить § 96 Полевого Устава, согласно которого раз'езды, по установлении соприкосновения с противником, должны *неотступно* наблюдать за ним.

Это указание следует *для разведывательных эскадронов* понимать так, как уже указывалось, а именно: *соприкосновением считать лишь встречу с главными силами* и, главным образом, с пехотой противника *).

Последняя имеет всегда определенное назначение и направление; выяснение последнего и численности частей облегчается медленностью движения пехоты, вся же совокупность сведений о ней является верным показателем намерений противника.

Поэтому-то разведывательные эскадроны и должны обращать свое главное внимание на розыск пехоты, отнюдь не привязываясь *к отдельным эскадронам* противника, несущим службу разведки впереди его расположения.

Их следует пропускать, если их невозможно отбросить; если же это окажется нужным, то для наблюдения за ними следует выделить *особый раз'езд*, приказав ему доносить *непосредственно от себя* в главные силы конницы.

Эскадрону же надлежит *идти вперед* к цели разведки—главным силам противника.

Однако, командиру эскадрона следует иметь ввиду, что соприкосновение с *несколькими эскадронами* противника может иметь важное значение в том случае, *если предстоит столкновение с крупными силами его конницы*.

Поэтому, решая вопрос—выделить ли отдельное наблюдение или привязаться самому к встреченным неприятельским кавалерийским частям—командиру эскадрона следует *всегда сообразоваться с обстановкой, теми сведениями о противнике, которые он получил* при выходе в разведку и с задачей своих главных сил.

*) Или с крупными силами его конницы, если наша конница таковую розыскивает или осведомлена о ее присутствии перед собой (§ 116 пол. уст.).

Никаких шаблонов здесь быть не может, и правильность решения *всегда* будет зависить от способности командира эскадрона оценивать обстановку.

10. Составление и отправление донесений.

Вся работа разведки определяется ее донесениями. Поэтому умение составить донесение приобретает громадное значение.

Разведывательные эскадроны работают для оперативных целей штабов, поэтому от них ожидаются донесения о том, что имеет значение в отношении операций противника Например: о занятии тех или иных дорог колоннами противника, направлении их движения, о достижении ими известных пунктов или рубежей, о составе и примерной силе этих колонн, о перевозках по ж. д., вообще обо всем том, что может способствовать выяснению места нахождения, направления движения, сил и направлений противника.

Очень важно доносить не только о том, где встречен противник, но и о том, *где его нет.*

Обязательно доносить о первой встрече с противником, также о первой встрече с его пехотой. Эти донесения отправляются *вне очереди,* точно так же поступают со своими донесениями, имеющими особо важный характер (§ 104 Пол. Уст.).

Все остальные сведения отправляются с срочными донесениями, *т. е.* такими, которые отправляются командиром эскадрона в *определенные* часы или с *определенных* рубежей, смотря по тому, как ему указано. Эти донесения отправляются *даже и тогда,* когда о противнике новых сведений *нет.*

Вообще следует иметь в виду, что чрезмерное количество донесений вредно, так как ослабляет эскадрон и загромождает штаб начальника конницы. Поэтому особые донесения следует посылать лишь в случае действительной надобности и важности сведений, а все прочее передавать в срочных донесениях. Разобраться, каким способом пользоваться—дело комэскадрона, который, прежде всего, должен руководствоваться обстановкой.

Донесения доставляются в штаб того начальника, который высылает разведывательный эскадрон. Если штабом был выставлен сборный пункт донесений, то последние направляются туда и адресуются на имя начальника пункта (§ 105 Пол. Уст.).

Донося о противнике, надо обязательно отвечать на следующие вопросы: *кто, когда, где и как:*

1) состав и численность противника,

2) точное время, до минуты, когда он замечен,

3) на каких местах он замечен,

4) в каком положении—на бивуаке, на привале, на походе, в каком строю, куда и каким аллюром двигается и т. п.

Очень полезный прием—в каждом донесении повторять содержание предыдущих—одного или двух, на случай, если они пропали в пути.

Все эти правила касаются и начальников раз'ездов и к-ра эскадрона.

Последнему необходимо делать сводки получаемых им донесений, чтобы избежать передачи маловажных или противоречивых сведений (§ 113 Пол. Уст.).

11. Доставка донесений.

Донесения от к-ра эскадрона идут обычно до выставленного штабом головного сборного пункта донесений, который передает их дальше при помощи технических средств связи и, в крайнем лишь случае—при помощи конных.

Как бы там ни было, командир эскадрона обязан принять меры к тому, чтобы доставка была бы, по мере возможности, обеспечена от всяких случайностей.

С этой целью более важные донесения следует посылать с двумя—тремя всадниками и по разным дорогам, при чем отправляемым сообщается содержание донесения; необходимо убедиться в том, что оно ими усвоено, *в крайнем случае* они смогут доложить его устно.

Везущие донесение должны ехать по дорогам, если они свободны от противника, *избегая, однако, населенных пунктов и прочих закрытий и стремясь к большому кругозору.* При встрече с противником, *если нет возможности уйти,* надо рассыпаться в разные стороны и пытаться выбраться по местности, а при *угрозе плена—уничтожить донесение.*

Скорость движения находится в полной зависимости от спешности донесения и от расстояния. По полевому уставу скорость обозначается „✕"—переменным аллюром, „✕✕"—как можно скорее.

На командире эскадрона лежит обязанность точно раз'яснить посланному, *как именно ехать* (*указать сочетание аллюров*), чтобы избежать гонки лошадей, так как отметки крестами не совсем ясны и могут вызвать недоразумения на практике.

Кроме этих указаний, необходимо, по возможности подробнее, раз'яснить посланному путь, по которому следует ехать, а в важных случаях—снабдить его картою, назначив человека, разбирающегося в ней.

В этом случае к-ры эскадрона *обязательно* должны наметить на карте, которая дается посланному, его путь следования.

12. Возвращение везущих донесение.

Всадники, посланные с донесением, точно руководствуются указаниями § 107 Полевого Устава, т. е. остаются *там, куда доставили* донесение, *и обратно не возвращаются. Это должны твердо знать все люди эскадрона.*

13. Работа раз'ездов, высылаемых от разведывательных эскадронов.

Работа эта производится точно так же, как и работа всякого другого раз'езда, с той лишь, однако, разницей, что эти раз'езды, будучи небольшого состава, в большинстве случаев будут избегать открытых столкновений и должны стремиться к тому, чтобы навести противника на ядро эскадрона, при помощи которого его и следует уничтожить, если это невозможно сделать своими силами; иногда уместно требовать поддержку из ядра к раз'езду. Наличие в раз'ездах ружей-пулеметов необходимо, как придающее раз'ездам значительную устойчивость и большую самостоятельность.

Начальникам раз'ездов следует обращать особенное внимание на то, чтобы связь его с командиром эскадрона отнюдь не прерывалась.

В остальном работа этих раз'ездов никаких особенностей не имеет и совершенно тождественна работе малых раз'ездов вообще.

Заключение.

Из изложенного можно видеть, что работа разведывательных эскадронов является *в высшей степени* серьезной и требующей большой практики, без которой разведывательные эскадроны никогда не дадут тех результатов, которых от них ожидают. Между тем, от этих результатов зависит многое.

По мере сближения главных сил конницы с противником, эскадронам, натолкнувшимся на неприятеля, приходится отходить на своих, вися на противнике с фронта. *Те же эскадроны, которые противника не обнаружили, углубляются на его фланги и в тыл к нему, продолжая разведку.*

Таким образом, противник оказывается окутан сетью щупалец, от которых *не должно ничто укрыться.*

Отсюда видно, *как важно*, что разведывательные эскадроны работали *без отказа, своевременно и беспрерывно* снабжая начальника конницы *точными сведениями.*

Это будет возможно *лишь* тогда, когда служба разведывательных эскадронов и ее особенности будут хорошо известны частям еще в мирное время.

Для этого, как уже сказано, нужна неустанная практика.

Приемы практической подготовки личного состава эскадрона к несению службы разведывательных эскадронов мы рассмотрим во 2-й части настоящих заметок.

ЧАСТЬ 2-ая.

Практические приемы обучения службе разведывательного эскадрона в частях:

Обучение это должно складываться из:

1) Обучения к-ров эскадронов умению рассчитать движение эскадрона и заменять раз'езды и

2) обучения личного состава эскадрона несению службы в разведывательном эскадроне.

1. Обучение командиров эскадронов.

Эти занятия должны быть организованы штабами не ниже штаба бригады и должны вестись не менее 2-х раз в неделю под непосредственным наблюдением и руководством командира бригады, в помощь которому следует привлекать командиров полков. Занятия должны производиться сразу со всеми командирами эскадронов бригады (8 человек).

Занятия должны производиться на картах, маштаба 2, 3 и 10 верст в дюйме и должны носить вполне практический характер.

С этой целью к-ры эскадронов получают задания в письменном виде (часть I, отд. II) и должны нанести на карте свои полосы, назначить число раз'ездов, дать их начальникам письменные распоряжения и точно рассчитать все движение эскадрона на 2 суток, включая ночлег и замену раз'ездов на следующий после него день.

Все расчеты должны сопровождаться соответствующими отметками на карте или на особой схеме.

Эти занятия, при правильной их постановке, быстро приучают к-ров эскадронов правильно намечать рубежи для уравнительных остановок раз'ездов и ядра и для ночлега и замены раз'ездов. При этом их следует практиковать как в способе суточной замены, так и в способе последовательного выпускания и собирания, дабы они вполне освоились и с тем и с другим.

В дальнейшем следует требовать, чтобы тот или другой способ применялся уже по выбору самих к-ров эскадронов в зависимости, главным образом, от топографии местности в пределах его полосы.

Эти занятия руководителям следует широко использовать для попутной практики обучаемых в чтении карт, особенно рельефа местности (командные высоты, проходимость тех или иных рубежей и т. п.).

Когда все обучаемые *вполне* усвоят технику расчета движения и замены и будут правильно применяться к топографии местности при производстве этих расчетов, следует назначить поверочное испытание, дав каждому из к-ров эскадронов различное задание в письменном виде, выполнение которого должно носить экзаменационный характер, *без каких либо указаний* со стороны руководителей.

Выполнение задания должно заключаться в представлении подробного расчета движения разведывательного эскадрона на 2 суток с соответствующими отметками на карте и с приложением всех последовательных распоряжений начальникам раз'ездов в письменном виде на бланках полевой книжки (за неимением готовых бланков—по форме таковых).

Отчетные работы в подлинном виде с заключением по каждой из них командира бригады представляются начальнику дивизии.

Занятия с командирами эскадронов весьма полезно закончить показательным выездом в поле с учебным эскадроном, на котором и продемонстрировать *практически* работу разведывательного эскадрона на полном протяжении суточного перехода (верст 30) с ночлегом и дальнейшим движением на следующее утро. При этом *все распоряжения делаются руководителем*, а присутствующие командиры эскадронов получают *подробнейшие* раз'яснения по поводу каждого отдельного распоряжения и проч.

Поучительность такого выезда может быть усугублена, если в одну сторону (движение в первый день) пройти с заменой раз'ездов по способу суточной замены, а на второй день вернуться домой, проделав по пути последовательное выпускание и собирание раз'ездов. При этом будет достигнуто полное усвоение разницы между этими способами и преимущество и неудобство каждого из них. Удобнее всего соблюсти именно указанную последовательность, что позволит на утро второго дня показать технику замены ночевавших суточных раз'ездов, пройдя несколько верст от места ночлега, после чего стянуть все к какому нибудь определенному пункту и считать таковой исходным для обратного движения уже *по новому заданию*, применяя, как указано, способ последовательного выпускания и собирания.

Практические выезды лучше всего произвести распоряжением начальника дивизии *одновременно* во всех бригадах под руководством командиров последних.

II. Обучение личного состава.

Когда к-ры эскадронов вполне подготовлены к самостоятельному руководству обучением эскадронов—переходят к последнему.

Оно разделяется на 4 периода:

1) обучение пешком (без оружия) на учебном плацу,
2) обучение верхом на сокращенных дистанциях и интервалах,
3) обучение верхом на действительных дистанциях и интервалах,
4) двусторонние занятия.

1. Обучение пешком

(2 занятия).

Эскадрон выводится в пешем строю, без оружия, на плац. Здесь к-р эскадрона об'ясняет, что такое разведывательный эскадрон, и краткую технику его работы, причем тут-же сопровождает об'яснения примерным размещением эскадрона на плацу на *условных* дистанциях (напр. 20 шагов—1 верста). Для большей наглядности границы полосы обозначаются веревкой или чертой на земле, для чего на плацу изображаются несколько условных местных предметов и рубежей (деревьев, рощиц, речек и т. п.), которые могут быть обозначены (напр. флагами, канавами и т. п.).

Выделяемые раз'езды назначаются обычной численности, 6—8 человек.

К-р эскадрона об'ясняет при этом последовательно—зачем нужны уравнительные остановки, какие могут быть способы замены раз'ездов и т. п.

Эти об'яснения сопровождаются соответствующими передвижениями частей эскадрона, опять таки на *условных* началах (1 верста—20 шагов).

Этим путем и младший комсостав и люди очень быстро схватывают сущность дела, так как все части эскадрона видны друг другу, и все, что они делают, тут же раз'ясняется (*зачем и как* следует делать).

Двух занятий пешком, при правильной их постановке, более чем достаточно для того, чтобы техника движения разведывательного эскадрона была бы вполне понята всем составом эскадрона.

2. Обучение верхом на сокращенных дистанциях.

Эти занятия приближаются по своему характеру к обучению на действительных расстояниях с той лишь разницей, что все последние сокращаются примерно раза в 4. Таким образом ширина полосы разведки не должна превосходить 2-х верст, а удаление раз'ездов от ядра 1—1 ½ верст. *Занятия должны вестись на местности совершенно открытой.*

Этот прием придает занятиям необходимый учебный характер, так как все части эскадрона будут друг у друга на виду, что не только облегчит всему эскадрону понимание действий отдельных частей, но позволит к-ру эскадрона, об'езжая весь эскадрон, делать соответствующие поправки.

Этот период особенно важен и для подготовки начальников раз'ездов (к-ров отделений, разведчиков), так как на учебном плацу их работа имела слишком условный характер. Здесь они получают уже известную самостоятельность, за проявлениями которой к-ру эскадрона следует зорко следить, чтобы сразу же направить ее в нужное русло.

Занятия этого периода производятся исключительно с движением вперед, опять таки на соответствующих условных началах (1 верста—¼), *о чем следут почаще напоминать, чтобы люди это все время помнили.*

Занятия следует заканчивать *условной* ночевкой и фактической заменой после нея (*как бы на следующее утро*) старых раз'ездов новыми, после чего эскадрон собирается, спешивается и производится разбор учения в присутствии всего состава, вслед за чем эскадрон возвращается домой.

Всего от начала движения следует проходить вперед верст 8, что в условном масштабе будет соответствовать примерно верстам 30, т. е. обычному суточному переходу разведывательного эскадрона.

В этот период обучения к-р эскадрона должен уже снабжать н-ков раз'ездов всеми теми письменными и устными распоряжениями, которые они должны получить в действительной боевой обстановке, что имеет целью освоить их с этими распоряжениями и сделать их для них вполне привычными.

В своих расчетах к-р эскадрона должен точно учесть условное сокращение времени и расстояния, самые же расчеты делать всегда заблаговременно, чтобы не заставлять эскадрон ждать зря.

Занятий на сокращенных расстояниях желательно проделать не менее двух.

Занятия эти имеют еще то то большое значение, что необходимость *условного* применения к расстоянию и времени заставляет начальников раз'ездов глубже вникать в сущность расчета движения и привыкать к нему.

Кроме того, эти занятия приносят огромную пользу с точки зрения изучения и оценки местности, так как уравнительные рубежи приходится указывать на этих занятиях *вне* крупных *естественных* рубежей, что вызывает необходимость для начальников раз'ездов тщательно учитывать небольшие высоты, лощинки, болотца и т. п. и уяснять себе их значение в общем ходе движения всего эскадрона, что весьма положительно отзывается на усвоении понятий о значении местности и ее элементов и на привычке к чтению карты, которая должна *обязательно* быть у каждого начальника раз'езда.

В случае малого количества времени, имеющегося в распоряжении обучающего, можно, в крайнем случае, переходить и прямо к занятиям на действительных расстояниях, но выдержка указанных переходов от одного периода обучения к другому все же крайне желательна в интересах конечных результатов обучения.

3. Обучение на действительных расстояниях.

Количество занятий будет, конечно, ограничено самим расстоянием и временем, так как служба должна нестись *не менее суток* с уходом эскадрона из района своего расположения верст на 25—30.

Поэтому к этому периоду следует переходить *не раньше*, чем предшествующий период не даст совершенно наглядных результатов.

Приемы обучения на действительных расстояниях ничем не отличаются от приемов, применяемых на сокращенных дистанциях; занятия этого периода следует рассматривать как отчетные, ибо здесь возможность *непосредственного* обучения за дальностью расстояния отпадает, и самое учение носит характер *практической проверки пройденного.*

Командир эскадрона должен использовать нахождение большей части эскадрона в ядра, т. е. при себе, для того, чтобы во время следования ядра *не упустить ни одного случая* обратить внимание на все, что имеет значение.

При получении донесений от раз'ездов он должен *каждый раз вслух* раз'яснить—своевременно ли оно получено, как составлено и т. п.

Занятия следует заканчивать заменой раз'ездов на следующее утро и продолжением движения еще на некоторое расстояние, после чего раз'езды собираются, производится разбор учения, и эскадрон идет тем же порядком домой. Во избежание потери времени, полезно, чтобы командир эскадрона соображения на обратный путь сделал заранее. Знакомить с ними людей надо, однако, на месте, в порядке отдачи им там же новых распоряжений, задачи и т. п.

Необходимо обратить *особое* внимание людей на порядок замены раз'ездов при выступлении с ночлега, добиваясь того, чтобы все старые раз'езды *одновременно* стягивались к ядру, не задерживая его движения ожиданием отставших раз'ездов.

Обратное движение целесообразно проделывать порядком, указанным выше для практических занятий командиров эскадронов, т. е. применяя другой способ замены раз'ездов, нежели тот, который применялся накануне.

4. Двухсторонние занятия.

Занятия эти следует вести в бригадном масштабе с высылкой, как с той, так и с другой стороны не менее 3 разведывательных эскадронов, при этом с таким расчетом, чтобы какой-нибудь из флангов всего фронта разведки не имел перед собой противника (как с той, так и с другой стороны). *Этот прием позволит эскадронам, против которых противника не оказалось, направиться во фланг частей, встреченных его соседями.*

Для координации маневра и достижения наибольшей поучительности, к каждому эскадрону следует назначить посредников (к-ры полков и их помощника, *но только не своих полков*), заранее снабженных соответствующими инструкциями.

Маневрирующие части следуют развести верст на 30—40 от предполагаемого места их встречи, а задание *рассчитать* так, чтобы встреча эта произошла *после ночлега и замены на утро старых раз'ездов новыми*, дабы к-ры эскадронов имели бы практику в ночлеге эскадрона и замене раз'ездов *в заведомой близости* от противника.

На последующих занятиях следует *осложнять* обстановку, создавая путем *соответственного расчета задания*, встречу частей во время остановки *одной* из сторон на ночлег, напр., и т. п.

Главная цель двухсторонних занятий—освоить к-ров эскадронов *со всевозможными положениями*, в которых они могут оказаться в боевой обстановке, *и с поддержкой своих раз'ездов*. Требования, которые должны пред'являться—*во чтобы то ни стало пройти (отбросить) завесу противника и заглянуть в его тыл*, увидев главные силы.

Свободные от занятий эскадроны привлекаются к условному обозначению главных сил, но держатся условно несколько ближе

к своим разведывательным эскадронам—верстах в 15, дабы не слишком затягивать маневр.

Последний обычно делается 2-х дневным. *Особенное внимание* должно быть обращено на то, чтобы посредники были правильно инструктированы и не допускали уродливых отклонений, не соответствующих условиям действительной боевой обстановки.

Двухсторонние занятия являются венцом обучения службе разведывательного эскадрона и на правильную постановку их должно быть обращено самое серьезное внимание. Непосредственные руководители маневра должны находиться при обозначенных главных силах и *фактически* руководить работой эскадронов применительно к тому, как это будет иметь место в действительных условиях. *Сюда войдет и ориентировка к-ров эскадронов о действиях их соседей, приучая их к значению связи в глубину.* Полезно во время двухсторонних занятий выставлять и *сборные пункты* донесений.

Количество двухсторонних занятий будет находиться в зависимости от слишком многих причин, чтобы явиться вполне определенным. Во всяком случае, желательно проделать их не меньше 2-х и, сверх того, одно отчетное, соединенные с теми или иными материальными поощрениями тех эскадронов, которые выделились техникой своей работы и добытыми сведениями.

На таких же началах следует проделать и 1—2 двухсторонних занятия разведывательных эскадронов против *сторожевого охранения*, требуя *обязательного прорыва или скрытого прохождения* последнего и *точных* донесений о том, что делается за его линией. Особенное внимание при всех двухсторонних занятиях следует уделить технике *доставки донесений* от тех частей, которые *прошли через линию охранения* и донесения свои отправляют по местности, *занятой противником.* Следует вообще помнить, что неопытные к-ры эскадронов, попав в тыл, обычно теряются, упускают управление из рук и вместо разведывательного эскадрона командуют *раз'ездом, силой в эскадрон,* что совершенно не достигает цели. Поэтому следует обратить особенное внимание на искоренение таких тенденций, где они замечаются, и постепенно приучить к мысли, что *раз линия охранения или разведки противника так или иначе пройдена,* и эскадрон снова попадет во временно хотя бы свободную от пр-ка зону, он должен *немедленно вновь захватить и освещать свою полосу,* отнюдь не толкаясь целиком на одной дороге (§ 112 Пол. Уст.).

В этих случаях *особенное значение* приобретет умение раз'ездов *двигаться без дорог, перекатами, от закрытия к закрытию* и вообще скрытность действий (см. ч. 1, II, 4, в конце), т. к. вблизи от главных сил противника зарвавшийся эскадрон может быть легко и лишь во вред делу уничтожен.

Активно, с боем проложить себе дорогу к цели разведки и скрытно ее разведать—таковы должны быть действия хорошего разведывательного эскадрона во всех случаях его деятельности.

С. Меженинов.

Артиллерия.

(С польского*).

Настоящая лекция не имеет целью научить исполнителя; равным образом она не предназначена специально для офицеров артиллерии, а для общего командования.

Все усилия лектора будут направлены к тому, чтобы командирам пехотных дивизий и бригад оттенить использование артиллерии— по примерам и опыту последних месяцев настоящей войны; в этих лекциях специально будут оттенены те примеры, которые исполнителями были оставлены в стороне.

1 лекция.

Применение артиллерии.

В начале борьбы и особенно во время отхода, польская артиллерия всюду была не использована в надлежащей мере. То для избежания оставления артиллерии в руках врага, то ввиду неполучения приказов от высшего командования, то ввиду потери соприкосновения с противником—гром орудий не удавалось слышать.

Может быть причиной неиспользования артиллерии был недостаток снарядов: 22 июня командующий северным фронтом признавая наличный состав их недостаточным.

Во время отхода артиллерия должна быть использована, чтобы затруднить быстрое продвижение вперед противника; надлежит оставлять ее в арьергардах, обеспечивая ее отрядами пехоты и кавалерии и прикрывая ее особо интенсивные действия. Армии противника продвигались по дорогам, что дает идеальные цели для артиллерии; несколько орудий, тщательно установленных, было достаточно для того, чтобы вызвать замешательство в колоннах неприятельской бригады.

Во время мелких контр-атак на Немане и Нареве некоторые дивизии, а особенно дивизии Познанской пехоты, обеспечивали подготовку наступления с помощью артиллерийского огня, но большинство остальных наступало без применения артиллерии, что, в большинстве случаев, было причиною их неудач.

При переходе к оборонительным действиям, артиллерия была плохо использована, ввиду отсутствия связи с другими родами оружия. Артиллерия, не зная, какие пункты в руках своей пехоты, или из за лишней осторожности, стреляла слишком далеко. Временами не получая приказов, она совершенно не стреляла. Необходимо обратить особое внимание на последний пункт. Артиллерист, не получающий приказа, обязан достать таковой; как правило, он должен

*) Лекции на повторительных курсах для высших командиров.

находиться при пехотном начальнике, чтобы последний мог бы делиться с ним необходимыми данными.

Артиллерист должен проявлять инициативу в ведении огня по всяким целям, которые найдет важными или на которые ему будет указано.

Прежде всего—никогда не оставаться бездеятельным. Генерал Галлер, во время об'езда фронта около 10 августа в районе Вышкова, заметил батарею 75 м. м. пушек, стоявшую на опушке леса. Эта батарея без офицеров, без связи с кем бы то ни было, без надлежащего обстрела, стояла перед значительным закрытием и бездействовала.

Невдалеке командир батареи, находясь среди пехоты, видел место накапливания неприятельских войск; заметил также действующее неприятельское орудие и не отдавал никаких распоряжений своей батарее, не получая таковых от своего командира дивизиона. Этот артиллерист проявил не только незнание своего ремесла, но даже своих обязанностей. Так, не получая приказов, он все же должен был знать, что его обязанность бить противника, он имел в своем распоряжении оружие, но не хотел его использовать. Генерал Галлер, говоря об этом факте, вспомнил, что отдал этого офицера под суд. Этот пример, один из тысяч, указывает, в каком направлении нужно воспитывать и обучать артиллерию: с одной стороны, ей нужно давать приказы, а, с другой, понуждать артиллеристов к самодеятельности по сбору сведений и боевой работе.

Моральное влияние артиллерии.

1. Влияние на польского пехотинца, который при действии собственной артиллерии не будет чувствовать себя угнетенным, который наберется отваги при отходе и при наступлении пойдет с большим порывом, чувствуя поддержку собственной артиллерии. Сам грохот орудий на поле боя уже есть средство к поднятию настроения, тишина на войне более страшна, чем гром канонады; молчание и тишина равносильны зловещей таинственности.

2. Влияние на красноармейца, который не приучен к артиллерийскому огню—деморализация, когда несколько хорошо расчитанных очередей захватят его на походе, на отдыхе или на боевой позиции: очереди эти увеличивают панику, беспорядок или смерть в его рядах.

Особенно при наличии ограниченного числа снарядов, необходимо использовать артиллерию, как деморализующий фактор; пехота большевиков, которая идет в бой под влиянием террора или желания материальной добычи (грабежа и т. д.), не будет в состоянии удержаться под огнем, подастся назад или отступит в беспорядке*).

*) В данном случае автор обнаруживает общераспространенное в белой Польше непонимание основ дисциплины, на которой зиждится Красная Армия, приписывая порыв ее вперед—террору или мародерским стремлениям. *Ред.*

Ввиду вышеизложенного, польская армия должна пользоваться своей артиллерией. Ее артиллерия является ли достаточно обученной? Знает ли она достаточно свою работу?—рассмотрим постепенно несколько пунктов, которые могли бы быть улучшены.

Организация управления артиллерией.

Во всех случаях—вне зависимости от численности отряда—необходимо организовать управление артиллерией. Будет ли это полковник, командующий полком артиллерии, или унтер-офицер, командующий орудием—всегда артиллерия, переданная в состав отряда какого-либо рода оружия, обязана выслать своего командира или его представителя в место, где находится командир отряда. Упоминаемый командир артиллерии должен получать приказы, обязан об них заботиться, *обязан их требовать*.

Когда артиллерия дивизии остается целиком в этом об'единении —необходимо дать почувствовать влияние командира артиллерии, он является техническим советчиком генерала, командующего дивизией; каждый приказ, касающийся артиллерии, должен проходить через него; достаточно часто наблюдалось, что эти приказы шли помимо него.

Идея проста—командующий дивизией отдает приказ; техническое выполнение и уточнение его остается в удел находящемуся при нем артиллеристу. Надлежит всякой ценой избегать организации пехотных групп без артиллерии. Самостоятельное использование бригады без артиллерии ведет к большим затруднениям. Мы имеем достаточно примеров (12 бригада, передовые отряды, охотничьи, пограничная стража, брошенные в бой без артиллерии, были обречены на неудачу). Отыскание мест для батарей и наблюдательных пунктов.

Разведка.

В общем, разведка плохо выполнялась или совершенно не производилась. Орудия, наблюдательные пункты, посты командования размещались где и как попало. Между тем, на всех ступенях командования, командиры артиллерии должны старательно добывать разведывательные сведения. Французский устав в этом случае говорит следующим образом: „От старательности и точности, с которыми произведены эти подготовительные работы, зависят: быстрота, надлежащее выполнение, а часто и успех действия, имеющего целью занятие местности, уменьшение усилий по обслуживанию и ограничение потерь, на которые она обречена“.

Во всех об'единениях артиллерии разведывательный отряд должен быть выброшен как можно далее вперед; когда столкновение с противником неизбежно (а это возможно всегда, одинаково как во время отхода, так и во время наступательных действий)—этот персонал должен идти с головными отрядами данной группы, а, в известных случаях, даже в головных охраняющих частях.

Командиры артиллерийских бригад должны выполнять свою общую разведку в согласии с командирами дивизий пехоты, немедленно

по указанию первых следов присутствия противника, и указывать районы, в которых их артиллерия должна искать позиции.

Командиры полков артиллерии, дивизионов и батарей, выполняя разведку, входят в дальнейшие подробности.

Во всяком случае, артиллерия никогда не должна стоять в ожидании.

Отыскание артиллерийских позиций.

Прежде всего, батарея должна быть в состоянии выполнить свое тактическое задание. Полевые орудия обладают настильной траекторией, поэтому их не следует размещать близко к закрытию, т. к. это увеличивает мертвое пространство. Надлежит избегать близости леса, что увеличивает трудности управления огнем, создавая также опасность неожиданно быть открытым противником.

Принимая во внимание безопасность, необходимо выбирать для батареи закрытую позицию, даже если противник обладает слабой артиллерией.

Вне зависимости от наличия у неприятеля авиации, надлежит, насколько возможно, не показываться слишком и маскировать орудия в перерывах между стрельбой. Надлежит избегать нагромождения батарей в одном и том же месте, а также расставлять шире орудия одной и той же батареи; это не затруднит управления, но результат действия падающих на батареях снарядов будут ограничен.

Надлежит избегать районов населенных пунктов, которые притягивают на себя огонь противника.

Не удаляться от дорог особо, когда разговор идет о тяжелой артиллерии. Наступление большевиков развивалось главным образом вдоль железных дорог и шоссе; можно иметь свою артиллерию установленной вдоль этих больших артерий. Занятие позиций в этом случае будет быстрейшим, удобнейшим и позволит избежать усталости коней и прислуги. Зимой, даже песчаные дороги Польши являются доступными для тяжелой артиллерии; однако дождливая пора года повлечет за собой трудности, преодолеть которые будет очень трудно.

Отыскание наблюдательных пунктов.

Наблюдательный пункт является для артиллериста--всем. Стрельба при помощи карты плохо выполнима в Польше, ввиду отсутствия хороших карт; поэтому нужно вести огонь, наблюдая и тщательно пристреливаясь.

Условия, которыми должен удовлетворять хороший наблюдательный пункт, следующие: 1) должен быть удобен в достижении, 2) давать хороший обзор района, в котором находятся об'екты стрельбы, 3) должен находиться поблизости от батареи, чтобы сохранить с ней надлежащую связь и, одновременно, 4) должен быть расположен недалеко от отрядов пехоты, которые могут дать ему полезные указания.

Отыскание места расположения командира.

Командир должен находиться на наблюдательном пункте, т. к там его место, как единственного компетентного офицера. Отсюда ясна цель размещения наблюдательного пункта поблизости от батареи. Так как командир находится на наблюдательном пункте, он обязан оставить на батарее офицера или унтер-офицера, который мог бы действовать самостоятельно в случае перерыва связи и который не стоял бы без дела на позиции, не получая приказов.

Разведка.

Когда позиция батареи занята, не нужно дожидаться приказа о перемене позиции, но во-время иметь разведывательные данные, если необходимо, вперед или в тыл.

Подступы должны быть исправлены разведчиками; дороги, испорченные мосты должны быть починены и все неисправности устранены.

Отыскивать нужно прикрытые пути, избегая окружных дорог, которые часто являются причиной потери времени.

Подготовка карты.

В тех местностях, для которых существуют карты в масштабе 1: 100000, они могут служить для определения исходных данных для стрельбы. Командир артиллерийского об'единения должен быстро выполнять топографическую с'емку с помощью алидады или с помощью буссоли и подготовить исходные данные для огня на основании полученных результатов и таблицы стрельбы.

Каждое об'единение должно иметь таблицы стрельбы и, в случае их отсутствия, командир об'единения не должен колебаться перед повторением обязательных требований.

Стрельба по карте не освобождает командира от наблюдения и управления огнем, но сберегает снаряды, увеличивает быстроту огня и позволяет застигнуть врасплох.

Необходимо принять в расчет атмосферные условия дня, даже в том случае, когда мы не имеем в распоряжении метереологической станции. Командир артиллерийского об'единения, которое хоть немного стреляло, имеет возможность дать себе отчет в таблице, дающей возможность теоретической поправки дальности в зависимости от погоды.

Каждый офицер артиллерии должен быть хорошо знаком с картами малого масштаба (для передвижения, для определения маршрутов и т. д.), а также должен быть знаком с картами большого масштаба для ведения огня. Он должен иметь полевой бинокль, а также все необходимые приборы, оптические и топографические.

В случае отсутствия таковых, необходимо пред'явить требование к высшим властям.

Соответствие калибра целям.

Командир артиллерии должен уметь выбрать между полевой и тяжелой артиллерией, в зависимости от выпадающих целей; часто используют тяжелую артиллерию там, где полевая артиллерия была бы более чем достаточна.

Полевая артиллерия применяется или по открытым целям или по находящимся за легким прикрытием, как то: пехота, кавалерия, артиллерия в походных колоннах на небольших дистанциях или войска на квартирах (квартиры или биваки).

Тяжелая артиллерия должна применяться для уничтожения или нейтрализации: центров сопротивления, пулеметных гнезд, обстрела городов и местечек и вообще пунктов, которых противник не может миновать, укрепленных позиций, колючей проволоки.

Тяжелая артиллерия во время отхода неизменно оттягивалась с фронта, чтобы она не попала в руки противника.

Конечно, осторожность не позволяет подвергать излишней опасности тяжелую артиллерию, но надлежало безоговорочно использовать ее, особенно при переправах противника через реки.

Напротив, при наступательных боях, не следовало колебаться в посылке ее вперед, чтобы использовать ее дальность и внести сумятицу в места стоянок противника или на дорогах, по которым двигаются обозы.

Уход за снаряжением и сохранение снарядов.

В подвижной войне, еще более чем в позиционной, необходимо заботиться об ежедневном уходе за снаряжением. Тряска и пыль на дорогах являются причиной его порчи. Необходимо использовать самые короткие остановки и отдых как на марше, так и на позиции, чтобы привести в порядок материальную часть и снаряжение.

В общем материальная часть и снаряжение в польской армии сохранялись хорошо.

Не будет лишним упомянуть здесь некоторые правила хранения снаряжения, которое должно находиться в сухом месте; дождь и сырость являются причиной порчи снарядов, а особенно взрывателей и трубок.

Мешечки с порохом должны храниться в месте, прикрытом как от дождя, так и от солнца; значительные колебания температуры так же вредны, как и сырость.

Взрыватели и трубки должны храниться особо старательно. Надлежит избегать хранения их без упаковки; в случае отсутствия специальных сундучков и коробочек, необходимо хранить их на подстилке из соломы или сена, а также делать прослойки из сена между рядами. Специальные средства предосторожности необходимо применять при хранении ударников I. A.

Разрыв орудий.

В некоторых армиях наблюдались случаи разрыва орудий, отсюда некоторые командиры отрядов, недоверчиво относившиеся к французским снарядам, странным образом преувеличивали зафиксированные случаи; например, в одной из дивизий пехоты, в которой командир бригады донес о 13 случаях разрыва орудий на 25 имеющихся штук, по расследованию французских офицеров, подтверждено едва 2 случая.

Большая часть случаев разрыва зависит от плохого содержания или орудия или снарядов. Канал орудия должен быть часто и старательно вычищен, снаряды, вкладываемые в орудие, должны быть очень чисты. Большая часть случаев происходит от ненадлежащего обхождения с взрывателями I, A.

Упоминаемый взрыватель—детонатор чрезвычайно чувствительный, но специально для избежания случайностей были применены две системы предохранителей:

1. Чека, которая делает неподвижным ударник, автоматически срезывается при ударе снаряда об землю. Между тем, основываясь на том, что некоторые взрыватели австрийской и немецкой системы, снабженные подобными предохранителями, освобождаются от них в момент вкладывания снаряда в орудие, некоторые польские артиллеристы вынимали упоминаемые чеки с взрывателя I. A; естественно, что это действие вызывало преждевременный разрыв снаряда в канале орудия.

2. Другая система предохранителя основывается на двух полукольцах, которые также удерживают ударник. Эти два полукольца удерживаются пружиной, которая должна оставаться при взрывателе до тех пор, пока снаряд не вылетит из дула, после чего самостоятельно разжимается и оба полукольца отлетают.

Между тем часто, при вкладывании снаряда в канал, не оказывается на месте ни колец ни пружины, отсутствие которых часто вызывает взрыв в канале. Чтобы избежать утери пружины и колец во время перевозок, ударник покрывается колпачком из аллюминия. Некоторые из командиров артиллерии, чтобы избежать случаев с взрывателем I. A., приказывали оставлять аллюминивый колпачек в момент ввинчивания ударника в снаряд; конечно, такой способ действий нужно запретить, так как, в таком случае, снаряд, ударяясь об землю, не взрывается.

Из всего вышесказанного следует, что необходимо во всех артиллерийских частях так выучить офицеров и прислугу, чтобы они не допускали хранения в боевом комплекте взрывателей системы I. A. без предохранителей.

Необходимо обратить внимание командиров артиллерии также на особо бережное обращение с компрессором. Необходимо всегда иметь на батарее запас масла-олеонафта (для 75 м/м пушек) и гли-

церин с поташем или содой (для тяжелых пушек 105 м/м и гаубиц 155 м/м) для непрерывного наполнения их компрессоров. Они обязаны всегда своевременно требовать материалы и знать в каждый момент, где находятся парки, починочные мастерские, которые должны отпускать вышеуказанные материалы.

То же касается выдачи запасных частей, смазочных веществ, необходимых для чистки и смазки орудий.

Снабжение.

Говоря в общем, снабжение через командующих фронтами и, особенно, армиями, было организовано как следует: неподвижные склады, эвакуированные достаточно заблаговременно во время отхода, подвижные запасы (головные склады) в поездах, посылаемые, елико возможно, вперед в период наступления и остающиеся на достаточном удалении от фронта во время отхода, наконец автомобильные колонны были достаточны для снабжения дивизий пехоты снарядами. Если снабжение выполнялось плохо, то это всецело вина исполнителей.

Полк, дивизион и батарея на каждом шагу выказывали неспособность предвидеть потребность в снарядах.

Отряды эти совершенно не составляли ежедневных отчетов о полученных и израсходованных снарядах, которые должны бы были в назначенные часы представляться непосредственному начальству, начиная с командира батареи до командующего фронтом.

Совершенно ясно, что командиры дивизий, армий, фронта и высшее командование должны подробно знать, каков был расход снарядов и сколько требуется. И без этого командование не может ни предвидеть ни снабжать.

Не следует дожидаться крайности и тогда пред'являть требования; в моменты затишья каждый командир батареи должен незамедлительно пополнять снаряды, которые может перевозить в своих ящиках, а каждый командир дивизиона должен пополнить свой артиллерийский парк.

В отношении истребования снабжения необходимо держаться порядка подчиненности:, командование армией может обладать запасом снарядов и не следует этого забывать. Подобного рода факты встречались довольно часто и требования направлялись непосредственно во фронт.

Каждая артиллерийская часть должна знать, где находятся подвижные запасы, она должна приготовить перевозочные средства, которые находятся в ее распоряжении. Дивизии, армии и фронт возможно чаще (лучше ежедневно) должны высылать офицеров в парки, склады и артиллерийские группы для получения справок по снабжению.

Ввиду разнородности артиллерийского снабжения в польской армии (имеются образцы 4 или 5 стран) некоторые отряды артилле-

рии не могли быть использованы; особо это касается частей, имеющих на вооружении итальянские орудии за отсутствием снарядов в армейских складах. В данном случае необходимо спешно добиваться получения аммуниции; в случае невозможности получения, необходимо стремиться к перевооружению. Орудия, к которым нет снарядов, становятся мертвым балластом.

Вышеприведенный обзор говорит за то, что полевым частям необходимо поддерживать самую тесную связь с своими запасными частями, которые очень часто владеют массой предметов, с успехом могущих быть использованными на фронте.

Первая лекция, предназначенная для командиров дивизий и бригад пехоты, имеет несколько технический характер. Она имеет целью обратить их внимание на пункты, оставшиеся в тени в течение всей войны. Их личное влияние может быть с успехом использовано для обращения внимания частей на уроки прошлого и для избежания ошибок в будущем.

II лекция.

Артиллерия на походе и на отдыхе.

Посмотрим использование в бою и в кратких чертах обрисуем условия, в которых артиллерия двигается и располагается на отдых. Основы, на которых опирается исполнение приказов, касающихся маршей и расположения на отдых, остаются неизменными для всякого рода оружия, однако же в отношении артиллерии необходимо подробно знать возможность движения всякого вида и рода орудий. Это знание позволит командованию логично регулировать марш и, с одной стороны, избегать усталости людей, а, с другой, точно расчитать время марша.

Артиллерия на походе.

А. Подвижность. Подвижность зависит от веса. При постановке орудий на позицию и при переменах позиции мерою подвижности будет время, потребное для перехода от походного порядка к боевому и обратно.

На марше подвижностью будет средняя скорость в час, зависящая от тяжести материальной части, от способа перевозки и от местности, а также от, так называемого, „этапа“ или расстояния, которое должно быть пройдено на денном переходе.

Полевая артиллерия. Для установки на боевой позиции состоящие на вооружении в Польше полевые орудия (75 м./м. французские, итальянские или австрийские, 77 м./м. немецкие, 3 дюймовые русские и т. д.) не требуют особых приспособлений, и переход из походного порядка в боевой и обратно совершается немедленно.

Французское орудие 75 м. м. (вес 1970 килограмм., 2200 килограмм. с прислугой и походным имуществом) передвигается 6 лошадьми; таким образом каждый конь тянет 370 к-гр., что представляет очень маленькую нагрузку, почему полевое орудие может передвигаться по любой местности.

Глубина артиллерийской колонны дивизиона изменяется в зависимости от количества парковых повозок; глубина дивизиона, имеющего на вооружении французские пушки, достигает 1 километра, если же вместо ящиков для перевозки снарядов используются крестьянские повозки, то глубина значительно увеличивается.

Идя отдельно переменным аллюром (200 метров в минуту) и шагом (100 метров в минуту), дивизион 75 м. м. пушек может пройти без усталости коней 8 верст в час и сделать дневной переход до 30 верст.

Последнее время расстояния эти были увеличены до 40 и 50 километров, но совершались исключительно шагом (5 километров в час)

Одной из причин подвижности артиллерии является способ ея перевозки. Нам нет необходимости заниматься здесь этим вопросом, так как в Польше существует единственный вид перевозки—конные запряжки и был лишь один дивизион с тракторской тягой.

Тяжелая артиллерия. В отношении 155 м. м. гаубиц и 105 м. м. тяжелых орудий Шнейдера нужно сказать, что установка их на боевой позиции или перемена их требует не более 10 мин. времени при обученной прислуге.

Тяжелое 105 м. м. орудие весит 2650 килограмм. и передвигается 6 конями, таким образом каждый конь тянет 440 килограмм. Это орудие достаточно подвижно и по дорогам оно может передвигаться со скоростью 5 километров в час.

Тяжелая 155 м. м. гаубица системы Шнейдер весит 3700 килограмм. и передвигается 8 лошадьми; вес, падающий на каждого коня равняется 470 килограмм. и скорость передвижения в час равняется 4-5 километрам.

Орудия тяжелой артиллерии всех типов не могут передвигаться быстрыми аллюрами особенно на пересеченной местности. Единственно допустимы быстрые аллюры по удобной местности и то по специально выбранному маршруту. Непринятие в расчет этой данной может вызвать большие затруднения.

Малая пригодность тяжелой артиллерии к работе в малодоступной местности является ее слабой стороной.

Трудности, с которыми нам приходилось сталкиваться при работе в болотистой местности р. Соммы и Вердена, приходится еще в большой степени наблюдать в Польше. Усилия, которые требуются от прислуги в такой местности, столь велики, что командованию необходимо при использовании тяжелой артиллерии помнить о выгодах ее работы невдалеке от шосейных дорог или на хороших полевых дорогах. Надлежит чинить наиболее тяжелые участки доороги. Спо-

соб передвижения, основанный на припрягании все новых и новых пар лошадей, не практичен: с трудностью мы можем добиться равномерной тяги 4 пар лошадей, не говоря уже о большем количестве.

Подвижность артиллерии в значительной степени зависит:

1) от атмосферных условий и от степени содержания дорог. Отсюда вытекает необходимость правильной организации ремонта дорог, что будет выгодным не только для артиллерии, но вообще для всех транспортов.

2) от ловкости ездовых, из чего следует необходимость специального обучения их во время подготовки.

3) от физического состояний коней и от степени втянутости их в работу; надлежит применять огромный нажим, чтобы заставить ухаживать за конями с необходимой заботливостью, особенно во время марша; необходимо давать им хороший корм, поить два раза в день, снимать с них седла и упряжь (хотя бы только на 2—3 часа), ставить их под крышу во время отдыха, ежедневно чистить, содержать в чистоте копыта и следить за правильностью ковки, наконец, заботливо лечить всякие ранки и подпарины, как только таковые появятся.

Артиллерист должен иметь одинаковую заботу как об орудии, так и о коне.

Броневые поезда. Употребляемые в Польше броневые поезда показали недостаточную обеспеченность броней от неприятельских снарядов; необходимо разработать более соответствующий способ бронировки. С точки зрения использования бронепоездов необходимо перевозить в самых поездах железнодорожное имущество, необходимое для восстановления пути; например: при наступлении на Насельск, бронированный поезд „Галлерчик“ должен был возвратиться в Новогеоргиевск за материалами для исправления участка Насельск—Млава, что вызвало потерю времени и неиспользование бронепоезда в данной операции.

Б. Виды маршей.

а) Столкновение с противником исключается.

Это случай передвижения артиллерии за твердо установленным фронтом. Безопасность в данном случае достигается благодаря укреплениям фронта и расстоянию от него. Забота о прикрытии марша от летчиков в Польше не стоит так остро, как это было на Западном фронте, так как в армии большевиков авиация очень слабая. Ввиду всего этого командир артиллерии должен больше всего заботиться о сохранении сил отряда. С этой целью рассмотрим несколько указаний, которые следовало бы ввести в польские уставы.

Всегда использовать удобнейшую дорогу, даже ценой удлинения времени на ея прохождение. В случае отсутствия карты, высылать на достаточное расстояние вперед раз'езды или единичных всадников с целью разведки дороги.

Таким образом можно избежать задержек или возвращения назад, которые напрасно мучат людей и лошадей; сменившиеся разведчики обязаны всегда предупреждать колонну о трудностях, с которыми ей придется встретиться.

Во время марша порядок должен быть особо суров. Чтобы избежать загромождения дороги, надлежит:

1) запретить задержки на больших дорогах (артериях).

2) заставить командиров колонны держать около 50 метров между группами из 10 повозок каждая.

3) твердо держаться правой стороны дороги.

Усилия при строгивании с места и при внезапных остановках являются одной из причин сильного переутомления коней. Марш должен быть равномерным, это требует, чтобы быстрота, с которой идет голова каждого отряда, была строго ограничена. Избегать усиленных аллюров; артиллерийская колонна, идущая рысью, должна двигаться с скоростью 6 верст в час.

Упоминавшаяся равномерность движения будет достигнута только при условии настойчивого наблюдения офицеров. Место офицеров не в голове колонны, как мы это видим ежедневно в Польше. Достаточно одного офицера или унтер-офицера в голове, чтобы регулировать темп марша, остальные офицеры и унтер-офицеры должны быть распределены вдоль колонны таким образом, чтобы обеспечить постоянный за ней надзор; они должны почаще останавливаться и пропускать мимо себя повозки.

Необходимо подчеркнуть значение ящичного вожатого и старшего, находящегося в тылу колонны, которые должны следить за тем, чтобы колонна не расстраивалась. Эти люди должны обстоятельно знать предстоящий марш. Если какая-либо повозка вынуждена задержаться, то она немедленно должна быть убрана насколько возможно вправо; остаток колонны, не задерживаясь, обходит ее с левой стороны; эта повозка пристраивается к колонне в хвосте, не стремясь занять свое место и тем самым вызывая беспорядок.

Выгодно останавливаться на 10 мин. каждые два часа. Если переход превышает 30 километров, необходимо сделать привал на несколько часов. Привалы должны иметь место насколько возможно на ровном месте и вблизи воды. Надлежит избегать остановок в деревнях, где легко возникает скопление и где труднее поддерживать порядок в колонне.

Вне зависимости от пункта привала необходимо оставлять свободными от постоя перекрестки дорог, места под'емов, переезды через железные дороги.

Ночные марши всегда совершаются шагом, и разведка пути в этом случае должна быть еще внимательней, чем днем. Необходимо оставлять пикеты на перекрестках дорог, чтобы указывать направление—куда следовать далее.

б) *Встреча с противником возможна.* Обеспечение марша в этом случае выдвигается на первый план, необходимо стараться, чтобы войска вступили в бой в наивыгоднейших условиях. Отсюда следует, что место артиллерии в колонне обусловливается условием ее безопасности и соответствующего ее использования в бою.

Необходимо, чтобы артиллерия находилась возможно ближе к голове колонны, чтобы иметь возможность действовать всей своей массой с самого начала боя; с другой стороны, требуется, чтобы она находилась достаточно далеко от передовых отрядов, чтобы не была захвачена врасплох неприятельской артиллерией и не была бы обстрелена, находясь еще большей частью в походной колонне. Ввиду этого, артиллерия всегда следует, будучи обеспеченной пехотой или кавалерией.

Часто будет выгодным, вместо того, чтобы оставлять артиллерию в колонне, где возможны большие потери, развернуть наиболее выдвинутые дивизионы, которые должны двигаться скачками с одной позиции на другую.

С целью немедленного преодоления случайных сопротивлений— нужно распорядиться высылкой отдельных орудий или взводов с необходимым количеством снарядов и хорошей прислугой к передним прикрывающим отрядам.

Артиллерия на квартирах.

Прежде всего необходимо постараться разместить под крышей коней, людей и даже материальную часть вместе со штабами, на обязанности которых лежит разделение квартир.

Никогда не следует располагать артиллерию отдельно, но необходимо в той же местности располагать отряды пехоты, заданием которых является обеспечение взаимной поддержки; в этом случае на артиллерии будет лежать единственная обязанность—выставить караулы у своих повозок и орудий.

Необходимо избегать скопления артиллерии в одном и том же пункте. Обычно в одной и той же деревне нужно ставить не более дивизиона, а если, как исключение, придется два дивизиона поставить в одной деревне, необходимо для избежания нагромождения выбрать два отдельных места стоянки для их парков.

Само собой разумеется, что артиллерийские части должны расквартировываться в деревнях, где имеется вода, чтобы тем самым избежать излишней работы коней при посылке их на водопой.

Хотя у большевиков и слабая авиация, но необходимо приучить артиллеристов маскировать парки в меру возможности; вышенамеченное имеет особо важное значение при расположении биваком.

Подготовка квартир или бивака должна быть выполнена очень тщательно. Это достигается выдвижением вперед достаточного количества людей для осмотра населенных пунктов, их распределения

и отвода местности для всякого рода хозяйственных учреждений и складов. Этим путем достигается сохранение времени для отдыха и исключается возможность замешательств в моменты тревоги и неожиданных под'емов. Если это приготовление отсутствовало, то солдаты самочинно располагаются по всему населенному пункту и очень трудно бывает их собрать в минуты выступлений.

Артиллерия на позиции.

Даже если данная позиция должна быть занята через несколько часов, она должна быть устроена так, чтобы дать прикрытие прислуге не только от артиллерийского огня, но также и от огня пулеметов.

Этого можно достигнуть, вырыв ровики для прислуги как за орудиями, так и за ящиками. Если позволит время, необходимо вырыть ниши для хранения снарядов.

Наконец, необходимо немедленно организовать оборону батареи на коротком расстоянии. Если батарея имеет на вооружении пулемет или автомат, он должен быть размещен так, чтобы мог обстреливать препятствия или из засек, или, если позволит время, из низких сетей колючей проволоки. Упоминаемый автомат, таким образом, является ядром дружины, составленной из прислуги, вооруженной карабинами и ручными гранатами; эта прислуга может быть усилена находящейся поблизости пехотой. С этой же целью батарея должна задерживать при себе отдельных пехотинцев и отступающие группы и принудить их к принятию участия в обороне позиции.

Надлежащим образом усиленная и энергично проведенная оборона позиции батареи будет в состоянии приостановить наступление противника и вынудит его к задержке до момента нашего перехода в контр-наступление, которое освободит батарею.

На артиллеристе лежит обязанность не покидать своих орудий без специального приказа; пехота обязана прикрывать артиллерию.

III. Лекция.

Артиллерия в наступательных действиях.

Распределение артиллерии.

В некоторых дивизиях, во время последних боев, отмечено стремление к равномерному распределению всей наличной артиллерии между отдельными полками.

Нет сомнений, что этим путем мы достигаем самой тесной связи между пехотой и артиллерией, но, с другой стороны, мы уменьшаем все выгоды, которые достигаются концентрацией массового огня артиллерии, надлежащим образом руководимого.

Отрицательные последствия таких действий могут и не иметь особых последствий в случаях, когда мы преследуем разбитого неприятеля или когда он отходит, покидая определенный район. Наоборот, если развивается наступление на хорошо оборудованную позицию, то этим дроблением артиллерии можно затруднить наступление своей пехоты, уменьшить потери противника и увеличить собственные.

Если артиллерия заранее была распределена по полкам, то часть ее может быть не использована, если все полки не принимают участия в наступлении. Даже в случае наступления, ведомого всеми полками дивизии, не все предметы имеют одинаковое значение, как цели; наибольшая часть батарей должна быть направлена на пункты, куда будет направлен главный удар.

Из этого менее всего следует, что артиллерия должна направлять свой огонь на самые сильные пункты противника, так как часто будет более выгодно не наступать с фронта на сильные пункты противника (местечки, опорные пункты и фортификационные постройки), но, наоборот,—заставить пасть эти пункты, обходя их. Единственно необходимо, чтобы сосредоточенный огонь артиллерии мог проложить дорогу своей пехоте на направлении главного удара.

Отсюда следует, что разделение артиллерии между бригадами и полками не будет равномерным и установленным раз навсегда, оно будет изменяться всякий раз, когда потребуют этого обстоятельства.

Это распределение и необходимые в нем изменения указываются начальником дивизии, а исполнительные приказы отдаются начальником артиллерии.

Временами для вышеприведенного наступления начальник дивизии сохранит часть артиллерии в руках начальника артиллерии дивизии, которая будет использована в соответствующий момент для содействия главной ударной группе. Остаток артиллерии будет поделен между бригадами и полками.

Вне зависимости от того, каким образом поделена артиллерия, начальник артиллерии дивизии отвечает за правильное использование ее в техническом отношении. Его роль не сводится только к заботам о снабжении, он заботится о том, чтобы дивизионы и батареи приняли участие в бою рационально; чтобы места для орудий батарей и наблюдательные пункты были выбраны надлежащим образом, чтобы огонь использовался в необходимые моменты боя и проводился согласно технических правил стрельбы; чтобы расход снарядов соответствовал результатам, которые мы хотим достигнуть. Примеры: он не должен разрешать батареям занимать открытые позиции, когда рядом есть закрытия; не должен разрешать расход 200 снарядов по раз'езду в 7 коней, как это нередко имело место.

Очевидно, что для выполнения всех этих задач начальник артиллерии дивизии должен иметь в руках все средства и достаточное количество людей, а, между тем, в последних операциях в них чувствовался недостаток. Во Франции командир артиллерии в дивизии имел в своем распоряжении 1 капитана и 4-х помощников (в том числе 1 офицер разведчик, 1 офицер материальной части и снарядов, 1 офицер заведывающий телефонной связью и 1 офицер радиотелеграфист). Командир полка артиллерии располагал тем же количеством офицеров. Кроме того, каждый из этих штабов артиллерии имел до 30 рядовых.

В настоящей войне на фронте против большевиков, где артиллерии очень мало, а средства связи примитивны, цифры эти, ввиду нехватки людей, могли бы быть значительно уменьшены, однако же, нельзя сводить к нулю необходимые средства для командира артиллерии, как это приходилось неоднократно отмечать.

В последних действиях часто выбрасывали артиллерию в соседние дивизии, а эти, будучи переброшены, забирали ее с собой, несмотря на то, что в организационном отношении она им не принадлежала.

Это было причиной не только нехватки артиллерии в тех дивизиях, откуда ее взяли, но, самое главное—затруднялось снабжение батарей, попавших в отдел.

В подобных случаях командование дивизии должно заботиться о том, чтобы откомандированные батареи возвращались в свою дивизию, как только выполнят свое задание.

Организация управления

Артиллерия никогда не действует самостоятельно и командование артиллерией всегда подчиняется общевойсковому начальнику (дивизии, бригады, полка,—соответственно выделенному отряду).

Командующий отрядом отдает свои приказы начальнику артиллерии (соответственно начальнику артиллерии дивизии, командиру дивизиона или батареи). Он ориентирует его в приказах, отданных пехоте или кавалерии, а также дает сведения о неприятеле. Делится с ним своим замыслом и общими соображениями по данному действию, стараясь точнее определять цели, которые должны поражаться огнем артиллерии. Начальник артиллерии обрабатывает приказы, касающиеся использования артиллерии, и по обработке докладывает их общевойсковому начальнику.

В большинстве случаев обстановка может несколько измениться во время действия, поэтому, чтобы во время получить все сведения, начальник артиллерии должен находиться в пункте, расположенном возможно ближе от местонахождения командующего войсками и, если обстановкой он вынужден оставить свое место, то обязан оставить офицера связи, снабженного всеми средствами для связи с ним.

Командир артиллерии дивизии или сам лично, или через находящихся в его распоряжении офицеров—следит за выполнением своих приказов.

Каждый начальник артиллерии, приданной мелким об'единениям пехоты (бригада, полк, отряд) должен обстоятельно докладывать начальнику артиллерии дивизии о течении боя, должен донести ему все, что касается позиции батарей, расхода снарядов и потерь, должен докладывать ему о всех потребностях и отдавать всякие необходимые приказы. С этой целью он использует все средства связи. К своему непосредственному начальнику он прикомандировывает постоянного человека связи. В случае отсутствия приказов, он действует по собственной инициативе и доносит об этом соответствующему высшему начальнику.

Связь с пехотой.

Связь между артиллерией и пехотой вытекает уже из того факта, что начальник артиллерии должен находиться вблизи места нахождения старшего общевойскового начальника (это так называемая связь сверху). Однако же, это недостаточно, необходимо выделить в пехоту достаточное число людей, которые должны настойчиво заявлять о потребностях пехоты, если дело идет о поддержке огнем (это так называемая связь снизу).

Начальник связи должен каждый раз, когда требуется обстановкой, докладывать начальнику артиллерии положение наиболее выдвинутых отрядов пехоты.

В подвижной войне самым практичным видом связи является посылка конной связи.

Роль частей связи будет изложена ниже более пространно.

Прикрытие.

Одинаково как в наступительных действиях, так и при обороне, артиллерия должна иметь прикрытие из отряда пехоты или кавалерии. Командующий этим отрядом получает от начальника артиллерии все указания, касающиеся прикрывающих частей, но последний сохраняет свободу действий в средствах исполнения.

Наличие прикрывающих отрядов не освобождает артиллерию от обязанностей непосредственного охранения. В случае наступления на нее с малых дистанций, она предупреждается собственным охранениям и обороняется огнем своих орудий, автоматов и карабинов.

Расход снарядов.

Полевая артиллерия обстреливает открытые цели или находящиеся за легким прикрытием.

Против открытых целей (пехота, кавалерия, артиллерия) наиболее выгодным снарядом будет шрапнель 75 м/м., которая содержит 250 пу-

лей, поражающих пространство 20 метров шириной и от 100 до 150 глубиной, в зависимости от дистанции, на которую производится стрельба. Хорошее действие этого снаряда зависит также от пристрелки трубки или, все равно, от высоты разрыва; если шрапнель разрывается высоко, то пульки теряют свою убойную силу, если разрыв низкий, то поражаемая поверхность значительно сокращается.

Шрапнель, поставленная на удар, не дает большой пользы, за исключением близких дистанций (менее 1500 метров).

Отсюда следует, что в случаях, когда точная пристрелка не может быть произведена (стрельба ночью или во время тумана), необходимо отдавать предпочтение гранате, действующей на удар.

Граната используется и против закрытых целей и против открытых. Она используется также против легких препятствий, складов артиллерийских снарядов. Разрыв гранаты производит большее моральное впечатление, нежели разрыв шрапнели, однако же действие ее более ограничено, чем действие шрапнели.

При использовании гранат применяются несколько видов ударников.

Взрыватель с замедлителем вызывает взрыв гранаты после рикошета (на малых и средних дистанциях, т. е. менее 3500 м.).

Может и на больших дистанциях, если грунт твердый или имеющий скат в сторону противника.

Взрыватель без замедлителя, а, особенно, чувствительный, вызывает взрыв при соприкосновении с землей; эти взрыватели используются на дальних дистанциях, благодаря чему нельзя расчитывать на рикошет снаряда. Они также применяются для уничтожения препятствий.

Граната может быть использована с воздушным взрывателем, когда грунт мягкий и ударное действие не может дать хорошего результата.

75 м/м. граната, разрывающаяся от рикошета или в воздухе, поражает поверхность от 15 до 20 метров в ширину и от 3 до 5 метров— в глубину; некоторые кусочки от дна снаряда летят в обратную сторону на 50 метров (обломки 155 м/м. гранаты летят в тыл на 500 метров).

Отсюда следует, что полезное действие снаряда зависит от рода используемого взрывателя; выбор взрывателя зависит от вида цели, грунта и дистанции, на которую производится стрельба. Вышеприведенные рассуждения дают некоторое понятие, правда, довольно общее, но необходимое, чтобы офицеры артиллерии разбирались в них основательно.

Кроме этого, необходимо, чтобы вся прислуга артиллерии знала средства предосторожности, которые требуются при обращении с различными видами взрывателей; без этих предосторожностей мы можем не получить безотказного действия снарядов, не говоря уже о более важных случайностях. Эта часть обучения прислуги должна привлекать к себе внимание командования артиллерии, которое должно

использовать каждый случай, чтобы удостоверится в ее усовершенствовании.

Снаряды тяжелой артиллерии производят огромное моральное впечатление, почему могут быть с успехом использованы против открытого противника. Наиболее же они полезны против закрытых целей (напр., в окопах, за стенами и т. д.) или для уничтожения важнейших препятствий.

Для бомбардировки деревень, железнодорожных станций и т. д. можно использовать как гранаты тяжелой артиллерии, так и гранаты полевой артиллерии, даже и шрапнели 75 м/м., так как последние очень быстро вызывают пожар.

Подготовка наступления.

Надлежит ли подготовлять наступление предварительным огнем— этот вопрос часто дискуссировался.

Против подобной системы говорит следующее:

1) Утрачиваем эфект внезапности;

2) Подвергаем свою пехоту возможности контр-атаки противника (необходимо отметить, что этот риск очень невелик против противника, с которым нам теперь приходится иметь дело).

Выгоды следующие:

1) Подготовительный огонь поднимает настроение наступающего и, наоборот, угнетает противника;

2) Причиняет противнику потери, которые ослабляют его оборону.

Подготовительный огонь должен быть направлен на пункты наступления, а особенно на пункты,в направлении которых будет производиться главный удар. Это не будет регулярный редкий огонь, но огонь короткий и самый интенсивный, выполняемый концентрацией огня всех полевых и тяжелых орудий. В случае необходимости можно действовать короткими ударами огня с такими же перерывами, чтобы держать обороняющего в напряжении в отношении момента штурма.

Этот способ применяется также против широких целей, чтобы поражать последние концентрацией огня одной и той же группы.

Само собой разумеется, что такому огню должна предшествовать тщательная пристрелка, и пункты, которые должны подвергнуться атаке, должны быть точно указаны или командующим войсками или самой пехотой.

В случае, если артиллерия противника обнаружит свое присутствие огнем, можно попытаться ее уничтожить, но это только в том случае, если снарядов вполне достаточно, что в текущей кампании было очень редко. В противном случае, неприятельская артиллерия будет нейтрализована соответствующей группой в момент наступления.

Выполнение наступления.

Во время выполнения наступления надо помешать противнику использовать его оружие, особенно огонь его пулеметов и автоматов.

С этой целью артиллерия предшествует пехоте своим огнем, обыкновенно обстреливая предстоящие к захвату цели и перенося огонь с одной цели на другую, в зависимости от успехов пехоты.

Это возможно в случаях, когда мы располагаем хорошими наблюдательными пунктами, расположенными вблизи батарей (или имеющими с ними вполне обеспеченную связь) и позволяющими наблюдать на обширном пространстве.

Во Франции часто вели огонь в строго определенное время по заранее составленному плану, который, благодаря приказу командования, был обязателен как для артиллерии, так и для пехоты. Этот вид огня, который требует, кроме прочих условий, точно выверенных часов, очень труден в исполнении, чтобы мог быть твердо принятым в текущей войне.

Если артиллерия противника мешает продвижению нашей пехоты, необходимо ее нейтрализовать огнем заранее назначенных батарей.

Все батареи должны быть готовы подавить своим огнем все попытки противника к контр-атакам.

Во время боя и в перерывах артиллерия поражает тылы противника (ближайшие дороги подвоза, мосты, пункты, через которые неприятель вынужден проходить, и т. д.) регулярным огнем днем и ночью; наконец, если нет причин, исключающих огонь, обстреливает места стоянок противника. Соответствующие приказы отдает начальник дивизии.

Летчики осведомляют о результатах огня артиллерии, указывают цели, заслуживающие внимания, а главное—доносят о колоннах, двигающихся к фронту по дорогам. Необходимо заранее приспособить все средства к тому, чтобы сообщения летчиков доходили до артиллерии без всякой проволочки.

Для выполнения отмеченных выше задач выгодно поделить местность на районы действий, предназначенных данным полкам, дивизионам и батареям, что позволит избежать колебания в решении, кому надлежит обстреливать данную цель, и чем одновременно достигается быстрейшая концентрация огня в каждом частном случае.

Использование артиллерии, сопровождающей пехоту.

Когда действия развиваются с большой скоростью и когда пехота продвигается вперед, временами бывает трудно сохранить связь между пехотой и артиллерией, благодаря чему батареи, остающиеся далеко в тылу, могут иметь затруднения в ведении огня, достаточно расчитанного в отношении непоражения своей пехоты.

С этой целью выгодно полкам и даже батальонам придавать отдельные орудия (выгоднее взводы), имеющих задачей преодоление местного сопротивления огнем с прямой наводкой на малых дистанциях (около 1500 метров).

Эти орудия подвигаются с батальонными поддержками и ведут огонь по приказу командира полка или батальона.

Использование артиллерии в преследовании.

При преследовании необходимо выдвигать артиллерию как можно далее вперед; своим огнем, направленным на тылы противника, она облегчает продвижение вперед пехоты, кроме того, ее огонь, направленный на колонны отступающего противника вдоль дорог, в пункты теснин и т. д., в значительной степени может повлиять на внесение беспорядка и превращения отхода в бегство.

Вне зависимости от степени поддержки артиллерией пехота не должна рассчитывать единственно на ее огонь, считая, что он преодолеет сопротивление противника и вынудить его к отходу.

В боях на французском фронте этот результат никогда не был достигнут, несмотря на крайне интенсивный огонь артиллерии (200 орудий на фронте дивизии, шириною в $1^1/_2$ километра, половина орудий была тяжелых). Огонь артиллерии является деятельным помощником пехоты, но он не всесилен. Пехота всегда должна овладевать позициями, своим маневром или своим огнем, причем только отвага руководителей и расторопность солдата обеспечивают успех.

IV Лекция.

Артиллерия в оборонительных действиях.

Разделение артиллерии.

Одинаково, как и в наступательных действиях, распределение артиллерии производится соответственно организации командования.

Растянутость фронта, занимаемого дивизией, может повлечь за собой разделение дивизионов и батарей между бригадами и полками, при этом это разделение основывается на роде заданий и сведениях о неприятеле; отсюда следует, что распределение не будет равномерным. Участки фронта, перед которыми находятся естественные препятствия, как например—река, болото и т. д., могут обороняться без артиллерии или с малым числом орудий. Наибольшее число батарей должно быть назначено против участков местности, по которым противник может продвигаться с наибольшим удобством.

Кроме того, необходимо считаться с возможностью обстрела дорог в ближайшем тылу противника и теснин, а также с возможностью артиллерийской борьбы с батареями противника (контр-батареи) и с его броневыми поездами. Наконец, здесь нет необходимости выделять отдельные орудия в распоряжение отрядов пехоты, за исключением случаев, когда противник обладает танками.

Расстановка артиллерии.

Прежде всего нужно отметить, что нет оснований держать артиллерию в резерве. Если мы должны удерживаться на данной позиции, вся артиллерия должна быть на боевой позиции, готовой к открытию огня. Это правило не исключает возможности усиливать тот или другой участок фронта, так как батарея, стоящая на закрытой позиции, также удобоуправляема, как и батарея, находящаяся в резерве, конечно, при условии, что есть дороги, параллельные фронту. Наоборот, если у нас нет уверенности в возможности неприятельского наступления, батарея должна стать в готовности занять позиции. Вступление артиллерии в бой всегда должно подготовляться крайне тщательно. Отряды, дивизионы и батареи получают постоянные районы действий и по данному случаю, наблюдательные пункты должны быть хорошо оборудованы, связь вполне налажена. Командиры батарей старательно приготовляют исходные данные для стрельбы по различным пунктам местности. Все расстояния должны быть вымерены, в некоторых случаях можно произвести несколько пристрелочных выстрелов. В большинстве случаев достаточно одной пристрелки для батареи, перенос огня позволит последовательно обстреливать различные цели, беря за исходные данные стрельбы цифры для обстрела первого пункта. Иногда необходимо батареи держать в полном молчании, чтобы в открытом месте захватить противника врасплох и произвести на него внезапное огневое нападение.

Батареи должны эшелонироваться в глубину, чтобы упростить перемену позиций и обеспечить непрерывность поддержки пехоты.

Наконец, батареи, вообще говоря, будут более отдалены от фронта, нежели при наступательных действиях, так как должна быть обеспечена возможность ведения огня до крайности, не меняя позицию (стрельба по войскам противника, которым удалось бы форсировать первую линию).

Что касается тяжелой артиллерии, тот же способ расстановки батарей ей еще более соответствует, благодаря ее малой подвижности. Излишне выдвинутые тяжелые батареи подвергнутся напрасному риску, так как вполне могут решить свою задачу с глубоких позиций.

Перед наступлением противника.

Если наступающий подготовляет свою атаку артиллерийским огнем, необходимо тотчас же заменить места его батарей и взять их под свой огонь, если не с целью окончательного их уничтожения (что потребует огромного расхода патронов, то, по крайней мере, для нейтрализации их). Если количество крайне ограничено, как это имело место в текущей кампании, то необходимо сохранить их, помня, что главная задача—задержать наступление неприятельской пехоты.

В случаях, когда отмечается приготовление пехоты к наступлению (колонны на дорогах, места сборов в резервные колонны), необ-

ходимо использовать эти случайности и открыть огонь даже на больших дистанциях, чтобы нанести потери. Хорошо рассчитанный огонь в этих условиях может дать хорошие результаты. Необходимо все же воздерживаться от обстреливания плохо видимых целей и от обстреливания лесов, в которых, быть может, нет никакого неприятеля, так как эта стрельба является напрасной тратой драгоценных снарядов. Невозможно также применять огонь по площадям, который был общим правилом на французском фронте.

Во время неприятельского наступления.

Когда пехота или кавалерия противника перешла в наступление, все усилия артиллерии должны быть направлены к тому, чтобы ее задержать, а далее не дать ей возможности подняться, образуя перед первой линией заслон из снарядов. Этот заградительный огонь, чтобы был полезен, должен быть густым, почему его необходимо направлять на ограниченное число заранее выбранных пунктов, которые обязательно должны проходиться противником, мосты, места, плохо обстреливаемые огнем автоматов и пулеметов, и т. д.

Если заградительный огонь тщательно подготовлен, он может применяться как днем, так и ночью, начинаясь по требованию пехоты, выраженному световым сигналом (насколько возможно, ракетой).

Необходимо подчеркнуть трудности и случайности при открытии заградительного огня. Если он ведется на перелетах, то не дает ожидаемого результата и, наоборот, при недолетах может быть опасен своей пехоте. Необходимо отметить что самая точная предварительная пристрелка может не соответствовать точным данным стрельбы в данный момент и могут получаться перелеты или недолеты, в зависимости от атмосферных условий, от принадлежности снарядов к другой партии, чем та, которой производилась пристрелка. Можно ожидать пользы от этого огня только при условии прекрасной выучки артиллеристов.

При отсутствии заградительного огня, необходимо днем направлять огонь во всякий более или менее значительный отряд противника, а ночью направлять его на подступы.

Когда первая линия противника слишком близка от нашей первой линии и нет уверенности в непоражении своих, артиллерия должна направить свой огонь на поддержки противника.

В этой стрельбе принимает участие и тяжелая артиллерия (за исключением заградительного огня). Против танков и бронеавтомобилей самый выгодный огонь отдельных орудий, стоящих на открытой позиции и стреляющих прямой наводкой с близких дистанций (1500 метров).

Однако же замаскированная батарея может с успехом стрелять по тем же целям, если командир батареи получит об них сведения и хорошо управляет своей батареей.

Тем же способом необходимо бороться и с бронепоездами, только эти цели могут поражаться с больших дистанций, ввиду своих больших размеров.

Использование снарядов.

Основания использования были упомянуты при обзоре наступательных действий. Здесь необходимо прибавить несколько способов, которые можно использовать против наступающей пехоты или кавалерии на малых дистанциях, отмечая их прежде всего потому, что наступления такого рода часто имели место, а, во вторых, потому что прислуга польской артиллерии, насколько помнится, не всегда знала соответствующие правила.

Оборона батарей на малых дистанциях.

Батарея, захваченная врасплох на близкой дистанции, обязана до последней крайности обороняться орудийным огнем—наиболее выгоден здесь будет картечный огонь.

Устав в этом случае дает следующие указания.

Наводчик удерживает прицельную линию непосредственно наведенной в цель.

Орудийный начальник направляет орудия в должном направлении, передвигая правило. Шрапнель разрывается непосредственно у дула, как картечь. Если по той или иной причине нельзя стрелять шрапнелью на разрыв, стрельба ведется шрапнелью на удар, прицеливаясь в пункт, отстоящий от орудия на 150 или 100 метров перед орудием. Снаряд рикошетирует и разрывается в воздухе, давая достаточный сноп разлета пуль.

В этом случае нужно в полной мере использовать скорострельность 75 м/м орудия (отдельное орудие 15—20 выстрелов в минуту). Если не обладаем шрапнелями, нужно тем же самым способом стрелять гранатами.

Батареи 3-й дивизии имели случай вести огонь вышеуказанным порядком, в бою под Оссовом (недалеко от Бреста Литовского). Будучи внезапно захвачены противником на расстоянии 300 метров, они быстро перешли в боевой порядок и причинили противнику огромные потери (один из снарядов убил 15 человек) и способствовали взятию 1100 пленных, в то время как сама дивизия понесла очень малые потери. (Эти батареи несколько дней перед тем специально были обучены офицером французской службы бить на коротких дистанциях).

В момент, когда неприятель уже врывается на позицию батареи, необходимо продолжать оборону пулеметами и карабинами. Конечно, пулемет или автомат должны и ранее вступить в действие, чтобы совместно с огнем орудий задержать противника. Причем пулемет должен и ранее вступить в действие, чтобы совместно с огнем орудий задержать противника, стреляя фланговым огнем или в тыл, если батарея окружена.

Прикрытие и разведка.

При обороне еще в большей степени, нежели при наступательных действиях, необходимо батареям придавать прикрытие из пехоты или

кавалерии. Непосредственное охранение возлагается на разведчиков артиллерии. Оборона орудий на малые дистанции при помощи пулеметов и автоматов должна быть организована особо старательно.

Перемена позиций.

Может случиться, что батарея получит приказ оставаться на месте во чтобы то ни стало, даже ценою потери своих орудий.

Обыкновенно делается все возможное, чтобы спасти материальную часть,—с этой целью орудийные передки должны находится как можно ближе к позиции.

При отходе во время обороны на последовательных позициях артиллерия должна напрячь все силы, чтобы поддержать свою пехоту.

Указать времени, когда батарея должна переходить на следующую позицию, очень трудно, тут может идти речь лишь о воинской чести командира, который должен принимать решение.

Отойти слишком рано—это значит лишить поддержки дерущуюся пехоту и вынудить молчать орудия в тот момент, когда их моральное и материальное действие наиболее необходимо. Отходить поздно—это значит подвергать опасности орудия, рискуя потерей не только их, но и части прислуги. Необходимо, чтобы командир, имеющий отдать приказ об отходе артиллерии, лично следил за перепетиями боя и имел бы хорошо организованную службу разведки. Заранее необходимо разведать дороги в тыл, по которым должна отходить артиллерия и, насколько возможно, найти позицию для батареи в тылу (путем разведки местности или хотя бы по карте).

Связь с пехотой.

Связь с пехотой должна быть столь же тесной, как и при наступательных действиях, и в первом и во втором случае она обеспечивается отрядами связи.

Обстреливание неприятельских тылов.

Обстреливание неприятельских тылов (дороги, мосты, пункты, через которые противник непременно должен следовать) выполняется одинаково, как и при наступлении, соответственно приказам, отдаваемым командиром дивизии.

Поддержка контр-атак.

В оборонительных действиях артиллерия должна быть всегда готова к поддержке наших контр-атак. В данном случае она действует на тех же самых основаниях, что и при наступательных действиях.

Успех этой поддержки в значительной степени зависит от службы связи.

Парки.

В отступательных боях парки должны отходить ранее, чем начнут отход батареи. Командир дивизии в этом случае должен заранее дать свои распоряжения. Они должны охватить момент, когда возможно начать отход и указывать пункты, где парки должны задержаться. Совершенно ясно, что всегда необходимо поддерживать связь между батареями и парками. Командиры последних должны проявлять много инициативы, чтобы не оставить батарей без снарядов.

Оборона на широком фронте.

В одной из лекций общей тактики были изложены основания обороны на широком фронте путем занятия центров сопротивления, имеющими в основе бригаду или полк, с одновременным использованием резервных войск, имеющих заданием перейти в контр-наступление или на линии центров сопротивления или на промежутках.

Роль артиллерии дивизии в этом случае может быть понята так: в каждый центр сопротивления, соответственно численности пехоты, должна быть выделена часть артиллерии, остаток артиллерии находится при резерве для образования подвижной обороны или для поддержки контр-наступлений. Допустим, что дивизия имеет два центра сопротивления по одному полку и бригаду в резерве. В этом случае можно придать каждому центру сопротивления по одному дивизиону полевой артиллерии; оставшийся дивизион полевой артиллерии и дивизион тяжелой артиллерии придать бригаде резерва.

Ввиду того, что каждый центр сопротивления имеет задачей удерживать определенную позицию, приданная ему артиллерия должна занять позиции и быть готовой к открытию огня в направлении наиболее вероятного наступления противника. В предвидении наступлений, которые противник мог бы осуществить в других направлениях, должны быть приготовлены запасные позиции, на которых все должно быть организовано и должны быть исходные данные для стрельбы, чтобы в свое время, по перемене позиции, артиллерия с успехом могла действовать. (Не нужно забывать о том, что центр сопротивления может быть окружен со всех сторон, почему артиллерия должна быть приспособлена к открытию огня на любых участках позиции и меньше всего на тех, где артиллерия может быть использована с наибольшим успехом). Однако же, стоя на позициях, артиллерия не должна считать себя неподвижной, и если часть войск данного центра сопротивления должна оставить позицию для принятия участия в наступлении (случай во время контр-наступления), то назначенные заранее для этой цели батареи запрягают свои орудия и сопутствуют пехоте.

Что касается артиллерии, стоящей в резерве, то она должна быть в любой момент готова к выступлению. Она должна также заранее разведать все дороги, ведущие к центрам сопротивления и к промежуткам между ними.

Изучение местности, в крайнем случае, изучение карты всегда даст представление о трудности (препятствия, промоины и т. д.) и возможностях использования артиллерии в различных случаях (место расположения орудий, наблюдательные пункты).

В положении вынужденной обороны войска, численно слабые и плохо снабженные материально, могут достигнуть успеха, если распоряжения командования рациональны, если войска в высшей степени обучены использованию местности, если они умеют прекрасно использовать огонь своего оружия—но самое главное, насколько в сердцах всех, начиная от генерала и кончая рядовым, имеется твердая воля драться до конца, безоговорочная вера в успех с одновременным чувством самопожертвования.

V. Лекция.

(Артиллерия в соединении с другими родами оружия).

Внутренняя связь.

Чтобы можно было с успехом командовать артиллерией, необходимо, чтобы между отдельными отрядами, подчиненными одному командованию, функционировала связь, если не постоянная, то, по крайней мере, регулярная с короткими перерывами. Необходимо обеспечить самую точную передачу приказов, с одной стороны, и доставку донесений—с другой.

В настоящих условиях очень часто встречаются затруднения к развитию подробной телефонной сети, соединяющей батареи с дивизионом, дивизион с полком и полк с бригадой. Во всяком случае, не следует пренебрегать таким видом связи, который дает значительную помощь. При отсутствии телефонов используются верховые, мотоциклисты и в исключительных случаях—пешие. Если расстояния слишком велики, необходимо выставить посты.

В основе ежедневные донесения должны прибывать в назначенный час, это касается всех особенностей, которые произошли в течение дня, а также расходы снарядов. Эти донесения устанавливают регулярность несения службы.

Связь с командованием.

Так уже было сказано о применении артиллерии в бою, связь отдельных отрядов артиллерии с командованием, которому они подчиняются, вытекает, прежде всего, из соответственного расположения в соседстве с центрами общевойскового управления. Так, например, начальник артиллерии дивизии находится при штабе дивизии, командир дивизиона, поддерживающего данный пехотный полк, находится при командире полка. Если временно начальник артиллерии должен отлучиться, он должен оставить при командире, которого оставляет,

человека для связи, насколько возможно офицера, который докладывает ему приказы.

Связь с пехотой.

Вышеуказанное правило должно относиться и к связи между артиллерией и пехотой. Артиллерия должна поддерживать связь с пехотой, которую поддерживает, но этот вид связи не является достаточным, необходимо, чтобы существовала непосредственно связь между поддерживающей артиллерией и первой линией пехоты.

С этой целью соответствующая часть артиллерии (полк, дивизион, батарея) посылает к своей пехоте отдел связи, численность которого зависит от необходимости; этим отрядом командует специально назначенный офицер. Командир этого отряда имеет задачу:

1) Осведомлять командира, которым выслан, о положении и потребностях пехоты и присылать ее пожелания в форме, понятной для артиллерии. Например, командир баталиона просит поддержки огнем. Перед фронтом своей 2-ой роты командир отряда связи должен во время наметить ограниченное число пунктов на местности и по ним указать артиллерии цели.

Одной из постоянных забот командира отряда связи во время движения вперед или в тыл должно быть постоянное извещение артиллерии о положении первой линии своей пехоты, эти сведения необходимы артиллерии, чтобы она могла с выгодой вести огонь, не рискуя обстрелом своих войск.

2) Осведомлять пехотного начальника о поддержке, которую может оказать пехоте представляемая им артиллерия. Перед выступлением начальник отдела связи получает от высылающего начальника следующие указания:

а) выработанный план огня артиллерии,

б) место расположения батарей и район обстрела (нельзя отмечать этих данных на карте, т. к. она может попасть в руки противника),

в) какой численностью снарядов располагает артиллерия,

г) какого рода снаряды имеются на батареях,

е) предварительные соображения о передвижении артиллерии, указания о сведениях, которые необходимо собрать и которые считаются особо-важными.

Кроме того, необходимо, чтобы командир пехоты, к которому придается отряд связи, указал перед операцией подробности маневра, который должен быть выполнен пехотой, условные знаки и последовательное перечисление пунктов, в которых будет располагаться пост командования во время действия, сведения о положении первой линии, о положении неприятеля, а также о своих намерениях.

Командир отряда перед выступлением должен подробно изучить участок, на котором должно действовать данное об'единение, к которому он придан, подготовить карту и обозначить на ней районы, где он будет искать свои наблюдательные пункты.

Командир отряда связи продвигается совместно с командиром об'единения, к которому он придан, однако же, нужно заметить, что временами он может его покинуть, оставив заместителя.

С целью выполнить свое задание в подробностях, он распределяет людей своего отряда, например: если отряд придан данному полку, необходимо послать по одному унтер-офицеру к каждому баталиону. Для сношений с артиллерией он использует все средства связи, указанные в диспозиции. На французском фронте очень широко использовался телефон, гелиограф, телеграф, световые ракеты и временами использовались почтовые голуби. В условиях текущей войны приходится особенно использовать верховых, а иногда и пеших, т. к. в подвижной войне это—наивернейший способ связи.

Основное правило, что отряд связи, приданный пехоте, не занимается наблюдением за огнем, в артиллерийском понимании наблюдения, он обращает внимание на результаты этого огня. Если необходимо выполнить стрельбу с далеко выдвинутых вперед наблюдательных пунктов, какое задание начальнику отряда связи должно быть подробно очерчено, тогда он снабжается необходимыми средствами связи (обыкновенно—телефон).

Сведения артиллерии доставляются: собственными наблюдателями, пехотой, кавалерией, летчиками (обыкновенно самолеты подробней и быстрей осведомляют о положении первой линии при движении вперед или назад); интересные сведения иногда могут быть доставлены пленными или частными жителями.

Сведения используются непосредственно получившим, который пересылает их одновременно командованию и, в случае необходимости, соседям.

Артиллерия в соединении с танками.

Танк, попавший под расчитанный прицельный огонь орудий, легко может быть испорчен. Отсюда следует, что при наступлении на позицию при помощи танков необходимо заботиться об обеспечении их от снарядов. Для достижения этого необходимо, прежде всего, стремиться побороть огонь батарей или отдельные орудия, которые обстреливают наши танки. Если это невозможно, необходимо закрыть танки от наблюдения неприятеля, использовав для этого дымные снаряды, которыми обстреливаются наблюдательные пункты, откуда можно наблюдать движение танков (этого рода огонь требует большого расхода снарядов).

Артиллерия в соединении с авиацией.

Организация воздушного наблюдения является единственным средством, с помощью которого можно обстреливать цели, закрытые от глаз наземного наблюдения. В частности, самолет является крайне необходимым при ведении огня контр-батарей (борьба с артиллерией противника). В настоящих условиях польская артиллерия не приспо-

соблена к совместной работе с авиацией, так как в дивизионах нет радиотелеграфных приемников.

При отсутствии этого средства связи можно использовать следующие: если самолет снабжен ракетами, он может давать знаки „перелет“ „недолет“, кроме того, движениями в воздухе он может дать знать об уходе снаряда вправо или влево (например, самолет делает поворот влево, значит, снаряды падают влево и, наоборот, при попадании снарядов в цель—аппарат делает восьмерку).

Ввиду того, что эти правила не предусмотрены уставом, необходимо, чтобы артиллерист и летчик-наблюдатель условились об них заранее.

Летчик может также использовать специальные вымпелы с тяжестью, в которых помещается отчетная карточка, указывающая батарее место попадания снарядов в отношении цели; в соответствующее время эти карточки сбрасываются на землю. В каждом случае используют этот способ, когда необходимо осведомить артиллерию о положении противника или об появившихся важных целях.

Временами летчик не должен колебаться и опуститься по близости командования или батареи с целью доложить важные сведения.

Чтобы совместная работа артиллерии с авиацией была продуктивна, необходимо летчикам-наблюдателям хорошо знать месторасположения батарей и сектор их обстрела,—таким путем они не будут колебаться в требовании огня дивизиона или батареи по важным целям.

Артиллерия совместно с кавалерией.

Командир артиллерии должен иметь самую тесную связь с командиром кавалерии и получать от него указания о задачах об'единения, направлении, в котором нужно действовать, и, в случае необходимости, указание о первой цели, которая должна быть обстреляна артиллерией.

В столкновении с неприятельской кавалерией обычно, в начале боя, как главная цель, будет являться первая линия противника.

В некоторых случаях артиллерия должна будет принять участие в преодолении сопротивления или в овладении опорным пунктом.

Командир артиллерии часто должен будет действовать по собственной инициативе, чтобы выполнить свое задание, чтобы выбрать место для батарей и одновременно цель, а также чтобы выполнить необходимые передвижения. Если батареи могли занять позиции, они будут в состоянии обстреливать кавалерию противника на дальних дистанциях для задержки ее и нарушения развертывания в боевой порядок. В преследовании действия артиллерии, подобно действию кавалерии, могут дать огромные результаты.

Безотносительно, развивается ли наступление или действия носят оборонительный характер, фазы боя меняются с большой быстротой, дерущиеся отряды разбросаны на больших интервалах и дистанциях, благодаря этому трудно отличить свои войска от войск противника.

Все эти данные заставляют тщательно поддерживать связь, с одной стороны, между всеми ступенями командования и, с другой — между совместно действующими отдельными отрядами различных родов оружия.

Чем беднее средства связи и чем они примитивней, тем сильнее должна быть забота и нажим начальника в этом направлении. Что касается артиллерии, которая никогда не действует самостоятельно, но всегда поддерживает другие роды оружия, для нее является вопросом чести всегда иметь возможность оказать своевременную поддержку указанным родам оружия как в затруднительных положениях, так и в успешных.

В восьми первых лекциях, прочитанных прошедшей зимой, были изложены главные указания, вытекавшие из опыта 1914—1918 годов и касавшиеся артиллерии.

В них старались обрисовать использование артиллерии в современной войне против прекрасно организованного и вооруженного противника.

Мужество солдата не в состоянии противостоять сильной технике, прекрасно организованной и используемой на поле боя по методу, подтвержденному долгой и тяжелой практикой.

Задание в настоящем курсе особенное: оно будет основываться на выводах из указаний, полученных за последнюю войну, мы должны будем уяснить, как нужно использовать ограниченные средства артиллерии, которыми располагает польская армия, против противника, который также не богат этими средствами. Использование наивысшей прицельности орудий и снарядов должно быть обязанностью каждого командира, имеющего задачей достигнуть успеха малой кровью солдата.

В первой лекции мы изложили основные общие сведения об артиллерии; в последующих было рассмотрено использование артиллерии в наступательных боях и при оборонительных действиях и, наконец, рассмотрено действие артиллерии в соединении с другими родами оружия.

Рассмотрим разницу в использовании артиллерии на западном фронте в 1914—1918 году с использованием в настоящей войне, рассмотрим разницу в действительности артиллерийского огня в войну 1914—1918 с действительностью только что законченной войны.

В предыдущих войнах (1870—1871 г. г., русско-японской) процент потерь от артиллерийского огня достигал от 10% до 25%, потери от огня пехоты были от 75% до 90%. Вместо этого в маневренной войне начала 1914 г. артиллерия уже причиняет 75% ран, а огонь винтовок, автоматов и пулеметов—25%.

Эта разница происходит от:

1) увеличения числа орудий,
2) значительного увеличения полезного действия снаряда.
3) огромного увеличения скорострельности,

4) огромного расхода снарядов, возможного благодаря наличию желдорог, грузовых автомобилей.

Совершенно одинаково, как в пехоте не следует беспредельно увеличивать число ружей и пулеметов, а требуется прекрасная выучка отдельного пехотинца, так и в артиллерии дело не в числе орудий, а в образовании и выучке артиллеристов.

Благодаря этой частности, французская и немецкая артиллерия могла достигнуть таких результатов.

Рассмотрим теперь, – в чем разница использования артиллерии в войне 1914—1918 г. и в настоящей.

Эта разница заключается не столько в меньшем количестве орудий, находящихся на русско-польском фронте, сколько в малом числе снарядов.

На самом деле, хотя в позиционной войне для наступления на укрепленную позицию на французском фронте находилось значительное число орудий (например, 200 орудий, из них половина тяжелых, на фронте дивизии, при ширине участка в $1^1/_2$ километра, в наступлении 26 сентября 1918 г.), при маневренной войне пропорция артиллерии была менее значительной; в 1914 г. корпус, состоящий из двух дивизий, имел едва 120 орудий 75 м.м. или 60 орудий 75 м. м. на дивизию (тяжелой артиллерии не было совершенно); немецкий корпус имел 160 орудий (среди них 30 гаубиц легких и 16 тяжелых или 80 орудий на фронте дивизии. В последних действиях 1918 г. дивизии обладали обыкновенно только своей артиллерией постоянной организации, т. е. 3 дивизиона легких и 1 дивизион тяжелый (кроме корпусной артиллерии, имевшей два дивизиона); большинство из батарей имело на вооружении только по три орудия.

Отсюда следует, что снабжение артиллерией польских дивизий вполне достаточно для маневренной войны.

В конце концов важно не количество орудий, а количество снарядов. С этой точки зрения польская артиллерия слаба.

В самом деле, не говоря уже о ежедневном расходе снарядов по 1000 штук во Франции в период наступления на укрепленную позицию, в подвижной войне 75 м.м. орудия с успехом выпускали 300—600 снарядов. Как „день огня“ 75 м.м. орудия, принималось в рассчет 300 снарядов; в польской армии вместо этого день огня для 75 м.м. пушки едва достигает 60 снарядов.

Кроме того одной из причин неудовлетворительности польской артиллерии является нехватка в технических средствах, которые во Франции были в распоряжении дивизионов и батарей. Нет карт большого масштаба (120000), мало телефонов, аппаратов и телефонного кабеля, отсутствие радиотелеграфа, отсутствие самолетов для пристрелки, отсутствие данных, получаемых воздушной фотографией. Отсутствие фотографических инструментов и неорганизованность метеорологической службы.

Из-за этого отсутствия средств следует, что польская артиллерия в данном ее состоянии не может использовать современных методов пристрелки и ведения огня, которые позволяют использовать огромную прицельность и дают возможность извлечь из артиллерии пользу при всех обстоятельствах, а особенно тогда, когда идет речь об ведении огня по невидимому противнику и без предварительной пристрелки (например, стрельба ночью, стрельба по совершенно закрытой цели).

Мы вынуждены применять в Польше не те методы, что применялись в 1916 году, но способы, применявшиеся в 1914 г.

Желательно, чтобы положение в этом отношении улучшилось, чтобы польская артиллерия, как можно скорее, была снабжена всеми средствами, которые будут для нея необходимы в случае, когда пришлось бы ей бороться с неприятельской артиллерией, организованной и снабженной по требованиям последнего времени.

1) Шрапнельный огонь 75 м. м. на дистанцию 5000—5500 метров: 7-го августа 1914 года, на северо-восток от Вердена, одно орудие, давшее 4 выстрела при 4-х разных прицелах, выпустив в общем 16 спарядов уничтожило 16 полк немецких драгун, которые были захвачены огнем в момент сбора. Все офицеры с 600—700 людей легли. Этот результат подтвердился вечером того-же дня.

2) Огонь гранатами: 13 августа 1914 г. в Верхнем Эльзасе дивизион 75 м. м. оруд. вел огонь с дистанции 2000 метров по полку пехоты вюртембержцев, которые наступали в колоннах; полк был рассеян и скрылся *в лесу*; но и там он был настигнут огнем и утром в нем были найдены сотни трупов.

3) Огонь шрапнелью и гранатами, ведшийся с расстояния 2800 метров: 25 августа 1914 года дивизион 75 м. м. пушек почти уничтожил три полка 33 резервной дивизии, которая шла в наступление; при его помощи было взято 500 пленных, и остатки были отброшены на 6 километров.

4) Огонь по артиллерии противника (контр-батарея): 19 августа два дивизиона 75 м. м. пушек 5-го полевого артиллерийского полка (полковник Нивелль), в каждом дивизионе по две батареи, стреляли—один гранатой и другой шрапнелью, с установкой на 32000 метров.

На утро нашли уничтоженным целый дивизион 77 м. м. немецких пушек и среди материальной части валялись трупы коней и людей.

Заключение.

Условия использования артиллерии в последних боях сильно разнятся от тех, в которых артиллерия использовалась на западном фронте в 1914—1918 годах.

Невозможно сказать с полной уверенностью, какие условия будут в войне будущего. Однако же, если в будущем Польше придется бороться с сильно соорганизованным противником, хорошо вооружен-

ным и пользующимся новейшими методами борьбы—польская армия должна обладать надлежащей организацией, упорядоченной материальной частью и офицерами, обученными по опыту великой войны.

Этого она достигнет, проводя в жизнь:

1) Усовершенствование односторонности обучения офицеров.

Во всем, касающемся артиллерии, необходимо провести: обучение командования штабов, а также офицеров всех родов оружия в отношении использования артиллерии в бою; специальное обучение офицеров артиллерии в смысле изучения уставов и наставлений, а также ведению огня (ниже, при рассмотрении материальной части, мы увидим, на какие пункты нужно обратить изучение техники достаточным числом офицеров, способных занять места на фабриках, в поверочных и приемочных комиссиях).

2) Усиление артиллерии путем введения новейшей материальной части, а особенно тракторной тяжелой артиллерии, легкой полевой артиллерии на грузовых автомобилях, артиллерии всех калибров, перевозимой на гусеничных тракторах, окопной артиллерии, пехотной артиллерии, противо-аэропланной и артиллерии наитяжелейшей.

На своей западной и южной границах Польша располагает хорошими дорогами, на которых с успехом может быть использована артиллерия на тракторах и грузовых автомобилях: на восточной границе гусеничные тракторы могли бы оказать огромные услуги.

3) Увеличение числа орудий, а, самое главное, числа снарядов (устроить фабрики с интенсивным производством).

4) Увеличение технических средств, необходимых для увеличения действительности артиллерийского огня. В этом отношении необходимо:

а) Увеличить средства связи (радиотелеграф, телефон и т. д.).

б) Организовать службу артиллерийской разведки, особенно путем фотографирования с самолетов.

в) Организовать пристрелку с помощью наблюдений с самолетов.

г) Снабдить артиллерию картами больших масштабов (12000) для подготовки огня; эти карты могут быть использованы штабами и другими родами оружия.

д) Обучить всех офицеров артиллерии топографии.

е) Организовать в армии метеорологическую службу и назначить туда офицеров артиллерии, собирать сведения, необходимые для подготовки отправных данных для стрельбы.

ж) Снабдить все артиллерийские части приборами и таблицами для стрельбы.

Использование вышеприведенных средств, как-то: карт крупного масштаба (разделенных на квадраты), топографии, метеорологических данных таблиц стрельбы, позволит применить новейшие методы подготовки отправных данных для стрельбы, которые позволяют открывать огонь сразу на поражение без малейшей пристрелки; эти методы в большей степени обеспечивают артиллерии, их применяющей, огромное превосходство над противником, их игнорирующим.

Очевидно, что нужно употребить огромные усилия, чтобы иметь возможность их применения. Выгоды столь велики, что есть полные основания к затрате энергии и работе.

Не лишним будет отметить, что французы и немцы утратили свою артиллерию в течении войны и до чудовищных размеров развили техническое снабжение. Англия еще больше сделала в этом же направлении; Америка с помощью Франции создала свою артиллерию. Но эти результаты могли быть достигнуты только потому, что война продолжалась долго и что упомянутые страны обладали сильно развитой промышленностью и средствами сообщения.

Польша во время войны может оказаться в таком положении, что ее снабжение морским и сухопутным путем может быть совершенно прервано; совершенно очевидно, что еще в мирное время необходимо обеспечить снабжение путем покупок или выработки внутри страны. Возможно, что война может быть в непродолжительном времени, почему необходимо обучить людей, которые будут использовать материальную часть и снабжение на поле боя.

Предлагаемый перевод дает возможность ознакомиться с состоянием материальной части польской артиллерии при переходе к мирному строительству и усвоить также тактические воззрения по применению артиллерии на различных фронтах и в различных обстановках боя.

Для нашей армии очень полезно отметить обращение с материальной частью и снарядами польской артиллерии, так как имеется еще большее количество тех же материалов как на вооружении наших частей, так и на складах. Это знакомство с положением польской артиллерии должно рассеять ложно создавшееся мнение, что мы слабее техникой, чем соседи. Зафиксирован исходный момент реорганизации и начала мирного строительства. От нас зависит не отставать в развитии от других.

А. Стрельников и К. Бузницкий.

Транспорт в Варшавскую операцию.

1.

О громадной важности транспорта всех видов в жизни армии вообще, а во время войны в особенности, говорить не приходится.

Если „промедление—смерти подобно“, то приостановка движения—гибель транспорта—начало смерти.

Предмет настоящей статьи—транспорт железнодорожный и отчасти водный, почему о других видах транспорта придется упомянуть только вскользь.

Из видов транспорта можно указать:

1. Воздушный.
2. Автомашинный.
3. Конный (гужевой).
4. Водный.
5. Железнодорожный.

1. Авиация в Варшавской операции выполняла оперативно-боевые задания по связи, разведке и разрушению.

Воздушного же транспорта, как средства снабжения всех видов и передвижения боевых сил, в операции не было и его нет. Воздушный транспорт—недалекое будущее авиации.

2. Транспорт автомашинный.

Мы не располагаем материалами, чтобы характеризовать автомашинный транспорт количеством работавших машин, а равно их распределением по роду выполнявшихся ими заданий.

Наряду с легковыми машинами, являющимися средством связи, работал и грузовой авто-машинный транспорт, но транспорт этот носил—если можно так определить—характер местный, то-есть определенных грузовых рейсов на большие расстояния не выполнялось. Вопрос об авто-машинном транспорте вообще, и в Варшавской операции в частности, чрезвычайно важный и интересный и, несомненно, даст еще значительную и интересную литературу.

3. Транспорт конный (гужевой).

Конный транспорт играл громадную роль и при сравнительно удовлетворительном состоянии железнодорожного транспорта, в период же гражданской войны и, в частности, в Варшавской операции, когда железнодорожный транспорт оказался в чрезвычайно трудных условиях,—на конный транспорт легла непосильная задача, тем более, что транспорт этот был также разбит.

Имевшихся военных конных транспортов было совершенно недостаточно. Цифрами в этом отношении мы не располагаем, но очевидность этого факта ясна.

Приходится признать, что использование обывательских подвод, особенно в самый горячий момент наступления, было далеко не организованно и бессистемно.

На вопрос, в какой мере транспорт обывательскими подводами покрыл недостатки других видов транспорта и удовлетворил потребности операции—несомненно красочный ответ могут дать органы снабжения, остро испытавшие на себе недостатки транспортных средств, когда грузы их, подходившие по железной дороге из тыла, разгружались на станциях, значительно удаленных от уходившего вперед фронта, и решение задачи дальнейшего транспортирования ложилось целиком на них.

Водный транспорт.

Водный транспорт в Варшавской операции большой роли сыграть не мог как по маловодности прифронтовых рек, так и параллельности их фронту, почему, при стремительности продвижения вперед, судоходные реки, в первый же фазис наступления, остались далеко в тылу наступающей стороны. Все же справедливость требует отметить, что в начале Варшавской операции, вернее в период подготовки к ней, водный транспорт сыграл некоторую роль, особенно на Западной Двине.

В районе Западного фронта в лето 1920 года были следующие местные органы Главода [1]), в ведении коих находился речной флот Западного фронта:

1) Северо-Западное управление водного транспорта, находившееся в Смоленске, и с половины июня—в Витебске, коему подчинялся Витебский Учвод [2]).

2) Витебский Учвод, ведавший речным флотом Западной Двины.

3) Могилевский Учвод, ведавший речным флотом верховьев Днепра до Лоева.

4) Гомельский Учвод, ведавший речным флотом реки Сож.

Два последние Учвода подчинялись Киевскому областному управлению водного транспорта, с которым имели очень слабую связь,

[1]) Главод—Главное управление водного транспорта.

[2]) Учвод—Участковое управление водного транспорта.

а с переездом управления из Киева в Екатеринослав—и вовсе были от него оторваны, Ко времени открытия навигации (апрель месяц) общее руководство речным флотом в оперативном отношении было за Упвосозапом[1]), представителей же органов военных сообщений на местах не было.

Вопрос об учреждении ЗКвод.[2]) Витебского, Могилевского и Гомельского, поднятый еще в марте, находился в стадии разрешения: Управления ЗКвод были окончательно сформированы только в июне месяце описываемого года.

Для регулирования воинских перевозок на местах в конце апреля был установлен порядок, по которому все требования военного ведомства направлялись непосредственно в Упвосо[3]) армий, дающих наряды местным органам Главода-Учводам 15 армии в Витебске, 16—в Могилеве и Мозырской группы—в Гомеле. Таким образом, обязанность Звод[4]) были фактически возложены на 3 армию. Обязанности же ЗКвод временно были возложены на соответствующих ЗКУ[5]), при чем в Витебске в мае—июне месяцах, в связи с усиленной работой была назначена специальная комиссия, руководившая перевозками по Западной Двине.

Такой порядок был установлен, как выход из положения, при котором Могилевский и Гомельский Учводы подчинялись Киевскому Зводу, который фактически не мог руководить работой воинских перевозок упомянутых Учводов.

Транспортные средства речного флота Западного фронта, работавшие по военным заданиям, характеризуются следующей таблицей (см. таблицу № 1).

№ 1.

Периоды навигаций.	Днепр с притоками.		Западная Двина.	
	Количество паровых судов.	Количество непаровых судов.	Количество паровых судов.	Количество непаровых судов.
Начало	28	57	17	35
Середина	33	70	15	45
Конец	30	61	12	43

Грузопод'емность паровых судов Западной Двины от 200 до 2000 пудов.

[1]) Упвосозап—Управление военных сообщений Запфронта.

[2]) ЗКвод—комендант пристани.

[3]) Упвосо—Управление военных сообщений.

[4]) Звод—военный помощник начальника областного управления водного транспорта.

[5]) ЗКУ—комендант железнодорожного участка.

Грузопод'емность паровых судов Днепра и его притоков от 300 до 4000 пудов.

Как уже упомянуто, некоторую роль сыграл водный транспорт на реке Западной Двине, в связи с наступлением у Полоцка.

В мае месяце весь флот Западной Двины был привлечен к оперативным перевозкам.

Всего работало 14 паровых судов (7 Витебского Учвода и 7 Западно-Двинской военной флотилии), общей грузопод'емностью—14200 пудов.

Кроме того работало 30 непаровых судов, их коих 3 баржи были приспособлены специально для перевозки больных и раненых красноармейцев.

Упомянутой выше комиссией был выработан план перевозок до 20.000 пудов в сутки, причем фактический суточный грузооборот повысился в середине мая с 10.000 до 16.000 пудов, а погрузка до 20.000 пудов.

В июне работа падает, а дальше, в силу мелководья, совершенно замирает.

Впрочем, с началом наступления, фронт быстро передвигается далеко вперед, и, таким образом, водный транспорт Западной Двины теряет то значение, какое он играл в мае, т. е. в период подготовки к Варшавской операции.

В связи с окончательным обмелением реки и необходимостью все же в работе водного транспорта по Западной Двине—было приспособлено 12 лайб под конную тягу.

Для характеристики работы водного транспорта па Западной Двине приводим следующую таблицу суточной работы по воинским перевозкам в пудах (см. таблицу № 2).

№ 2.

Май. 1-я половина.	Май. 2-я половина.	Июнь.	Июль.	Август.	Сентябрь.
10.000	16.000	3.560	1.800	435	523

Всего же речным флотом Западной Двины перевезено воинских грузов:

Весеннего задания—1.272.700 пудов
Осеннего задания— 37.079 пудов

Всего 1.309.779 пудов

Перевезено красноармейцев—22215 человек.

Из переведенного краткого обзора видно, что речной флот Западной Двины, насколько то позволили естественные условия (мелководье, начавшееся уже в июне месяце),—был использован в возможной мере, и сыграл в мае месяце существенную роль для подготовлявшегося наступления, как один из военных путей сообщения Полоцкого района *).

Работа речного флота на Днепре и его притоках носила иной характер—вспомогательный.

Из общего числа работавших паровых судов, общей грузопод'емностью около 40000 пудов, большая часть судов находилась в распоряжении начдивов[1]) 8 и комбригов[2]) 9 на обслуживании переправ на Днепре, Березине и Припяти, часть—в распоряжении начинжснабзапа[3]) 10, военно-полевых строительств, а остальные—в непосредственном распоряжении Учвода.

Кроме паровых судов, на обслуживании переправ, в распоряжении строительных организаций и военного ведомства работало 37 непаровых судов.

Большая часть паровых судов реки Сож (25 судов) входила в состав Днепровской военно-речной флотилии и только остальная (незначительная) часть выполняла частью воинские перевозки, а в остальном—частные рейсы.

Для характеристики работы речного флота Днепра и его притоков по воинским перевозкам надлежит отметить, что за период навигации всего перевезено воинских грузов около 500.000 пудов.

В таком виде и цифрах рисуется вкратце работа водного транспорта по воинским перевозкам, произведенным под общим руководством Упвосозап.

В заключение отметим число требований, поступивших непосредственно в Упвосозап на предоставление судов для работ по военным заданиям, каковые требования и были полностью удовлетворены (см. таблицу № 3).

Железнодорожный транспорт.

Сравнение железнодорожной сети с кровеносными сосудами, питающими организм страны, столь же верно, сколько и общеизвестно.

Не менее общеизвестен также факт, что в России железнодорожная сеть была развита слабо и для нужд страны недостаточна.

---

*) Кроме обмеления рек на правильное использование водного транспорта сильно влияло несвоевременная под'емка ферм, подорванных противником мостов. На реке Припяти мелководье не имело такого большого значения как только что отмеченная причина.

Использование большей части паровых судов в речных боевых флотилиях без пользы для общего дела подрывало водный транспорт, так как командование могло использовать часть этих судов для транспорта. *Ред.*

[1]) Начдив—начальник дивизии.

[2]) Комбриг—командир бригады.

[3]) Начинжснабзап—начальник Инженерного Снабжения Запфронта.

С таким недостаточно развитым железнодорожным транспортом России вступила в мировую войну 1914—1918 годов, а затем в полосу гражданской войны.

Шесть лет—до Варшавской операции—железные дороги выполняют непосильную работу, разрушаются от износа, разрушаются по „оперативным соображениям", уничтожаются так же по „оперативным соображениям", и в результате и без того слабый железнодорожный транспорт страны оказался совершенно больным, разбитым.

Только максимумом энергии и чрезвычайными мерами железнодорожный транспорт был спасен от гибели и поддержан в состоянии, позволившем вести дальнейшую работу на многочисленных фронтах, в числе которых Западный фронт занимает особое место как по характеру войны, так и по роли, выпавшей на железнодорожный транспорт, особенно в Варшавской операции.

Не касаясь железнодорожного транспорта республики в период Варшавской операции, ограничимся железнодорожным транспортом Западного фронта.

№ 3.

Месяцы.	Количество поступивших требований.	Количество требовавшихся судов.
Март	8.	21.
Апрель	51.	126.
Май	17.	32.
Июнь	32.	44.
Июль	11.	20.

Под железными дорогами „Западного фронта" понимается железнодорожная сеть, подчиненная в оперативном отношении—управлению военных сообщений Западного фронта.

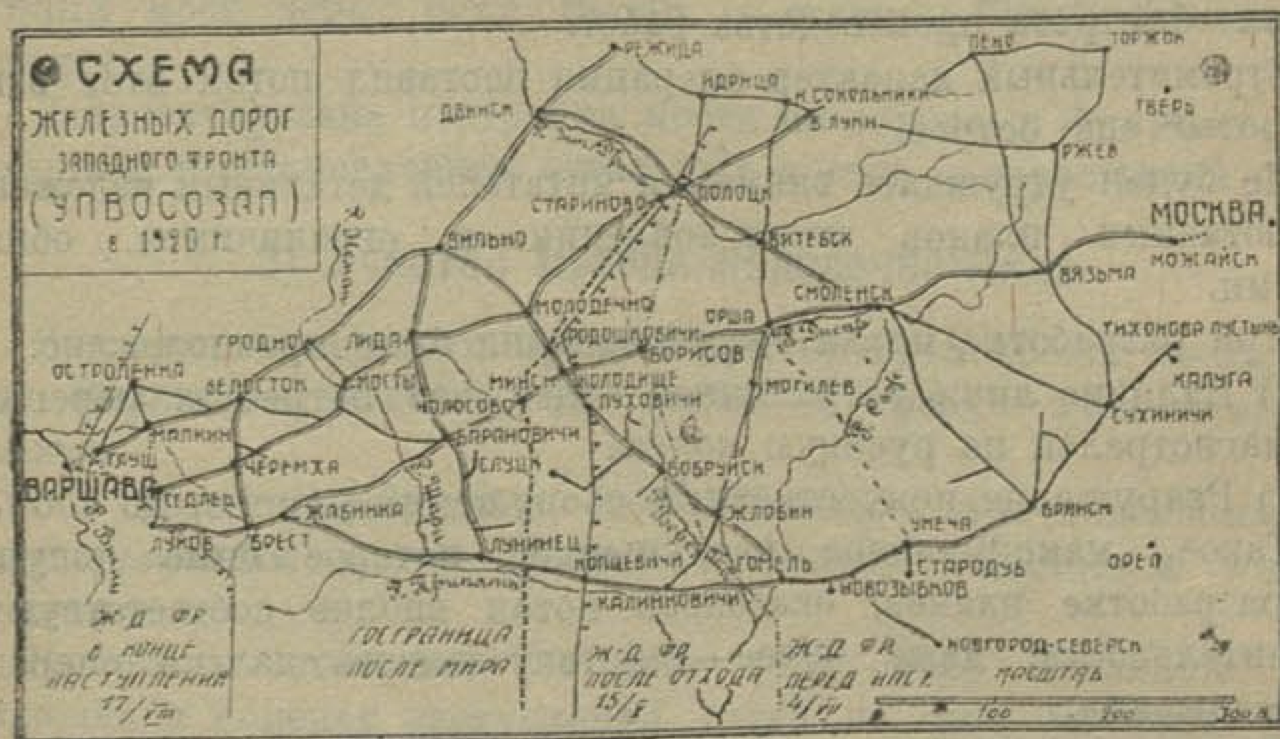
В период Варшавской операции в состав железных дорог Западного фронта входила железнодорожная сеть общим протяжением 5500 верст, имея границами: на *западе—фронт*, а дальше на *северо-запад, север, восток и юг*—следующие железнодорожные пункты: *Двинск, Режица, Ново-Сокольники, Пено, Торжок, Ржев, Можайск* (исключительно), *Тихонова-Пустынь, Сухиничи, Брянск, Стародуб, Унеча, Новозыбков, Новгород-Северск, Гомель, Калинковичи.*

Работа железных дорог по своему характеру располагается на 3 периода:

1) Подготовка к наступлению.
2) Наступление.
3) Отход.

В первый период выполнена громадная работа по перевозке войск, но работа эта протекала в нормальных условиях и по определенному, выдержанному плану.

С момента же наступления (второй период), в связи с быстрым продвижением вперед фронта и до конца отхода (третий период), работа железных дорог Западного фронта протекала в исключительно тяжелых боевых и технических условиях.



Дальше мы дадим (насколько располагаем) цифровой материал и общую характеристику эксплоатационной работы железных дорог Западного фронта, а сейчас скажем несколько слов о самих железных дорогах и средствах, коими они располагали.

До наступления входившая в Западный фронт сеть железных дорог, имея границей на западе Полоцк, Борисов, Гомель, Калинковичи, была в относительно удовлетворительном состоянии.

Этим мы хотим сказать, что дороги не подвергались раньше разрушению, но, конечно, назвать их состояние вполне удовлетворительным не приходится: путь изношен, снабжение недостаточно, подвижной состав разбитый и в числе, не соответствующем протяжению дорог и пред'являемым им требованиям.

Подвижной состав, коим располагали железные дороги Западного фронта, характеризуется следующими данными по отдельным лезным дорогам. (Смотри таблицу № 4 в конце статьи).

Процент больных паровозов и вагонов прекрасно характеризует состояние подвижного состава.

Беря средние цифры за июнь, июль, сентябрь, видим, что на железных дорогах Западного фронта в разгар Варшавской операции было:

Паровозов—1758, из них здоровых 731 и больных 58, 5%.

Вагонов—45723, из них здоровых 34280 и больных 26%.

С таким подвижным составом железные дороги провели Варшавскую операцию.

Работа железных дорог (в частности Управления Военных Сообщений) по подготовке к наступлению шла в двух направлениях: с одной стороны—усиленная эксплоатационная работа по переброске войск—о чем ниже, а, с другой стороны—подготовка к восстановлению железных дорог при продвижении вперед.

Военным командованием было пред'явлено одно основное требование к предстоящим восстановительным работам на железных дорогах—быстрота производства работ.

Стремительный характер операции поставил потом этот вопрос „быстроты" еще острее.

Не будем утруждать внимания читателей детальным изложением разработанных планов восстановления и ограничимся общими данными.

При разработке плана восстановления было предположено:

1) Наличие лишь заграничной колеи, что потребует перешивки всех магистралей на русскую колею.

2) Разрушение искусственных сооружений (мостов) до 100%.

Такое „максимальное разрушение", которое было допущено при разработке планов, оказалось потом вполне соответствующим действительности, даже более—действительность далеко опередила предположения.

Поляки, отступая, не ограничились „стратегическим разрушением" крупных железнодорожных мостов (необходимое разрушение для задержки преследующего противника), а разрушали все сплошь—разрушались не только сооружения, имеющие значение в военном отношении, но и строения, предназначенные для коммерческих (гражданских—не военных) операций.

Итак, исходя из допущенного полного разрушения железных дорог противником, были разработаны планы восстановления отдельных железнодорожных участков и направлений.

Естественно, что главное внимание было обращено на крупные железнодорожные мосты.

Вкратце по участкам было предположено:

1) Участок Борисов-Минск Александровской ж. д.

На общем протяжении участка в 75 верст предстояло восстановить 20 мостов.

Центр работы—восстановление 75 саженного моста через реку Березину у Борисова, расположенного в самом начале восстановительных работ.

Командзапом, для открытия железнодорожного движения через Березину, был дан срок 7 дней, в связи с которым принят проект постройки временно моста на обходе, вместо разработанных ранее двух проектов постройки моста на месте разрушенного постоянного, что требовало несравненно большего срока.

В течение 7-ми дневной работы на березинском мосту надлежало перешить путь всего участка на русскую колею и восстановить остальные более мелкие мосты.

2) Участок Минск-Барановичи.

На протяжении участка в 133 версты предстояло восстановить крупный мост через реку Неман (у станции Столбцы) отверстием 45 сажен.

Запроектирована постройка моста на обходе в 7 суток с одновременным восстановлением остальных мостов и перешивкой пути.

3) Участок Полоцк-Молодечно-Лида.

В качестве крупных препятствий предусмотрены мосты через реку Вилию — отверстием 35 сажен и реку Уша—отверстием 20 сажен.

Оба моста предположено восстановить в 2-х недельный срок, с одновременным восстановлением остальных мостов и перешивкой пути.

Надлежит отметить, что мост через реку Западную Двину у Полоцка к моменту наступления готов не был, но срок восстановления его не стоял так остро, так как железнодорожное сообщение через Западную Двину осуществлялось специально построенной паромной переправой.

4) Направление Гомель-Лунинецкое.

Крупнейшая преграда для железнодорожного движения в данном направлении был днепровский мост у Речицы отверстием 140 сажен.

Запроектировано восстановление постоянного моста в течение 1¼ месяца, а для скорого открытия через Днепр железнодорожного движения—постройка паромной переправы.

В таком же духе для всех железнодорожных участков, вплоть до варшавского узла, были постепенно разработаны планы восстановления.

Оценка этих планов, в смысле критики разработанных проектов мостов и рассчитанных сроков, материалов, средств и силы—дело специальной технической работы: нас интересует в данной статье иное.

Мы позволим себе отметить основной характер этих планов, имеющих исходный пункт—сроки.

Исходя из сроков, иногда чрезвычайно жестких, вырабатывался наипростейший для осуществления проект, а средства и силы получались, как следствие.

Спрашивается,—всегда ли оказывались на лицо необходимые средства и силы?

Факты говорят за то, что не всегда.

Еще в начале работ, полученные „проектами на сроки“ средства и силы примерно отвечали действительности, в дальнейшем, когда с быстрым продвижением вперед боевых частей, сразу предстояло одновременно восстанавливать многие направления, бывших технических сил не всегда хватало в количестве, предусмотренном планом для одновременного восстановления всех участков в предположенные сроки.

Необходимые материалы, получение коих было предусмотрено из специальных баз, не всегда оказывались на месте к сроку и в нужном количестве.

Не говоря о мелких мостах, которые восстанавливались материалами, бывшими „на месте“, т. е. случайно уцелевшими в районе станции, или же свежезаготовленными восстанавливающими частями в ближайших лесах и доставляемыми собственными средствами, иногда крайне примитивными, вплоть до подноски вручную на значительные расстояния, за неимением транспортных средств... не говоря об этом—нужно отметить, что и для крупных мостов приходилось нередко восстанавливающим частям добывать материал „самозаготовкой“.

Это расхождение условий, которые должны быть по плану, с условиями действительности, естественно влечет за собой переброску технических сил в пункты и направления, которые ходом событий делаются особо важными, с одновременным ослаблением сил, работающих на других направлениях, а это обстоятельство ведет к расхождению действительного плана работ с выработанным.

Ясно, конечно, что никакой план не может предвидеть, как пойдут события, но необходимо подчеркнуть принципиальный вопрос: оперативные соображения требуют, прежде всего, быстроты восстановления, но технические соображения (средства и силы) дают известный предел быстроте, и нужно и очень нужно считаться с имеющимися и достоверно предстоящими силами и средствами и, если их наличие не гарантирует необходимых сроков, то не нужно и категорически на них рассчитывать, а допустить сроки, вероятные при наличных средствах, в противном случае—мы будем потом свидетелями кипучей горячечной работы в ущерб ее продуктивности, а в результате—невыполнение срока и, прямой, иногда громадного значения, ущерб для боевой операции.

В отношении крупных восстановительных работ в Варшавскую операцию сроки были выполнены, а некоторые мосты были окончены даже ранее сроков, но, в общем, одновременность восстановления всех железнодорожных участков в действительности отстала от сроков плановых.

Это расхождение получилось не от того, что технические силы не дали должной напряженности работы, а просто потому, что *не хватало сил*.

Все технические силы были брошены на восстановление вперед. Все восстанавливалось „на живую нитку", чтобы с наибольшей быстротой тянуть вперед нить железнодорожного пути.

Технические части уходили вперед; в тылу не хватало сил для надлежащего развития путей тыловых, свеже восстановленных станций . . . В результате—вслед за боевым фронтом, который, приближаясь к Варшаве, оторвался от тыла, и железнодорожный фронт, в силу стремительного продвижения вперед, чрезмерно ослабил связь со своим тылом, оказавшись—за неразвитостью восстановленной сети—не в состоянии дать фронту то, что нужно.

Итак, противник оставлял нам железные дороги совершенно разрушенные; предстояло восстановить их в кратчайший срок, чтобы дать фронту жизненно необходимую ему связь с тылом.

Характер разрушения железнодорожной сети в общем виде рисуется так:

Путь поврежден на станции снятием или взрывом стрелочных переводов; на перегонах, за редкими исключениями, путь исправлен, но заграничной колеи; оставленный в небольшом количестве подвижной состав заграничной колеи сожжен или подорван и загромоздил пути; мосты—все разрушены; характер их разрушения разнообразный: разрушение взрывами береговых и промежуточных устоев, взрывание в разных местах ферм с их обрушением, сожжение деревянных устоев и перекрытий, и так далее.

Все технические станционные приспособления, а, в большинстве случаев и служебные, и жилые станционные помещения взорваны, сожжены.

Водоснабжение разрушено, частью взрывом машин и сооружений, частью увозом жизненных частей машин.

Телеграфная сеть порвана, часть столбов уничтожена.

В общем, картина полного разрушения.

Грандиозная задача восстановления стояла перед железными дорогами и, в частности, перед Управлением Военных Сообщений Западного фронта, ведавшим задачею восстановления и обеспечением фронта железнодорожным транспортом.

Силы, коими предстояло выполнить задачу восстановления, слагались, главным образом, из:

1. Железнодорожных войск фронта.
2. Головных ремонтных поездов.

Железнодорожные войска.

Организация железнодорожных войск и их назначение—вопрос, заслуживающий отдельной статьи, богатой и интересной по содержанию.

В настоящей статье мы коснемся этого вопроса лишь в мере, необходимой для отчетливого представления читателем железнодорожных войск и их работы для железнодорожного транспорта в Варшавской операции.

Организация железнодорожных войск в период, о каковом идет речь, была вкратце следующая: технически боевыми единицами являются железнодорожные дивизионы, состоящие из нескольких рот по родам железнодорожной службы—путевая, движения и телеграфа, тяги, материальной службы.

Личный состав железнодорожного дивизиона по штату 852 человека, фактически на лицо, в среднем, около 580 чел.

Железнодорожный дивизион снабжен необходимым техническим оборудованием и инструментом, по определенным штатам для работ по всем службам, а также и подвижными мастерскими.

Железнодорожные дивизионы в строевом, хозяйственном и административно-техническом отношении подчиняются отдельным железнодорожным бригадам, а последние отделу железнодорожных войск Управления Военных Сообщений Западного фронта.

Технические боевые задания железнодорожные войска получают от командования фронтом, через Управление Военных Сообщений.

В техническом отношении, все работы на железных дорогах выполняются железнодорожными войсками, с соблюдением технических требований и применительно к правилам, существующим на той железной дороге, где работает данная железнодорожная часть.

Для тесного контакта в работе с дорогами при управлениях дорог существуют управления военных помощников начальников дорог, являющихся представителями военного ведомства.

В мирной обстановке железнодорожные войска работают на железных дорогах, как специальная техническая железнодорожная сила, оказывая помощь дорогам и, одновременно, знакомясь с дорогами и приобретая практику в работе.

С переходом же на военное положение, железнодорожные части принимают в военную эксплоатацию передовые (прифронтовые) участки железных дорог.

Сущность военной эксплоатации заключается в том, что вся административная власть на данном участке переходит в руки военной власти (обычно командира железнодорожной части, являющегося начальником участка).

Агенты железной дороги сменяются военными, а если некоторые из вольных агентов железных дорог остаются на месте, то переходят на военное положение подчиняясь всецело военной администрации.

В период боевых операций железнодорожные войска, при продвижении вперед, производят восстановление железных дорог—при отходе разрушают железные дороги, с одновременной эксплоатацией в обоих случаях (наступлении и отходе) прифронтовой сети, работая не только в прифронтовом районе, но и непосредственно в сфере огня.

Таким образом, железнодорожные войска являются авангардом технических железнодорожных сил в деле восстановления и эксплоатации передовых участков железных дорог; они же являются ариергар-

дом при отходе, окончательно эвакуируя железные дороги и разрушая оставляемые противнику участки.

В период Варшавской операции на железных дорогах Западного фронта работали следующие железнодорожные части (смотрите таблицу № 5 в конце статьи).

Диаграмма № 6 дает наглядное изображение числа железнодорожных дивизионов Западного фронта помесячно. (Приложена в конце статьи).

2. Головные ремонтные поезда.

Эти поезда представляют собою технические организации, формируемые распоряжением ЦТ[1]), по заданиям ЗР.

Формирование и оборудование означенных поездов производится средствами железных дорог, из числа агентов коих комплектуется и личный штат поездов.

Начальник поезда назначается ЦТ, по представлению Управления дороги, формирующей поезд, и пользуется правами начальника участка службы пути, подчиняясь дороге, на которой работает, или начальнику работ, где существуют головные отделы.

По солидности технического оборудования и мастерских головные ремонтные поезда, коротко горемы, являются мощными техническими единицами, могущими производить крупные строительные работы и предназначенными для работ по восстановлению пути, искусственных и гражданских сооружений, водоснабжения и прочих железнодорожных устройств на линии и станциях, разрушенных противником.

В период отсутствия восстановительных работ на фронте горемы работают по развитию и усилению железных дорог, находясь в их непосредственном распоряжении.

С момента же постановки их на восстановление передовых участков—в период боевых операций—горемы, оставаясь в административно-техническом и хозяйственном отношении в ведении НКПС[2]) (дороги), работают по заданиям военного командования, каковые задания, равно и перемещения горемов, осуществляются согласованными распоряжениями начвосо[3]) фронта с соответствующими местными (фронтовыми) органами НКПС/ОКП[4]).

Роль горемов в Варшавской операции, главным образом—восстановление крупных мостов, а также развитие станций и восстановление водоснабжения.

До июня месяца на железных дорогах Западного фронта было 0 горемов, в период же наступления число горемов возросло до 5-ти, а после отхода упало до 5-ти.

---

[1]) ЦТ—начальник Технического Управления Н. К. П. С.

[2]) Н. К. П. С.—Народный Комиссариат Путей Сообщений.

[3]) Начвосо—начальник Военных Сообщений.

[4]) ОКП—Окружный Комитет по перевозкам.

До наступления горемы работали на железных дорогах прифронтовой полосы, а железнодорожные войска эксплоатировали (военная эксплоатация) передовые участки железных дорог в направлениях:

Полоцк—Двинском,

Полоцк—Молодечненском,

Орша—Борисов—Минском,

Гомель—Речица—Лунинецком и

Гомель—Жлобин—Минском,

находясь таким образом в исходных пунктах предстоявшего наступления.

Началом железнодорожного наступления надо считать 4-е июля, когда приступлено к постройке моста через р. Березину у Борисова.

Чтобы остановиться потом на характеристике восстановительных работ, мы дадим сейчас схему восстановительных работ, которые усиленно велись в течение всей операции и даже после перемирия, а именно. (Смотрите таблицу № 7 в конце статьи).

Для общего определения быстроты продвижения вперед приводим данные для главнейших направлений.

Первым, по важности, было направление Александровской железной дороги, то-есть от Борисова на Минск—Барановичи—Брест.

К постройке моста через Березину, как уже упомянуто, приступлено было 4/VII; к перешивке пути и восстановлению мостов за Березиной на Минск приступлено 10-го июля; ст. Минск была открыта для движения 16-го июля,—то есть 75 верст пути от Борисова до Минска было восстановлено в шесть дней.

От Минска до Барановичей—132 версты, было перешито с восстановлением мостов, в том числе 4-х, отверстием свыше 10-ти сажен, и неманский мост, отверстием 45 сажен, за 9 дней, и 25-го июля ст. Барановичи открыта для движения.

От Барановичей до Бреста—190 верст пути перешито и мосты восстановлены за 16 дней, и 10-го августа ст. Брест открыта для движения.

Таким образом, за время с 10-го июля по 10-е августа, то-есть за месяц, восстановлено в этом направлении около 400 верст, то-есть, в среднем, в сутки было пройдено с восстановлением всех мостов, водоснабжения, телеграфа и сплошной перешивкой пути на русскую колею—около 12—13-ти верст.

Такой средний суточный технический переход нельзя не признать заслуживающим самого лестного внимания.

Теоретический расчет быстроты восстановления, при сплошной перешивке пути с одновременным восстановлением мостов и при наличии необходимых технических сил и материалов, дает, как предел целесообразного эшелонирования работ, около 20-ти верст в сутки.

Если же учесть, что на перешитом за месяц 400 верстном участке было восстановлено 14 мостов, в том числе 8 отверстие

свыше 10-ти сажен, что материалы далеко не всегда были на месте, то фактически данный 12-ти верстный средний суточный успех за месяц является поистине технически-боевым.

С таким же, примерно, темпом протекали работы и на других направлениях; например, к перешивке пути от Полоцка приступлено 10-го июля; Молодечно открыто для движения 18-го июля, Лида—28 июля, мосты—1-го августа, то-есть за 23 дня восстановлено около 375 верст, то-есть до 16-ти верст в сутки, что об'ясняется относительно меньшими работами на мостах.

От Вильно до Гродно,—130 верст восстановлено с 1-го по 12-е августа, то-есть около 11-ти вер. в сутки, при чем 9 дней потребовалось для постройки 40 саженного моста в самом начале участка у Вильно.

От Барановичей на Волковысск—Черемху—219 верст восстановлено с 25-го июля по 14-е августа, то-есть свыше 10-ти верст в сутки.

Резюмируя вышеприведенные данные, отметим, что при наличии значительного числа разрушенных мостов, неделями задерживавших открытие железнодорожного движения,—средняя скорость восстановления железнодорожной сети фронта была около 12-ти верст в сутки.

Как упоминалось выше, восстановительные работы по развитию фронтовой железнодорожной сети столь же напряженно производились и при отходе.

Дело в том, что если при наступлении суровые сроки восстановления диктовались оперативными соображениями нашего командования, то при отходе приходилось считаться с оперативными действиями противника.

Свеже-восстановленные железнодорожные узлы к моменту отхода оказались забитыми, для их разгрузки и успешной эвакуации фронта однопутного движения было недостаточно.

Нужно было восстановить вторые пути на направлениях:

Мосты—Лида—Молодечно—Полоцк и

Брест—Барановичи—Минск—Орша.

Для характеристики спешности этих работ укажем, что второй путь на участке от станции Погодино (примерно, полпути между Брестом и Барановичами) через Барановичи до Минска, протяжением около 225 верст, перешит командами 4-х железнодорожных дивизионов с 23-го по 31-е августа, в 7 дней работы, то-есть со скоростью 30-ти верст в сутки.

Для полной характеристики восстановительных работ, мы лишены возможности дать в настоящей статье имеющийся богатый материал по восстановлению мостов—этой основной работе в деле восстановления железных дорог.

Позволим себе привести:

1. Ведомость восстановленных мостов отверстием свыше 5-ти сажен с указанием времени восстановления.
2. Общую цифровую сводку главнейших работ.

Эти данные, можно надеяться, дадут возможность читателю представить в общем громадную и интересную работу, выполненную железнодорожными войсками и головными поездами в Варшавскую операцию.

Способы восстановления мостов применялись самые разнообразные; как на основные виды восстановления мостов, можно указать на следующее:

1. Постройка мостов через крупные реки на обходах в случаях, когда восстановление постоянных мостов требовало много времени. Обходные мосты сооружались на ряжевых или свайных устоях с перекрытием пакетами из двутавровых балок.
2. Восстановление постоянных мостов путем поднятия надорванных ферм на дополнительные ряжевые или свайные устои, иногда с добавлением перекрытий из пакетов взамен надорванных негодных частей ферм.
3. Простое поднятие на шпальные клетки ферм с надорванными концами у береговых устоев.
4. Восстановление сожженных деревянных свайных мостов путем наращивания обгоревших свай или основания на них равных опор.
5. Постройка на месте совершенно разрушенного постоянного моста нового деревянного моста временного типа.

Следует отметить, что для открытия железно-дорожного движения через Днепр была построена, с 26 июня по 12-ое июля, паромная переправа, что и дало возможность солидного восстановления мостов.

(Смотрите ведомость восстановленных мостов отверстием свыше 5-ти сажен по отдельным направлениям.—№ 8 и общую сводку главнейших работ № 9 в конце статьи).

В вышеприведенной ведомости мы привели данные, относящиеся не только к восстановлению, но и к эвакуации, а также разрушению, чтобы покончить с работой технических сил фронта для железных и заняться работой железных дорог для боевого фронта.

Работа эксплоатации железных дорог Западного фронта выполнялась железнодорожными (невоенными) агентами, исключая передовых участков, находившихся в военной эксплоатации железнодорожных дивизионов, каковыми при наступлении непрерывно эксплоатировалось одновременно до 400 в. железнодорожной сети, а при отходе—до 500 верст.

Эксплоатационная работа железных дорог для фронта слагается из работы по перевозкам эшелонов частей и грузовых перевозок по обеспечению фронта продовольственным и боевым снабжением.

Для характеристики работы по перевозкам частей приводим следующие данные (см. таблицу крупных перевозок № 10 в конце статьи).

Для обслуживания санитарных нужд на головных участках курсировало 17 санитарных летучек, эвакуировавших с фронта больных и раненых до первых станций, куда принимались санитарные поезда (см. таблицу № 11 в конце статьи).

Из приведенных данных о работе по перевозкам видно, между прочим, что главная работа крупных перевозок приходится на период подготовительный к Варшавской операции, после чего значительно падает, вновь повышаясь с отступлением и до конца года.

Повышение числа крупных перевозок с августа месяца об'ясняется сначала эвакуацией фронтовых учреждений, а потом и распределением частей на стоянки.

Надо отметить, что работы по перевозкам подготовительного периода выполнены дорогами без чрезмерного напряжения.

Перевозки эти производились дорогами, не подвергавшимися разрушению, и совершались по определенному выдержанному плану; если и встречались затруднения, то почти исключительно на почве ощущавшегося все время недостатка в паровозах.

Дальнейшие же перевозки в период наступления и отхода выполнялись дорогами с крайним напряжением и далеко не всегда своевременно.

Дело в том, что хотя число „крупных перевозок", то есть перебросок крупных войсковых единиц, уменьшилось, зато возросло число перебросок небольших частей и команд, то есть число поездных эшелонов далеко не уменьшилось, и при том значительная часть работы перешла на только что восстановленную и недостаточно развитую сеть прифронтовых железнодорожных участков.

С продвижением вперед железнодорожная сеть западного фронта увеличивалась, а подвижной состав изменялся мало.

Несмотря на просьбы, железнодорожный тыл не мог дать помощь железным дорогам западного фронта, так как и сам ощущал тот же недостаток в паровозах и подвижном составе.

Недостаток в подвижном составе и паровозах, на ряду с приходящими причинами, естественно отражался на скорости перевозок; скорость работы железных дорог по перевозкам можно характеризовать следующими средними данными за год:

Продолжительность простоя подвижного состава в ожидании части—8 часов.

Продолжительность погрузки эшелона—8 часов.

Продолжительность разгрузки—10 часов.

Средняя скорость движения с остановками—192 версты в сутки.

Средняя скорость движения без остановок—288 верст в сутки.

Продолжительность простоя в ожидании отправления—7 часов.

Простой в ожидании отправления эшелонов об'ясняется, главным образом, недостатком паровозов и затем перегруженностью узловых станций; другими причинами, задерживающими работу железных дорог, являются, как мы выше называли—„привходящие“: неаккуратность прибытия частей к погрузке, медленность погрузки в вагоны и выгрузки из них—явление, к сожалению, хроническое.

Мы уже отметили, что с началом наступления и продвижения железнодорожной сети вперед, работы по перевозкам выполнялись дорогами, особенно на прифронтовых участках, с большим напряжением и не вполне своевременно; если теперь мы добавим, что в связи с наступлением усилилась грузовая работа железных дорог по снабжению фронта, то будет ясно, какого напряжения должна была достигнуть работа железных дорог западного фронта.

В отношении количественной стороны грузовой работы мы можем дать только две цифры: за год было выдано 9455 нарядов на 45572 вагона под грузы.

Приходится отметить, что плановых грузовых перевозок не было — несмотря на старания в этом направлении управления военных сообщений фронта; со стороны представителей снабжения фронта должного внимания уделено не было, и грузы пред'являлись к отправке непланомерно, иногда неожиданно, что окончательно усложняло работу железных дорог и привело к положению, потребовавшему принятия исключительных мер.

Картина, в общем, была следующая:

Ввиду быстрого продвижения вперед фронта, эшелоны, прибывающие в пункты назначения, в большинстве случаев не разгружались, так как части их назначения уже к этому времени далеко ушли вперед, и прибывающие эшелоны ожидали „продвижения“ вперед и действительно продвигались.

В силу той же стремительности вперед, грузы, прибывавшие в адрес назначения, переотправлялись по новому назначению, при чем до переотправки грузы эти простаивали на колесах.

Отставшие от боевых частей и учреждений штабы и тыловые учреждения армий так же „продвигались“, находясь в вагонах.

Словом все „продвигалось“ вперед на колесах.

Если принять во внимание, что все это „продвижение“ происходило по только что восстановленной железнодорожной сети с недостаточно развитыми узлами, что „продвигающийся“ эшелон отнимал паровоз, что в результате такого „продвижения“ получалась одностороннее движение вперед, отнимавшее паровозы и загружавшее узлы,—станет ясным, почему началась задержка в подаче эшелонов даже с артгрузами и почему пришлось прибегнуть к крутым мерам для устранения возможности окончательно перегрузить узловые станции.

11 августа описываемого года по докладу управления военных сообщений фронта был издан командзап'ом приказ о разгрузке тыловых учреждений, находящихся на колесах, в местах их нахож-

дения, а некоторые учреждения, как тыловые учреждения дивизий и бригад, находившиеся на колесах на линии Вильно—Молодечно—Минск, было приказано расформировать совершенно.

Одновременно с этим были приняты самые крутые меры к выгрузке из вагонов всех грузов, не имевших прямого боевого значения.

Прибывающие эшелоны не подавались до конечных станций, а разгружались несколько более, чем то было можно подать, в тылу, откуда следовали дальше походным порядком.

Такими мерами удалось несколько улучшить положение и доставлять вперед необходимое для фронта снабжение.

Спустя короткое время после принятия этих мер, начинается отход и эвакуация железных дорог, для которой упомянутая „чистка" сыграла крупную, положительную роль.

Борьба с излишними простоями и восстановительные работы по развитию тыла дали возможность эвакуировать всю оставленную нами железнодорожную сеть, общим протяжением 2000 верст, почти без потерь.

Всего потеряно 110 вагонов и 2 паровоза на ст. Белосток 27/VIII, 10 вагонов на ст. Жабинка 26/8 и 6 вагонов и 1 паровоз на участке Лунинец—Барановичи.

Во всех этих случаях эвакуировавшие отряды железнодорожных дивизионов были отрезаны противником, но не по причине неудовлетворительной работы железных дорог, а в силу неполучения своевременных указаний от начальников боевых участков о необходимости окончательной эвакуации этих пунктов к указанным датам.

В общем, при наличии технических недостатков самой железнодорожной сети, при больших и непланомерных требованиях на грузовые перевозки, железные дороги западного фронта все же дали фронту все, что могли, наверставши своей работой и свои недостатки и непланомерность пред'являемых к ним требований.

В заключение о железных дорогах западного фронта и их работе можно сказать следующее:

1. Железные дороги в Варшавской операции подверглись жестокому разрушению: сколько-нибудь крупные мосты (отверстием 5 саж. и выше) разрушены все, в числе 100%; мелкие мосты разрушены в числе свыше 50%; водоснабжение в разной степени разрушено почти на всех станциях, при чем серьезно повреждено свыше 50% сооружений водоснабжения; техническое оборудование станций разрушено или увезено, все 100%; меньшему разрушению подверглась телеграфная линия и сравнительно мало разрушен путь.

2. Для восстановления железнодорожной сети нами выполнены—как видно из приведенной выше цифровой сводки главнейших работ—большие строительные работы... если обратить внимание только на восстановленные мосты—число которых, включая и мосты, восстановленные остававшимися на местах железнодорожными служащими,

превышает 150 мостов,—то сразу становится ясным масштаб и темп работ.

Быстрота, с которой произведены восстановительные работы, вполне характеризуется выведенным выше со средним суточным двенадцати-верстным техническим переходом с перешивкой в среднем, за день 30 верст железнодорожного пути, восстановлением двух мостов, перешивкой 10-ти стрелок, укладкой вновь $1^1/_2$ стрелки, укладкой 125-ти сажен нового пути, восстановлением 30 верст телеграфной линии, установкой на 3-х станциях технического оборудования и прочими вспомогательными работами.... С технической стороны достигнутая быстрота достойно характеризует энергию и самоотверженность технических, военных и гражданских сил фронта; но в отношении к стремительности боевых операций, эта быстрота восстановления железных дорог, была недостаточна..... Не хватало сил......

3. Нельзя сказать—ошибкой, но безусловным недостатком восстановления железнодорожной сети было—недостаточное развитие узловых станций восстановленной сети. Ошибкой этого назвать нельзя потому, что это видели и понимали, но стремительность продвижения войск вперед и недостаточность транспорта других видов вымогало скорейшего восстановления железнодорожного транспорта вперед, а недостаток технических сил не позволял развивать тыл, так как все бросалось вперед.

4. Работа восстанавливаемых железных дорог при наступлении протекала при: а) только что указанных недостатках самой сети, б) недостатке в подвижном составе и материальном снабжении, в) непланомерности пред'являемых требований на грузовые перевозки со стороны органов снабжения фронта, е) отсутствии необходимой поддержки со стороны тех, кто пользовался железными дорогами, именно: все понимают несоизмеримую важность железнодорожного транспорта и в то же время оказываются обычными явлениями—простой вагонов под нагрузкой и выгрузкой, продолжительные простаивания в вагонах целых эшелонов, штабов, организаций и проч., что отнимало и без того малочисленный подвижной состав и вызывало забитость станций, для устранения чего пришлось прибегать к крутым мерам.

Если первый из указанных недочетов зависил от недостатка сил и средств для быстрого развития сети, а второй—от общего тяжелого положения дорог Республики,—то второй и третий недочеты такого оправдания иметь не могут.

Непланомерность требований на грузоотправление со стороны органов снабжения могла бы быть значительно урегулирована.

Конечно, при имевшем место характере операции, трудно надеяться на осуществление определенного заранее выработанного цифрового плана грузовых отправлений, но такого плана железным дорогам фронта и не было пред'явлено, несмотря на старания в этом отношении упвосозапа, каковые не встретили поддержки со стороны органов снабжения.

Отсутствие поддержки дорогам со стороны пользующихся ими, как мы выразились, то есть 8-ми часовые (средние) простои подвижного состава в ожидании части, 8-ми часовые погрузки эшелонов в вагоны, еще более длительные их выгрузки из вагонов и, вообще, длительные простаивания в вагонах передвигающихся частей, штабов и учреждений—результат недостаточной организованности, распорядительности, а иногда и упущения из виду значения простоя подвижного состава, в котором так нуждаются железные дороги, со стороны тех, кто пользовался железнодорожным транспортом.

5. Работу по снабжению фронта, характеризованную выше общим числом 45.572 вагона груза, поданного на фронт, нужно признать большой—учитывая недостаток средств железных дорог—но ее нельзя признать достаточной.

Характеризовать выполненную грузовую работу в процентном отношении к потребной для фронта не представляется возможным, за отсутствием—что отмечено выше—определенных требований со стороны снабжения..... но и в рамках выполненной работы имелись существенные недочеты: несвоевременность подачи, выгрузка далеко в тылу от боевого фронта.....

6. Работа железных дорог по эвакуации при отходе выполнена, в общем, удовлетворительно.

Резюмируя, надо сказать, что железнодорожный транспорт в Варшавской операции дал, что мог, при его силах и средствах, но не его вина, что он не дал вполне того, что было нужно фронту: восстановление железных дорог отстало от боевого фронта, и это не дало возможности подавать снабжение по железным дорогам вслед за фронтом, почему, в связи со слабостью транспорта других видов,—фронт был оторван от тыла.

Виндавская железная дорога.

№ 4.

	Паровозов.		Вагонов.	
	Всего.	% больных.	Всего.	% больных.
На 1-е сентября . .	301	57,4	5138	13,3
На 1-е октября . .	287	55,7	4800	13,1
На 1-е ноября . .	263	54,3	4080	16,4
На 1-е декабря . .	230	55,2	4980	14,2
На 25-е декабря . .	237	56,1	4525	13,6

Александровская железная дорога.

	Паровозов.		Вагонов.	
	Всего.	% больных.	Всего.	% больных.
На 1-е мая	529	67,8	12577	40,0
На 15-е мая . . .	574	68,9	13761	43,8
На 1-е июня . . .	589	68,0	16981	32,1
На 1-е июля . . .	599	67,6	18627	32,1
На 1-е сентября . .	655	64,6	24340	22,6
На 1-е октября . .	778	57,0	19662	29,7
На 1-е ноября . .	612	62,9	14331	32,2
На 1-е декабря . .	620	65,4	14394	34,2
На 25-е декабря . .	624	66,6	13423	35,3

Риго-Орловская железная дорога.

	Паровозов.		Вагонов.	
	Всего.	% больных.	Всего.	% больных.
На 1-е Мая	370	58,1	11103	35,7
На 15-е Мая	379	55,1	12757	33,9
На 1-е Июня	520	59,8	13367	30,9
На 1-е Июля	537	58,2	14573	32,0
На 1-е Сентября	512	58,9	15236	28,9
На 1-е Октября	477	57,2	14274	25.2
На 1-е Ноября	155	60,2	11740	30,1
На 1-е Декабря	453	58,4	12607	25,8
На 25 Декабря	454	63,7	9744	30,0

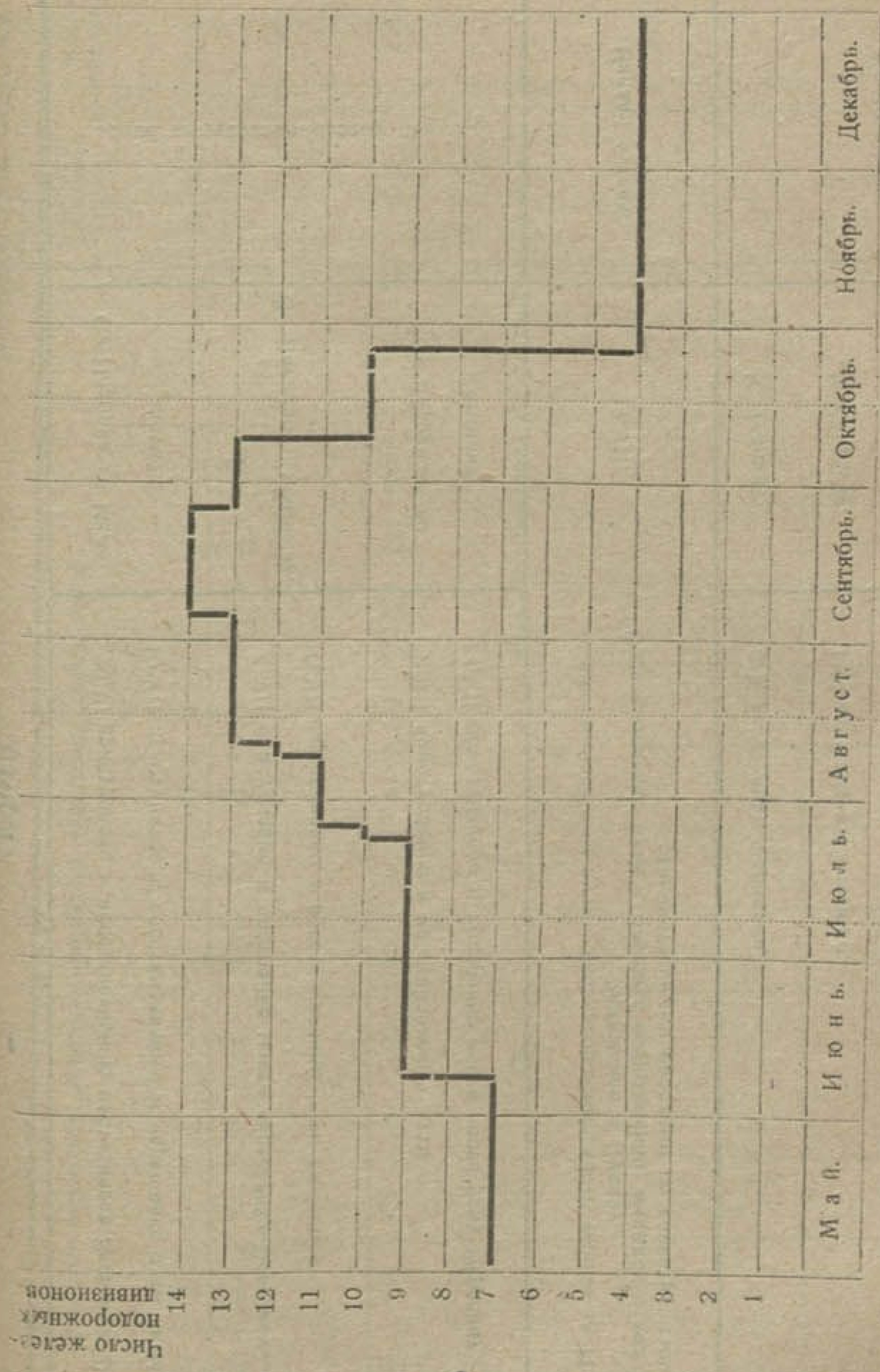
Западные железные дороги.

	Паровозов.		Вагонов.	
	Всего.	% больных.	Всего.	% больных.
На 1-е Мая	319	57,0	6361	20.0
На 15-е Мая	320	39.8	5999	11,9
На 1-е Июня	283	51,0	5951	14,8
На 1 е Июля	277	54,5	4374	14,5
На 1-е Сентября	398	31,2	8295	8,1
На 1-е Октября	345	36,5	3967	6,0
На 1-е Ноября	368	30,9	4369	18,9
На 1-е Декабря	323	36,8	5736	8,2
На 25-е Декабря	318	36,7	5054	6,6

№ 5.

Примечания.	№№ Желдивизионов.	Средний наличный состав.	№№ Желбригад.	Основные направления работ железнодорожных бригад (восстановление и эвакуация).
Убыл с фронта 20/X.	9	720	2	1) Борисов—Минск—Брест—Луков—Варшава.
	10	610		2) Барановичи—Волковысск—Черемха—Седлец—Варшава.
	30	720		
Убыл с фронта 21/X.	45	650		
Убыл „ „ 20/X.	31	550		3) Бобруйск—Минск—Молодечно—Вильно.
	1	605	6	1) Полоцк—Молодечно—Лида—Мосты—Волковысск—Белосток—Малкин—Тлущ—Варшава.
	16	505		
Убыл 28/IX.	54	535		
Убыл 20/X.	32	590		
То-же.	33	595		2) Вильно—Гродно—Белосток—Варшава.
Прибыл 27/VII. Убыл 6/X.	11	560	Убыла на	
„ 31/VII. „ 6/X.	24	570	9	1) Калинковичи—Лунинец—Жабинка.
„ 7/VIII. „ 6/X.	34	530	Юг 6/X.	
Прибыл 2/IX. Убыл 20/X.	12	500	7 Убыла 20/X.	Выполняла отдельные задания по постройкам.
Всего.	14	8240	4	

№ 6.


Число железнодорожных дивизионов
14
13
12
11
10
9
8
7
6
5
4
3
2
1
Май.
Июнь.
Июль.
Август.
Сентябрь.
Октябрь.
Ноябрь.
Декабрь.
Наступление.
Отход.

№ 7.

Начало восстановительных работ.	От Полоцка до Молодечно.	20/VI приступлено к восстановлению моста через Западную Двину. 10/VII приступлено к восстановлению и перешивке пути на Молодечно.
	От Борисова до Минска.	4/VII приступлено к постройке моста через реку Березину. 10/VII приступлено к восстановлению пути на Минск.
	От Бобруйска до Минска.	12/VII приступленно к восстановлению пути 14/VII приступленно к постройке моста через реку Березину.
Начало отхода.	17/VIII.	С восстановлением пути железнодорожные части вышли за Плоцк, Седлец и приближались к Лукову. Восстановление пути к Варшаве прекращенно; начался отход с эвакуацией и восстановительными работами по развитию тыла.
Конец отхода.	К Полоцку.	18/X до станции Фариново.
	К Борисову.	5/X до станции Колодище.
	К Бобруйску.	8/X до станции Пуховичи.
	К Калинковичам.	5/X до станции Копцевичи.

По условиям верстки таблицы №№ 8 и 9 перенесены на стр. 170—172.

№ 10

	Месяцы.	Январь.	Февраль.	Март.	Апрель.	Май.	Июнь.	Июль.	Август.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Крупные перевозки (дивизии, бригады и фронтовые учреждения). За год.	Переброска небольших частей. За год.	Всего эшелонов. За год.
Число эшелонов.	Погрузка в районе Упвосозап.	115	64	135	25	29	19	29	66	109	102	72	115	880	4965	5845
	Прибыло с других фронтов.	94	11	40	206	158	269	10	41	8	—	13	—	850	2510	3360
	Проследовало транзитом.	—	—	—	—	—	15	76	23	21	10	40	3	188	398	586

№

Общая сводка

выполненных железнодорожными частями и головными ремонтными поез-

		Периоды. / Технические части.	Наступление.			
			Желдив.	Горем.	Совместно.	Всего.
Восстановлено.	Мостов.	Отверстием до 10 саж.	34			34
		Отверстием свыше 10 с.	12	6	14	32
		Всего	46	6	14	66

Восстановлено.	Пути.	Перешито пути на русскую колею.	Свыше 1200 верст.
		Уложено пути вновь.	Около 10 верст.
		Перешито стрелок.	Свыше 400 шт.
		Уложено стрелок вновь.	Свыше 60 шт.
		Разобрано стрелок.	Около 40 шт.
	Водоснабжение.	Восстановление водоснабжения путем исправления поврежденного или постройкой временного типа.	На 10 станциях.

Восстановлено.	Телеграфные линии.	Восстановлена телеграфная и телефонная сеть по всей до 2400 верст. установкой аппаратов на всех станциях числом

Эвакуировано.	1) Снято и вывезено стрелок комплектов в . . . . 300 2) Снято и вывезено гидравлических колонок шт. . . . 20 3) Снято и вывезено жизненных частей паровых машин с 4) Снято и вывезено телеграфное и телефонное со станции— 5) Всего эвакуировано около 2000 верст железнодорожной сети.

Разрушено (взорвано).	Мостов.	Отверстием до 10 сажен.	90 шт.	149
		Отверстием свыше 10 саж.	50 шт.	
	Пути.	Стрелок.	600 шт.	
		Будок централизации стрелок.	2 шт.	
		Поворотных кругов.	8 шт.	
	Водоснабжения.	Водокачек.	10 шт.	
		Водоемных баков.	9 шт.	
		Гидравлических колонок.	14 шт.	

8.

главнейших работ,

дами на железных дорогах Западного фронта в период Варшавской операции.

Отход.				Всего.			
Желдив.	Горем.	Совместно.	Всего.	Желдив.	Горем.	Совместно.	Всего.
44			44	78			78
3	6	8	17	15	12	22	49
47	6	8	61	93	12	22	127
Свыше 900 верст. Около 10 верст. Свыше 350 шт. Свыше 50 шт. Около 20 шт.				Около 2200 верст. Около 20 верст. Свыше 750 шт. Свыше 110 шт. Около 60 шт.			
На 8 станциях.				На 18 станциях.			

железнодорожной сети, подвергавшейся разрушению, протяжением общим около 130 остановочных пунктов.

15 водокачек.
100 станций.

Примечание.

Необходимо сказать, что приведенной сводкой учтены работы, выполненные специальными техническими частями.

Нужно также отметить работу, произведенную гражданскими железнодорожными служащими.

По уходе противника они сейчас же собственными силами и местными средствами приступили к уборке и восстановлению разрушенного, при чем одних только мостов было восстановлено несколько десятков.

Ведомость № 9

мостов, отверстием свыше 5 сажен, восстановленных в период Варшавкой операции.

Направление Орша—Борисов—Минск—Барановичи—Брест (Александровской ж. д.).

№№ по порядку.	Версты.	Название рек.	Отверстие моста в саженях.	Срок восстановления.	Технические части, выполнившие работы.	Примечания.
1	627	Березина	35.50	4/VII—13/VII	Желдив 45 и 30, горемы 23, 32 и 55.	Обходной на ряжах.
2	〃	Березина	39.80	4/IX—7/IX	Желдив 32, горем 30 и 26.	Обходной на ряжах под 2-й путь.
3	〃	Березина	75.00	7/IX—11/XI	Горем 30 и 26.	Новый мост по типу постоянного.
4	663	Плисса	5.00	15/VII	Желдив 45.	Подорванная ферма поднята на шпальную клетку.
5	682	Вольма	7.00	16/VII	Желдив 45 и 30.	Под оба конца фермы подведены клетки.
6	701	Свислочь	15.00	—	Горем 30 и 41.	
7	716	Птичь	10.00	16/VII—17/VII	Желдив 9.	Под 1-й путь.
8	〃	Птичь	〃	—	Горем 7.	Под 2-й путь.
9	734	Усса	10.00	17/VII—21/VII	Желдив 45 и 30.	Под фермы подведены по 2 клетки.
10		Усса	〃	—	Горем 7 и 26.	
11	750	Перетуть	15.00	22/VII—23/VII	Желдив 45 и 30.	Под середину клеток подведены клетки на ряжах.
12	〃	Перетуть	〃	—	Горем 7 и 26.	
13	775	Неман	21.00	20/VII—24/VII	Желдив 10 и 45, горем 26 и 55.	Обходной на ряжах.
14	〃	Неман	45.00	9/IX—14/IX	Желдив 12, горем 7, 26 и 55.	Под 2-й путь по типу постоянного.
15	798	Униа	12.00	26/VII	Горем 55.	
16	878	Шара	39.00	26/VII—30/VII	Желдив 45, горем 55.	
17	896	Грибда	14.50	3/VIII—7/VIII	Желдив 45, горем 30 и 55.	Обходной на ряжах.
18	914	Жигулянка	6.00	7/VIII	Желдив 45.	Восстановлен наращиванием свайных опор.
19	〃	Жигулянка	〃		〃	
20	—	Зап. Буг	130.00	9/VIII—12/VIII	Желдив 45.	Подорванная ферма Варшавского пролета поднята на шпальную клетку.
21	—	Жабинка	7.00	12/VIII	Желдив 45.	Взамен перебитой фермы уложены пакеты из брусьев.

Направление Полоцк—Молодечно—Лида—Мосты—Волковысск—Черемха.

№№ по порядку.	Версты.	Название рек.	Отверстие моста в саженях.	Срок восстановления.	Технические части, выполнившие работы.	Примечания.
1	436	Зап. Двина	99.00	20/VI—12/VII	Желдив 35, 1 и 54, горем 3, 7, 50.	Мост на обходе на ряжах.
2	495	Соша	27.00	7/VII—14/VII	Желдив 1, 32 и 35.	Обходный свайный.
3	„	Соша	29.00	6/VIII	Горем 7.	Тоже для 2-го пути.
4	550	Сервеч	15.00	13/VII—18/VII	Желдив 35, горем 7.	Под 1-й путь.
5	„	Сервеч	„	16/IX	Горем 7.	Под 2-й путь.
6	601	Вилия	35.00	20/7—25/VII	Желдив 35, 16, 32, горем 3, 50.	
7	610	Ица	8.00	9/X	Желдив 16.	Под 2-й путь.
8	618	Уша	25.00	21/VII	Желдив 35, горем 3.	
9	623	Путепровод	7.00	22/VII—25/VII	Желдив 35.	
10	643	—	5.00	„		
11	677	—	13.50	„	„	
12	643	—	6.00	22/VII	Желдив 1.	
13	677	Ольшанка	15.00	24/VII—25/VII	Желдив 35, 54, горем 3.	
14	715	Гавья	25.00	26/VII—31/VII	Желдив 35 и 32, горем 50.	
15	718	Жижма	20.00	„	Желдив 35 и 32, горем 50.	
16	801	Неман	96.00	31/VII—18/VIII	Желдив 35 и 16, горем 50, 55 и 3.	Обходной.
17	840	Путепровод	12.65	2/VIII—10/VIII	Желдив 9 и 10, горем 30 и 23.	
18	—	Нетýня	22.00	22/VIII	Горем 26 и 23.	
19	—	Нарев	35.00	13/VIII—20/VIII	Желдив 9 и 10, горем 30 и 23.	
20	—	Зап. Буг	145.00	—	Горемами.	
21	—	Неверовка	5.20	16/IX—18/IX	Желдив.	Под 2-й путь.

Направление Вильно—Гродно—Белосток.

№№ по порядку.	Версты.	Название рек.	Отверстие моста в саженях.	Срок восстановления.	Технические части, выполнившие работы.	ПРИМЕЧАНИЯ
1	670	Вакка. . . .	40.15	27/VII—8/VIII	Желдив 1, горем 23 и 32.	Построен новый.
2	877	Супоросль. . .	38.00	21/8	Горем 26.	
		Направление Барановичи—Белосток.				
1	65 квл.	Полонка. . . .	5.00	11/VIII	Желдив 16.	
2	152 квл.	Шара.	22.50	27/VII—4/VIII	Желдив 10 и 30, горем 26.	
3	„	Шара.	39.00	28/VII—6/VIII	Желдив 10 и 30, горем 26.	
4	—	Нетупа	20.00	8/VIII—13/VIII	Желдив 10 и 30, горем 26.	
5	—	Путепровод . .	11.50	12/VIII—18/VIII	Желдив 10 и 30, горем 26.	
6	—	Зельвянка. . .	40.00	8/IX—20/IX	Желдив 10.	
		Направление Вильно—Лида—Барановичи—Лунинец.				
1	27	Мереченка . .	12.00	13/VIII	Горем 58.	
2	102	Дитва.	25.00	31/VII—1/VIII	31/VIII—1/VIII. Желдив 9.	
3	—	Шара.	15.00	9/VIII—14/VIII	Желдив 31.	
4		Ведьма	12.00	10/VIII—18/VIII	Желдив 31.	
5	—	Неман.	128.00	8/IX—20/IX	Желдив 10.	
		Направление Вильно—Молодечно—Минск—Жлобин.				
1	275	Синяя.	8.85	—	Желдив 9.	
2	41	Вилейка. . . .	10.00	21/VII—24/VII	Желдив 9, горем 23 и 32.	

№№ по порядку.	Версты.	Название рек.	Отверстие моста в саженях.	Срок восстановления.	Технические части, выполнившие работы.	ПРИМЕЧАНИЯ.
3	55	Ошмяны . . .	16.00	20/VII—22/VII	Желдив 9, горем 23 и 32.	
4	318	Березина . . .	58.50	3/IX—11/IX	Желдив 9, 45 и 31, горем 18 и 27.	
5	„	Березина . . .	116.00	Начато в августе	Горемами.	
Направление Жлобин—Калинковичи—Коростень.						
1	30	Выдрица . . .	21.50	7/VII—12/VII	Желдив 9.	
2	84	Березина . . .	160.00	19/VIII—4/IX	Желдив 11, 31 и 34, горем 23 и 32	Обходной.
3	105	Припять . . .	122.00	15/IX—1/X	Желдив 45 и 9, горем 3 и 18.	Обходной.
Направление Гомель—Лунинец—Жабинка.						
1	434	Днепр. . . .	—	26/VI—12/VII	Желдив 10.	Паромная переправа.
2	„	Днепр. . . .	140.00	27/VII—12/IX	Желдив 11, горем 1, 26 и 30.	
3	420	Ведречь . . .	20.00	28/VI—12/VII	Желдив 10.	
4	398	Ведречь . . .	15.00	9/VII—12/VII	Желдив 10.	
5	323	Птичь	60.50	1/VIII—2/VIII	Желдив 24.	
6	238	Случь	45.00	3/VII—4/VIII	Желдив 24.	
7		Бобрик . . .	28.50	5/VIII—9/VIII	Желдив 24.	

№ 11.

Работа санитарных поездов.

Месяцы.	Январь.	Февраль.	Март.	Апрель.	Май	Июнь.	Июль.	Август.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
Число курсировавших поездов.	25	25	25	25	27	28	38	36	38	48	32	26
Число перевезенных больных и раненных.	28575	28671	11287	9164	15529	37253	37253	36000	39949	36989	23709	22250

М. Волчанецкий.

Из истории английской революции*).

(1642—1660).

I.

Завязка борьбы.

Характерной чертой английской революции XVII века является видимое сосредоточение борьбы в политико-религиозной сфере. Эта внешность прикрывала столкновение различных классов за власть и влияние, а выдвинутые борющимися сторонами религиозные лозунги таили в себе и более положительные, чисто материальные интересы. Пуританство, религия революционировавшего среднего класса, отрицало церковное единоначалие, а, следовательно, было враждебно и его спутнику, политическому абсолютизму. Религиозная демократия пуритан вела к демократии политической, к ниспровер-

*) Настоящая статья является главой из труда под общим заглавием „Армия, революция и война", в котором автор пытается посильно установить взаимодействие между этими тремя величайшими двигателями истории человечества. Цикл „Армия, революция и война" содержит очерки крупнейших движений, охвативших эти понятия в совокупности. Не придерживаясь хронологической последовательности, автор предлагает вниманию читателей английскую революцию, как наиболее выпукло отразившую взаимодействие трех составных элементов его темы. При этом, статья не ставит себе задачей дать общую картину революционного движения, а лишь рассматривает отдельные его стороны, представляющие интерес в военно-историческом отношении.

жению абсолютной монархии и, в крайней своей форме, к установлению республики. В конечном итоге английская революция характеризуется, как буржуазная борьба за уничтожение остатков средневекового феодального строя, подобная той, которая 150 лет спустя разыгралась во Франции*).

В процессе революции выявились социальные мотивы также и неимущего населения—недовольство десятинным сбором в пользу церкви, ростом цен, монополизацией предметов первой необходимости и многолетним неурожаем—мотивы, вылившиеся в, так называемом, левеллерском движении. Но боровшиеся между собою различные слои имущих классов менее всего готовы были на экономические уступки. Демократически настроенный депутат, поэт Уоллер, в своей парламентской речи предостерегал собравшихся представителей джентри**) и Сити, что „если народу откроется тайна, что мы не можем ни в чем отказать ему, то на следующий раз нам так же трудно будет защищать наше имущество против народа, как трудно было защищать его против прерогатив короны".

Парламент***), цитадель городской буржуазии и сельского дворянства, победил и королевскую реакцию и вспышки народного недовольства, но в последующем сделался игрушкой в руках им же самим вызванной силы—армии. В течение восемнадцати лет длилась революция, и большую часть этого времени фактическая власть в стране принадлежала армии, организации, призванной защищать интересы парламента и средних сословий, но быстро деклассировавшейся и приведшей Англию к солдатской диктатуре, восстановлению прежней династии и возврату феодально-аристократических порядков.

Революции предшествовала двадцатилетняя борьба парламента с королями. Англия переживала тогда эпоху усиления мелкого дворянства и торговой буржуазии. Удельные имения, домены, были скуплены джентри, свободными землевладельцами и нажившейся буржуазией. Окрепнувшие сословия постепенно подчиняли своему влиянию страну и становились социальными хозяевами Англии****). Но политический строй соответствовал прежнему распределению общественных сил. При открытии в 1628 году парламента палата общин была в три раза богаче палаты лордов. Отсюда причина борьбы, и в этом преобладании источник победы парламента.

Внешние войны требовали денег; королевская касса, прежний источник содержания армий, обеднела. Для получения финансов тре-

*) Ср. у К. Маркса: „В 1648 г. буржуазия заключила союз с дворянством против короля, феодалов и господствующей церкви". И далее: „прообразом революции 1789 г. служит революция 1648 года" (статья в „Neue Reinische Zeitung" 15—XII—1848 г., цит. по Э. Бернштейну).

**) Джентри—низшее землевладельческое дворянство в Англии, а также интеллигенция, в отличие от промышленной буржуазии.

***) Точнее, палата общин.

****) В руках муниципальных и коммерческих организаций, почти независимых от центральной власти, находились финансы (сбор налогов), милиция и суд.

бовалась санкция парламента, который раскошеливался неохотно, но за то не скупился на требования политических преобразований. Окончательным толчком к началу революции послужил горький осадок от последних неудачных войн с Испанией и Шотландией, отстаивавшей республиканское устройство своей церкви и демократические черты национального быта. Парламент, не сочувствовавший политике правительства, скорее расположен был к союзу с шотландцами против короля. Последний же стремился опереться в своих намерениях на ирландскую армию, которая состояла из католиков, более склонных поддерживать короля, чем непримиримо-протестантский парламент.

На этой почве палата общин предложила лордам совместную петицию Карлу I о роспуске внушавшей опасение ирландской вооруженной силы. По отношению к стоявшей под ружьем другой армии Соединенного Королевства английский парламент, не знавший какую позицию она займет в обострявшихся отношениях с короной и не доверявший многим ее офицерам, своей позиции определить не мог. Зато враждебным королю шотландцам парламент вотировал братские чувства и отпустил на содержание армии 300.000 фунтов стерлингов.

Но тут произошли события, породившие разлад между ними. Стоявшая на севере английская армия, плохо дисциплинированная, скверно оплачиваемая и еще хуже того одетая, не обнаружила ни особенного порыва ни доблести в борьбе с шотландцами*).

Пренебрежительное отношение к ней палаты общин и заигрывание последней с недавним врагом возбудили в ней недовольство парламентом. Многие офицеры, бывшие одновременно членами парламента, не скрывали его. „Если шотландцам стоит только попросить денег—сказал один из низ—чтобы получить их, то и английские солдаты сумеют добиться того же“. Несколько офицеров, члены наследственной палаты лордов, Генри Перси, брат командовавшего армией графа Нортумберлендского, Поллард, Уильмот, Эшбернгем и другие представители аристократических фамилий, задумали воспользоваться этим недовольством на случай, если парламент встанет в открытую оппозицию королю, и помочь последнему силой оружия. Делегированный в Лондон Перси был уполномочен обещать ему поддержку. Одновременно и двор, во главе с фаворитом королевы, Генри Джермайн и рафинированным царедворцем и поэтом Джоном Секлинг,

*) Война с шотландцами была крайне непопулярна в Англии. Рекрутов можно было собрать только силою. Чтобы избежать набора, многие уродовали себя, иные вешались. Явившиеся в полки без сопротивления подвергались всеобщим насмешкам. Причина этого заключалась в протестантском настроении народных масс, не сочувствовавших притеснениям своих единомышленников. В самой армии многие офицеры, заподозренные в католических симпатиях, были убиты. Попытки командования водворить дисциплину только раздражали солдат. В первой же стычке значительная часть их дезертировала. Оставшиеся бунтовали. Вся страна бесконечными петициями требовала мира. Благоразумие и нарочитая гуманность шотландцев только подливали масла в огонь.

составил заговор с целью привлечь северную армию на свою сторону. Неудачливый усмиритель Шотландии, Нортумберленд, по мнению двора, должен был уступить свое место графу Ньюкестлю, на которого возлагалась миссия ввести армию в Лондон и тем обеспечить опору королевской партии. В помощники Ньюкестлю намечался Джордж Горинг, полковник и губернатор Портсмута, ставленник королевы. Об этом плане, через посредство последней, было доведено до сведения Карла, и тот одобрил проэкты Перси и Секлинга, но предложил заговорщикам об'единиться, договорившись совместно о деталях плана. Партия армии не соглашалась на условия Секлинга—перемену командования и поход на столицу. Видя неудачу заговора, отчасти оскорбленный в своем честолюбии, отчасти, может быть, устрашенный судьбою королевского ставленника Страффорда, недавно всемогущего министра, а теперь судимого парламентом и ждавшего казни, Горинг сообщил нескольким членам парламента о готовящемся заговоре.

Палата общин потребовала от лордов—произвести расследование заговора, а пока, до выяснения соучастников, просить Карла запретить своим придворным выезд из Англии. Несмотря на согласие короля, заговорщикам, не без содействия двора, удалось ускользнуть во Францию как раз перед допросом.

Видимая ненадежность армии заставила парламент относиться к ней с еще большей антипатией и вновь настоятельно требовать ее роспуска. Палаты пытались письменными актами, гарантировавшими уплату жалованья в короткий срок, усилить демобилизационное настроение и ослабить возросшее влияние короля. Чтобы исполнить обещание, Сити усердно переплавляло свое серебро в монеты; были совершены займы и введены новые налоги. Вскоре стало известно о новых происках роялистов, решивших еще раз попытать счастья у северной армии, на помощь которой они всегда расчитывали. Среди солдат началась пропаганда против парламента и предполагалось пустить для подписи петицию королю с благодарностью за дарованные парламенту права и с обещанием поддержать его против „неразумных требований и бунтовщических насилий со стороны народа“. С дипломатической миссией в армию был послан на этот раз участник первого заговора О‘Нейль, королевский офицер и ирландский владетельный лорд. Ему поручалось позондировать у генералов, согласятся ли они двинуться на юг, если будет обеспечено невмешательство шотландцев, с которыми одновременно велись переговоры о поддержке роялистов за некоторые уступки. Но генералы не рискнули на предложенный им шаг и, ввиду раскрытия заговора, О‘Нейлю пришлось бежать вслед за своими товарищами по первому заговору.

Парламент после этого не стал колебаться и категорически потребовал от короля роспуска армий, так как с шотландцами был заключен мир; кроме того, стремясь обеспечить себе вооруженную опору, палата потребовала права назначать начальников над мили-

цией, которая комплектовалась из всего населения и, в частности, в торгово-промышленном Лондоне, была на стороне палат.

Король, понимая, что интересы англичан и шотландцев во многом противоположны и что их сплочение временное, направленное против реакционной политики правительственной партии, не терял надежды на помощь то с одной, то с другой стороны. Сперва он хотел отправиться на север, в Йоркшир, и лично стать во главе армии; потом он задумал переехать в Портсмут, в роялистски настроенное графство, собрать вокруг себя преданные войска и разогнать парламент. Вместе с тем его не оставляла мысль о помощи со стороны ирландской армии, и он открыто заявлял, что не хочет распускать ее до демобилизации английских и шотландских войск, надеясь, что когда эти, ненадежные или бывшие на стороне парламента армии разойдутся по домам, он, опираясь на ирландские части, будет хозяином положения.

Наконец он склонился к мысли попытать счастья у шотландцев и в августе 1641 года уехал из Лондона под предлогом „осмотра северных провинций". Недоверчивый парламент приставил к нему 5 комиссаров, под предлогом закрепления мира с Шотландией, на деле же для наблюдения за его поведением. Карл успел договориться с шотландскими комиссарами о содействии с их стороны в восстановлении полноты власти ценою свободы исповедания и расширения прав местного парламента.

Во время пребывания в Шотландии, желая устранить в местном парламенте влияние враждебных партий, Карл явился к зданию заседаний в сопровождении вооруженной толпы приверженцев и потребовал удаления своих оппонентов. Опасаясь повторения попытки физического воздействия и в Лондоне, обе палаты на этот раз оказались солидарны и постановили образовать парламентскую охрану из оставшихся на юге воинских частей. Командовавший ими лорд Эссекс удовлетворил эту просьбу, но Карл, по своем возвращении, в числе первых мер, отдал распоряжение о роспуске парламентского отряда. Одновременно в Уайтголль (королевский дворец) стали собираться сторонники короля*) и начали свозить оружие. Между офицерами и демократически настроенными толпами манифестантов происходили столкновения, доходившие до оружия Король не только не мешал этому, но даже наградил офицеров, обнаживших мечи против народа.

*) Историк Гизо называет в числе их провинциальных дворян, которые „прибывали в Лондон вооруженные, гордо обходили таверны, улицы и частью являлись в Уайтголль предлагать королю свои услуги, добиваясь в то же время какой нибудь милости от него", „уволенных от службы офицеров, которых роспуск армий оставил без жалованья и без должности". Это были „большею частью проходимцы, получившие военное образование в войнах на континенте, распутные, раболепные и дерзкие, раздраженные против парламента, отнявшего у них места, и готовые на все для всякого вождя, который бы захотел употребить их, на какое дело—это было для них безразлично". (Гизо. История английской революции. СПБ. 1868, стр. 144—145).

Ответом на это была петиция палаты общин о необходимости назначить стражу для охраны неприкосновенности парламента и о вручении командования ею графу Эссексу, приверженцу парламентских привилегий; 3-го января 1642 года Карл торжественно, королевским словом, заверял палату, что безопасность народных представителей озабочивает его не менее, чем мысль о благополучии его самого и его детей, но согласия на создание отряда не дал. Тогда палата, обеспокоенная своей судьбой, от своего имени распорядилась, чтобы милиция была наготове защищать ее силой оружия. Опасения ее оказались основательными. На другой же день король решил повторить „инциндент“ в Эдинбурге и, явившись в Вестминстер с вооруженными людьми, потребовал выдачи для суда пяти наиболее активных своих врагов. Комиссия, назначенная для расследования второго „инциндента“, вынесла резолюцию об образовании специального отряда парламентской стражи из горожан и назначила командиром городской милиции капитана Скиппона, человека, на которого и по происхождению и по личным качествам можно было положиться. Таким образом и здесь аристократическая партия встретилась с решительным противодействием парламента.

Борьба, пока мирная, возгоралась и на других фронтах и, независимо от самих партий, ход событий толкал их на враждебные действия. Стремясь создать себе вооруженную опору в Лондоне, королевская партия выдвинула на пост коменданта Тоуэрского замка, вместо преданного парламенту Бельфора, Томаса Ленсфорда, одного из отчаяннейших головорезов, собиравшихся вокруг Уайтголла. Но иностранные купцы, не доверявшие дурной репутации Ленсфорда, отказались свозить в Тоуэр свои товары, и встревоженное Сити потребовало назначения нового коменданта. Карл сдался, Ленсфорд был смещен и его место занял сер Байрон, пользовавшийся доверием купцов.

В Ирландии, на почве аграрных трений между туземным населением и колонистами-англичанами, захватывавшими при поддержке правительства земли, давно росло взаимное недовольство. Враждебная Англии Испания наводнила Ирландию своими агентами, раздувавшими религиозную рознь между католиками-аборигенами и протестантами-англичанами. Эти чувства умышленно подогревались лицами, надеявшимися поживиться землей во время новых конфискаций у участников волнений. В октябре 1641 г. вспыхнуло открытое восстание и в Ульстере было вырезано около четырех тысяч англичан. Прошел слух, что один из главарей восстания признался в соучастии короля в ульстерской резне; это оттолкнуло от Карла многих, бывших до того его приверженцами. В настоящее время можно считать доказанным, что этот слух не более, как сплетня, но несомненно, что ирландское восстание, давая королю право созвать распущенную армию, вновь увеличивало надежды на реакцию при ее поддержке. Всем казалось ясным, что Ирландию, эту богатую и лежащую под боком колонию, необходимо опять вернуть в лоно Соединенного Коро-

левства. Попытка сделать это средствами самой Ирландии потерпела крах. Оставалась 1000 шотландцев. наем которых был санкционирован Эдинбургским парламентом. но эта цифра была слишком недостаточна при широких размерах восстания.

Палаты положительно опасались нового набора среди английского населения, который был предложен королем для усмирения восстания, так как, по обычаям и законам страны, король являлся главнокомандующим всеми вооруженными силами и нахождение в его руках армии, дисциплинированной и закаленной в боях против ирландцев, давало опору реакционной партии. Еще так недавно парламент спасся от разгона только потому, что на его стороне была шотландская армия; менее года тому назад ему угрожало давление английской армии, притом плохо дисциплинированной и разлагавшейся после поражения, и против этого давления у него не было никаких средств борьбы. Не приходилось сомневаться, что армия-победительница, привыкшая к повиновению королю, вернула бы ему все с таким трудом завоеванные прерогативы.

Таким образом, события вращались в замкнутом цикле. Парламент не желал войны с королем и поэтому распустил армию. Демобилизация дала возможность ирландским независимцам поднять восстание и пополнила их ряды обученными военному делу людьми. Восстание требовало нового набора, неминуемо угрожавшего реакцией. Впереди была или гражданская война или отступление парламента. Но на этой дороге вождям оппозиции мерещилась плаха и призрак казненного Страффорда, который, конечно, был бы отмщен королем, хотя бы во имя его прежнего унижения.

Однако была сделана еще одна попытка не доводить дело до оружия, сведя до минимума власть короля над армией принятием так называемого билля о насилии. Согласно этого закона право набора оставлялось за короной, но король не имел права принуждать навербованных служить за пределами их графств, если только не угрожает неприятельское вторжение. Не оставляя надежды на мирное разрешение конфликта, парламент послал к Карлу депутацию с предложением отказаться на время от командования вооруженными силами. „Клянусь богом—отвечал король— ни на одну минуту! Вы от меня требуете того, чего еще никогда никто не требовал от королей и чего я не доверю даже жене и детям".

Тогда был проведен без королевской санкции так называемый билль о милиции, отнявший у Карла право распоряжения ею; лорд-командующий и лорд-адмирал были назначены властью парламента.

Борьба вступила в новую фазу. Необходимость взяться за меч сознавалась обеими сторонами и вопрос сводился в плоскость скорейшего овладения необходимыми для войны средствами. Король уехал из Лондона и переговорами старался оттянуть время, пока королева доберется до континента, где аристократическая партия расчитывала найти союзников или боевые припасы. Пока же роялисты решили

обеспечить за собою обладание Гуллем, где от шотландской войны остались значительные запасы нужного для войны имущества и где, при случае, можно было высадить войска из Дании и Голландии. Также в Кингстон, складочное место военного имущества вблизи Лондона, был отправлен Ленсфорд с двумястами кавалеров.

Но парламент не дремал и приказал захватить Гулль своему депутату Джону Готэму, который предупредил посланный королем отряд. Начальниками милиции и комендантами крепостей были назначены лица, стоявшие на стороне парламента. Шерифам был разослан циркуляр созвать милицию, препятствовать незаконным сборищам и охранять склады. Вслед затем парламентским распоряжением было об'явлено положение обороны. Защита государства и наблюдение за исполнением приказов парламента было поручено комитету общественной безопасности из 15-ти депутатов. Всеми этими действиями королевские приверженцы были поставлены в тяжелое положение: все склады и порты, пути сообщения с за-границей, оказались в руках противника. Правда, в Иорке на призыв Карла собралось поместное дворянство округа, порт Ньюкестль вскоре перешел в его руки, но все это оказалось недостаточно, так как не было главного—денег, а, следовательно, ни оружия, ни военных припасов.

Парламент, продолжал проводить все дальнейшие подготовительные к войне меры. Он об'явил набор армии*), предложил всем желающим жертвовать деньги и лошадей. В начале августа 1642 года обе стороны, потеряв надежду на успех мирных переговоров и считая себя достаточно сильным для начала военных действий, об'явили друг друга изменниками. Король успевший набрать немного кавалерии и пехоты, не желал дать парламенту время для устройства армии, которая быстро росла, и решил сразу покончить с „бунтом Эссекса". 22 августа в Ноттингеме поднялся королевский штандарт, призывавший, по средневековому обычаю, вассалов под знамена короля. Война была об'явлена.

II,

Гражданская война*).

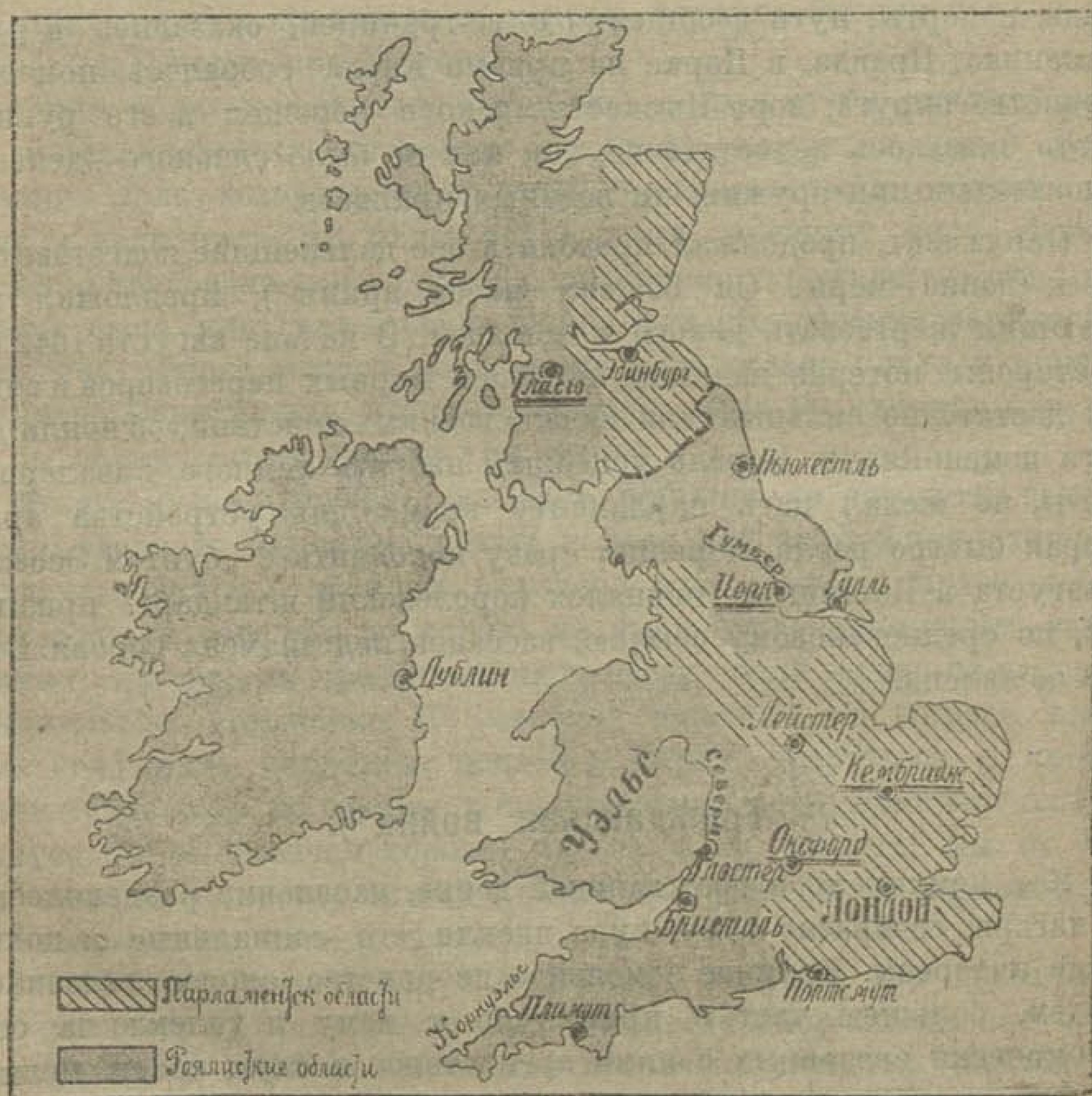
Как неминуемо в гражданской войне, население разделилось на два лагеря, сообразно тому, куда влекли его социальные и политические интересы. Крупное земельное дворянство, скорее связанное с королем, большею частью примкнуло к нему и увлекло за собою экономически связанных с ними арендаторов и слуг; среди мелкопоместного джентри было больше приверженцев парламента, нежели сторонников аристократической партии. Торгово-промышленный класс

*) Постановлено было набрать 20 полков пехоты по 1000 человек каждый и 75 эскадронов конницы по 60 всадников.

*) Не задаваясь целью дать исчерпывающий очерк гражданской войны, автор отмечает преимущественно те подробности, которые сохранили значение для нынешних времен.

и кулацкий элемент деревни (мелкие фермеры, йомены) потянулись за парламентом, а вслед за ними пошло и городское рабочее население.

Географически это вылилось в то, что наиболее богатая и торговая часть страны, с наиболее плотным населением, и крупные города были за парламент, в руках которого оказались юго-восточные и восточные графства. Главной опорой парламента был Лондон. За короля крепко держался север и запад Англии, где сказывалось влияние крупной земельной собственности, но и там большие торговые города были за короля. В середине, в пространстве, ограниченном, примерно, линией, Портсмут—Гулль—Гумбер—Северн, настроение было менее ярко и здесь утверждалась то одна, то другая, сторона, местами, напр. в Йоркшире, городское население представляло парламент, а деревня—короля (см. схему).



Общее положение воюющих сторон было также различно. Наименее зажиточные графства, составлявшие опору трона, не могли обеспечить королевской партии необходимую финансовую поддержку. Личные средства Карла были сравнительно малы и быстро иссякли.

Денежная помощь аристократии дала гораздо больше, но вскоре и этот источник оскудел. Поэтому Карл принужден был перейти к системе контрибуций и натуральных повинностей. Грабежи и мародерство в его армии были заурядным явлением, не только потому что к этому вынуждали обстоятельства, но и в силу общих взглядов на право войны в то время. Кавалеры грабили по деревням, отбирали у населения деньги, лошадей и оружие и являлись в королевские ряды, гордые достигнутыми уже „победами“ и легко добытым успехом. Поэтому с течением времени возможность войны для королевской партии уменьшалась и симпатии к последней населения, обремененного постоянными поборами, таяли. Принявшие сторону парламента графства были богаче; в руках палат была торговля, возможность устанавливать монополии и взимать пошлины с выделываемых, ввозимых и вывозимых товаров. Меньшая площадь и компактность приверженной им области облегчали управление и защиту. Немногочисленные крепости новой постройки, как Бервик и Гулль, присоединились к парламенту. Наличие большего запаса средств и возможность их возобновлять уменьшало недовольство населения парламентской армией. Строгая дисциплина, введенная во время войны в ее рядах, также не давала расти мародерству и грабежам.

Наконец, английский флот, предмет ревностных забот двух династий—Тюдоров и Стюартов—целиком перешел на сторону парламента и находился под командой преданного ему адмирала. Поэтому действия сухопутной армии и операции у приморских крепостей могли всегда встретить поддержку с моря. Наоборот, над попытками короля сноситься с заграницей и получать оттуда помощь всегда висел Дамоклов меч и о систематической поддержке извне не приходилось и помышлять.

Сравнивая между собою положение сторон, следует признать, что на стороне парламента были несомненные материальные преимущества.

Гражданская междоусобица, даже и по тогдашним нравам, не всегда носила мягкий характер. При осаде Кольчестера в 1648 году гарнизону было обещано помилование но, вместо того, парламентские войска учинили резню. В ответ на Ульстерское избиение в 1649 году, англичане устроили ирландцам кровавую Дрогедскую баню, стоившую жизни не только трехтысячному гарнизону, но также и католическому духовенству и многим гражданам: одним, по выражению вдохновителя и исполнителя этого дела (Кромвеля) „прошибли головы“, другие сгорели, третьих, просто, прирезали. После победы у Незеби парламентская армия проломила черепа 100 пленным ирландкам—женам кавалеров—и изуродовала несколько сот англичанок аристократических фамилий.

Обращение с пленными, попавшими в руки парламента, было скверное; их посылали работать в американских колониях и в Индию, где эти сыны „туманного Альбиона“ гибли массами от непривычного

тропического климата. Королевские сторонники поступали не лучше. Словом, религиозный фанатизм круглоголовых (пуритан) и бесшабашное бреттерство кавалеров временами разыгрывались во всю и некоторые страницы этой борьбы живо напоминают картины из истории современной ей тридцатилетней войны, где разорялись города и села и подвергались опустошению целые области.

Недостаток, на первых порах, средств, несовершенство в устройстве армий, перемешивание и разброска сил, все это привело к тому, что война носила характер множества отдельных разрозненных операций, не оказывавших решающего влияния на исход борьбы и лишь только подтачивавших силы воюющих.

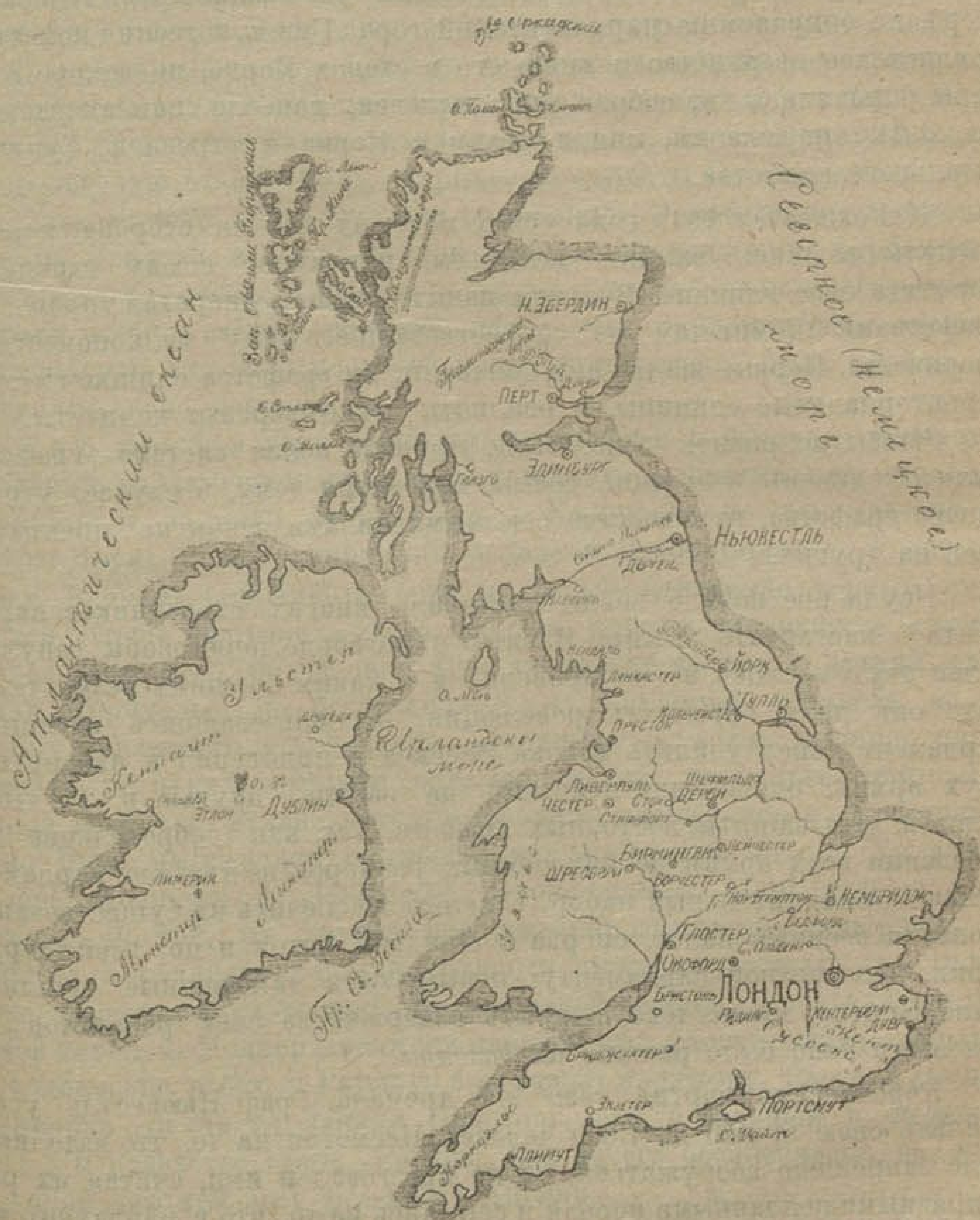
К началу решительных действий король располагал почти 10-ти тысячным войском; в рядах парламентской армии насчитывалось вдвое больше: командовал ею лорд Эссекс. Главнокомандующим роялистов был назначен граф Линдсей, кавалерия действовала под начальством принца Руперта Пфальцского, пехота—сэра Джекоба Астлей. Карл тщетно ожидал несколько дней в Ноттингеме прибытия вассалов. Формировавшиеся неподалеку, в Нортгемптоне, несколько парламентских полков заставили его уйти из ненадежного края и по настояниям своих приверженцев, он прошел через Дерби и Стаффорд в дружественный ему Уэльс, чтобы пополнить свою армию местными уроженцами. К 20 сентября королевские войска достигли Пресбери, а прикрывающая конница расположилась в Оксфорде. К 12 октября силы Карла достигли 14 тысяч и он решил перейти в наступление, надеясь быстро справиться с „восстанием Эссекса", с поддерживающими его „бунтующими мужиками" и занять Лондон. В столице возникла паника. Город был приготовлен к обороне. Из милиции был образован 4-х тысячный отряд под командой Скиппона. Кроме того парламент приступил к формированию второй армии для самозащиты, на замену первой, которая ушла на север к Ноттингему. Но Эссекс, узнав о движении королевских войск, двинулся им навстречу. 23 октября произошла встреча обоих армий на Эджгилльских холмах, близ Кайнтона.

Королевские войска стремительным натиском опрокинули фланги парламентариев, но в центре успех склонялся на сторону Эссекса. Наступившая темнота прервала сражение оставив его нерешенным. Эссекс отступил к Лондону.

Король занял Оксфорд, сделавшийся до конца войны его столицей*), и двинулся далее на Лондон. 12 ноября Руперт штурмом взял Брентфорд, нанес парламентской армии большие потери, и разъезды его показались под самой столицей. Лондонцы, испуганные не только

*) Оксфорд, университетский город с многочисленным ученым духовенством и студенчеством, был одним из немногих жизненных центров роялистов, как и Кембридж, пытавшийся пожертвовать королю 20 тысяч фунтов золота и серебра. Подарок этот, однако, был перехвачен Кромвелем и послужил парламенту.

проигрышем дела но и неминуемым грабежем города, входившим в тактику Руперта*), быстро пополнили армию Эссекса 8-ю тысячами добровольцев. Карл, имевший вдвое меньше сил, не решился атаковать столицу и отошел на зиму в Оксфорд, прикрывшись заслонами у Мальборо, Банбери, Уоллингсфорда и Ридинга. Первый год войны (1642) в центре страны не принес больше крупных операций.



На юго-западе, в Корнуэльсе, действовали незначительные отряды. В руках королевской партии находился замок Пенденнис, около Фальмута; в остальной части графства господствовала парламентская

*) Он научился этому на полях Германии, в тридцатилетней войне, где совершал свои первые боевые шаги, и повторял в Англии, из-за недостатка средств и из ненависти к „бунтующим мужикам“.

партия, опиравшаяся на революционный комитет в Лоунсестоне. Восстание приверженцев короля принудило парламентариев отступить из Корнуэльса. Согласно биллю о насилии, милиция не переступила пределов своего графства, но 1.500 добровольцев преследовали отступавших „круглоголовых" и в соседнем Девоншире, где парламентарии нашли опору только в укрепленных городах. В северных графствах, в частности в Йоркшире, командовавший революционными войсками Ферфакс, опираясь на парламентский город Гулль, потеснил поместное роялистское дворянство и запер его в стенах Иорка, но вскоре кавалеры оправились и, собрав 8.000 человек, нанесли парламентариям несколько поражений, сняли осаду с Иорка и отрезали Гулль от остального графства.

К Рождеству 1642 года успех повсюду был на стороне короля. Воспользовавшись зимним затишьем, парламент всюду стремился упрочить свое влияние. В самом начале войны он передал управление графствами комитетам из сочувствовавшего ему мелкопоместного дворянства. Первые же месяцы показали, что графства слишком мелкие территориальные единицы, и роялисты легко свергают комитеты.

Чтобы исправить дело, была принята новая система—графства были об'единены в группы, союзы, благодаря чему, в случае утраты одного графства, руководство союзными силами в нем не прекращалось из других.

Неудачное начало войны заставило многих сторонников парламента *) настаивать на мире. Начатые в Оксфорде переговоры тянулись более двух месяцев, но не привели ни к каким внешним результатам. Зато они дали окрепнуть революции. Воспользовавшись затишьем, парламент успел усилить войска Эссекса и приступил к набору еще двух армий: одной—для действий на западе, другой, в 10 тысяч человек, для защиты восточных графств. Так как добровольцев для доведения всех армий до намеченных размеров не хватало, парламент об'явил принудительный набор. С целью обеспечить их существование, вводится военный налог, сперва в Лондоне, потом и по всей территории, подвластной парламенту; повышаются таможенные пошлины. Было решено, кроме того, покрыть издержки за счет роялистов... но для этого надо было раньше их *разбить*.

Королевская партия тоже не дремала. Граф Ньюкестль успел усилить свою армию до 7.000 человек. Несмотря на то, что католикам было запрещено вооружаться, он не брезговал и ими, считая их равноправными подданными короля и ссылаясь на то, что в парламентские войска также принимаются диссиденты (не разделяющие взглядов господствующей в стране религии). Этим путем было обеспечено численное преобладание роялистских войск над парламентскими и подготовлены будущие успехи против Ферфакса. Но наличие в рядах

*) К числу сторонников мира принадлежала, между прочим часть Сити, страдавшая от перебоев торговли.

королевских войск ненавистных „папистов“ дало прекрасную пищу агитации против контр-революции и способствовало перемене симпатий северных графств в пользу парламента. Усилив свою армию и пользуясь слабостью Ферфакса, Ньюкестль успел занять западный Райдинг, но был оттеснен к Йорку отрядами горожан из Галифакса, Бредфорда и Гулля. Прибытие королевы, привезшей из Голландии оружие и боевые припасы, вновь склонило успех на сторону роялистов и Ферфакс был вынужден отойти к Лидсу, где и был заперт противником.

В центральном союзе графств операции возобновились в апреле после перерыва мирных переговоров. Парламентская армия двинулась к Оксфорду и после двенадцатидневной осады взяла Ридинг. Дорога на королевскую ставку была открыта, но солдаты Эссекса отказались идти вперед, пока им не уплатят жалование. В ожидании доставки денег из Лондона, а потом из-за вспыхнувших эпидемий, парламентская армия простояла на месте почти два месяца. 8 июня у Чальгрова Руперт разбил заслон Эссекса, после чего парламентская армия, опустошаемая повальными болезнями, принуждена была отойти к Брикгилю, около Лондона.

В юго-западном углу война продолжалась с переменным успехом. Посланный парламентом отряд, соединившись с плимутцами, очистил Девоншир и задумал вторгнуться в Корнуэльс, но был разбит у Брауддж-Доуна. Затем корнийцы овладели Девонширом и Глостерширом. В руках парламента остался только неизменно верный ему Глостер. Чтобы исправить дело, палаты довели численность своих отрядов здесь до 7.000 человек. Парламентские войска в третий раз заняли Корнуэльс, но бесталанность их командира привела их к полному поражению у Страттона. Девоншир был вновь потерян парламентом, в руках которого осталось только несколько портовых городов графства. Развивая успех, роялисты двинулись к Бристолю, но на пути наткнулись на новый парламентский отряд, Уильяма Уоллера, стоявший у Лексдоуна. Происшедший здесь бой не дал перевеса ни той, ни другой стороне—парламентарии заперлись в Бристоле, а роялисты решили кружным путем продолжать свое движение в Оксфорд, на соединение с главной армией, предводительствуемой королем. Уоллер двинулся параллельно, рассчитывая помешать соединению, но в бою у Раундуэ был разбит на-голову. Рассеяв армию противника, роялисты заняли Бристоль, самый большой и богатый город в королевстве после Лондона. Взятие его обеспечивало за королевской партией весь юго-запад Англии.

Не лучше шли дела парламента и на севере, где, за недостатком средств, Ферфакс терпел одно поражение за другим и постепенно утратил всю территорию к северу от Гумбера, и города Гейнсборо и Линкольн. После этого роялистам была открыта дорога на Лондон и с севера и с запада, но они не решились уйти из своих графств, так как в руках парламента оставались на севере—Гулль, на западе—Глостер, угрожавшие постоянными набегами горожан. Последний,

кроме того, мешал сообщению юго-запада с севером Англии, разрезая королевские области на-двое. Король решил сломить эти твердыни революции и к началу сентября был занят ряд портовых городов на востоке, а Гулль и Глостер блокированы. Парламент, учитывая, что падение последнего развяжет руки роялистам и поведет к наступлению на Лондон, мобилизовал 15-ти тысячную армию и двинул ее под начальством Эссекса на помощь осажденным. Приближение парламентариев спасло Глостер в тот момент, когда запасы осажденных приходили к концу. Роялисты сделали попытку отрезать возвращающегося Эссекса от Лондона и загородили ему дорогу у Ньюбери. Тактический успех в происшедшем здесь 30 сентября 1643 года бою был на стороне королевских войск, но недостаток припасов заставил их отойти к Оксфорду. Эссекс мог беспрепятственно возвратиться в столицу.

На востоке успех до сего времени был на стороне парламента, так как число сторонников революции здесь было гораздо многочисленнее кадра роялистов. В начале октября был взят Менн. Конный отряд роялистов, вторгшийся в Линкольшир из Ньюарка, был разбит Кромвелем у Уинсби; несколько дней спустя был отвоеван Линкольн и все графство присоединилось к восточному союзу. На севере гарнизон Гулля принудил графа Ньюкестля снять осаду с города.

Недостаток сил и средств заставил обе стороны искать союзников извне. Король попрежнему расчитывал на поддержку Ирландии, парламент нащупывал почву среди шотландцев. Ирландия, будучи отделена от Англии морем, предпочитала воспользоваться распрями среди своих недавних завоевателей и скорее склонна была к отделению. Заключив мир с роялистами, она могла расчитывать на эвакуацию королевских войск, облегчавшую им борьбу. Шотландцы были настроены иначе. Понимая, что победа короля приведет к гонению на пуритан, они заключили с парламентом „Торжественную Лигу и Ковенант", связавшую их военным союзом против короля. По договору шотландцы обязались выставить армию на защиту парламентских требований, а содержание ее должно было производиться за счет Англии. Но прежде чем шотландские войска прибыли на помощь союзникам, королевская армия (10 полков), пришедшая из Ирландии, к концу 1643 года очистила от парламентариев Честершир, но потерпела неудачу против юго-восточного союза графств (Гемпшир, Серри, Суссекс и Кент), оплота парламента.

Прошло полтора года с начала войны, а успех достигнут не был. В руках парламента оставались восточные графства, король же владел всеми главнейшими стратегическими пунктами и его влияние было обеспечено до линии Нортгемптон-Бедфорд-Экзетер. Появление на сцене шотландской армии явилось началом второго периода войны, приведшего к окончательному торжеству парламента. До сих пор инициатива была на стороне короля; его сторонники владели также большей частью территории и могли черпать оттуда средства и лю-

дей. Парламентские силы, сконцентрированные в городах, были разобщены и действия их разрозненны. Кроме того кавалерия короля, тогдашняя царица сражений, была лучше и многочисленнее парламентской. Присоединение шотландцев изменило соотношение сил. 19 января 21 тысяча шотландцев перешла границу. Малочисленные роялисты не решились на сражение с ними и шаг за шагом были оттеснены к Иорку. Соединенными усилиями Ферфакса и шотландцев неприятель был изгнан из Райдинга, а в Честершире принужден перейти к обороне. Между шотландцами и столицей оставался только роялистский Ньюарк, и тот был обложен войсками восточного союза. Руперт решил спасти эту опору своей партии в Линкольншире и 21 марта 1644 года атаковал осаждавших с тыла. Попавшие между двух огней парламентские войска принуждены были сдаться, но приближение шотландцев заставило Руперта вновь уйти в союзный Уэльс для пополнения и заготовки припасов. Иорк был осажден парламентскими войсками в третий раз.

В то время, когда Иорк был уже близок к падению, Карл приказал Руперту, успевшему набрать 18 тысячную армию, помочь гарнизону, чтобы тем удержать за собою влияние в северных графствах. Получив известие о движении Руперта, Манчестер*) снял осаду и двинулся ему навстречу, намереваясь не допустить соединения королевских войск с гарнизоном крепости. Руперт обманул англо-шотландцев и, обойдя их, вечером 1-го июля вступил в Иорк. Отсюда на другой день он бросился на Манчестера, стоявшего у Марстон-Мура, где и произошло самое большое и кровопролитное сражение всей войны. Обе армии выстроились одна против другой, имея в центре пехоту, а на флангах конницу. В течение пяти часов враждующие простояли в такой близости, что, по выражению современников „могли бы наступить друг другу на нос“. Неожиданно для роялистов, когда они собирались уже расположиться на бивак, Кромвель атаковал и опрокинул правый фланг королевской армии. Атака была отбита, но перешедшие в наступление шотландцы ударили вторично и зашли во фланг войскам Руперта. На другом фланге Ферфакс потерпел неудачу и его кавалерия бежала с поля боя. Узнав об этом, Кромвель собрал своих „железнобоких“ и ударом в фланг опрокинул преследовавших к Марстон-Муру. Покончив с ними, он зашел в тыл неприятельской пехоте, одновременно теснимой с фронта парламентскими войсками, и нанес ей полное поражение. К десяти часам все было кончено и королевская армия бежала. Несмотря на настояния Кромвеля, не ладивший с ним Манчестер запретил преследование. Войска роялистов потеряли убитыми и ранеными 6 тысяч, парламентская армия всего полторы. Ньюкестль бежал на материк. Руперт вернулся в Шресбери за пополнением. 16 августа Иорк был занят парламентскими войсками. Север Англии отныне перешел в руки революции.

*) Командующий восточной армией парламента.

На юге дела роялистов также пошатнулись, так как соединенные армии Эссекса и Уоллера нанесли им поражение при Чертоне и обезопасили Лондон с запада. Кавалеры были почти окружены; им пришлось пробиваться из Оксфорда сквозь превосходные силы революционных армий, но их спас разлад в парламентском лагере.

С момента присоединения Шотландии для общего руководства военными действиями был учрежден так называемый комитет обоих королевств из 25 человек, в числе которых были все высшие начальники армии, состоявшие членами парламента. Все военные члены комитета почти непрерывно находились при армии, бывая в Лондоне лишь наездом и руководство делами лежало фактически на людях штатских. Вмешательство в оперативные вопросы совершенно некомпетентных лиц сказалось в нерешительности и разрозненности действий парламентской армии. Командовавшие армиями предпочитали стяжать лавры каждый порознь и не склонны были подчиняться друг другу. Каждой операции предшествовали длинные переговоры и продолжительные условия в деталях действий. Заседавшие в Лондоне стратеги, независимо от их планов, вырабатывали свои; начатое дело бросалось, армии получали противоположные приказания, переходили с места на место, не завершив до конца ни одного дела. Так и в данном случае—парламентские лидеры решили, что после взятия Оксфорда можно отрядить половину сил под командой Эссекса для завоевания непокорного Корнуэльса. Благодаря этому Карлу удалось ускользнуть и, оправившись, вновь угрожать Лондону; он разбил Уоллера во втором бою у Бачбери, захватил всю его артиллерию и много пленных. Посланная на выручку лондонская милиция разбежалась. Оксфорд был выручен и опасность вторжения опять нависла над столицей.

Ошибка комитета обоих королевств имела роковые последствия и для Эссекса; разбив одну половину парламентской армии, Карл мог двинуться и за другой. Эссекс прошел почти весь Корнуэльс. Но чем больше он углублялся в ущелья полуострова, тем положение его становилось хуже. Его растянутая почти на 800 верст коммуникационная линия на две трети пролегала во враждебном краю. Подвоз и пополнение были почти невозможны. Восставшие корнийцы не желали давать парламентской армии ни продовольствия, ни крова. Войска Эссекса быстро таяли и не могли противостоять королевской армии, которая по мере приближения росла как снежный ком. Эссекс решил укрыться в Лостуитиле, расчитывая на прибытие помощи водой, но роялисты заняли командовавшие над входом в порт высоты. Продукты и боевые припасы у парламентских войск вскоре истощились. Было решено, что кавалерия пробьется, а пехота попытается пройти в порт Фоун, чтобы погрузиться на суда и ускользнуть. Две тысячи парламентской конницы успели прорваться, но пехота была окружена, принуждена сдаться и обезоруженная, под конвоем роялистов двинулась к Лондону. Эссекс бежал на лодке в революционный Плимут.

Воспользовавшись полным поражением противника, Карл решил двинуться против восточных графств. Парламент мог противопоставить ему лишь далеко не пополненные остатки отряда Уоллера и разлагающуюся в раздорах ее двух главных вождей, Манчестера и Кромвеля, восточную армию. Если бы король поспешил, он мог бы разбить их. Но он промедлил и дал возможность Уоллеру и Манчестеру соединиться с Эссексом, который привел восстановленный отряд в 5.000 человек. Образовавшаяся 19-ти тысячная армия оказалась снова сильнее роялистских войск и король перешел к обороне. Парламентская армия атаковала его в Ньюбери, но благодаря нерешительности Манчестера не достигла решительных результатов и король мог уйти в Оксфорд, где соединился с пополнениями Руперта, приведенными из Уэльса.

Становилось очевидным, что парламентская военная система трещала по всем швам, так как даже присоединение шотландцев и образовавшийся вследствие этого значительный численный перевес не дал „круглоголовым“ победы. В ноябре 1644 года наиболее революционные, восточные графства отказались содержать армию. Комитет обоих королевств постановил, что необходимо перестроить всю армию, по „новому образцу“, об'единив ее под общим командованием выдвинувшегося в борьбе на севере Томаса Ферфакса. Начальство над кавалерией, главным тогда родом оружия, было вручено Кромвелю. Новая армия обезличивалась—содержание ее снималось непосредственно с плеч отдельных графств и производилось парламентом за счет денежного обложения местностей, наименее пострадавших от войны. В отличие от милиции, на нее не распространялось действие билля о насилии и она должна была действовать в пределах всего королевства.

Несмотря на деятельную подготовку к дальнейшим военным действиям, парламент все же был достаточно обессилен, чтобы желать мира. Не менее того искала конца войны и аристократическая партия, разорявшаяся в непрерывных издержках. Неудача начатых вновь переговоров заставила обе стороны опять взяться за оружие. Руперт вновь формировал в Уэльсе пополнения для короля. Реорганизация парламентской армии по „новому образцу“ привязывала ее к месту до мая. Роялисты решили воспользоваться этим, чтобы разбить шотландцев. Комитет двух королевств поручил Кромвелю помешать этому намерению и последний выполнил это приказание оригинальным образом: разбив роялистов у Іслипа (24 апреля 1645 г.), он угнал из окружающего Оксфорд района всех годных для военных надобностей лошадей, что лишило короля возможности перевозить артиллерию и оттянуло его выступление до готовности парламентской армии. В конце концов, однако, дождавшись Руперта, он двинулся на север, принудил снять осаду с Честера, 31 мая взял штурмом и разграбил Лейчестер, но, опасаясь за судьбу Оксфорда, оставленного под охраной незначительных сил, повернул на юг. Парламент, узнав о судьбе

Лейчестера, приказал Ферфаксу итти на защиту восточных графств*). 14 июня обе армии встретились у Нэзеби (близ Лейчестера)—22 тысячи (по другим известиям 13.600) парламентариев против 13.000 (по другим известиям 7.500) роялистов, и королевские войска понесли полное поражение. В руки их противников попало 5 тысяч пленных (по другим известиям потери короля составляли 6.000 пленных и 5.000 убитых и раненных), артиллерия (12 орудий) и обоз с женами кавалеров. Секретная переписка короля, которая обнаруживала компрометировавшие его сношения с католиками, также была захвачена и опубликована парламентом. Марстон-Мурская победа отдала в руки парламента север Англии, Незеби укрепило за ним центр государства. В руках королевской партии оставалась только западная часть, малонаселённая, бедная, истощенная постоянными мобилизациями, регулярными денежными поборами и, непрекращавшимся грабежом. Крестьянство Уэльса, до сих пор пасивно дававшее солдат и подчинявшееся поборам и военному постою, вышло из себя. Такое же настроение стало распространяться и по всем графствам, бывшим до того за короля. В Герефоршире крестьяне собирались толпами, чтобы защитить свой дом и имущество от ненавистных кавалеров. Эти „клубмены", как их тогда называли, встретили впоследствии парламентскую армию как союзника, несущего им избавление от войны. Пробуждение крестьянства послужило лишним доказательством, что дело короля проиграно. 18 июня Ферфакс взял обратно Лейстер, прошел Уэльс, освободил Таунтон, разбил у Лангпорта последний отряд королевских сторонников, взял Бриджуотер (роялистскую базу в Корнуэльсе), повернул на север, овладел Батом и Бристолем. К зиме весь юг Англии был в руках парламента и Ферфакс дал отдых утомленной армии в Экзстере. Наиболее непремиримые представители аристократической партии, вместе с Карлом, укрылись в Оксфорде.

В шотландских кланах *) с началом революции произошло такое-же разделение, как и в английских графствах, и в то время как юго-восточная часть страны стояла за пресвитериан, каледонские и грампианские горцы, видевшие в войне лишь выгодный промысел, сохранили приверженность к аристократической партии. В постоянной борьбе верх

*) О том, как была стеснена воля главнокомандующего и к чему это приводило, можно судить по следующему эпизоду. Комитет приказал Ферфаксу освободить осаждавшийся роялистами Таунтон. Движение армии в этом направлении, в сторону от главных сил противника, позволяло королевским отрядам соединиться и перейти в наступление против шотландцев. Поняв это, комитет приказал Ферфаксу вернуться и поручил помочь Таунтону небольшому отряду. Получив ложное известие, что Оксфорд падет при приближении неприятельских войск, комитет отдает новое распоряжение—итти к столице короля. Предоставленные своим силам в борьбе с превосходными силами короля (25 тысяч последнего против их 19-ти), шотландцы отступили. Карл освободил Честер и взял Лейстер, где сильно пополнил иссякавшие запасы. Но и тогда комитет не понял необходимости искать и разбить живую силу противника и если велел Ферфаксу двинуться за королевской армией, то подчиняясь необходимости защитить восточный союз.

*) Клан—племя, родовая група, остаток родового строя.

брала то одна сторона, то другая. В данное время господствовали равнинные кланы, но опустошительная война продолжалась. Воспользовавшись отсутствием пресвитерианской армии, ушедшей на помощь парламенту, горцы, под командой Монтроза, нанесли немногочисленным ковенантерам (сторонникам союза с Англией, ковенанта) несколько крупных поражений, рассеяли их армию, сожгли множество деревень и уничтожили живой и мертвый инвентарь. В конце 1645 года вся Шотландия была во власти горцев. В Глазго был созван парламент, на который роялистами возлагались большие надежды. Шотландцам—ковенанторам пришлось бросить дела в Англии и итти на помощь своим сторонникам к северу от границы. Армия Монтроза была разгромлена и перебита вместе с женами и детьми горцев. Восстановив свою власть, ярые пресвитериане решили попытаться осуществить свою программу в Англии в союзе с королем, как это не раз пробовал сделать и английский парламент, и вступили с ним в переговоры, убеждая приехать в Шотландию. Основой этого плана было недовольство медлительностью англичан, не торопившихся с предусмотренными Ковенантом реформами. Кроме того, парламент должен был им 400.000 фунтов стерлингов в качестве жалования и за военные издержки, и наличие короля в их руках давало им ценное преимущество в переговорах с англичанами. Карл 27 апреля тайно выехал из Оксфорда и через неделю прибыл в шотландский лагерь. Шотландцы вынудили его отдать приказы о сдаче Ньюарка и Оксфорда и о роспущении роялистской армии в Шотландии. Опираясь на Ньюарк, Ньюкестль и другие занятые ими во время войны крепости, шотландцы заявили, что не уйдут из Англии, пока им не будут оплачены расходы, сделанные с момента перехода их армией границы. 30 января они получили первый взнос в 100.000 фунтов и через несколько дней еще столько же. Тогда, согласно уговору, они выдали Карла парламенту и очистили занятую английскую территорию.

Через три месяца, все по тем же причинам, шотландский парламент об'явил союз с Англией расторгнутым. Готовясь к войне с Англией, шотландцы начали инспирировать в различных местах Англии контр-революционные восстания. К прежним сторонникам короля прибавились новые, в лице некоторых частей армии, назначенных к расформированию. Завязкой восстания послужило поражение в Уэльсе парламентского отряда Фламинга и убийство самого командира. Через короткий срок весь Уэльс взялся за оружие. Полковник Гартон разбил мятежников у Сент-Фагана. Прибывший вскоре после него с пятью полками Кромвель завладел двумя опорными пунктами роялистов, Тенби и Чипестау, но третий, Пемброк, продолжал держаться. Восстание охватило и графства, бывшие до сего на стороне парламента, Кент и Эссекс. Ферфакс без труда справился с повстанцами, угрожавшими, было, самой столице. Остатки контр-революционеров заперлись в Кольчестере. 27 августа город был взят. Главари восстания были казнены, офицеры посажены в тюрьму в ожидании

приговора парламента. Часть горожан попала на каторгу в американские колонии, город был обложен контрибуцией.

Быстрая ликвидация восстания не дала ему распространиться в пределы Суффолька и Норфолька, где население не меньше тяготилось дезорганизацией торговли, упадком промышленности, тяжелыми налогами, всем тем, что привело к мятежу Кент и Эссекс и чем ловко воспользовались шотландцы и роялисты: восстание извутри должно было связать руки парламента в то время, как извне революции угрожала опасность войны.

В конце мая сторонники короля, восторжествовавшие в Шотландии, начали набор войска для войны с недавним союзником. Но надежды контр-революции на успех были зыбки, так как в ее стане было еще меньше единодушия, чем среди парламентских сторонников. Английские абсолютисты были против Ковенанта, за который стояли шотландские, и в войне с ними, под влиянием национального чувства, сочувствовали парламенту. В самой Шотландии сильные клерикальная и пуританская партии были против войны за короля, не признававшего Ковенанта. В Эдинбург явилось вдвое меньше добровольцев, чем ожидали зачинщики, так как на призыв откликнулась преимущественно аристократия. Несмотря на это, 8-го июля 10-ти тысячная армия перешла границу и вторглась в Англию. Полковник Ламберт, командовавший парламентскими войсками, отступил к югу, на соединение с быстро шедшим на подмогу Кромвелем. 17 августа противники встретились у Престона, в Ланкашире, и шотландцы были разбиты; на поле сражения осталась половина их армии, а другая, отрезанная от родины и непрерывно теснимая Кромвелем, через неделю сдалась парламентским войскам. Добровольно поднявшие оружие были отправлены на каторжные работы, остальные отпущены на честное слово. Справившись с роялистской армией, Кромвель быстро двинулся в Шотландию. При его приближении там произошел переворот, к власти вернулись пресвитериане, и все сторонники короля были отрешены от должностей. Для охраны нового порядка были оставлены 2 полка англичан.

Настала очередь другого королевства—Ирландии, к которой парламент еще горел местью за Ульстерскую резню. Вспыхнувшее перед революцией восстание не было погашено, так как англичане были слишком заняты своими делами. Но когда гражданская война окончилась, король был казнен и в стране установлена республика с Кромвелем во главе, парламент решил разорить это осиное гнездо, на которое роялисты возлагали постоянные надежды. В самом же начале восстания ирландцы потеснили немногочисленные английские гарнизоны, так что в руках последних осталось лишь несколько крепостей и обеспеченные ими районы. Во главе движения стоял аристократический верховный совет. Восставшими командовали: в Лейнстере — Томас Престон, в Ульстере—Оуен Ро О'Нейль. Против первой действовал, во главе отряда английских войск, Ормонд, сторонник короля в

гражданской войне, против О'Нейля была шотландская армия Монро стоявшая на стороне парламента. Действия правительственных войск носили нерешительный характер, так как Карл не прочь был в любую минуту протянуть руку ирландцам для подавления революции. В сентябре 1643 года, путем различных уступок, королевская партия заключила перемирие с восставшими, чтобы освободить часть армии Ормонда для участия в гражданской войне *). Монро был предоставлен собственным силам. 28 марта 1646 года, после ряда сложных перипетий, уполномоченный королем для окончательных переговоров Ормонд, ценою больших уступок, получил от ирландцев согласие на прямое содействие королевской партии, в виде 10-ти тысячной армии Но борьба уже близилась к развязке, весь юг и запад Англии был в руках парламента, и ирландские солдаты отказались итти на верную гибель.

Брошенный на произвол судьбы, Монро со своими шотландцами три года держался против ирландцев, но в середине 1646 г. был разбит О'Нейлем при Бенбербе.

Успехи О'Нейля и Престона усилили сепаратистские течения и показали Ормонду, что англичан ожидает полное вытеснение из Ирландии, которому он не мог противодействовать со своими полутора тысячами человек; не имея другого выхода, он сдал парламенту Дублин и несколько охранявшихся им крепостей. В июне 1649 года в Дублин прибыл полковник Джонс с английским отрядом. Армия Престона была разбита им у Денган-Гилля; в Ульстере полковник Монк повсюду теснил ирландцев. Ухудшилось положение восставших также в Мюнстере. Но против власти парламента восстала с оружием в руках вся Ирландия, и дела Джонса пошатнулись.

В Англии решили, что дольше медлить нельзя, и Кромвель отправился для усмирения ирландцев. Усиленный несколькими полками из его отряда, Джонс в бою при Ретмайнсе разбил Ормонда, вновь присоединившегося к контр-революции. В конце августа 1649 года вся английская экспедиционная армия сосредоточилась в Дублине. Отсюда Кромвель сперва хотел двинуться в Мюнстер, расчитывая на помощь тамошних английских колонистов, но поражение Монка на севере побудило его сперва очистить от ирландцев север. 10 сентября он штурмовал и взял город Дрогеду. Три дня продолжалось избиение гарнизона, священников и даже простых горожан, с целью, как говорил Кромвель, устрашить восставших. После этого он последовательно очистил от восставших город за городом и к декабрю 1649 года овладел всей западной и значительной долей южной Ирландии. Отдохнув два месяца, английская армия продолжала завоевание. В Минстере инсургенты капитулировали, в Ульстере после жаркого боя был занят Уотер-

*) Последствием этого перемирия было появление в Англии 10 полков, о котором упоминалось выше.

форд, армия ирландцев была разбита 21 июня 1650 г. при Скерифголлизе. Инсургенты продолжали еще держаться на линии реки Шеннон, но внутренние несогласия в их среде помогли англичанам довершить завоевание. Последние города, Лимерик и Голуэ, вскоре перешли в их руки. В 1652 году восстание было окончательно подавлено.

Десятилетняя борьба обошлась Ирландии очень дорого. По сделанным вычислениям население ее уменьшилось с полутора почти миллионов до 850 тысяч. По окончании войны парламент вынес такое множество смертных приговоров, что даже увеличенный штат палачей не мог их привести в исполнение. С целью обеспечить в будущем опору в Ирландии, была предпринята широкая колонизация, причем местные жители отправлялись в бесплодные пустыни на западе, а земли их раздавались английским солдатам или продавались спекулянтам, нажившимся на войне. Свыше 30 тысяч ирландцев эмигрировали на континент, где были завербованы в французскую, испанскую и даже в польскую армии. Бристольские купцы четыре года торговали ирландцами, как записные работорговцы.

Последний акт междуусобицы — выступление Шотландии в 1650—51 г. г.—был чисто контр-революционной вспышкой. История борьбы парламента с попыткой реставрации в военном отношении мало поучительна и не вносит нового, по сравнению с рассмотренным. На ней мы останавливаться не будем.

Десять лет вооруженной борьбы английского народа за конституционные привилегии дают несколько ярких образчиков, типичных для гражданской войны. Оставляя в стороне политический момент, отметим чисто военные ее особенности. Здесь, первым делом, бросается в глаза огромное значение в происходившей борьбе расслоения населения, обусловливавшее возникновение очагов с определенным настроением, так называемых теперь жизненных и мертвящих центров. Жизненным центром роялистской партии был, прежде всего, Уэльс. Сюда после каждого поражения возвращался Руперт и отсюда, как из огромного резервуара, он черпал все новые и новые пополнения. Университетский Оксфорд сделался на все время войны столицей контр-революции. В стенах его ученого собрата, Кембриджа, произошло разделение; в то время как духовенство и студенты помогали роялистам золотом, деньгами и личным участием, вооруженные Кромвелемъ горожане стояли за парламент. Иоркское графство два года разъединяло Англию и Шотландию. Наконец, неприступный Корнуэльс погубил армию Эссекса.

В противоположном лагере жизненными центрами были города, в том числе главным—столица. Манчестер был единственной и важной опорой парламента в католико-роялистском Ланкастерском графстве. Неудача короля при осаде Глостера в значительной

степени зависила от героической защиты его горожанами *). Манчестер, Глостер, Плимут, Ливерпуль и другие города были настоящим бельмом на роялистском глазу, нарушали цельность территории и единство настроения оставшихся на стороне короля областей, питали и снабжали враждебные им армии и извещали парламент обо всем, что происходило в неприятельском стане. Поражение Эссекса в Корнуэльсе об'ясняется мертвящим влиянием враждебного района операции. В этом факте наблюдается полная аналогия с неудачей похода Красной армии в 1919 году на Дон и в 1920 г. на Варшаву, ибо и здесь в тылу революционных войск были враждебные им донские станицы и достаточные польские губернии.

Второй особенностью, не менее нам знакомой по недавнему прошлому, является общая схема войны. Возникнув стихийно, сразу, во всех углах страны, она привела к полному перемешиванию сил, и вначале велась так же беспорядочно как и началась. Лишь с укреплением и об'единением революционных сил у парламента появилась возможность централизовать управление, укрепить армию и добиться победы. В противоположность этому, контр-революция с самого начала была едина и, если не сумела использовать свои преимущества, то исключительно по собственной ошибке и недооценке широты революционного под'ема.

Обеспечение власти парламента путем создания комитетов из сочувствующих элементов напоминает ту советизацию завоеванных областей, которая проделывалась в 1918—20 г. г. К этим же мерам должна быть отнесена и колонизация Ирландии, произведенная после ее усмирения.

Обращает на себя внимание также размах и темп операций, громадные переходы и быстрое чередование побед и поражений, как, например, поход Руперта к Йорку, Эссекса—в Корнуэльс и шотландцев—в Ланкашир, окончившиеся так же быстро и неожиданно, как наступление Деникина на Орел и Красной армии на Варшаву. Вообще вся борьба носила гораздо более деятельный и решительный, более маневренный характер, чем современная ей тридцатилетняя война или борьба французов с испанцами в Нидерландах. Таким образом, маневренность гражданской войны в России имеет прецедент в далеком прошлом.

Интересная, хотя, может быть, и случайная аналогия: парламентская армия, как и советская, действовала по внутренним операционным линиям, тогда как окружавшие ее роялисты были растянуты полукольцом и концентрически стремились к Лондону, подобно

*) На предложение сдаться глостерцы ответили категорическим отказом, сожгли городские предместья, лежавшие вне крепостных стен, и в течение 26 дней сопротивлялись королю. Мужчины, женщины и дети равно работали и разделяли военные труды и опасности. Несмотря на голод и тяжелое положение, несмотря на обычное по тем временам всеобщее избиение в случае падения крепости, в среде гарнизона и жителей нашлось только трое дезертиров.

тому как противники Красной армии тянулись к Москве. Отсюда напрашивается еще сравнение. Парламентские войска только тогда покончили с роялистами, когда они стали завершать поражение полной ликвидацией очага восстания. Период командования Эссекса, Манчестера и Уоллера был временем нерешительности и боязни временной утраты территории. Марстон-Мурская операция и завоевание севера Англии были переломным моментом в стратегии парламентских вождей и в ходе войны, как операция против Колчака в 1919 году положила начало победам Красной армии, завоеванию Сибири и поочередному разгрому армий российской контр-революции.

И, наконец, еще одно сходство, выражающееся в вырождении гражданской войны в Англии в бандитизм. Пример этого особенно ярко заметен в Ирландии, где и после поражения инсуррекционной армии небольшие партии продолжали скрываться в лесах и болотах и вели войну с англичанами при поддержке сочувствующей части населения. Индепендентские вожди в борьбе с бандитизмом действовали решительно, не останавливаясь перед крайними мерами. Они уничтожали в охваченных восстанием областях дома, посевы и скот, стремясь искоренить самые корни повстанчества и обессилить его голодовкой. Умножавшиеся от недоеда болезни—лихорадка, чума—косили обе стороны. Целые округа безлюдели, множество полей осталось необработанными.

Имела английская революция и своих „зеленых“. Они комплектовались демобилизованными и обнищавшими от войны. Собираясь толпами в разных местах, крестьяне вооружались дубинами, составляли банды, равно грабили обозы обоих армий и убивали одиночных солдат, не различая их убеждений.

III.

Парламентская армия.

Исключительное, островное, положение Англии, оберегая ее от внешних нашествий, избавляло страну от необходимости иметь постоянную армию. В случае надобности об'являлся набор желающих, а, кроме того, выставлялась милиция из вооруженных граждан. В силу этих условий обеим сторонам в начале гражданской войны приходилось организовать войска параллельно с военными действиями.

В общем, армии оставляли желать лучшего. Обе стороны расчитывали, что война скоро кончится и на первых порах не отнеслись к делу с должной серьезностью. Спешность, с которой приходилось действовать, сильно отозвалась на качестве парламентских частей. Боевая подготовка была из рук вон плоха. Скупо оплачиваемые, недисциплинированные, посаженные на кляч и кое-как вооруженные солдаты дрались плохо и массами дезертировали. В зависимости от колебаний настроения графств и притока средств,

армии то разрастались, то так же быстро таяли. Парламент ничего не мог поделать с этим, потому что большинство, милиция, не обязана была выступать за пределы своего графства, а меньшая часть наиболее втянутый в дело, профессионально-военный элемент кочевал из одного графства в другое, в зависимости от того, где больше заплатят. Генералы завидовали друг другу, так как в разных графствах им жилось различно. Коменданты крепостей были на ножах с органами городского управления. Между военными комиссарами графств и генералами происходили постоянные трения. Задержка жалования возбуждала вечный ропот, который использовывался агентами противной стороны. Королевские войска смеялись над плохим видом своих противников и дразнили их тем, что содержание всего парламентского войска, от главнокомандующего до последнего денщика, стоит не более тысячи фунтов стерлингов в год.

Расслоение населения отозвалось и на источниках, откуда почерпались обеими сторонами комплектования. В войсках королевской партии было поместное дворянство, не добывавшее лично средств к существованию и жившее доходами с аренд, а потому имевшее полную возможность всецело отдаться войне. В парламентской армии положение было хуже: ни мелкий фермер—йомен, ни торговец—то среднее сословие, которое составляло опору палат—не могли надолго оставить своего дела. Поэтому усилия парламента были направлены сначале к привлечению пролетарских элементов, не связанных имуществом и живших личным трудом. Кромвель так характеризовал состав армий: парламентские войска „состоят из ремесленников разного рода“ и прислуги, а войска короля—из джентльменов и знати. Понятно, что дворянские полки короля, составленные из людей, для которых военное дело было привычным, для которых лошадь и меч были постоянными спутниками, легко побивали своих невоинственных противников.

Кромвель пишет о войсках Манчестера, что они „буйны, недисциплинированы развратны“. Грабежи, мародерство и дезертирство процветали. Командный состав был невысокого качества. Парламентские военачальники, не имевшие часто никакого опыта, брали уроки тактики из библейских войн и больше руководствовались хананеянами и амалекитянами, чем здравым смыслом, а потому неуклонно были биты кавалерами.

Поражение Эссекса в Корнуэльсе, неудача при Ньюбери, затяжка войны—все это не могло быть терпимо; надлежало подумать об улучшении армии. К тому-же восточный союз отказывался содержать даже и те плохие, не желавшие драться за пределами родного графства отряды, которые выставлялись им. Между тем, на лице был пример, казавшийся достойным подражания. Кромвель, воспитанный в духе сурового и строгого пуританства, организовал свой собственный отряд, получивший от роялистов почетное прозвище „железнобоких“

и, набирая в него исключительно людей „богобоязненных и достойных, готовых жертвовать всем для свободы родины", водворил в своем полку суровую дисциплину. Благодаря идейности, сознательности, как мы бы теперь сказали*), его солдат, они легко поддавались обучению и обработке, и первые же боевые шаги „железнобоких" вызвали всеобщее удивление их стойкостью.

Народные массы, недовольные нерешительностью соглашателей-пресвитериан, склонялись все больше к индепендентам. Война заставила палаты заботиться об усилении армии, а лучшим боевым элементом оказался тот, который не разделял взглядов парламентского большинства--индепендентски настроенный мелкий собственник-крестьянин.

Истинный индепендент, полный сурового и строгого благочестия, считавший радость грехом, а невинное развлечение—распутством, проникнутый пламенным религиозным фанатизмом, считал себя избранным исполнителем воли всевышнего, орудием в руках божьего веления. Его мировоззрение, построенное на мстительном, мрачном представлении библейского Иеговы, карающего отца людей, было прямолинейным до жестокости, наполняло его суровой решительностью и фаталистической верой, что „ни один волос не упадет с его головы без воли бога". Эти черты, в связи со строгой мистической этикой, являлись прекрасной почвой для героизма. Понимание жизни как исполнения долга делало этих людей превосходным материалом для войны и точным орудием в руках командира и проповедника, такого же фанатика.

Нерешительный ход гражданской войны заставил, прежде всего, обрушиться на коллегиальность управления и отсутствие общего главнокомандующего. Имевшиеся генералы к этой роли не подходили: Эссекс, Манчестер и Уоллер, соглашаясь стать во главе парламентских армий, олицетворяли собою ту часть английской аристократии, которая видела в союзе с палатой общин средство ограничить королевскую власть, но вовсе не собиралась низвергать монархию**). По оффициальному признанию, они отличались „гордостью и алчностью" и жили в вечных раздорах. Война выдвинула новые силы: на севере отличился Томас Ферфакс, на востоке победная слава избрала своим фаворитом Оливера Кромвеля. Далее, билль о насилии оказался обоюдоострым оружием, так как, ссылаясь на него, милиция не соглашалась переступать границ своего графства, и ни один успех парламентской армии не мог быть развит до полного поражения противника. Поэтому второй реформой, проэктировавшейся сторонниками реорганизации, было обезличение армии, обязанной в дальнейшем воевать

*) „Я успел поднять таких людей, которые... шли на дело вполне сознательно", писал, впрочем, одному из своих единомышленников и сам Кромвель.

**) Индепенденты, верховодившие палатой общин, были республиканцами. Поэтому им пришлось одолевать сопротивление и монархически настроенных лордов и своих коллег в нижней палате, пресвитериан. Борьба за реформы в армии была, в сущности, углублением революции с уклоном ее в индепендентство.

на территории всего Соединенного королевства. Третьей мерой, клонившейся к улучшению парламентских вооруженных сил, являлась фильтрация личного состава и исключение негодных элементов.

После четырехмесячной борьбы, в апреле 1645 года, враждебные реформе лорды, видевшие в управлении войсками свою традиционную прерогативу и восстававшие, главным образом, против этого пункта, принуждены были отступить. Был принят билль „о новом образце" организации вооруженных сил. Членам парламента было запрещено занимать командные должности, и в течение сорока дней они должны были сложить свои полномочия. Результатом этого явился уход Эссекса, Манчестера, Уоллера и других начальников—лордов. Главнокомандующим был назначен Ферфакс, получивший право выбирать себе помощников, которые должны были утверждаться парламентом. Должность генерал-лейтенанта, начальника кавалерии и помощника главнокомандующего, была оставлена вакантной и ее временно исполнял Кромвель. По истечении сорокадневного срока, данного для отречения, парламент, не без препятствий со стороны лордов, продлил пребывание его в должности еще на 40 дней, до 22 июня. Этим, как бы, воздавалась дань личным качествам Кромвеля, как способнейшего и популярнейшего из полководцев своего времени. Еще до истечения данной ему отсрочки Ферфакс и весь старший командный состав подали в парламент петицию о назначении Кромвеля генерал лейтенантом и оставлении его в должности командующего кавалерией. 10 июня палата общин (лорды не согласились на исключение после того, как их ставленники были отрешены) одна вотировала это назначение.

Новое начальство не замедлило приступить к реформам. Фильтрация армии не встретила затруднений. Широкая терпимость индепендентов позволила им привлечь в армию людей, не считаясь с формой, а придавая исключительное значение силе их убеждений: в конце концов, бесконечное дробление религиозных сект не лишало их единства в вопросе, бывшем главным, в отношении к очередной задаче борьбы—свержении короля. Однако эта терпимость не распространялась на католиков-роялистов и сторонников епископальной церкви. Комплектование было построено на началах принятых в образцовом отряде „железнобоких": исключена была „заболтавшаяся прислуга" и привлечены собственники и их дети, вмешавшиеся в борьбу из кровных интересов, вооруженные вдвойне, „внутри—сознанием долга, снаружи—доброй сталью", как говорил Кромвель. Сторонники реформ позаботились и о материальном благополучии своих адептов: солдату было назначено такое содержание, какое он мог бы заработать земледелием или извозом.

На командные должности выбирались лица, не считаясь ни с происхождением ни с убеждениями, только бы их религиозно-политическая платформа не выходила из диапазона терпимости индепендентов. „Назначайте людей любого звания, лишь бы они были непритязательны, искренне преданы делу и стоили доверия,—писалось в

инструкциях главного командования—гонитесь не за количеством, а за качеством". Скиппон, солдат Густава-Адольфа, человек простой и необразованный, но смелый, зарекомендовавший себя верностью парламенту и очень любимый в Сити, был назначен генерал-майором, начальником парламентской пехоты. Из 37 человек высшего командного состава 30 принадлежали к богатым, но не родовитым фамилиям. Цвет армейской аристократии составляли: сапожник Хьюсон, ломовой извозчик Прайд и свечник Окей.

Парламентское большинство сознавало, что „новый образец" вырывает армию из подчинения палатам, хотя бы вследствие устранения депутатов от командования, и в бешенстве обвиняло реформистов в стремлении создать преторианскую гвардию из крайних сектантов и иноверцев. Но военные действия втянули парламент в условия, не допускавшие иного решения и, вместе с переменой командования и способов комплектования, облик армии оказался много радикальнее парламентских планов. Реорганизация проводилась под соусом устранения самовластия отдельных начальников, в действительности же она привела к тому, что войска оказались республиканскими и, притом, крайне демократически настроенными. Раньше в полки каждую неделю приезжали агитаторы, поддерживавшие в армии выгодное парламенту настроение; офицеры же исполняли только технические функции. Теперь же каждый единомышленник Кромвеля оказывался пламенным проповедником и искусным агитатором. Единство военно-политической работы быстро спаяло армию и повело ее от победы к победе.

Но не на одних только вдохновении и сознательности строилась армия. Сохранившиеся документы свидетельствуют о тех своеобразных мерах, которые принимались для поддержания дисциплины: каждый, без цели шляющийся по улицам или играющий в какую-нибудь игру, особенно по постным дням и по субботам, подвергался штрафу в размере полкроны. Каждый пьющий в эти дни вино в таверне уплачивал один шиллинг. Столько же взыскивалось и с трактирщика, допустившего выпивку. При повторении содержатель таверны лишался права торговать. За брань и непристойные слова на солдат налагался штраф в три пенса. Кроме системы денежных штрафов за маловажные проступки, существовали и более серьезные наказания, причем бунт и неповиновение карались смертной казнью. Несмотря на общую разнузданность тех времен и дешевизну человеческой жизни, к этому наказанию приходилось прибегать редко, благодаря строгой нравственности и привычному подчинению солдат-сектантов.

Все чины армии были проникнуты „страхом божиим", подогреваемым постоянной пропагандой. В лагере парламентской армии не было слышно ни клятв, ни брани, не было ни пьянства, ни игр. В противоположность разнузданным наемным бандам европейских армий, „в течение долгого господства английской армии в стране

собственность и честь женщины считались священными"—говорит о них английский историк.

Реорганизованная армия пошла в бой с точностью машин, пылая в то же время необузданным фанатическим энтузиазмом. В несколько месяцев была закончена война с королем, бесплодно тянувшаяся три года. В течение 15 лет, часто голодная, босая, не получавшая жалования годами, она не только с успехом дралась, но и побеждала втрое сильнейшего неприятеля, стирая на своем пути всякое сопротивление. Привыкнув к победам, революционные солдаты шли в бой с пением псалмов, как на праздник. Тюренн поразился взрывом ликования, с какими экспедиционные войска англичан наступали на испанцев. Даже враждебные революции роялистские кавалеры исполнились национальной гордостью при виде того, как бригада их соотечественников, покинутая союзниками и окруженная врагами, гнала стремглав лучшую пехоту испанского короля и овладела укреплением, которое лучшие маршалы Франции перед тем признали неприступным.

Произведенное „новым образцом" улучшение качества армии привело к уменьшению ее в численном отношении. До реформы парламент располагал 25-ю тысячами пехоты и пятью тысячами кавалерии. Новая армия состояла всего из 22 тысяч, причем в ней конница сократилась более чем на 10 тысяч, а пехоты стало на две тысячи больше. Но и это число, вотированное парламентом, не могло быть набрано путем мобилизации добровольцев. Пришлось об'явить принудительный набор и новые 8.000 были взяты под знамена не без борьбы. В итоге армия состояла из людей трех категорий: таких которые, подобно полку „железнобоких", пошли на войну, движимые внутренним побуждением. Это были, преимущественно, мелкие фермеры и состоятельные крестьяне, связанные с революцией имущественными интересами; вторую группу пополнений составили волонтеры из числа разорившихся от войны мелких ремесленников, а также наемных городских рабочих и сельских батраков, вследствие наступившей безработицы лишившиеся места и пристроившиеся на выгодную службу в армию; третью группу составляли насильно навербованные рекруты. Становым хребтом армии была первая категория, сплоченная общностью убеждений и интересов. На нее опиралась руководящая верхушка, но с нею же она должна была и считаться, так как радикальность ее привела армию к оригинальным формам самоуправления и дала результаты, не имеющие равных во всей мировой истории.

(Продолжение в след. номере).

Н. Варфоломеев.

Современная карта Р. С. Ф. С. Р.

Февраль 1917 г. похоронил царскую Россию, бывшую Российскую Империю.

Октябрь месяц того же года, низвергнув в тьму истории Временное Правительство, дал Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику.

Минувшие империалистическая и гражданская войны и осуществление принципа самоопределения народностей быв. Рос. Империи не могли, конечно, не отразиться на пространстве, администр. делении и количестве народонаселения России прошлого.

Выдержав грозную бурю военных потрясений в вооруженной борьбе с капиталистической Европой и ликвидировав все попытки подрыва изнутри, Российская Советская Федерация прочно завоевала свое право на существование. И если Генуя и Гаага не привели к юридическому признанию Р. С. Ф. С. Р. со стороны Антанты, то фактически всемирный капитал (даже при всем его желании) не может с нею не считаться.

Переход на мирное положение облегчил возможность производства обследования Р. С. Ф. С. Р. для получения некоторых статистических данных в отношениях географическом, экономическом и пр.

Однако, следует заметить, что работа в этом направлении далеко еще не закончена, вернее, она только что начата.

В силу этого, нет возможности располагать не только исчерпывающим, но и просто более или менее полными данными в той или иной области статистики Р. С. Ф. С. Р.

Во всяком случае у нас под рукою таких материалов не имеется, за исключением некоторых отрывочных и частичных сведений, которые и позволят привести в дальнейшем изложении некоторые статистические данные о Р. С. Ф. С. Р.

Для наглядного ознакомления с размерами, границами и администр. делением Российской Советской Федерации к настоящей статье прилагается современная ее карта. Вместе с тем для предостав-

ления возможности сравнить Р.С.Ф.С.Р. в нынешних ее пределах с Россией довоенной приводятся некоторые статистические сведения, характеризующие эту последнюю в отношении пространства, границ, народонаселения и пр.

1) Россия в 1914 году.

(Бывшая Российская Империя).

Состав.

В состав бывш. Российской Империи входили: Собственно Европейская Россия (51 губерния), Азиатская Россия (Сибирь, Степные области, Уральская область и Туркестан), бывш. Царство Польское (10 Привислинских губ.), Кавказ и Финляндия.

В административном отношении Российская Империя делилась на 101 единицу: 80 губерний и 21 область. В общей сложности это составляло 828 уездов (округов, приходов).

Размеры.

Занимая огромнейшую площадь на двух материках, Россия имела наибольшие протяжения: с запада на восток 10050 верст и с севера на юг 4380 верст. При этом собственно на долю Европейской России соответственно приходилось 2874 и 2835 вер. Пространство, ею занимаемое, равнялось 19.155.620 квадр. верст или 1.996.433.600 десятин (около 2 миллиардов).

В ряду прочих государств мира Россия по своим размерам занимала второе (после Великобритании с ее колониями) место.

Обширность территории дает возможность обладать большим запасом и большим разнообразием естественных богатств, с другой стороны (и это мы испытываем до сих), она вызывает большие затраты по администрации отдаленных окраин, замедляет быстрое обеспечение страны сетью путей сообщения и влечет необходимость содержать большую армию для обороны.

Границы.

Общее протяжение границ России исчислялось в 66.676 верст. Распределение их видно из нижеследующей таблицы:

	Границы.		Общее протяжение.
	Сухоп.	Морские	
Европейская Россия	4227	18215	
Азиатская Россия	14380	29854	
Итого.	18607	48069	66676 вер.

Население.

Согласно данных двух сельско-хозяйственных переписей в их разработке Центральным Статистическим Управлением Республики население России в 1917 г. исчислялось в 175.134.400 душ обоего (к 1 января 1914 г. эта цифра равнялась 178.380.000) В отдельности приходилось на:

Европейскую Россию	123.796.300
Кавказ	13.491.975
Туркестан и Киргизию	9.010.400
Сибирь	13.557.625
Польшу	12.001.000
Финляндию	3.277.100
Всего	175.134.400

С исторической точки зрения не безинтересна будет справка о росте населения быв. Российской Империи. Прирост населения рисуется в следующем виде:

1722 году	14 миллионов
1782 „	28 „
1800 „	38 „
1825 „	$53^1/_2$ „
1850 „	70 „
1875 „	92 „
1892 „	128 „
1900 „	135 „
1910 „	163 „
1914 „	178 „
1917 „	175 „

Таким образом, население России непрерывно и при этом весьма быстро возрастало и только период 1914—1917 г.г. повлек за собою уменьшение (на 1,25%) населения, что всецело следует отнести за счет минувшей империалистической войны.

Р. С. Ф. С. Р.

Февральская и Октябрьская революции внесли существенные изменения в отношении границ, размера занимаемой территории и численности населения быв. Российской Империи.

Административное деление.

Также значительно изменилось и административное деление. Широкое осуществление принципа самоопределения народностей привело к образованию ряда автономных республик, областей, трудовых коммун и пр.

В данное время существуют:

союзных республик	11
автономных областей	8
трудовых коммун	2

Детали административного деления Р. С. Ф. С. Р. и границы составных ее частей видны из прилагаемой карты.

Размеры территории.

Общая площадь территории России (понимая под этим словом Р. С. Ф. С. Р., Союзные Республики и Д. В. Р.) равняется 18.384.247 кв. верст*). Общее число уездов 733, волостей 15405, городов 1616.

Уменьшение размеров территории Р. С. Ф. С. Р. по сравнению с довоенной Россией явилось следствием образования после революции ряда самостоятельных окраинных государств из бывших областей России. Таковыми явились:

Финляндия	286.500 кв верст.
Эстония	36.000 „ „
Латвия	61.000 „ „
Литва	51.500 „ „
Польша	218.500 „ „
Бессарабия	39.000 „ „
Карский округ	17.500 „ „
Итого	710.500 кв. верст.

В % отношении территории России уменьшилась приблизительно на $3^1/_2$ %.

Население.

Согласно данных последней переписи населения Р. С. Ф. С. Р. произведенной 28 августа 1920 г., население Р. С. Ф. С. Р. исчислено в 131.546.045 душ обоего пола.

В это число включено и население Д. В. Р., равное 1811.725 чел. (площадь ее равна 1.468.652 кв. вер.).

В отношении числа мужчин и женщин и численности городского и сельского населения вышеприведенное число населения Р. С. Ф. С. Р. распадается на:

мужчин	61.029.075 чел.
женщин	70.516.960 „

В том числе: 1) сельского населения: мужчин—51.240.725 и женщин—59.613.069, а всего 110.853.734 и 2) городского: мужчин—9.768.300 и женщин—10.903.891, а всего 20.692.251.

Приведенные цифры указывают на преобладание численности женщин над числом мужчин, равное 9.485.865 чел. (около 12%). Сравнивая современную численность населения России по переписи 1897 г. и России в 1914 г., мы получаем:

1897 г.	1914 г.	1920 г.
128.200.	178.380.	131.546.045.

*) Все приводимые цифры взяты из „Статистического ежегодника“ 1918—1920 г. г. VIII выпуск первый, Труды Центрального Статистического Управления.

Следовательно, современная численность населения России уменьшилась сравнительно с довоенной Россией на 46.833.055 чел. или на 26%.

Уменьшение это следует отнести за счет населения частей быв Рос. Империи, выделившихся в самостоятельные государства или вошедших в состав иностранных государств, а именно:

Финляндия	3.348.000 чел.
Эстония	1.750.000 „
Латвия	2.500.000 „
Литва	2.246.000 „
Польша	16.022.000 „
Карский округ	492.000 „
Бессарабия	2.213.000 „
Всего	28.571.000 „

Наиболее населенные города (по данным к концу 1920 г.): Архангельск - 45.300 чел., Астрахань—122.648, Владимир—23.427, Вологда—46.981, Брянск—34.779, Витебск—80.203 чел., Воронеж—92.773, Вятка—40.746, Гомель—61.092, Екатеринбург—69.591, Иваново-Вознесенск—58.105, Калуга—40.675, Кемь (Корельская трудовая коммуна) —3.630, Курск—48.825, Крамо-Кокшанск (Марийская область)—2.245, Москва—1.028.218, Н. Новгород—70.406, Новгород—2.410, Повенец (Олонецкая губер.)—1.887, Пенза—85.070, Пермь—74.104, Петроград—705.908, Псков—29.004, Рязань—41.454, Самара—175.633, Саратов—190.193, Великий Устюг (Северо-Двинская губ.) -16.213, Симбирск—77.248, Смоленск—56.826, Тамбов—67.205, Казань—146.495, Тверь—65.415, Тула—129.417, Уфа—93.056, Царицын—80.747, Челябинск—56.766, Череповец—13.786, Ченобксары (Чувашская область)—6.783, Ярославль—72.849, Ростов н/Д—176.770, Краснодар—143.137, Ставрополь—64.317, Барнаул—67.785, Енисейск—7.224, Иркутск—103.920, Омск—144.525, Томск—89.887, Тюмень—4.392, Акмолинск—10.035, Оренбург—108.876, Семипалатинск—43.965, Екатеринослав—164.200, Киев—365.737, Николаев—108.820, Одесса—434.857, Полтава—71.608, Харьков—28.435, Чернигов—30.101.

Различные сведения.

а) Сельское хозяйство.

Нижеприводимые цифры характеризуют положение сельского хозяйства в 1920 г. За неимением материалов более поздние цифры привести не представляется возможным. При этом следует также оговорить, что указываемые сведания не исчерпывают всей территории Р. С. Ф. С. Р., а лишь часть ее (см. таблицу на след. стр.).

б) Народное образование.

На 1 ноября 1920 года имелось в Европейской России:
Школ I ст.—65537, учащихся—4976115;
Школ II ступ.—3123, учащихся—629886.

	Число хозяйств.	Число голов.			Примечание.
		Лошадей.	Крупного рогатого скота.	Свиней.	
Европейск. Россия	11240258	12377417	19204543	5659095	
Северный Кавказ	694595	1329522	2147585	1189023	
Сибирь	1434184	4509783	80890	826660	
Крымская С. С. Р.	71912	141500	22102	19000	
Киргизская С. С. Р.	795267	1937859	3167941	352111	
Украинская С. С. Р.	—	3869100	6817200	533000	

ПОСЕВНАЯ ПЛОЩАДЬ:

	Посеяно в поле десятин.							
	Ржи.		Пшеницы.		Ячменя.	Овса.	Гречихи.	Картофеля.
	Озимой.	Яровой	Озимой	Яровой				
Европейск. Россия	12561196	64257	212899	5533455	1000843	5981797	734053	804873
Северный Кавказ	25177	9412	1505512	540537	825691	112080	7864	35678
Сибирь	457856	272661	7220	3157375	243231	1991917	35335	60603
Крымская С.С.Р.	8900	—	—	237000	192500	81100	—	1000
Киргизская С. С. Р. . .	53842	14638	13900	1769291	134654	420975	2858	8637
Украинская С. С. Р. . .	2882700	24800	2179600	2048000	3429400	1610700	897900	457400

в) Транспорт.

Железнодорожный. Нижеприводимая таблица дает сравнительные цифры длины дорог и наличия подвижн. состава в 1919 и 1920 г. г.:

НАЗВАНИЕ.	1919 г.	1920 г.
Эксплоатац. длина дорог	31710	48393
Количество паровозов	9982	14391
Количество вагонов:		
Товарных	220000	304000
Пассажирских	12301	17298

Количество перевезенных пассажиров в течение 1920 г. равнялось—95.525.700 чел.

Общее число служащих по всей железнодорожной сети составляло к концу 1920 г. 19,1 чел. на 1 версту.

Автотранспорт. К апрелю м. 1921 г. состояло на учете автомобилей 17618, из них на ходу 6852 (38,9%). К тому же времени мотоциклов было 4782 (из них на ходу 1857, т. е. 38,9%).

Таким образом, общее количество автомашин в начале 1921 г. равнялось 22400, из коих было на ходу 8700 (38.9%).

г) Почта и телеграф.

Общее количество почтово-телеграфн. учреждений в Республике в 1920 г. равнялось 5836, из них почтовых 1665.

Протяжение (к янв. м. 1920 г.) телефонных линий 35.700 вер. с 276800 аппаратами) в 1917 г. соответствующие цифры были: 10921 и 177615). Таким образом, по сравнению с 1917 г. телефонная сеть в 1920 г. увеличилась более чем втрое в отношении протяжения телеф. линий и почти в $1^1/_2$ раза по количеству аппаратов.

Телеграфных аппаратов в 1920 г. всего было: Клопфер—78, Морзе—3645, Юза—368, Уитстона—98. Бодо—128, Итого 4317, из них действующих—3865.

Почтово-телеграфных работников в 1920 г. было: квалифицированных—52173 (из них в У. С. К. А. и войсках состояло—10998 чел.) не квалифицированных 39777 (в УСКА и войсках 4914 чел.).

Сведения, характеризующие об'ем работы почты и телеграфа в 1919 г. в среднем за месяц, переслано: почтовой корреспонденции—39,739.000 шт. и телеграммы 6.889.000.

В 1920 г. почтовой обмен выразился в пересылке—2.420.042.000 отправлений за год.

д) Народное здравие.

По всей Европ. России к началу 1920 года имелось больниц 5190 с 169.906 коек. Движение заболеваемости за 1919 г. по 40 губ. Евр. России и железнодорожн. и водным путям: сыпным тифом—2134077, брюшным—232515, возвратным—216295, натур. оспой—171470, скарлатиной—37129, дифтеритом—30058. холерой—6791.

е) Внешняя торговля.

За 1920 г. привезено из за границы товаром общей сложностью—5.358272 пудов, вывезено 676.000 пуд.

В дальнейшем наша внешняя торговля продолжала расширяться и за первую половину 1921 г. соответствующими цифрами является привоза—11.969.007 пуд. и вывоза—2.602.863 пуд.

В 1914 г. вывоз России равнялся 771.639.000 пудам.

К статье Варфоломеева „Современная карта Р.С.Ф.С.Р.“

Сведения, помещенные в настоящей статье представляют собою отрывочные и далеко не полные данные о различных отраслях состояния Р. С. Ф. С. Р. Это естественно, так как только теперь, в условиях мирного времени, является возможным постепенно собрать и обработать различного рода сведения, к каковой работе в настоящее время и приступил центр.

Однако, потребуется определенный промежуток времени на ее выполнение и опубликование, после чего будет возможно располагать исчерпывающими материалами.

И. И. Глудин.

Вооруженные силы Германии.

Великая Европейская война 1914—1918 года неожиданно окончилась для Германского милитаризма полным поражением.

В своем стремлении к господству на континенте Европы и преобладающему положению в мире, Германия натолкнулась на Европейского полисмена—Англию. Целый ряд неблагоприятных политических для Германии комбинаций и недооценка вооруженных сил будущих противников привели Германию после геройческой борьбы к поражению. В подготовке к великой войне Германия не учла выступления Италии и Румынии на стороне своих врагов, еще более неожиданным для нее было вмешательство Соединенных Штатов. Не дооценили, сил противника, в особенности Англии и Соединенных Штатов.

Сломив германский милитаризм, Англия и Франция помимо уничтожения бывшей германской сухопутной армии и флота, постарались создать условия, при которых бы не могла вновь возродиться могучая германская армия. Они лишили ее всеобщей воинской повинности, отняли все современное вооружение, потопили флот, уничтожили воздушный флот и мозг германской армии—ее Большой генеральный штаб. Минувшая война показала, что современная война есть война всего народа и напряжения всех его духовных и экономических сил, она доказала, что к будущим войнам должен быть подготовлен весь народ и промышленность. Конечно, Германия, лишенная всего этого, не остановится на мертвой точке, в которой ее поставили победители, а напряжет все свои силы и германскую настойчивость и трудолюбие, чтобы вновь занять подобающее место среди народов мира. И на самом деле, Германия не отказалась от создания массовой армии и не остановилась на разрешенном ей Рейхсвере.

Германские монархисты не утратили еще веры в создание старой Кайзеровской империи. Рейхсвер—это лишь законный и открытый кадр будущей армии. Не нужно забывать, что в Германии почти

все взрослое мужское население принимало участие в прошедшей войне, прошло хорошую школу подготовки и получило богатый практический опыт войны. Необходимо лишь создание идейного центра для руководства этими силами и подготовка подрастающих поколений. Благодаря революции и острым классовым противоречиям, царящим в настоящее время в Германии, вся работа по сохранению и подготовке армии зиждется на классовой спайке и организационных способностях буржуазии и добровольческих началах. В настоящее время Германия покрыта целой сетью всевозможных ферейнов, бундов и фербундов, служащих для подготовки вооруженных сил страны, с одной, и для контр-революцион. работы монархистов—с другой стороны.

Опыт последней войны показал все усиливающееся значение техники в ведении войны. Лишенная вооружения и поставленная в положение невозможности производить его открыто, Германия без сомнения обратилась сейчас к отысканию новых средств и орудий борьбы.

Версальским договором общая численность армии определена в 100.000 человек в том числе 4.000 офицеров. Сверх того 300 медицинских и 200 ветеринарных врачей.

В армии разрешены лишь следующие роды войск: пехота, кавалерия, полевая артиллерия, пионеры, войска связи, обозные войска и санитарные части. Германии не разрешено иметь: тяжелую артиллерию, броне-части, самокатные, огнеметные и газовые части и воздушный флот. За соблюдением указанной нормы наблюдает междусоюзная комиссия. Помимо официальной армии, Рейхсвера (добровольческая армия мирного времени) в Германии имеются:

1) Подсобные вооруженные силы, профессиональная полиция.

2) Скрытые вооруженные силы и нелегальные милитаристические организации.

3) Союзы и организации воинствующего национализма.

4) Союзы и организации физической культуры и

5) Технические союзы и организации.

Организация постоянной армии мирного времени.

Закон об организации вооруженных сил Германии окончательно был проведен Рейхстагом 17 и 18 марта 1921 года.

По этому закону вооруженные силы состоят из:

1) Государственных сухопутных сил.

2) Государственных морских сил.

Высшее Военное Управление.

Верховный командующий вооруженными силами Германии является президент республики, которому подчинен министр Государственной обороны. Во главе сухопутных сил стоит начальник армейского управления (генерал), во главе морских сил—начальник В. Морского Управления (адмирал).

Местное Военное Управление.

Вся территория Германии разделена на 7 военных округов, объединенных в 2 группы. 1-й группе, в Берлине, подчинены округа:

1) Кенигсберг, 2) Штетин, 3) Берлин и 4) Дрезден.

2-й группе, в Кесселе, подчинены округа:

5) Штутгарт, 6) Мюнстер и 7) Мюнхен.

Во главе групп стоят главнокомандующие группами, а во главе округов—начальники пехотных дивизий.

Рейхсвер.

Организация Рейхсвера началась в 1919 году из остатков старой армии и закончилась в 1921 году.

В продолжении двухлетнего существования Рейхсвер несколько раз сокращался, пока не достиг установленной нормы. При этих сокращениях в армии был оставлен наиболее пригодный по физическим и нравственным качествам материал с отличной подготовкой и большим боевым опытом.

Армия.

Сухопутные вооруженные силы состоят из:

7-ми пехотных дивизий и

8-ми кавалерийских дивизий.

Состав пехотной дивизии.

1) Штаб дивизии. 25 офицеров и 70 солдат.

2) Штаб начальника пехоты. 4 офицера и 30 солдат.

3) Штаб начальника артиллерии. 4 офицера и 30 солдат.

4) 3-х пехотных полков, каждый в составе

а) штаба полка

б) 3-х баталионов в составе штаба баталиона, 3 стрелковых рот и одной пулеметной в каждом б-не. Стрелковая рота состоит из 3 взводов. В состав 1-го взвода входит—2 стрелковых отделения, 2 отделения легких пулеметов, по 3 легких пулемета в каждом и отделение связи, 2-й и 3-й взводы из 3-х стрелковых и 2 пулеметных отделений (групп). Всего в роте 3 офицера, 25 унтер-офицеров и 130 солдат*).

Пулеметная рота состоит из 4-х взводов тяжелых пулеметов; взводы по три пулемета. 4-й взвод сопроводительный (облегченный). В 3-ем баталиона пулеметная рота трех взводов.

Всего в роте 4 офицера—23 унтер-офицера и 102 солдата.

в) Учебный баталион. Из 3 рот, для обучения молодых солдат.

*) В одном из трех полков дивизии один из баталионов называется егерским, по своей организации и снаряжению он несколько отличается от пехотного баталиона и приспособлен для действия в героях.

г) Минометная рота в составе 5 взводов. Первые 3 взвода по 3 легких минометa, 4-й—3 средних минометa и 5-й из 2-х отделений— наблюдателей и связи. Всего в роте 6 офицеров—26 унтер-офицеров и 123 солдата.

Всего в полку офицеров 71, унтер-офицеров 435, солдат 2003, врачей и чиновников 10, служащих 11.

5) Артиллерийского полка в составе:

а) штаба полка

б) 3-х артиллерийских дивизионов, по 3 батареи 4-х орудийного состава, из коих 1-я батарея вооружена 4-мя полевыми пушками Е. К. 16., 2-я—4-мя полевыми гаубицами и 3-я специального назначения, а именно:

3-я батарея 1 го дивизиона вооружена 4-мя орудиями, сопровождающими пехоту„—батареи пушек пехотной дивизии". 3-я батарея 2-го дивизиона называется „батареей наблюдения": производит метереологическую службу и определяет при помощи звука и света дистанции. 3-я батарея 8-го дивизиона вооружена автоматами-пушками 77 м/м и должна бороться с самолетами и танками.

Всего в артиллерийском полку 85 офицеров—1300 солдат.

По Версальскому договору число орудий германской артиллерии не должно превышать 240 пушек 77 м.м. и 84-х гаубиц 105 м.м, а запас боевых припасов ограничен 1000 снарядов на пушку и 800 на гаубицу;

в) легкого артиллерийского парка и

г). запасной батареи.

6) 1-й эскадрон дивизионной конницы: 6 офицеров, 150 солдат.

7) Пионерный баталион в составе: пионерной роты, пионерной колонны, мостового па ка и прожекторного отделения.

Всего в баталионе 12 офицеров, 300 солдат.

8) 1-го баталиона связи 2-х ротного состава—телеграфной, работы слухачей из 2-х отделений подслушивания, радиотелеграфной и одного отделения голубиной почты.

9) Паркового и обозного отряда—4 роты конной тяги и 3 авто-роты.

10) Санитарный отряд.

В каждой дивизии один баталион егерский, одет в черное обмундирование. В каждом полку одной из рот приданы самокаты.

Эта организация немного противоречит пунктам Версальского договора: роты самокатчиков не разрешены; нельзя иметь 3-х инженерных рот, а только 2; разрешена только 1 телефонная рота и 2 роты связи.

Всего в дивизии 410 офицеров, 10830 солдат.

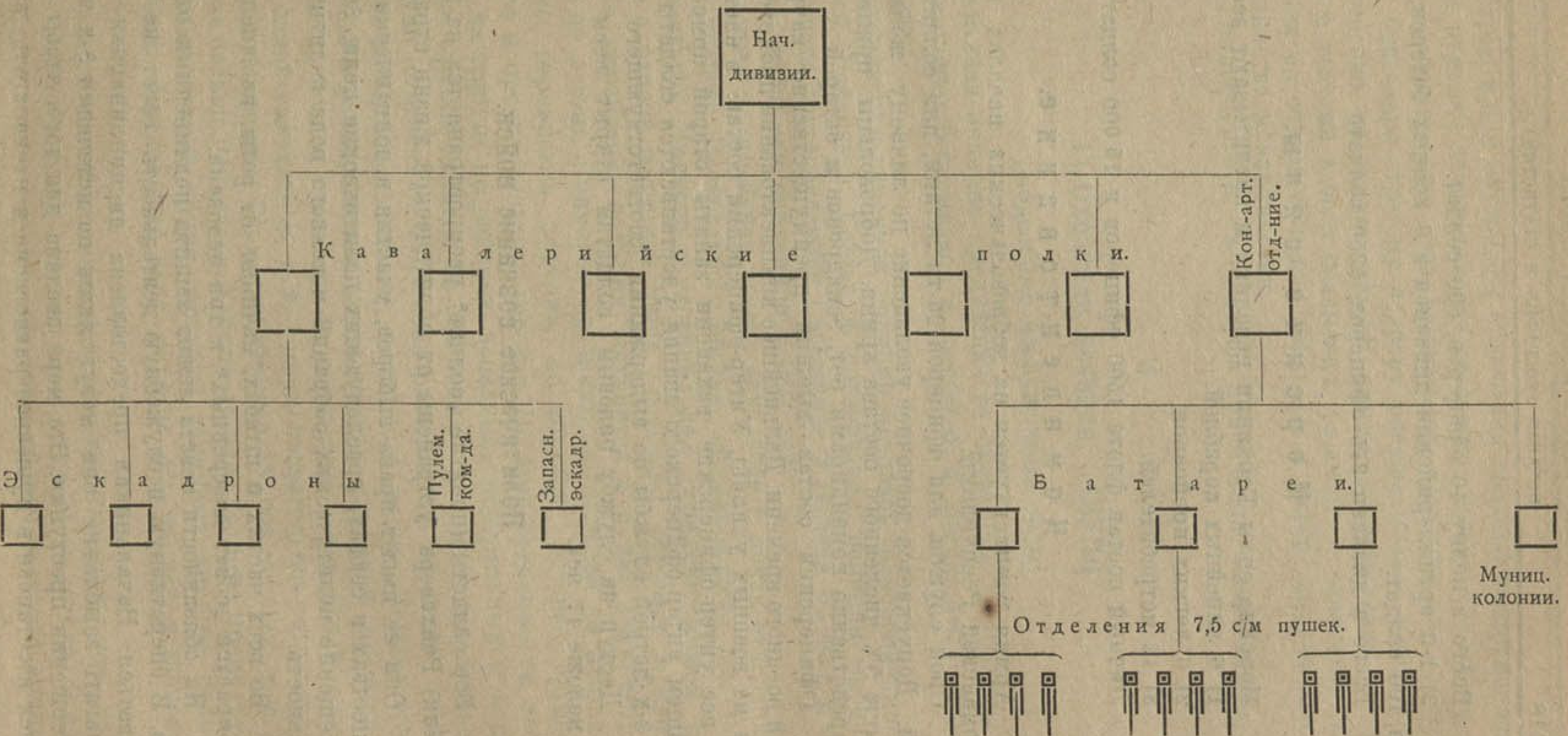
Состав кавалерийской дивизии.

1) Штаб дивизии—15 офицеров, 50 солдат.

2) 6 кавалерийских полков 4-х эскадронного состава.

СХЕМА № 2.

организации кавалерийской дивизии германского Рейхсвера.



Всего в полку 40 офицеров, 800 солдат.

3) 1-й артиллерийский дивизион в 3 конных батареи, 20 офицеров, 400 солдат.

Всего в дивизии 275 офицеров, 5250 солдат.

Морские силы.

Морские силы Германии невелики и насчитывают всего лишь:

1) 6 линейных кораблей.

2) 6 легких крейсеров.

3) 12 истребителей.

Личный состав флота 1500 офицеров и 15.000 солдат.

Комплектование.

Армия комплектуется на добровольческих началах из граждан Германской Республики.

Срок службы для офицеров 25-ти летний, для солдат 12-ти летний. Допускается досрочное увольнение по личному желанию, но не свыше 5% численного состава армии. Добровольцы принимаются непосредственно командирами рот, эскадронов и батарей.

Офицерский состав—высший преимущественно кадровый, низший военного времени. Дальнейшее комплектование происходит выпуском из военных училищ. Унтер-офицерский состав: в настоящее время все унтер-офицерские вакансии заняты старой армией. В дальнейшем унтер-офицерского звания удостаиваются солдаты лишь после 3-х летней службы по выдержании соответствующего испытания.

Доступ на службу рядовым солдатам открыт всем гражданам не моложе 17 лет.

Политическое сознание войск.

Все солдаты (понятие „солдат“ распространяется на всех членов армии) Рейхсвера устранены от политической жизни страны.

Они не имеют права выборов, участия в политических партиях, обществах и союзах, преследующих политические цели. Запрещается посещение политических собраний и всякого рода политическая деятельность.

Во всех частях и штабах, начиная от роты, из числа рядовых избирается „совет доверенных“ в три человека.

На обязанности совета лежит защита подчиненных от начальников. В оперативную и служебную деятельность совет не может вмешиваться. Начальникам предоставлена дисциплинарная власть, но налагать взыскание они могут лишь по истечении 3-х часов после совершения проступка. Эта мера введена для того, чтобы начальник успел восстановить душевное равновесие и не налагать взыскание в пылу гнева.

В строю и при служебном положении солдаты беспрекословно исполняют приказы начальников. Отношения между солдатами и офицерами товарищеские. Это достигается совместными спортивными играми; благодаря строгому подбору рядовых солдат офицерами, преимущественно из солдат старой армии; воспоминания о прежней службе и участии в боях связывают рядового с офицером, влияние последних на солдат большое. Офицеры и унтер-офицеры настроены в большинстве монархически.

В Гинденбурге и Людендорфе армия видит своих национальных героев.

II.

1) Охранная полиция „ШУПО“.

(Подсобные вооруженные силы).

Охранная полиция предназначена преимущественно для подавления крупных беспорядков и восстаний и для защиты государственной власти.

Организация охранной полиции началась одновременно с организацией Рейхсвера. Состав и организация полиции окончательно установлены постановлением Совещания в Булони в 1920 г. и Лондонским ультиматумом союзников в 1921 году.

Высшая полицейская власть находится в руках отдельных союзных государств. Центрального органа, об‘единяющего всю полицию, не существует. Министр внутренних дел Германии можем распоряжаться охранной полицией лишь с согласия союзных правительств Местное управление полиции находится в руках административной власти на местах. Примером организации полиции на местах может служить берлинская полиция, по образцу которой организована полиция и прочих больших городов. По этой организации весь город разбит на группы по районам: западный, центральный и т. д., всего 6 групп. Группа делится на отделения—от 2-х до 4-х и одного конного депо (отделения). Отделения разбиваются на сотни, от 7 до 4-х одна из сотен автомобильная, остальные пешие. Помимо групповых отделений в распоряжении командования охранной полиции города имеется: 1) Особое отделение из 2-х пеших сотен, одной автомобильной и одной самокатной, и 2) воздухоплавательное отделение. Всего охранной полиции в Германии имеется 133.000 человек, т. е. почти в $1^1/_2$ раза больше Рейхсвера. Укомплектована полиция преимущественно офицерами старой армии, которые занимают высшие полицейские должности. Предельный срок службы 45—55 лет, в зависимости от должности.

Низший состав полиции (стражники) комплектуется добровольцами в возрасте от 18—24 лет. Срок службы 12-летний. В настоящее время большинство стражников унтер-офицеры старой армии.

В частях полиции установлена суровая дисциплина, что при наличии казарменной жизни почти ничем не отличает их от воинских частей. Полиция так же, как и Рейхсвер, лишена политических прав.

III.

Скрытые вооруженные силы.

1) Скрытое вооружение армии.

Контрольными комиссиями союзных государств к 1 мая с. г. было из'ято:

50.000 орудий, 33.000.000 снарядов, 100.000 пулеметов, 5.000.000 винтовок, 400 миллионов патронов, 15.000 аэропланов. В настоящее время могли остаться лишь небольшие тайные склады оружия.

2) Оружие, находящееся на руках у гражданского населения.

Во время демобилизации и разложения германской армии большое количество оружия было продано и унесено по домам. По подсчетам французов на руках гражданской самообороны имеется 2.500.000 винтовок, 10.000 пулеметов, а количество всего спрятанного оружия доходит до 4.500.000 винтовок и 80.000 пулеметов.

3) Скрытые вооруженные организации.

Несмотря на уничтожение Генерального Штаба, офицеры Генерального штаба остались и не подлежит сомнению, что они об'единены в тайные общества и работают над созданием германской армии.

4) Вооруженные гражданские союзы и милитаристические организации.

Гражданская самооборона организована следующим образом. В деревнях и местечках из местного населения образованы группы (взводы), вооруженные винтовками, пулеметами и гранатами. Группы об'единены по районам (волостям) в более крупные отряды (роты, баталионы). Уезду соответствует полк или бригада, провинции (округ)— дивизия или корпус.

Председатель местного уездного комитета самообороны обязан следить за формированием и пополнением рот. Все члены самообороны—местные жители, живут у себя дома, перемещения в другие части и провинции, таким образом, исключены.

В каждой деревне—местечке устанавливается сборный пункт и два сигнала для тревоги—один звуковой (выстрел, звон колокола) и другой беззвучный (световой сигнал, самокатчик, телефон и др.). По тревоге члены самообороны, с оружием в руках и двухдневным запасом продовольствия, собираются на сборных пунктах.

Тревоги предусмотрены трех степеней готовности: 1) на случай местных беспорядков, 2) крупных восстаний и 3) защиты страны от внешних врагов.

На каждый случай тревоги всякая часть имеет определенную боевую задачу. В каждом районе детально разработаны меры охраны, связи и обороны.

Во главе самообороны провинции стоит провинциальный комитет из представителей политических партий, за исключением независимых и коммунистов. Между различными самооборонами отдельных провинций с внешней стороны связи нет; но, имея в виду, что руководители являются членами Оргеша, который охватывает Германию, несомненно, что связь между всеми ими обеспечена.

Гражданские самообороны можно считать резервами Рейхсвера.

Численность гражданских самооборон в Германии около 500.000 человек.

Наиболее многочисленны самообороны баварские, где численность их доходит до 400.000 человек. Возникли гражданские самообороны отчасти по распоряжению правительства для подавления революции, отчасти по инициативе частных лиц и контр-революции. В 1919 году доктору Эшериху удалось об'единить гражданские самообороны Баварии в одну крупную милитаристическую организацию, баварский „Эйнвонервер". Эйнвонервер был узаконен баварским правительством и представляет собою армию в 4 раза большую рейхсвера. Личный состав эйнвонервера комплектуется преимущественно из крестьян и мелкой буржуазии, связанной интересами сохранения частной собственности.

Внутри баварского эйнвонервера нашли себе приют временные добровольческие баталионы южной Германии (около 42) и баварские фрейкоры (Оберланд и Эстеррейхер). Первые преимущественно состоят из реакционного студенчества и старого офицерского состава. В боевом отношении эти организации стоят очень высоко. Некоторые фрейкоры существуют под видом рабочих артелей и распределены мелкими партиями по имениям и уездам в качестве лесничих, сторожей и т. п.

Восточно-прусские самообороны и пограничные охраны менее многочисленны и сплочены (40.000) и представляют из себя национально-монархические организации.

По постановлению лондонского ультиматума эйнвонервер и прусская самооборона оффициально были расформированы и разоружены в 1921 году, но можно предполагать, что достаточное количество оружия для этих организаций сохранено, и в нужную минуту они могут воскреснуть.

IV.

Союзы и организации воинствующего национализма.

1) Оргеш.

Оргеш—организация воодушевленная идеями восстановления национального могущества, борьбы с коммунизмом и реванша за понесенное поражение. Организатором и руководителем оргеша является

глава баварского эйнвонервера, доктор Эшерих. Оргеш является мощной организацией не только политической жизни, но и реальной военной силой.

Членами оргеша состоят как отдельные лица, так и целые организации. Соответственно административного деления страны, оргеш имеет свои отделы и под'отделы в отдельных государствах, провинциях и уездах.

Оргеш так же, как и гражданские самообороны, запрещен лондонским ультиматумом, но ликвидация оргеша не коснулась обществ и союзов, входивших в оргеш в качестве членов его, благодаря чему ликвидация оргеша, в смысле разоружения милитаристических организаций, реального значения не имеет.

2) Офицерские союзы.

После окончания войны в Германии насчитывалось до 34.000 кадровых офицеров и 190.000 офицеров военного времени. В период демобилизации армии, с целью материального обеспечения оказавшихся без службы офицеров, возник германский офицерский союз. Ныне этот союз насчитывает до 100.000 членов.

В Пруссии был основан национальный союз германских офицеров с задачей сохранения старых традиций германского офицерства. Большое число полковых офицерских союзов представляет собою продолжение полковых офицерских собраний.

Подобные же организации бывших солдат существуют под названиями „полковых ферейнов“ и „союзов бывших фронтовиков“.

3) Об'единение запасных и отставных солдат в „союз воинов“ существовало уже давно и ныне опять возобновилось, что, конечно, будет иметь влияние на подрастающее поколение.

4) Союз студенчества об'единяет 140.000 студентов. Союз преследует национальные цели и восстановление Германии.

V.

Союзы и организации физической культуры.

В Германии и раньше спорт имел большое значение. Ныне же, с уничтожением всеобщей воинской повинности, на спорт смотрят, как на подготовку будущих воинов.

Предполагается даже введение спортивной повинности. Благодаря широкому развитию и высокой постановке спорта в рейхсвере, последний ежегодно выпускает 2000—3000 учителей спорта. Для распространения и выработки новых лучших методов спорта основана „высшая школа физической культуры“.

VI.

Технические союзы и организации.

Как уже указывалось выше, Германия, лишенная вооружения и технических средств борьбы, направила поиски к изобретению новых

средств и орудий борьбы, которые могли бы уравнять ее в техническом отношении с армиями других стран.

Для об'единения технических сил созданы всевозможные технические союзы, и для об'единения изобретателей создан „германский институт изобретателей". Уже сейчас в области изобретений Германия далеко шагнула вперед во всех областях техники.

Заключение.

В общем, защита Германии, благодаря ряду подсобных и скрытых военных организаций, поставлена хорошо.

В военное время Германия может выставить армию численностью от $2^1/_2$—$3^1/_2$ миллионов человек. Эта армия будет ощущать большой недостаток в современных средствах вооружения: тяжелая артиллерия, авиация и др., но германские изобретатели стремятся устранить этот недостаток изобретением новых орудий борьбы—яд, газ и друг.

В начале войны немцы предполагают вести малую войну 2-3 месяца, дабы оттянуть время и дать возможность организовать армию и промышленность для военных целей. Как для организации армии, так и промышленности данные имеются.

Германские военные круги, несмотря на ограничения своей армии и превосходство французской смотрят спокойно на вторжение в пределы Германии.

За последнее время в Германии обострилась классовая борьба и усилился под'ем националистического и монархического движения, в особенности в Баварии.

Г. Эрман.

Польша и ее вооруженные силы.

I.

Современную Польшу составляют бывшее царство Польское, Познань, части Западной и Восточной Пруссии, Галиция, большая половина Белоруссии и часть Верхней Силезии. Территория ее равняется 374.000 квадр. километров. Численность населения согласно переписи 1921 года около 27 миллионов.

По плотности населения, составляющего в среднем 72 жителя на 1 кв. километр., Польша, значительно превосходит Европейскую Россию, где на 1 кв. километр приходится всего лишь 25 жителей, почти равняется Франции, где на 1 кв. километр приходится 74 жителя, но уступает Германии, имеющей на 1 кв. километр 120 жителей.

Национальный состав населения Польши следующий:

Поляков	примерно	14.500.000	или	54%.
Русинов и белоруссов .	"	7.500.000	"	28%.
Евреев	"	3.000.000	"	11%.
Немцев	"	1.500.000	"	$5^1/_2$%.
Прочих национальностей	"	500.000	"	$1^1/_2$%.
Всего		27.000.000.		

Если рассматривать коренные польские области, пока без Верхней Силезии, то Польша является страной преимущественно сельскохозяйственной, правда не в такой степени, как Россия, Югославия и Болгария, но все же в большой степени чем западные Европейские государства. Вот несколько цифр для характеристики: в бывшем Царстве Польском заняты сельским хозяйствам 57% всего населения, а 43% заняты промышленностью, торговлей и другими отраслями труда. В бывших прусских областях эти цифры 52%—земледельцы и 48—остальные отрасли труда, в Галиции 73% и 27%, Белоруссии 70% и 30%. В среднем около $^2/_3$ или 65% населения Польши занято сельским хозяйством. Если сравнить Польшу с Россией, то здесь почти 75% занимается сельским хозяйством и только 25% остальными отраслями труда. В Германии же наооборот, только 29% населения занимается сельским хозяйством, а в Англии всего лишь 12%. Как видно из приведенных цифр, Польша в отношении сельского хозяйства занимает среднее положение между Европейскими государствами.

Что касается землепользования, то значительной частью ее владеют помещики. По статистическим данным в бывшем Царстве Польском помещикам принадлежит около 40% земли, крестьянам 60%, в Галиции помещикам 35%, крестьянам 65%, а в Познани помещикам 45% и крестьянам 55%.

Помещики в большинстве случаев сами ведут свое хозяйство, пользуясь наемным трудом и только в редких случаях сдают землю в аренду крестьянам. Это обстоятельство, в связи с наличием большого количества безземельных и безработных, способствовало росту сельско-хозяйственного пролетариата, т. п. батраков. В бывшем Царстве Польском их насчитывалось около 2.000 000.

Если мы посмотрим на положение крестьян, то бросается в глаза их малоземелье.

Так из 3.000.000 крестьянских хозяйств в Польше только около $^1/_3$ обеспечено землей, $^2/_3$ же хозяйств страдает малоземельем, при чем значительная часть этих хозяйств (более одной трети) владеет участками менее $1^1/_2$ десятин. Понятно, что такие участки являются для их владельцев—полупролетариев лишь незначительной подмогой, источником же существования являются заработки, большею частью у крупных землевладельцев—помещиков.

Рабочих в Польше со всеми присоединенными областями при нормальном состоянии промышленности может быть примерно 3.500.000,

что составляет $^1/_8$ часть всего насееления. Главная масса их концентрируется преимущественно в Верхней Селезии, Тешинской области и в Варшавском, Лодзинском и Домбровском районах. Меньше всего рабочих в польской части Белоруссии, всего лишь 2%. В данное время при застое в промышленности численность рабочих значительно меньше.

Остальные классы населения, как то: трудовая интеллигенция, чиновники, купцы, помещики, фабриканты и духовенство составляют в быв. Царстве Польском около 23%, в бывших Прусских провинциях около 24%, а в Галиции—около 18%.

Экономическая жизнь: Как уже указано выше, сельское хозяйство является главным видом занятия польского населения. Незначительное количество неудобной земли и равномерное распределение производительной площади одинаково благоприятствует развитию всех отраслей сельского хозяйства: земледелия и лесного хозяйства, а также животноводства. Площадь пахотной земли в Польше составляет около половины всей площади *) из которой при нормальных условиях ежегодно засеивается более 60%, площадь лесов около $^1/_4$ и лугов и пастбищ $^1/_6$ всей площади, остальная площадь, примерно $^1/_{12}$ приходится на долю неудобной земли.

Наибольшего развития сельское хозяйство достигло в польских областях, принадлежавших ранее Германии, так например, хотя бы в отношении хлеба, имеющиеся статистические данные за 1913 год говорят, что в этих областях на едока производилось хлеба 769 килограмм, в то время когда в бывшем Царстве Польском производилось 282 килограмма и в Галиции 221 килограмм. Для сравнения укажем, что в Германыи соответствующие цифры были 297 килограмм и в России—331 килограмма.

В общем итоге по производству ржи и пшеницы Польша при нормальных условиях может близко подходить к Германии, по сбору картофеля занять второе место после Германии, а по сбору свекловицы она лищь немногим уступает Европейской России.

В результате, Польша при нормальных условиях может быть обеспечена собственным хлебом, (заменяя недостаток зерновых хлебов картофелем) но после понесенного от войны разорения, нуждается в подвозе хлеба из за границы.

Животноводство в Польше также было весьма развито. Сравнительно, по числу лошадей Польша в современных границах превосходила Германию, но уступала России. Рогатого и мелкого скота в Польше, относительно, было меньше, чем в России, но свиноводство в ней было развито более сильно. Война разорила быв. Царство Польское и Белоруссию и подорвала как коневодство, так и скотоводство, в особенности в пригараничной полосе—в Литве и Белоруссии и в Восточной Галиции. То и другое сократилось более, чем на $^2/_3$. По

*) В 1919 и 1920 годах было обработано немногим больше $^1/_3$ всей площади—вместо $^1/_2$.

имеющимся сведениям в Польше вместо имевшихся до войны 6.800.000 лошадей в 1921 году насчитывалось только 2.000.000, вместо 13.600.000 рогатого скота—5.000.000, вместо 8.800.000 свиней 2.300.000 и вместо 7.000.000 овец всего лишь 1.000.000.

Что касается лесов, то, как уже указывалось выше, в Польше под лесами находится около 1/4 всей площади, точнее 23%, что составляет на одного жителя 0,35 гектаров *). В сравнении с другими государствами Польша уступает Финляндии, где леса занимают 46% всей площади, Швеции (47%), Германии (26%), Болгарии (30%) и Европейской России (33%).

Но Польша является страной не только сельско-хозяйственной, но и промышленной. Она унаследовала от России, Германии и Австрии довольно сильно развитую промышленность, в особенности в некоторых ее отраслях.

От России Польша переняла созданную по последнему слову техники текстильную промышленность Лодзинского района, стекольную промышленность и угольные копи в Домбровском бассейне, железные рудники, доменные печи и стекольные заводы, преимущественно в Сосновицком районе, а также фабрики для переработки сельско-хотяйственных продуктов, как например, 44 сах. завода и свыше 1400 винокуренных заводов.

От Австрии к Польше перешел Босточно-Галицийский нефтяной район, угольные копи в Краковском районе и копи „Силезия" в Тешинском районе, несколько цементных фабрик и свыше 850 винокуренных заводов.

В отошедший к Польше части Пруссии (Познань и части Западной и Восточной Пруссии) из имеющихся там предприятий,—215 приходится на железо и металло-обрабатывающие заводы, 7 стекольных заводов, 359 лесопильных заводов, 297 кирпичных заводов и свыше 750 винокуренных заводов.

Текстильная иромышленность. Лодзинского района располагала в 1914 году свыше 2.391.000 веретен и 7.100 механических и ручных ткацких станков с числом рабочих в 170 тысяч. Около 70% производства текстильной промышленности вывозилось в Россию. В настоящее время эта промышленность переживает кризис перепроизводства и ищет выхода опять на русский рынок. Кроме того, Лодзинские промышленники заинтересованы в получении Туркестанского хлопка и шерсти из России, вместо дорогого американского и английского сырья.

Копей каменного и бурого угля имеется в настоящее время в Польше всего 66, из них бурого угля 9. Добыча угля в этих копях достигла в 1913 году при 31.000 рабочих около 9.000.000 тон **). В 1920 году число горнорабочих было увеличено до 41.000, а добыча

*) 1 гектар равняется 0,9153 десят. или 2,47 акра.

**) 1 тонна=61,048 пуд.

составила только 6.600.000 тон. Добываемый в Польше уголь дальнейшей переработки в кокс и другие угольные продукты не подвергается. Добыча угля, по мнению польской прессы, не удовлетворяет потребности польской промышленности (около 1 миллиона тонн в месяц), недостающий уголь ввозится в Польшу главным образом из Верхней Силезии и Чехо-Словакии. После присоединения к Польше признаной за ней части В. Силезии получится большой избыток угля, который уже сейчас чувствуется и весьма тяжело отозвался на каменоугольной промышленности Домбровского бассейна, не могущей выдержать конкуренции. В особенности это касается копей бурого угля, которые уже приостановили выработку и в этом отношении польские промышленные круги видят единственный выход в русском рынке.

Выплавка чугуна и мартеновское производство в бывшем царстве Польском было довольно значительно и составило 541.000 тонн железа и мартеновской стали в 1913 году при 13 доменных печах с 18.900 рабочими. В 1920 году производство упало до 69.000 тонн с 10.300 рабочих. Об'ясняется это, отчасти, тем, что польские доменные печи выплавляли чугун из высоко-качественной нашей Криворожской руды. Такое же падение производства отмечается в цинковой и свинцовой промышленности, так в 1913 году в 4 заводах с 2.200 рабочих выработка составляла 22.000 тонн цинка и 4.000 тонн свинца, а в 1920 году в 3-х заводах с 1.500 рабочими только 4.000 тонн цинка и 1.000 свинца.

Металлообрабатывающаяся промышленность всей Польши, занимающаяся производством различного рода железных, жестяных и проволочных изделий, машиностроением, фабричными установками и т. д. давала до войны работу около 80 тысяч рабочих, сейчас же восстановлена в размере около 50%*). Особо важное значение имеет для Польши нефтяная промышленность в Восточной Галиции, но тут замечается падение добычи. В 1913 году, добыча нефти при 7.200 рабочих достигла 1.114.000 тонн. В 1919 году, когда число рабочих увеличилось до 9.600, добыча составила только 840.000 тонн. В 1921 г. отмечается дальнейшее падение добычи.

Цементная промышленность Польши сосредоточена в настоящее время на 12 заводах с 3.500 рабочими. Производительность этих заводов, составлявшая в 1913 году около 33 миллионов пудов, сейчас упала до 9 миллионов пудов.

Кроме уже принадлежащих Польше промышленных предприятий, к ней, согласно Женевского решения о разделе Верхней Силезии, переходит: 67 угольных копей с добычей в 1913 г. 32.8 миллионов тонн, а в 1920 году 23.8 миллионов тонн (количество рабочих составляло в 1920 году 136.000 человек), 24 доменных печей, 12 чугунно-литейных заводов, 5 сталелитейных, 6 сталеделательных, 3 пудлинго-

*) В довоенное время в царстве Польском из русского железа и чугуна вырабатывали более высокие сорта железа и стали, а также различные изделия для той же России.

вых и 6 прокатных, с общей выработкой в 1920 году 407.000 тонн чугуна, 667.000 тонн мартеновского железа и 28.000 тонн стали, 13 цинковых заводов с 6-ю цинковыми и оловяными рудниками.

Кроме того, электростанция, снабжающая энергией всю промышленную область с 800 рабочих и азотная фабрика в Хоржеве с 3000 рабочих.

Политическая жизнь: К моменту создания современной Польши, т. е. к концу 1918 г., когда в Австрии, а затем в Германи вспыхнула революция, социальные группировки в Польше значительно изменились по сравнению с периодом до военным, а именно: значительно усилилось влияние крестьянства. Рабочий класс во время мировой войны почти распылился и потерял свои организационные связи. Значительная часть эвакуировалась в Россию, часть ушла добровольно или принудительным порядком на работы в Германию. Чрезвычайно влиятельная буржуазная реакционная Партия Народных Демократов во главе с Романом Дмовским, фактически руководившая и руководящая и сейчас иностранной политикой Польши, к моменту создания независимо польского государства оказалась без организованных связей.

Таким образом, благодаря сложившейся тогда революционной обстановке и национальному под'ему, во главе государства оказались социал-патриотическая партия П. П. С. и б. ее вождь, теперешний Начальник Польского Государство Иосиф Пилсудский, организовавший во время мировой войны легионы против России. Группирующиеся вокруг Легионов и Пилсудского люди являются представителями польской мелкобуржуазной и демократической интеллигенции. Крестьянские партии, в общем, поддерживали Пилсудского в общей борьбе с буржуазно-реакционной партией Н. Д.

Февральские выборы (1919 г.) в Учредительный Сейм дали, по вышеуказанным причинам, крестьянское большинство. Н.Д. оказались в меньшинстве. Левая часть сейма ведет постоянно борьбу с правой частью за влияние над крестьянским большинством, прошедшим весьма слабую политическую школу. Эти крестьянские депутаты частью находятся под влиянием клерикалов, частью под влиянием националистических демагогов. Единодушие среди них обнаруживается в вопросах, непосредственно касающихся крестьянства. Коммунистическая партия выборы в Учредительный сейм бойкотировала.

Таким образом, при отсутствии большинсгва за какой либо общественной группой, нет возможности создания прочного правительственного большинства: кризисы кабинетов весьма часты и продолжительны. Законы проходят случайным большинством. Так, например, аграрная реформа прошла большинством одного голоса, а конституция 6-ти голосов. Вообще работа Учредительного Сейма малопродуктивна и не пользуется популярностью у населения. Положение усугубляется еще тем, что и в стране нет явного преобладания какой-нибудь социальной группировки. Хотя Народные демократы и руководят фактически иностранной политикой, но им не удается

№ 1.

Схема организации пехотной дивизии германского рейхсвера.

составить для себя правительственного большинства и захватить в свои руки армию, которая находится под идейным и фактическим руководством Пилсудского.

Утвержденная Сеймом 17 марта 1921 года конституция является также продуктом случайного реакционного большинства. Согласно этой конституции, Польша является республикой во главе с президентом. Законодательная власть принадлежит Сейму и Сенату. Президентом республики может быть только поляк-католик, избираемый на 7 лет Сеймом и Сенатом. Католическая религия об'явлена государственной среди других равноправных религий. В школе обязательно религиозное обучение.

Принятая конституция, однако, еще не проведена в жизнь, ибо Учредительный Сейм еще не окончил своих работ. Выборов в новый сейм следует ожидать не ранее конца с. г. А пока во главе государства находится Учредительный сейм и Начальник Государства Иосиф Пилсудский, об'единяющий в своем лице и президента республики и Верховного Вождя Вооруженных сил Польши.

Государственное устройство. Исполнительным органом постановлений Сейма является правительство, организуемое Начальником Государства совместно с Сеймом.

Правительство составляет Совет Министров, во главе с председателем.

Законы, принятые Учредительным Сеймом, скрепляются подписями председателя Сейма, председателя Совета Министров и соответствующими министрами.

Министерств в Польской Республике 14: 1) Иностранных дел, 2) Внутренних дел, 3) Юстиции, 4) Промышленности и торговли, 5) Земледелия, 6) Охраны труда, 7) Почт и телеграфов, 8) Общественных работ, 9) Железных дорог, 10) Финансов, 11) Здравоохранения, 12) Военное, 13), Просвещения и 14) Бывших прусских провинций.

В административном отношении Польша разделяется на воеводства (губернии), старосты (уезды) и гмины (волости).

Земли, отошедшие от Германии, образуют воеводства Познанское и Поморское. Бывшие 9 губерний Царства Польского сведены в 5 воеводств: Белостокское, Люблинское, Варшавское Келецкое и Лодзинское. Галиция разделена на 4 воеводства: Краковское, Львовское, Тарнопольское и Станиславское. Из земель, отошедших к Польше по Рижскому миру, образовано 3 воеводства: Новогрудское, Полесское и Волынское.

Всего на территории Польши 14 воеводств. Воеводством управляет воевода, представитель Министерства Внутренних дел. При воеводе состоит совет из представителей уездных собраний, сеймиков, и представителей ведомств.

Во главе староства (уезда), стоит представитель Министерства Внутрдел Староста, при нем Сеймик (уездное собрание), избираемый представителями гмин (волостей).

Во главе гмины стоит войт и при нем гминный совет.

II.

Вооруженные силы.

Комплектование армии: В настоящее время в Польше действует временный закон о воинской повинности, утвержденный учредительным Сеймом 7 марта 1919 года.

Согласно этого устава, воинская повинность является всеобщей, личной и обязательной для всех граждан Польского Государства, причем поступление на службу может быть на общих основаниях по жребию или добровольно. Продолжительность службы 32 года, из которых 2 года в постоянной армии (от 20—до 22 лет), 8 лет в резерве (от 23—30 лет), 10 лет в краевой обороне (от 31—до 40 лет) и 12 лет во всеобщем вооружении (от 18 до 20 и от 41 до 50).

10-го января с. г. в сейм был внесен проэкт нового закона о всеобщей воинской повинности, одобренный сеймом в третьем чтении, предусматривающий службу в рядах войск 2 года (от 21 до 23 лет), 17 лет в резерве (до 40 лет) и 10 лет во всеобщем вооружении (до 50 лет), следовательно, 29 лет военной службы. Хотя до сего времени сведений о принятии и утверждении этого проэкта не поступало, но нет оснований сомневаться в том, что он будет утвержден.

Система комплектования территориальная. Вся территория Польши подразделена на 10 корпусных округов. Каждый корпусный округ пополняет известное количество войсковых частей, в среднем 3 пех. дивизии, 1 кавбригаду и соответствующее количество принадлежащих каждому корпусному округу технических и вспомогательных частей.

Комплектование унтер-офицерским составом Польской армии происходит из числа сверхсрочных, выразивших желание продолжать службу в постоянной армии, и добровольцев. Требования, пред'являемые к солдату для получения унтер-офицерского звания, весьма велики. Подготовка их производится в специальных унтер-офицерских школах, а во время войны производятся отличившиеся рядовые и окончившие учебные команды, существующие в военное время при запасных частях.

Срок службы унтер-офицера 12 лет. Унтер-офицерских чинов 5— старший солдат, капрал, взводный, сержант и штабной сержант.

Комплектование офицерским составом производится выпусками из военных училищ офицеров действительной службы, или же путем производства вольноопределяющихся, после годичной службы, в офицеры резерва.

Офицерских чинов—9: подпоручик, поручик, капитан (ротмистр), майор, подполковник, полковник, генерал-подпоручик, генерал-поручик и полный генерал (генерал-от-инфантерии, кавалерии и артиллерии).

Состав вооруженных сил Польши: Вооруженные силы Польши состоят из сухопутных и морских сил.

Сухопутные силы сведены в 30 пех. дивизий и 10 отдельных кавалерийских бригад и соответствующее количество технических и вспомогательных частей.

Морские силы состоят из морского флота и речного флота.

Морской флот состоит из 4 крейсеров, 3 канонерок, 8 миноносцев и 4 тралеров.

Речной флот составляет Вислинская флотилия в составе 19 пароходов.

Что касается численности армии, то новый проэкт закона о воинской повинности предусматривает состав мирного времени 250.000 человек. На самом же деле численность армии в настоящее время по примерному подсчету достигиет 300—350 тысяч человек.

На службе в настоящее время состоят родившиеся в 1901 и 1900 годах и часть родившихся в 1899 году, находящиеся в периоде демобилизации.

Устройство военного управления. Верховным начальником вооруженных сил в настоящее время является начальник государства Пилсудский. Согласно конституции, эта роль принадлежит президенту Республики, с той разницей, что последний не может принять на себя командования действующей армией во время войны, а назначает главнокандующего по представлению совета министров из кандидатов, предложенных военным министром.

При начальнике государства (президенте) в качестве совещательного органа существуе *военный совет,* являющийся в мирное время высшей военной инстанцией по всем вопросам о вооруженных силах Республики.

Военный совет подразделяется на большой и малый военные советы.

Большой военный совет является военным учреждением, регулирующим и направляющим деятельность органов военного управления. Его постановления в области основных законов, важных перемен и вооружении и в системе организации армии, влияющие и могущие повлиять на вооруженные силы и на подготовку к войне, являются общими директивами, направляющими деятельность военного министерства.

Состав большого военного совета следующий:

Председатель—президент Республики, члены: военный министр (1-й вице-председатель), 2) генерал, предназначенный во время войны в главкомы (2-й вице-председатель), 3) начальник генштаба, 4) тов. министра по военным делам, 5) оба заместителя начальника генштаба, 6) генералы, предназначенные во время войны на должности ко-

мандующих армиями и 7) 3 генерала, назначаемые ежегодно военным министром.

Малый военный совет в мирное время является руководящим органом в вопросах, касающихся подготовки к войне, составления оперативных планов по обороне страны и учета высшего командного состава, начиная с командиров полков и выше, и в то же время является кадром высшего полевого управления для военного времени.

Малый военный совет состоит из: 1) председателя, являющегося в мирное время товарищем председателя большого военного совета, а в военное время главнокомандующим всеми вооруженными силам Республики, 2) членов—армейских инспекторов—будущих командующих армиями в военное время. В настоящее время предусматривается образование 5 армий, каждая в составе войсковых частей 2-х корпусных округов, 3) членов—3-х инспекторов кавалерии—будущих командующих высшими кавалерийскими соединениями (дивизиями) в военное время, 4) генеральных инспекторов кавалерии и артиллерии, 5) тов. министра по военным делам, 6) начальника генерального штаба и двух его заместителей, причем 2-й заместитель является начальником бюро малого военного совета, последнее является кадром будущего генерального штаба действующей армии.

Армейские инспекторы в мирное время ведают инспектированием войск и служб тех территориальных соединений, которые на случай мобилизации должны составить соответствующую полевую армию. Они имеют при себе вспомогательный персонал, который при переходе на военное положение является кадром будущего штаба командующего армией.

Высшим исполнительным и руководящим военным органом в мирное время является *военное министерство* во главе с министром по военным делам.

Военный министр ведает основной организацией вооруженных сил, осуществляет мероприятия по усилению обороноспособности страны, отвечает за боевую подготовку армии и ее боевую готовность и ведает ее снабжением.

Военное министерство состоит из следующих частей: кабинет министра, генерального штаба, административного управления, генерального военного контроля и департаментов по основным родам оружия и службам (всего 10 департаментов).

В военно-административном отношении территория Польши разделена на 10 корпусных округов: 1) Варшавский, 2) Люблинский, 3) Виленский, 4) Лодзинский, 5) Краковский, 6) Львовский, 7) Познанский, 8) Торнский, 9) Брест-Литовский и 10) Перемышльский. Исполнительными органами мин. воен. дел на местах являются командования корпусных округов.

Во главе корпусного округа состоит командующий округом, подчиняющийся непосредственно военному министру и руководящий организацией расположенных на территории округа частей, их обу-

чением, подготовкой к призывам и мобилизации и снабжением всеми видами довольствия.

Управление корпусного округа состоит из: штаба, административного отдела и управления по родам оружия и служб (всего 9 управлений).

По мере необходимости корпусные округа подразделяются в административном отношении на административные районы отдельных служб (инженерной службы, санитарной службы, интендантской службы, юридической службы и т. д.).

Каждому корпусному округу непосредственно подчиняется определенное количество войсковых частей, в среднем 3 пех. дивизии, 1 кав. бригада и соответствующее количество технических и вспомогательных частей, учреждений и заведений.

Организация войсковых частей.

Пехота. Пехоты в польской армии 90 пехотных полков. Пехотный полк военного времени состоит из трех стрелковых батальонов, штабного батальона и запасного батальона.

Стрелковый батальон состоит из 3 стрелковых рот, 1 пулеметной роты и 1 взвода минометчиков или бомбометчиков.

Стрелковая рота состоит из 3 стрелковых взводов. В стрелковом взводе 4 отделения. В отделении звено фузильеров (с ручным пулеметом) и звено стрелков. Штатный состав роты—3 офицера и 215 рядовых.

Пулеметная рота состоит из 4 пулеметных взводов, по 2 тяжелых пулемета в каждом.

Взвод минометчиков или бомбометчиков состоит из 2 минометов или 2 бомбометов.

Штабной батальон состоит из роты специального рода оружия, технической роты и тяж. пулеметной роты.

Рота специального рода оружия состоит из 2-х взводов 37 м. м. ор., по 2 орудия на взвод, или 2 взводов минометов, или 2 взводов мортир, или же 2 смешанных взводов и 3-го взвода—резервная прислуга к орудиям; техническая рота состоит из 3-х взводов по 3 отделения в каждом взводе.

Состав тяжелой пулеметной роты такой же, как и в стрелковом батальоне.

Запасный батальон (подчинен К. К. О.) состоит из 3 запасных рот, запасной пулеметной роты, учебной роты и роты выздоравливающих.

Штатный состав пех. полка военного времени: 80 офицеров, 3182 рядовых и 486 лошадей.

Структура организации пехотного полка мирного времени такая же, как и военного времени, только вместо запасного батальона существует кадр запасного батальона.

Штатный состав полка мирного времени: 74 офицера, 1313 рядовых, 96 лошадей.

Кавалерия. Польская кавалерия делится на армейскую (уланы и шволежеры) и на дивизионную (конные стрелки). Состав первой—30 кав. полков (27 уланских и 3 шволежерских), а второй—10 конно-стрелковых полков, по одному на корпусный округ.

Уланский и шволежерский полк военного времени состоит из 4 строевых, одного пулеметного, одного технического и одного запасного эскадронов.

Строевой эскадрон состоит из 4 взводов по 3 линейных отделения и 1 ружейно-пулеметного отделения в каждом взводе. Штатный состав строевого эскадрона—5 офицеров, 219 рядовых и 209 верховых лошадей.

Пулеметный эскадрон—4 взвода, по 2 вьючных пулемета в каждом, и 2 взвода тяжелых пулеметов, возимых на тачанках.

Технический эскадрон—2 технических взвода.

Запасный эскадрон—команда новобранцев, пулеметная команда с 2 пулеметами и техническая команда, команда выздоравливающих и команда выездки лошадей.

Штатный состав кав. полка военного времени: офицеров 43, рядовых 1225, лошадей 1381, из них 1150 лошадей верховых.

Организация кав. полка мирного времени тождественна с приведенной, только вместо зап. эскадрона существует кадр запасного эскадрона.

Штатный состав кав. полка мирного времени: офицеров 38, рядовых 825, лошадей 858.

Конно-стрелковый полк военного времени состоит из штаба полка, который в военное время является инспекторским органом дивизионной кавалерии, трех конно-стрелковых дивизионов, придаваемых по одному каждой пехотной дивизии, и запасного эскадрона.

Конно-стрелковый дивизион состоит из 2 эскадронов и тяжелого пулеметного взвода.

Эскадрон состоит из 4-х линейных и 1 ружейно-пулеметного взводов.

Штатный состав конно-стрелкового полка: офицеров 43, рядовых 1508, лошадей 1582, из них верховых 1384.

Конно-стрелковый полк мирного времени состоит из штаба полка, 3 эскадронов, учебной пулеметной команды, полковой унтер-офицерской школы и кадра запасного эскадрона.

Штатный состав его: офицеров 30, рядовых 622 и лошадей 707.

Артиллерия. Артиллерия польской армии подразделяется на легкую (полевую, горную и конную), тяжелую, траншейную и зенитную.

Полевой артиллерии в польской армии 30 арт. полков, по числу пех. дивизий.

Легкий полевой арт. полк военного времени состоит из 3 дивизионов, по 3 четырех орудийной 75 м. м. батареи в каждом, и запасной батареи. Всего в легком арт. полку 36 орудий, из них 24 скорострпушки и 12 легких гаубиц.

Всего в легком арт. полку военного времени: офицеров 78, рядовых 1756, лошадей 1485, легких орудий 36, зарядных ящиков 36, пулеметов 18.

Организация легкого арт. полка мирного времени такая же, как и полка военного времени, только вместо запасной батареи существует кадр запасной батареи.

Штатный состав полевого арт. полка мирного времени: людей 1396, лошадей 655.

Горной артиллерии в польской армии—2 полка. Полки состоят из двух дивизионов по 3 четырех-орудийные батареи.

Организация батарей горной артиллерии такая же, как и полевой.

Конной артиллерии—10 конно-арт. дивизионов, по числу кав. бригад.

Конно-артиллерийский дивизион как военного, так и мирного времени состоит из 3-х четырех-орудийных батарей.

Всего в конно-арт. дивизионе военного времени: офицеров 25, рядовых 654, лошадей 698, орудий 12, пулеметов 2.

Тяжелая артиллерия сведена в 10 тяж. арт. полков, по 1 на корпусный округ. Полки по положению 3-х дивизионные, по 3 четырех орудийные батареи в каждом, но, ввиду недостатка материальной части, в настоящее время существуют в 2-х дивизионном составе. Вооружение: пушки—русская 42 лин., французская 10 см. и германская 10 см. и гаубицы—французская 15,5 см., русская 6 дм. и германская 15 см.

Организация тождественна с легкой артиллерией.

К тяжелой артиллерии относится еще т. н. „тяжелейший" арт. полк (тракторный), состоящий из 3-х дивизионов, по три (пока по 2) двухорудийных батареи.

Зенитная артиллерия. В польской армии имеется 1 дивизион зенитной артиллерии в составе 3-х батарей и 1-го прожекторного отряда.

В мирное время дивизион существует, как учебный.

Инженерные войска. Инженерных войск в польской армии -10 саперных полков, по одному на каждый корпусный округ, 1 мостовой батальон, 1 машинный батальон и 1 химический батальон.

Саперный полк состоит из 3-х саперных батальонов, по одному на пех. дивизию.

Саперный батальон состоит из 3-х саперных рот, саперной колонны, понтонной колонны и запасной роты.

Штатный состав саперного батальона военного времени: офицеров 27, рядовых 1451, лошадей 257.

Мостовой батальон имеет назначением сооружение тяжелых мостов. В военное время он состоит из 3-х мостовых рот, 1 роты речной флотилии и запасной роты.

В мирное время вместо 3-х рот имеет 2 роты и вместо запасной роты—кадр запасной роты.

Машинный батальон в мирное время служит школой для обучения специалистов и кадром для формирования прожекторных рот, подвижных электрических станций, буровых отрядов и насосо-фильтровых отрядов.

В состав его входят 2 прожекторных роты, 2 электро-технические роты, школа механиков и электро-техников, склады и электротехнические мастерские и кадр запасной роты.

В военное время он состоит из 6 прожекторных рот, 3-х электротехнических рот и складов и мастерских.

Технические войска. Технические войска польской армии составляют: войска службы связи, авиационные и воздухоплавательные части, броневые части и железно-дорожные войска.

Войска службы связи состоят из 10 телеграфных батальонов, по 1 на каждый корпусный округи и 3 радио-телеграфных батальонов, сведенных в 3 полка связи.

Состав телеграфного батальона мирного времени—4 телеграфных роты, 1 конно-телеграфная рота и кадр запасной роты с окружными телеграфными заведениями.

Организация радио-телеграфного батальона такая же, как и телеграфного батальона.

Авиационные части Польши временно сведены в 3 смешанных авиаполка. В состав авиаполка входит неопределенное количество разведывательных, истребительных и бомбардировочных (дневных и ночных) дивизионов, школа авиаприслуги, полковой парк с ангарным отделением, отделение обучения, радио-авиационный взвод, аэрофотографический взвод, военные метеорологические пункты и портовая команда.

Состав разведывательного авиадивизиона—2 эскадрилии, истребительного и бомбардировочного—по 3 эскадрилии.

Состав эскадрилии—10—12 самолетов.

Самолеты имеются разнообразных систем. Наиболее распространенные: Сальмсон, Ньюпор, Спад, Бреге и Вуазен.

Воздухоплавательные части состоят из пяти воздухоплавательных батальонов.

Воздухоплавательный батальон состоит из штаба батальона, 3-х воздухоплавательных рот, подвижного воздухоплавательного парка и запасной роты.

Воздухоплавательная рота состоит из привязного шара с прислугой и прикрытия.

Броневые части. Отряды бронированных автомобилей в мирное время сведены в учебные колонны бронемашин при автомобильных дивизионах.

В минувшую войну польская армия насчитывала три броневых дивизиона и 2 броневых взвода в составе 36 бронеавтомобилей.

В состав дивизиона входили 3 колонны бронемашин, по три броневика в каждой колонне.

Танков в польской армии насчитывается 3 батальона, по 2 танковые роты в каждом; предположено сформировать еще 2 танковых батальона. Рота состоит из трех боевых и одного ремонтного взводов. В боевом взводе 2 отделения по 2 танка и 1 танк командира взвода, в резервном взводе 8 танков—5 для замены выходящих из строя и 3 для подвоза на поле боя боевых припасов. Кроме того командир роты имеет 1 танк. Итого в роте 24 танка.

Бронепоездов в польской армии в настоящее время насчитывается 24. Бронепоезд состоит из штаба бронепоезда, дессантного отряда, подвижного состава и базы

Железнодорожных полков в польской армии 3, по 2 батальона в каждом. Кроме того имеется одна специальная рота и учебная жел-дор.линия.

В батальоне три роты по 4 взвода—1 машинный, 2 дорожно-мостовые и 1 телеграфный.

Вспомогательные войска. Вспомогательных войск в польской армии насчитывается: 10 обозных дивизионов, 10 автомобильных дивизионов, 10 дивизионов жандармерии, по 1 на каждый корпусный округ, и соответствующее количество санитарных, ветеринарных, интендантских частей и заведений, а также учреждений юридической службы.

Организация высших войсковых соединений. Как уже указывалось, польскую армию в настоящее время составляют 30 пех. дивизий и 10 отдельных кав. бригад, сведенных в 10 армейских корпусов.

Нормальный состав первоочередной пех. дивизии военного времени следующий: штаб дивизии, 3 пех. полка, 1 дивизионной конницы, легкий арт. полк, авиационные и воздухоплавательные части (не всегда), саперный батальон в составе 2-х сап. и 1 прожекторной роты, телеграфная. телеграфно-строительная и радио-телеграфная роты и полевая почта, санитарные и ветеринарные части и обозные колонны.

Численность дивизии военного времени примерно 15.000 человек и 400 лошадей.

Состав кав. бригад военного времени следующий: штаб бригады. 3 кав. полка, дивизион конной артиллерии, конная телеграфная рота и конный радио-телеграфный взвод, санитарные, ветеринарные части и обозные колонны.

Численность кавбригады военного времени, примерно, 6.000 человек и 5.500 лошадей.

Нормальный состав будущего армейского корпуса военного времени, предположительно, 3 пех. дивизии и 1 отд. кав. бригада при соответствующем количестве технических и вспомогательных частей.

Армейская кавалерия для выполнения стратегических задач сводится в кав. дивизии, по 2 и 3 кав. бригады в каждой.

Генеральный штаб.

Полевое управление. При переходе с мирного на военное положение генеральный штаб мин. воен. дел выделяет ген. штаб действую-

щей армии (штаб главнокомандующего), при чем некоторые отделы последнего уже существуют в мирное время в качестве бюро малого военного совета, как то: разведывательный, научно-школьный (обучения), топографический и персональный.

Во главе выделенного штаба становится начальник генерального штаба мирного времени, а руководство генштаба при М. В. Д. переходит к его 1-му заместителю.

Штаб армий фронта.

Имеющиеся данные о предполагаемой структуре полевых управлений войсковых соединений в военное время не предусматривает постоянных управлений армиями известных фронтов, а последние создаются по мере надобности.

Штаб армии.

Как уже указывалось, каждый армейский инспекториат в составе 2-х корпусных округов создает одну армию в составе тех войсковых частей, которые приписаны к данному инспекториату. Кадр управления армии существует уже в мирное время в виде вспомогательного персонала при армейском инспекторе, а недостающее, предположительно, будет придаваться из управлений корпусных округов.

Штаб корпуса.

Происходящая реорганизация армии, видимо, предусматривает на военное время и корпусные соединения, управления которых в таком случае выделяется из штаба корпусного округа.

Штабы постоянных войсковых соединений—пехотной дивизии и кав. бригады существуют как в военное, так и в мирное время.

Штаб дивизии военного времени состоит из 5 отделов; а именно: 1) личного состава, 2) информационного, 3) оперативного, 4) снабжения и 5) регистрационного (курьеров).

Штаб дивизии мирного времени состоит всего лишь из начальника штаба, 2-х штабных офицеров, начальника канцелярии и 5 писарей.

Организация штабов кав. бригад как в военное, так и в мирное время соответствует организации штаба пех. дивизии.

М. Блок.

Будущее танков.

(Перевод с французского С. Меженинова).

От переводчика.

Увлечение механизацией войны и стремление к замене живой силы машиной широко расцвели в период позиционной войны. Многие говорят, что теперь не так важен „боец“ в общепринятом смысле, так как в будущих войнах его не будет, а все сведется к обслуживанию машин—нужен будет военный техник, нужна „прислуга“ при машине. Прикрытия, закрытия и маски, усовершенствованные в течение войны, многих привели в смущение в отношении возможности открытого рукопашного боя. Последний, даже, стали отвергать, считая, что автоматическое оружие вполне может решить бой своим огнем.

Во все времена появление усовершенствованных машин на полях боя только в первый момент удивляло и морально поражало главный фактор боя—человека. Через известный промежуток времени он осваивался, разбирался в происшедшем и выдвигал контр-машину или усовершенствовал имеющиеся. Новшества в технике не умалили значение основных родов оружия. К ним стали пред'являть большие моральныя требования, видоизменились способы их действий; но значение и роль их в бою остались те же.

В лице танков пехота приобрела новый вид оружия, усиливающий ее ударное действие. Посадить всю пехоту в блиндированные коробки нельзя по финансовым соображениям; да это было бы и нецелесообразно с тактической точки зрения. Редкая цепь стрелков, вооруженных винтовками точного боя с оптическими прицелами и бронебойными пулями, остановила бы эти черепахи и вызвала бы бойцов в открытый бой.

В полевом бою применение легких танков на определенных направлениях позволяет регулировать напряжение боя. Перегруппировка этих ударных средств на поле сражения и поле боя позво-

ляет усиливать или уменьшать удар. Эти „машинные резервы" позволяют усилить наступательный порыв пехоты в пунктах или районах успеха. Восполнить моральную слабость пехоты они не могут, так как поступают в непосредственное ее распоряжение, а сила их удара должна быть немедленно использована и развита пехотой. Как легкие танки имеют задачей усилить ударную мощь пехоты, так артиллерийские блиндированные установки имеют ввиду усиление артиллерийского действия в специальный момент по специальным целям,—момент появления танков противника на коротких дистанциях от нашей пехоты или в ея рядах. Говорить о том, что все должно быть механизировано, преждевременно. Правда маневрирование этого вида артиллерии в бою и на поле сражения значительно облегчилось—нет усталости конского состава, меньше потерь от огня противника; но сказать, что от этого переменилась картина боя—значит впадать в заблуждение. Эта легкость маневрирования позволит быстрей и проще осуществить принцип массирования средств борьбы и сосредоточения усилий.

Воля к победе осталась в человеке: разумное распределение средств борьбы держится в его же руках, мужество и хладнокровие позволяют ему спокойно расчитать противодействие всякой вновь появившейся машине. Чтобы легче выполнять последнее, нужно быть знакомым с техническими принципами конструкции этой машины, тактическими предпосылками к ее употреблению и практикой на поле боя. Предлагаемый перевод статьи французского командира Блока—„Будущее танков", помещенной в 7 номере журнала „Французское Военное Обозрение, в известной степени освещает данные вопросы.

Значение.

Значительные успехи, одержанные танками в последние годы войны, казалось, должны были бы завоевать самое благоприятное к себе отношение. Однако, в Италии, например, их рассматривают как второстепенный род оружия. В Англии, Бельгии и даже во Франции, если многочисленные оффициальные круги и относятся к ним благоприятно, все же раздаются некоторые голоса против этого рода оружия.

Но между всеми мнениями особо заслуживает внимания и изучения—это мнение наших врагов, испытавших действие этого рода оружия на поле боя. Выражения этого мнения мы не будем искать в опубликованных оффициальных документах, но в документах особо секретного характера.

2-го октября 1918 г. майор фон-Буше, делегированный главной квартирой на собрание лидеров парти Рейхстага, заявил: „военное положение, существовавшее до современных больших событий, обрисовано вам генералом Вейсбергом. Через несколько дней оно в корне

изменилось. Высшее командование должно иметь мужество решиться на ужаснейшее признание, что, насколько возможно судить отдельному человеку, больше нет возможности побить противника.

Первейшим фактором, имеющим решительное значение, имеют танки. Противник использует их значительными массами и застигнул нас врасплох. В пунктах их неожиданного появления наши войска не имеют достаточных нервов, чтобы драться. Они прорезывают нашу линию и прокладывают дорогу пехоте, они преследуют до конца наши войска, вызывая местную панику и нарушают общий план сражения. Только появлением танков можно об'яснить значительные цифры пленных, так сильно уменьшивших наши передовые части и вызвавших преждевременный расход резервов".

Приведем также заявление Людендорфа от 9 октября 1918 г.— канцлеру: „до 8-го августа военное положение было хорошим. Но в этот день применение массы танков изничтожило в два или три часа от 6 до 7 дивизий. Что же на самом деле произошло. Во всяком случае это было поражение германской империи.

Таким образом в уме наших противников танки были главным фактором их поражения.

Это правда, говорят противники нового рода оружия. Но успех танков был основан на неожиданности их появления, которая не может повториться; кроме того, оборона не имела технических средств сопротивления, что в будущем, конечно, не повторится, а наличие этих средств не позволит танкам появиться на поле боя. Здесь кроются два различных аргумента: один касающийся неожиданности тактической, а другой технической. Первая остается неизменной во всем времени, так как одинаково проявляется и в старых и в новых средствах борьбы. Действие кавалерии, соответственно проведенное, остается без перемен как во времена Аннибала, так и Фридриха II.

Вторая критическая заметка является более серьезной и требует подробного изучения.

Смотрите, говорят отрицатели танков, какие огромные потери несли в машинах в условиях, когда оборона не имела специальных анти-танковых средств. Разве англичане не признавали, что германская пушка, стрелявшая прямой наводкой при прислуге в одного офицера, уничтожила выстрел за выстрелом пять танков. У французов разве не приводилось случая, когда целый взвод танков был уничтожен пушкой, спрятанной в кустах на склонах холма. Что будет, когда создадутся специальные средства борьбы. Разумно ли вместо пехотных пушек тратить деньги на танки, из которых самый скромный стоит 160.000 франков, а более солидные около 2.000.000.

Эти аргументы не следует отбрасывать, не изучив, но не следует принимать их и без оспаривания. Необходимо изучать различные средства обороны, которые могут быть применены против танков, изучить возможность их развития в будущем, а отсюда подойти к возможности существования танков.

Таблица главнейших средств борьбы против танков.

Танки противника		стрельба в упор.
Инженерные средства		препятствия, мины.
Артиллерия	обыкновенная артиллерия	стрельба прямой наводкой. стрельба газовыми снарядами.
	специальные пушки	стрельба в упор.
Авиация—аэроплан		пушка, стрельба в упор.
Пехота:		стрельба по прикрытию. стрельба в упор.

Рассмотрим сначала танки противника, которые будут более естественными противниками и которые принуждают нас иметь и большие, и лучшие танки, чтобы противостоять в борьбе.

Инженерное искусство может противоставить, как показали германцы во время войны, различные препятствия. Общая цель этих препятствий создать зоны, по которым танки вынуждены будут двигаться, чтобы подвести их под огонь контр-танковых батарей или привести их в ловушку, как-то: широкие рвы или канавы с прикрытием, мосты, построенные с расчетом, чтобы они провалились под тяжестью машин, наконец, и особенно, привести на минные поля.

Минные поля являются самым грозным противником для танков. Совершенно очевидно, что с минами серьезно придется считаться в неподвижной войне. Даже в этом последнем случае их наличие не исключит применения танков. Нужно подумать об огромных расходах, вызываемых оборудованием минных полей и о всех неудобствах и опасностях, которые создаются для самого противника, их применяющего.

Заметим между прочим, что германцы в 1918 году имели проволочные сети поверх минных полей, приготовленных в глубине их линий с целью задержать движение танков. Более, они имели обширные плакаты, где можно было прочесть: „Внимание. Минное поле". Во время их отхода они часто забывали сорвать эти плакаты и союзные войска шли без стеснения, пользуясь их указаниями.

Впрочем, против минных полей есть свои средства борьбы. С одной стороны, стрельба артиллерии вызывает взрыв части из них, с другой стороны—сами танки могут производить их разрушения. В 1918 году, чтобы атаковать позицию, оборудованную минными полями, придумали толкать танками тяжелые катки, которые подрывали мины.

Практическое применение этого средства было проведено нашими союзниками. Оказалось, что организм танков не пострадал

от взрывов, которые происходили впереди их. Другой вид борьбы исследован и дал хорошие выводы.

Последним действие обыкновенной артиллерии, конечно для танков это могущественнейшее средство, которое германцы с максимумом настойчивости применяли во время войны: известно, что главная квартира отдала приказ, по которому и тяжелая и легкая артиллерия, выполняющая определенную задачу, должна приостановить ее выполнение и обратить свой огонь против танков, как только они появятся на участке. Вмешательство артиллерии должно быть очень деликатно в момент, когда танки достигнут первых линий, так как контр-танковый огонь может задеть свою пехоту.

Что касается стрельбы газовыми снарядами, ее нельзя рассматривать, как „специфическое“ действие против танков. Нужно заметить, что в момент, когда танки действуют, как танки атаки и когда прислуга имеет единственной задачей наметить пулеметы противника и их уничтожить, т. е. в течение периода атаки употребление газовых снарядов для остановки танков является исключительно редким. Газ является более наступательным оружием, чем оборонительным: артиллерия не любит применять его для заградительного огня в непосредственной близости к своей пехоте и еще более не переносит стрельбы по району ее линий, когда танки их достигнут.

Не приходится сомневаться, что прислуга танков может пострадать в районе их развертывания, в период сближения и, несмотря ни на что, в некоторой части периода атаки. Но даже и в этих случаях они не будут находиться в условиях исключительно неблагоприятных: прежде всего, находясь почти в герметически закрытой коробке, они избегнут действия газа, который действует через соприкосновение. Остаются фугасные снаряды. Специальные противогазовые маски будут в этих случаях очень полезны. Можно также применить респиратор, через вентилятор радиатора и фильтровать воздух, проникающий в танк. Можно также создать в аппарате повышенное давление с тем, чтобы наружный воздух не мог проникать ни с ветром, ни диффузией.

Что касается отдельных орудий, так часто применявшихся германцами, то несмотря на весь их успех, действие танков все-таки не было приостановлено. Их роль также не легка. Если они выдвинуты в первую линию, они подвергаются, прежде чем успеют произвести полезную работу, большим потерям, так как страдают от артиллерийской подготовки или от артиллерии сопровождения. Если они будут расположены глубже, очень трудно ввести их в действие в нужную минуту. Вот, к случаю, мнение германского артиллериста: „Противотанковые орудия должны быть установлены так далеко, чтобы их стрельба была мало действительной. Независимо от потерь, среди этих орудий моральный эффект появления танков таков, что прислуга орудий была неспособна точно стрелять“.

В лице аэропланов-пушек мы имеем средство атаки против танков совершенно новое. В их существовании сегодняшнего дня еще нет данных, говорящих за невозможность существования танков. Статья, появившаяся недавно в обозрении военной авиации и написанная оффициальным лицом, говорит, упоминая о воздушной стрельбе по танкам: „что страшно для танков в их работе? Меньше всего разрывы и пули. Самое важное—непосредственное попадание в цель. Будем иметь мужество признаться, что стрельба с воздуха по об'единениям танков редко даст прямые попадания".

Наконец, мы подошли к оружию наиболее опасному для танков—оружию пехоты. Нужно видеть, что танкам приходится действовать для выполнения своей задачи единственно среди пехотных линий и естественно им придется иметь действие с пулями мелкого оружия пехоты. Пехота может действовать двумя способами: стреляя по задвижкам и бронепулями с мягкой сердцевиной, или стреляя в упор.

Стрельба пулями с мягкой сердцевиной применялась сначала немцами. Их обыкновенные пули с мельхиоровой оболочкой и сердцевиной из свинца как нельзя лучше подходили для этой цели. Ударяясь об заслонки или броню, рубашки разрывались, а мелкие брызги свинца проникали во внутренность танка и ранили прислугу в лицо и, особо опасно—в глаза. В общем, эта стрельба была столь недействительна по результатам, что была совершенно недостаточна, чтобы помешать действию танков. Нужно однако заметить, что фабрикация во время войны была столь поспешна и качество брони столь низко, что комиссиям приходилось принимать аппараты с неудовлетворительной броней. Впрочем, стали стремиться к обеспечению прислуги путем закрытия всех отверстий и наблюдения производили исключительно через перископ, или же механически препятствовали залету брызгам свинца во внутренность танка. Но более грозное оружие пехоты—это мелкие машины, быстро стреляющие снарядами с глубокой проницаемостью или бронебойными пулями очень легкими, удобными для выпуска их в огромном количестве. Это оружие, способное к быстрым маневрам, сосредотачиванию и распылению, транспортировке, установит для танков действительно грозного противника. Но такие машины могут ли быть реализованы. Все зависит от солидности брони, которую им придется преодолевать.

Рассмотрим, чтобы разобраться в практике отмеченных идей, вес блиндировки в 3 сантиметра, чтобы подтвердить полностью эту гипотезу и изучим сначала применение машины, стреляющей разрывными снарядами. Наименьший, известный до сих пор, калибр 37 миллиметров, но чтобы обеспечить солидную начальную скорость, нужно будет перейти к несколько большему калибру, приблизительно 47 миллиметров. Для этого калибра есть хорошие практические данные в стрельбе по блиндировке: они использовались для

этой цели во флоте. Рант установил, что, чтобы прямым попаданием пробить броню в 30 миллиметров, нужно иметь начальную скорость не менее 600 метров. Эти условия по состоянию современной баллистики приводят к необходимости иметь пушку, весящую в боевом положении 300—400 килограмм. Это уже не будет пехотная пушка, которая весит более 37 миллиметровой на целых 80 килограммов и создает затруднения при перевозке их на поле сражения.

Если перейти к машинам, к крупно калиберным пулеметам, можно принять как основу для развития единственное ружье калибром 13 миллиметров, использовавшееся немцами. На полигоне это ружье дает основательные результаты против блиндировки танка на дистанцию 300 метров под углом возвышения 75. На поле боя напротив они не принесли существенной пользы. Откуда идет это противоречие? Единственно от того, что это оруже слишком длинно, тяжело и неудобно в обращении; люди, вооруженные этой неудобной машиной, страдают от своей видимости, волнуются от приближения танков, а поэтому или совсем не стреляют или стреляют, плохо: однако оружие будущаго будет иметь более солидную блиндировку, нужно будет стрелять с удвоенной быстротой. Нужно думать и это оружие будет таких размеров, тяжести и видимости, и появление его на поле боя будет невозможно.

Но, может быть, блиндировка в 30 миллиметров слишком тяжела для легких танков. Если следовать опыту последнего периода войны, то следует, что танки не могут быть тяжелее 7 тонн, чтобы иметь возможность перевозить их в специальных приспособлениях по железной дороге. Но теперь все должны согласиться с необходимостью построить танки способные передвигаться своими собственными средствами. Условия стратегических перевозок для танков сопровождения теперь не будут пред'являть требований легкости в их конструкции, чтобы допустить перевозку по любой железной дороге вне зависимости от мостов. Будущая тяжесть танков увеличится.

Что касается тактической подвижности, они мало заинтерисованы в данном вопросе. По замене механических приспособлений к передвижению непрерывной гусиницы вопрос тактической подвижности перестал зависить от веса. Танк в 20 тонн весом оказался подвижнее на поле боя чем 75 миллиметровая пушка, весящая едва 2 тонны.

Условия же видимости и неудобства обращения сохраняют все свое значение, с этих двух точек зрения увеличение количества танков возможно. В общем, никакие предпосылки не исключают употребления блиндировки 30 миллиметров, вовсе недостаточной, как можно судить с точки зрения настоящей минуты, приходит к выводу от трансформации всего вооружения благодаря появлению на полях сражений танков. Можно попытаться осветить этот вопрос: не идет ли тут лишний раз вопрос о борьбе между пушкой и броненосцем? опыт разве не установил постоянного преимущества пушки? В данном

случае не шел вопрос о реализации более сильного оружия, но оружия, дополняющаго могущество ограниченное условиями тяжести.

В конечном счете, мы хранили этот аргумент как решающий, во всех вышеприведенных рассуждениях; мы установили, что танки, чтобы драться с пользой, должны обладать снарядами, отвечающими портативному оружию пехоты. Однако во время войны английские танки не имели достаточной блиндировки против обыкновенных бронебойных у немцев Известно также, что значительные потери в „Танковом Корпусе" британцев не помещали в большинстве случаев, и особенно под Комбре, блестяще выполнить их задачу, и что в день 8-го августа, в день, о котором так печально говорит Людендорф, большая часть успеха зависила от танков.

В конце войны вследствие успехов одержанных танком „Рено" и малых потерь в сравнении с танками „Шнейдер" и „Шамонд", все пришли к заключению о практичности маленьких танков. Некоторые, увлекаясь в этом отношении, провозгласили идею о полной замене пехотинцев. Высшее командование не колеблясь подчеркнуло для будущаго, правда очень отдаленного, исчезновения с поля сражения людей, дерущихся с открытой грудью.

Оставляя в стороне все прочия условие, заметим, что технические условия современной индустрии совершенно не располагают средствами для производства маленьких танков. Примем за отправную точку для разсуждения танк „Рено" от 6 до 5 тонн. На чем можно выиграть в его весе? На блиндировке? конечно нет, ибо выше мы решили серьезно увеличить его тяжесть. Будем экономить на вооружении? не выгодно, так как мы решили заменить 37 миллиметровую пушку более солидной, способной к борьбе с танками. Может быть возможно сократить экипаж? Это кажется более легко. Но нет возможности сократить в цифре 2—3 человека, так как командиру танка придется самому обслуживать и орудия, снаряды, которые по нашему предположению должны увеличиться в весе; нужно отметить, что в танке, обслуживаемом двумя человеками, при ранении одного танк выводится из строя; нужно наконец прибавить, что в моральном отношении экипаж в три человека гарантирует большую устойчивость. Как видно, и с этой стороны нельзя ожидать экономии. Наооборот, все соглашаются с желанием иметь более могущественные танки при большой скорости движения, большей проникаемости, для самостоятельных переходов от стана к стану, и для установки многочисленных усовершенствований. Все улучшения танков достигались увеличением их веса Отсюда логически переходим к заключению, что осуществление более легких танков не может быть реализовано в ближайшее время.

Танки и артиллерия.

Уместно сказать, что танки, вооруженные пушками, совершенно не способны производить настоящую артиллерийскую стрельбу, т. е.

стрельбу коллективную с закрытых позиций. Всякому оружию свое место—танки стреляют прямой наводкой по индивидуальным целям. Правда, как возможно отметиться по общей точке наводки из герметически закрытой коробки, или услышать команды своего командира взвода и произвести поправки при стрельбе очередями? Да и зачем, наконец, иметь желание использовать столь дорогие и редкие машины для исполнения задач, которые в лучшей степени разрешаются самой обыкновенной артиллерией.

Как выход—в распоряжение пехоты в лице танков передается новое оружие, которое взяло от артиллерии ее пушки, но не ее методы.

Впрочем часть артиллерии для сохранения тесной и постоянной связи с пехотой может взять от танков их гусеницы и немного их блиндировки. Они должны тогда обладать оружием с большим вертикальным обстрелом, чтобы иметь возможность вести стрельбу с маскированных позиций, которую танки производить не могут.

Заметим кстати, что такая артиллерия, предполагаемая к введению в иностранных армиях, принесет танкам большие услуги. Прежде всего, когда во время наступления танки и пехота будут остановлены гнездами сопротивления, содержащими противотанковые машины и пулеметы, они будут способны немедленным вмешательством поправить дело, тогда как обыкновенная артиллерия, удерживаемая в тылу препятствиями и условиями стрельбы на пределе, для использования своей территории будет всегда в затруднении по условиям наблюдения. Точно также, эта артиллерия первого эшелона может с пользой обеспечить танки от противотанковых машин в момент их появления в период боя, так как обыкновенная артиллерия не может дать этого обеспечения.

Наконец, эта артиллерия позволяет экономить расход танков и обеспечивать их действия в массах. Не подлежит сомнению, что танки будут часто использованы с момента ввода противником массированного автомашинного оружия с задачей сохранить жизни и избежать чрезвычайного расхода патронов, не отвечающаго важности цели. На самом деле при условиях современного вооружения маленькие части, обладающие небольшим числом хорошо расставленнных пулеметов, могут потребовать действия могущественной артиллерии и вызвать большой расход снарядов. Батареи, предполагаемые нами и следующие в первом эшелоне, нейтрализуют и легко уничтожают эти гнезда сопротивления, тогда как обыкновенная артиллерия, видом своей траектории приговоренная оставаться вдалеке или вынужденная открывать себя, будет в очень скверном положении для разрешения таких задач.

В. инж.-техн. Р. И. Башинский.

Поправки табличных данных, как прием подготовки артиллерийской стрельбы.

Артиллерия представляет собою наиболее технический, чем какой-либо другой род войска, так сказать ультра-технический, поэтому усовершенствование *артиллерийской техники* в самом полном смысле этого выражения, т. е. охватывая им и технику материальной части, и технику стрельбы,—является основой боевой мощи артиллерии. Каждая новая война—боевое испытание всей предшествующей мирной работы—как в области техники, так и тактики вызывает всякий раз сейчас же после войны, а иногда уже и во время нее лихорадочную работу по совершенствованию техники, по внесению в нее в спешном порядке коррективов или даже по полной переработке некоторых сторон этой техники.

Предлагаемый очерк посвящен одной только небольшой, но тем не менее весьма существенной части артиллерийской техники, а именно—*технике подготовки стрельбы*.

Минувшая мировая война с ее грандиозными сражениями, с ее напряженнейшими боями, с несомненностью указала на существенность двух обстоятельств: наивозможнейшее сокращение или даже совершенное устранение расходования снарядов на пристрелку и частую затруднительность, порою даже полную невозможность, надежного наблюдения за своими выстрелами.

Отсюда возник вопрос об отказе от пристрелки в артиллерии, практически поставленный ребром французами и немцами почти в самом начале мировой войны.

Французы уже в 1916 г., частью в 1917 г. переиздают многие свои таблицы стрельбы и правила стрельбы для полевой артиллерии, давая этим фактическую возможность своей артиллерии вести действительную стрельбу по исчисленным заранее данным, избегая потери времени и непроизводительной затраты снарядов на предварительную и повторные пристрелки, вызываемые изменяющимися во время самой стрельбы внешними условиями стрельбы (перемена погоды, изменение качеств пороха, температуры и т. п.).

В *Германии* напряженная работа в том же направлении закончилась изданием в декабре 1917 г. „Наставления для стрельбы", касавшимся как полевой, так и тяжелой артиллерии и отменившим, тем самым, „Наставления для стрельбы пешей артиллерии издание 1908 г." и „Наставление для стрельбы полевой артиллерии издание 1911 г.", была проведена в жизнь приказом от 20 июня 1917 года Людендорфа, тогда начальника германского генерального штаба; в нем, между прочим, говорится:

„Часто приходится слышать нападки на дефекты нашей артиллерийской стрельбы, несмотря на многочисленные пристрелки, производимые артиллерией“.

„Эти жалобы часто небезосновательны: упрощенность правил стрельбы требует повторных пристрелок и контроля прицела по нескольку раз в день, что влечет за собою ежемесячный расход сотен тысяч снарядов, не дающих непосредственного поражения“.

„Необходимы более рациональное использование балистики и хорошие таблицы стрельбы. Это ускорит пристрелку, позволит быстрее убеждаться в действительности стрельбы, сделает излишним определение поправок дня и т. д.“.

„Французы, которых наши войска неоднократно признавали выше нас по искусству стрельбы, тоже обратили серьезное внимание на улучшение меткости своей стрельбы. Мы не должны их допустить превзойти нас“.

Затем, 3-го февраля 1918 года в Мобеже по предложению кап. Пулковского *) производятся опыты над методом стрельбы без пристрелки, а уже 4-го февраля приказом германского главного штаба предписывается в армиях произвести широкое испытание с целью выяснить: „можно-ли в артиллерии удовольствоваться в качестве исходных данных при подготовке стрельбы данными планшета, исправленными на все топографические и атмосферические поправки, и, в частности, можно-ли отказаться вовсе от пристрелки“.

Небезинтересно отметить, что в том же 1918 г. французы проводили анкету по этому же поводу.

Только что упомянутый приказ можно считать началом применения в германской полевой артиллерии метода артиллерийской стрельбы по исчисленным заранее данным.

В течении мая и июня 1918 г. в Германии выпускаются последовательно отдельные части нового устава под названием „Ежедневные поправки при артиллерийской стрельбе“, таким образом дается окончательное разрешение вопроса о поправках и устанавливаются основы организации метеорологической службы в армии для потребностей артиллерии. Приказ за подписью Людендорфа, коим этот устав опубликовывается, датирован 30 мая 1918 г.

Вот между прочим перечень добавочных таблиц для определения поправок табличных данных для стрельбы в германской артиллерии, кои приложены к этому уставу:

1. Таблица для определения плотности воздуха;

2. Поправки табличных данных для стрельбы на плотность воздуха;

3. Поправки на продольную составляющую силы ветра;

---

*) Назначенного тогда начальником повторных курсов „Изучения ежедневных поправок“ для командиров батарей и их помощников, для дивизионеров и бригадных генералов.

4. Поправки дальности, вызываемые разными причинами;

5. Поправки на поперечную составляющую силы ветра;

6. Признаки, позволяющие оценивать скорость ветра;

7. Определение поправок табличных данных в зависимости от влияния температуры пороха.

Во *Франции* в конце 1917 г. была издана „Инструкция для стрельбы полевой артиллерии“, в которой исчерпывающим образом разработан вопрос исчисления исходных данных для стрельбы, значение каждой из поправок, вносимых при этом в табличные данные, а также указаны наипрактичнейшие приемы пользования всеми таблицами, графиками и метеорологическими сообщениями, получаемыми батареями периодически с метеорологических постов установленным порядком.

Что касается *Англии*, то, выступив на войну с довольно примитивными правилами стрельбы и далеко не совершенными навыками в этой области, почти не отразившими в себе опыта русско-японской войны, так широко использованного, напр., немцами, английская артиллерия совершила в очень краткий период от начала военных действий на чужом, мало знакомом ей театра войны во Франции, громадную эволюцию.

В отношении подготовки стрельбы особенный прогресс ею проявлен был в отыскании *атмосферических и балистических* поправок и гораздо меньше внимания было проявлено к усовершенствованию *топографической подготовки*.

Были переработаны таблицы стрельбы, включены таблички для вычисления поправок, установлено систематическое наблюдение и определение атмосферных условий специальными зондировочными постами, сообщающими методически все нужные данные батареям для вычисления поправок при стрельбе, батареи снабжены метеорологическими инструментами (барометрами, термометрами и т. д). Обычно барометрическое давление, нужное для определения плотности воздуха, батареи определяли сами, периодически сверяя свои барометры с барометрами зондировочных постов. Температуру же воздуха эти последние посылали батареям в виде балистической данной, т. е. вычисляя некоторую среднюю из температур в разных слоях атмосферы, могущую заменить по влиянию на условия полета снаряда действительные температуры в разных слоях.

Влияние температуры заряда учитывалось в одних таблицах указанием зависимости *дальности* от повышения или понижения температуры по сравнению с нормальной, в других же таблицах даны изменения *начальной скорости* снаряда вследствие того же влияния температуры заряда. Равным образом включены таблички, дающие изменение дальности от изменения весов снарядов на каждые 50 грм. по сравнению со средним весом.

Влияние изношенности орудий на изменение табличных данных

было предметом особого изучения специальными комиссиями, имевшими заданием пристреливание орудий, уходивших в тыл на отдых.

К 1918 г. все британские орудия были этими комиссиями тарированы (пристреляны) по сравнению с образцовыми, и также и между собою в каждой батарее.

Особенное внимание было обращено на изучение влияния давления воздуха и начальной скорости на изменение скорости горения трубочного состава, что для британской полевой артиллерии, имеющей особенное пристрастие к шрапнели, составляло особенное значение. К сожалению, документальными данными, касающимися этого рода изысканий, до настоящего времени мы не располагаем.

Бельгийская артиллерия, сражаясь бок-о-бок с французской, естественным образом восприняла все, что было сделано французами в области подготовки стрельбы. В 1918 г. в бельгийской артиллерии вводится „Общий устав для полевой артиллерии (техническая инструкция и правила стрельбы)“, касающийся одинаково как легкой, так и тяжелой артиллерии. В 1917 и 1918 г. г. он переиздается с исправлениями на основании дальнейшего опыта войны.

Итальянская артиллерия, воюя в исключительных условиях гористого театра войны, первое время мало эволюционировала; заметный сдвиг в этой же области включения поправок при подготовке стрельбы обозначился лишь после того, как итальянская артиллерия пришла в контакт с французской в начале 1918 г. в районе озера Гарда.

Нельзя не упомянуть, что в 1917 г. и наша *киевская артиллерийская школа* предприняла опыты в направлении производства стрельбы по заранее исчисленным данным. Хотя средства, которыми эта школа располагала и которые были позаимствованы из авиации, были довольно примитивны, однако, первые же стрельбы с учетом атмосферических и топографических данных при пользовании картой крупного масштаба дали вполне удовлетворительные результаты: цель при первой же очереди захватывалась в нулевую вилку. Однако, ни опытными данными, ни первыми таблицами, на основании их составленными, мы не располагаем: они погибли в водовороте последовавших революционных событий.

В дальнейшем изложении широко использованы, главным образом, вышеупомянутое французское наставление, а также статьи, помещенные в „Revue d'Artillerie“ за последние годы, рисующие дальнейший прогресс в этой области у французов и отчасти в других иностранных артиллериях.

Необходимость поправок табличных данных.

Как бы тщательно ни были составлены таблицы стрельбы, они никогда не будут соответствовать реальным условиям производства каждой данной стрельбы, потому что все помещаемые в таблицах

данные соответствуют лишь некоторым средним условиям, так сказать, нормальным условиями, а именно:

а) в предположении совершенно нового, исправного орудия, имеющего размеры канала и камеры, вполне отвечающие чертежным размерам его;

б) считая, что порох для заряда обладает нормальными свойствами и развивает именно ту начальную скорость, которая для этого заряда задана и при том одинаковую для всех зарядов; что все заряды точно одинакового веса, а температура пороха этих зарядов во время стрельбы постоянна и равна 15°; снаряд имеет строго установленное чертежом очертание и обладает установленным для него весом; что плотность воздуха во всех слоях одинакова и равна нормальной, т. е. той, которая соответствует барометрическому давлению 750 мм., температура воздуха 15° Ц. и влажности его ³/₄ или 75%, при том находится в полном покое, при полном отсутствии ветра, и, наконец,

в) что орудие стоит на горизонтальной площадке, а снаряды падают на уровне горизонта орудия.

Само собою понятно, что фактически при стрельбах эти условия редко осуществляются, и поэтому самые причины, влияющие на очертания и на расположение траектории снарядов, т. е. в конечном счете на дальность, можно разделить на три вида, а в связи с этим и самые поправки табличной дальности различать этих же трех видов, а именно:

1) *Поправки топографические*, вызываемые тем, что цель редко находится на уровне горизонта орудия, равно как и самое орудие не всегда располагается на горизонтальной площади;

2) *Поправки атмосферические*, обусловливаемые изменчивостью метеорологических условий не только ежедневно, но нередко даже весьма резко в течении одних и тех же суток—плотности воздуха и ветра, при чем влияние последнего на снаряд при его полете может быть особенно существенным и крайне разнообразным, так как сила и направление ветра могут изменяться в самых широких пределах

3) *Поправки балистического характера*: снаряды неизбежно практически отличаются по весу от нормального среднего или теоретического веса в пределах установленных допусков, в зависимости от условий изготовления и приемки их; заряды при выстрела не всегда имеют температуру 15° Ц; различные партиии пороха, из коих изготовлены снаряды, имеют разные скорости горения, в зависимости от условий изготовления и приемки их, изменяющиеся и впоследствии от условий и продолжительности хранения; орудия всегда, по практическим условиям их изготовления, разнятся в известных пределах допусков по размерам канала и каморы,—эти причины влияют на изменения начальной скорости, а следовательно, и дальности; наконец, трубочный состав дистанционных трубок горит не однообразно при изменяющихся атмосферных условиях--давлении температуре и ветра,

а также и от условий и времени хранения, поэтому возникают рассеивания отдельных точек разрыва снарядов по отношению к цели.

К значению каждой из поправок и рассмотрению способов их определения и принятия к учету и переходим в дальнейшем изложении.

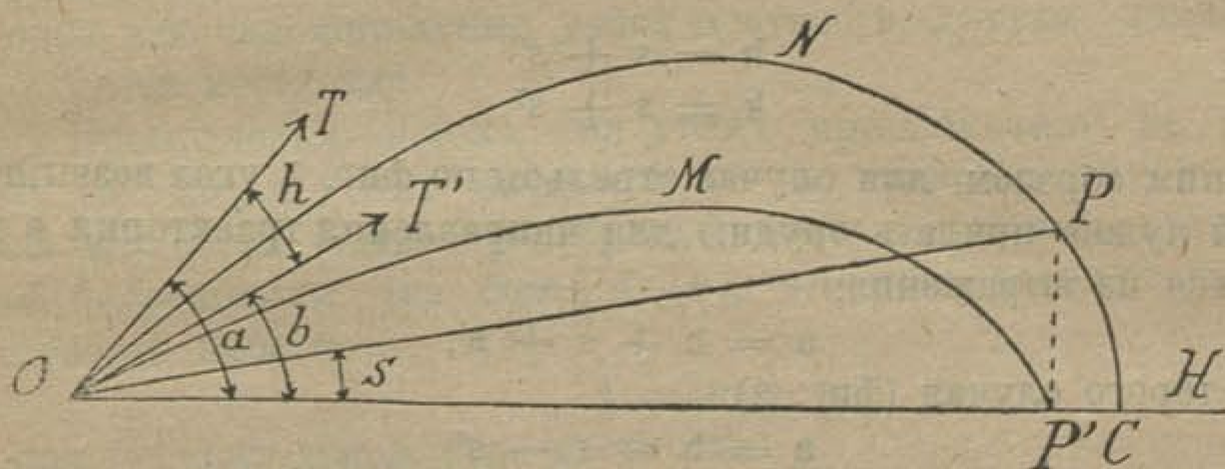
1. Ударная стрельба.

1. Поправки топографические.

a. Поправка на угол местности.

Если цель P не находится на горизонте орудия, то линия цели с горизонтом орудия будет составлять некоторый угол, считаемый положительным (POH фиг. 1), если цель расположена над горизонтом,

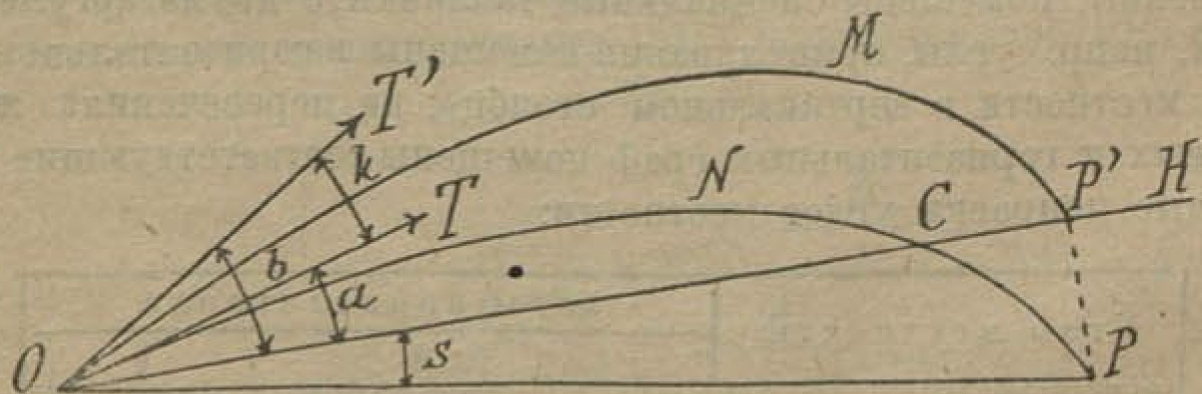
Фиг. 1.



и отрицательным (POH фиг. 2), когда цель P ниже горизонта орудия. Это и есть *угол местности* для данной цели.

Пусть точки P^1 на этих фигурах представляют проекции цели P на горизонт орудия OH.

Фиг. 2.



В таблицах стрельбы мы найдем только данные, касающиеся табличной дальности OP', т. е. угол возвышения b траектории M, проходящей через точку P. Чтобы траектория прошла через цель, нужно ее поднять для первого случая на некоторый угол h и опустить для второго случая—на некоторый угол k, т. е. в первом случае (фиг 1) надо стрелять под углом возвышения

$$a = b + h,$$

а во втором случае (фиг. 2)—под углом

$$a = b - k,$$

чтобы получить траектории N, проходящие через цель. Это и будет *поправка на угол местности.*

Однако, опыт и вычисления показывают, что, вообще говоря, ни угол h, ни угол k, завися от величины угла местности s, не равны ему и тем больше от него отличаются, чем больше абсолютная величина этого угла местности.

Балистика дает возможность вычислить эти углы и показывает, что каждый из них больше соответствующего угла местности на некоторую величину, называемую *дополнительной поправкой угла местности* и по своей величине зависящей от величины как угла местности, так и угла прицеливания, возрастая вместе с ними. Обозначив эти дополнительные поправки соответственно через s' и s'', можно написать:

$$h = s + s'$$
$$k = s + s''$$

Таким образом, для случая стрельбы по фиг. 1 угол возвышения, который нужно придать орудию для направления траектория в цель, получится из выражения:

$$a = b + s + s',$$

а для второго случая (фиг. 2):

$$a = b - s - s''$$

Для упрощения обозначений здесь предположено, что в обоих случаях углы местности по абсолютной величине равны, дополнительные же поправки их, как выше указано, вообще, не равны между собой.

Во всех таблицах стрельбы большинства европейских артиллерий, как для полевых, так и для тяжелых орудий, переизданных во время войны, помещены специальные таблички с двумя аргументами, из коих, напр., углы, прицеливания помещены в горизонтальном ряду, а углы местности в вертикальном столбце; на пересечениях же вертикальных и горизонтальных граф помещены соответствующие дополнительные поправки углов местности:

Углы местности:	Углы прицеливания:					
			B			
s			s'			

Пользуясь этими табличками, можно по определенным перед началом стрельбы углу прицеливания B, соответствующему табличной дальности, и углу местности S, в соответствии с фактическим положением цели, прочесть прямо на пересечении двух граф дополнительную поправку S′ угла местности, если оба угла B и S имеются в таблицах, или же определить эту поправку S′ простым интерполированием между двумя имеющимися в таблице ближайшими большими и меньшими этих величин B или S, если той или другой из них не окажется в табличке, и двойным интерполированием, если их обоих не будет в табличке.

Напр., в таблицах стрельбы изд. 1918 г. для 76,2 м.м. французской полевой скорострельной пушки обр. 1897 г., переделанной для стрельбы русскими 3 дм. патронами (на русском языке эти таблицы изданы управлением инспектора артиллерии Республики в 1921 г.), помещены две такие таблички добавочных поправок углов местности —одна для положительных углов местности, другая—для отрицательных углов местности.

Практически, однако, при углах прицеливания, не превышающих 15°—20°, и углах местности ½°—1°, дополнительной поправкой угла местности можно пренебречь и считать приблизительно без большой погрешности (не более 4′—5′), что при положительных углах местности просто

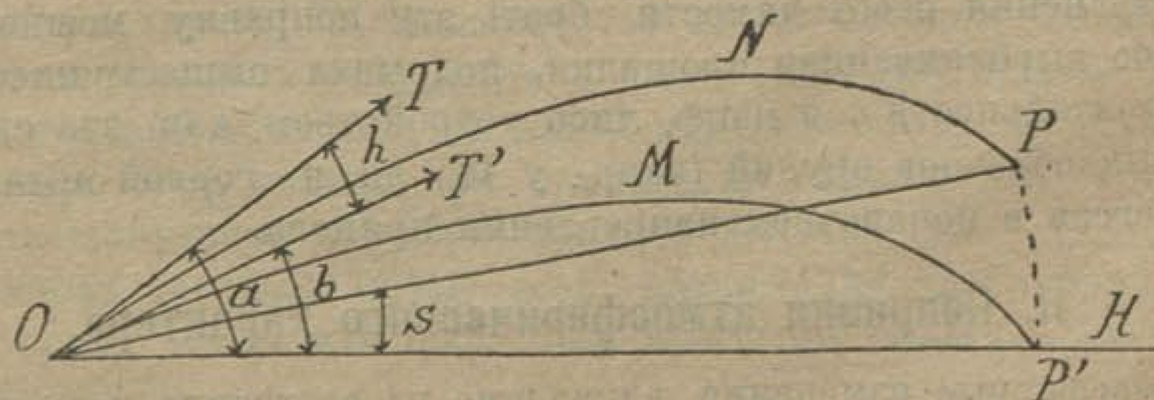
$$a = в + s,$$

а при отрицательном угле местности

$$a = в - s.$$

Действительно, при малых углах возвышения в указанных пределах, по известному началу графа Сан-Робера, можно считать очертания траектории не изменяющимися при переходе от одного угла к другому, т. е. считать, что табличная траектория OMP′ (фиг. 3), соответствующая табличной дальности OP′, остается тех же очертаний, как и траектория OP, проходящая через цель. В самом деле, по незначительности угла местности POP′ перпендикуляр PP′, опущенный

Фиг. 3.



из точки P на горизонт орудия OH, можно заменить дугою PP′, описанною из центра O радиусом OP=OP′, т. е. считать, что дистанция до цели P равна табличной дистанции. Таким образом, можно считать, что траектория OMP′, отвечающая табличной дальности, повертывается

без изменения своих очертаний около точки O на угол S=POP', чтобы пройти через цель P, и, следовательно, угол h=T'OT, на который надо поднять для этого траекторию, в данном случае действительно можно считать равным углу местности S, т. е.

$$а = в + h = в + s.$$

Так же точно легко видеть, что при отрицательном угле местности при этих условиях можно принимать, что

$$а = в — к = в — s.$$

При углах прицеливания, превышающих 15°—20°, и углах местности более $^{1}/_{2}$°—1°, дополнительная поправка угла местности должна быть введена по уровню при его установке или включена в угол возвышения при установке его по квадранту.

б) Поправка на наклон цапф.

Негоризонтальность площадки, на которой стоит орудие при стрельбе, вызывая неодинаковое положение колес лафета по высоте, обусловливает уклон оси цапф орудия от горизонтального направления и поэтому перемещение траектории в сторону ниже расположенной цапфы; следов., необходимо делать поправку направления в противоположную сторону, чтобы траекторию направить через цель.

Угловую поправку C в сторону выше расположенной цапфы можно вычислять по формуле

$$\text{tg } c = \sin i. \text{ tda},$$

где i—угол наклона цапф относительно горизонта и а—угол возвышения, приданный орудию для стрельбы по данной цели; все углы в формуле выражены в градусах.

В некоторых таблицах стрельбы даются вспомогательные таблички для быстрого определения боковой поправки на наклон цапф. Напр., в упоминавшихся уже выше французских таблицах стрельбы для 76,2 мм. франц. полев. скоростр. пушки обр. 1897 г имеется табличка, дающая боковое отклонение снаряда в тысячных дистанции в сторону ниже расположенной цапфы при наклоне оси цапф на 1° на разных дистанциях от 1000 до 9000 мтр. через каждую тысячу метров.

Устранения необходимости брать эту поправку можно достигнуть либо выравниванием площадки, подрывая вышестоящее колесо до горизонтальности оси цапф, либо устройством, как это сделано у некоторых образцов орудий (напр., у 48—лн. и горной артиллерии), качающегося в поперечном направлении прицела.

II. Поправки атмосферического характера.

Атмосферные изменения, влияющие на состояние погоды и связанные прежде всего с изменениями температуры, выражаются в изменениях плотности воздуха, неравномерной на разных пространствах и поэтому обусловливающей иногда в весьма широких пределах перемещение масс воздуха, вызывая ветер той или иной силы и направ-

ления. Изменение же самой плотности воздуха может существенно отразиться на сопротивлении, оказываемом воздухом снаряду при полете.

Как изменение плотности воздуха, так, особенно, ветер оказывают весьма существенное влияние на полет снаряда, обусловливая необходимость внесения нередко очень больших поправок в табличные данные.

Таким образом, поправки атмосферического или метеорологического характера существуют двух категорий:

1) зависящие от плотности воздуха или веса куб. метра (или литра) воздуха и

2) поправки на ветер.

а) Поправки на изменение веса литра воздуха.

Более плотный (тяжелый) воздух оказывает большее сопротивление снаряду при полете, и, обратно—в воздухе меньшей плотности снаряд, при всех прочих равных условиях, летит дальше Влияние плотности воздуха весьма существенно: в пустоте снаряд летит почти в $2^1/_2$ дальше, чем при тех же прочих условиях в воздухе нормальной плотности.

Плотность воздуха (или вес литра его) зависит от температуры воздуха, барометрического давления и влажности.

Кроме того, на увеличение сопротивления воздуха полету снаряда оказывают несомненное влияние атмосферные осадки (дождь, снег, туман), но даже во Франции это еще не учтено; по имеющимся сведениям изучение их там поставлено на очередь. Немцы уже во время войны пытались дать некоторые практические указания для принятия в расчет их влияния при подготовке стрельбы, но первые же опыты, произведенные в этом направлении во Франции, повидимому, опровергают эти указания. Во всяком случае ни в одних таблицах стрельбы последнего издания в европейских артиллериях данных об учете этих влияний еще не включено.

Таблицы стрельбы составляются для, так называемых, средних или нормальных условий состояния воздуха, предполагая безветрие, температуру 15° Ц., давление 750 мм. и состояние влажности $^3/_4$. При этих условиях литр воздуха весит 1,208 грм. Всякое изменение этих условий отразится на изменении веса литра воздуха, которое и должно быть учтено при исчислении данных для стрельбы в виде соответствующей поправки табличной дальности.

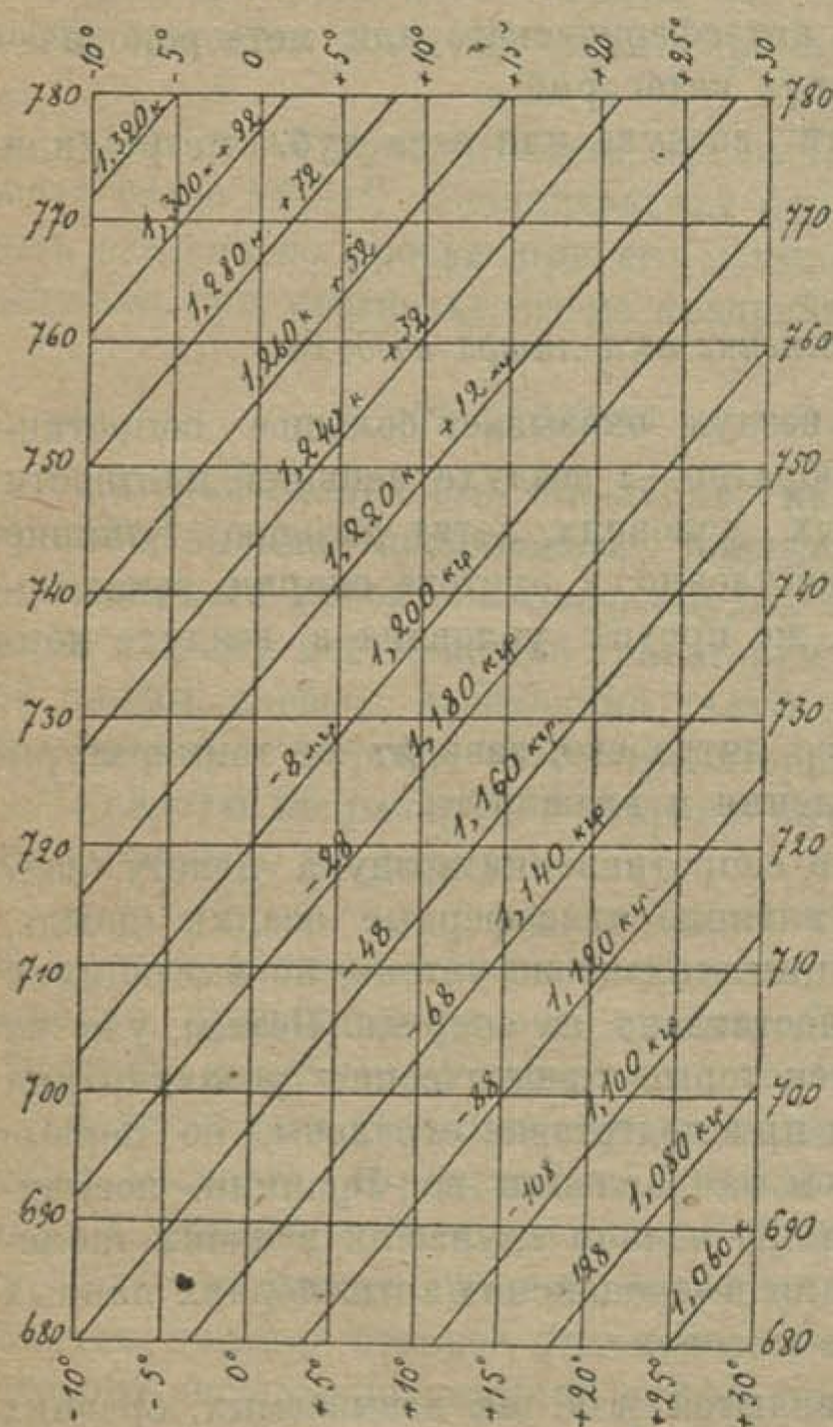
В таблицах стрельбы почти всех европейских артиллерий, изданных во время войны или после нее, включены таблицы для определения разности

$$\omega - 1{,}208$$

между весом ω литра воздуха в пункте расположения батареи в момент стрельбы и нормальным весом, как это сделано в таблицах

стрельбы 76 м.м. франц. полев. пушки в зависимости от барометрического давления на батарее и от температуры воздуха (схема этой таблицы или графика показана на фиг. 4).

Вес куб. метра воздуха и изменение веса литра воздуха в миллиграммах. Влажность $^3/_4$.



Фиг. 4.

На таблице горизонтальные прямые обозначают барометрические давления в мм. от 680 до 780; вертикальные— температуру воздуха от —10° до +30°. На диагональных линиях помещены соответствующие веса *куб. метра* воздуха в кгр., а равно и разности весов *литра* воздуха в миллиграммах с соответствующим знаком по сравнению с нормальным, т. е. значения: ω — 1,208. Зная давления и температуру воздуха на позиции, отыскивают на пересечении соответствующих прямых диагональную линию и прочитывают прямо на ней или на ближайшей к этому пересечению линии или получают интерполированием соответствующую данную веса воздуха или разность ω — 1,208. Если батарея не располагает барометром и термометром, а получает сведения о давлении и температуре с ближайшей зондировочной станции, то для перехода от давления на станции к давлению на уровне батареи пользуются барометрической табличкой, вроде имеющейся в вышеназванных французских таблицах стрельбы и схематически показанной на фиг. 5. Здесь по горизонтальным прямым помещены вверх и вниз от средней нулевой линии, разности уровней батареи и зондировочного поста в сотнях метров; по вертикальным прямым—барометрические давления на уровне зондировочного поста; на диагональных линиях читают в мм. барометрическое давление на уровне батареи. Давления на таблице помещены с точностью до 5 мм. (на схеме масштаб крупнее — через 20 мм.).

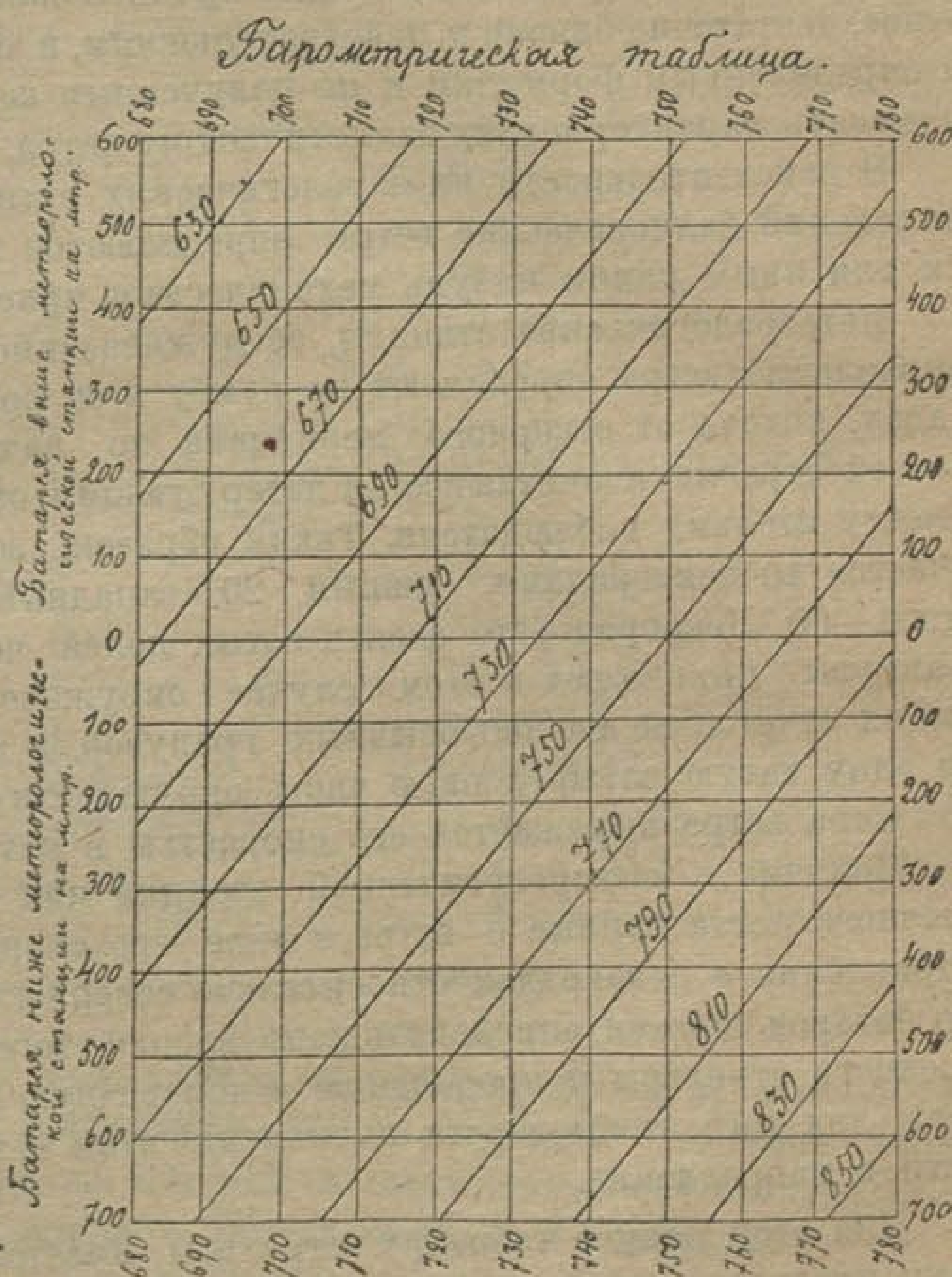
Определив таким образом эту разность в миллиграммах, по до-

полнительным таблицам стрельбы прямо определяется соответствующая поправка дальности.

Влажность воздуха при составлении всех этих вспомогательных таблиц, а также и таблиц стрельбы, обычно принимается постоянной и равной $^3/_4$, как наиболее близкой к среднему состоянью влажности. Однако, по имеющимся данным, на зондировочных постах во Франции и Англии поправки данных, получаемых непосредственным наблюдением, производятся на этих станциях приведением к влажности $^3/_4$, прежде чем эти данные передаются на батареи. Но, вообще, вследствие незначительности влияния влажности можно пренебрегать этой поправкой.

б) Поправки на ветер.

Так как влияние ветра на изменение табличных данных, вообще говоря, одно из самых существенных, то им пренебрегать не представляется возможным; в европейских армиях этот вопрос вполне детально разработан, а организация периодических осведомлений артиллерийских начальников о всех необходимых данных, касающихся ветра, детально разработана и вполне установилась.



Фиг. 5.

При этом, принимая во внимание, что обычно ветер как по силе, так и по направлению иногда меняется в довольно значительных пределах на различных высотах атмосферы, то армейские метеорологические станции данные, фактически измеренные ими в разных слоях, которые снаряду приходится при своем полете пересекать, заменяют данными, характеризующими некоторый *фиктивный ветер*, предполагаемый постоянным как по силе, так и по направлению и оказывающий на снаряд, в конечном счете, тоже влияние, как и пере-

менный *действительный* ветер. Такой фиктивный ветер носит название *балистического ветра*.

Для определения балистического ветра предполагают, что отклоняющее действие некоторого ветра, постоянного по скорости и направлению в воздушном слое данной толщины, напр., 500 мтр., пропорционально времени, в течение которого снаряд находится в этом слое при полете.

Как первое приближение, такое предположение, хотя и не вполне точное, достаточно близко к действительности, и оно дает возможность по определенным формулам и по полученным зондированием данным вычислять характеристику балистического ветра.

В действительности на аэрологических станциях для ускорения вычислений балистические ветры определяются по графикам, таблицам или иным каким нибудь механическим приемом.

Метеорологические станции, обслуживающие армию во Франции, направление ветра определяют по румбу или розетке ветров в декаградах, исходя от северного меридиана по направлению движения часовой стрелки и считая всегда ветер дующим от периферии к центру к месту стояния наблюдателя. Таким образом, восточный ветер обозначается 10 декаградами, южный - 20, западный—30, северный—40, штиль—00. Декаград—это десять сотых долей четверти окружности; французы принимают в этом случае окружность разделенной для мелких отчетов не на 360 обычных градусов, а на 400 частей, называя одну такую четырехсотую часть окружности—*градом*.

Сила ветра выражается его скоростью в метрах в секунду.

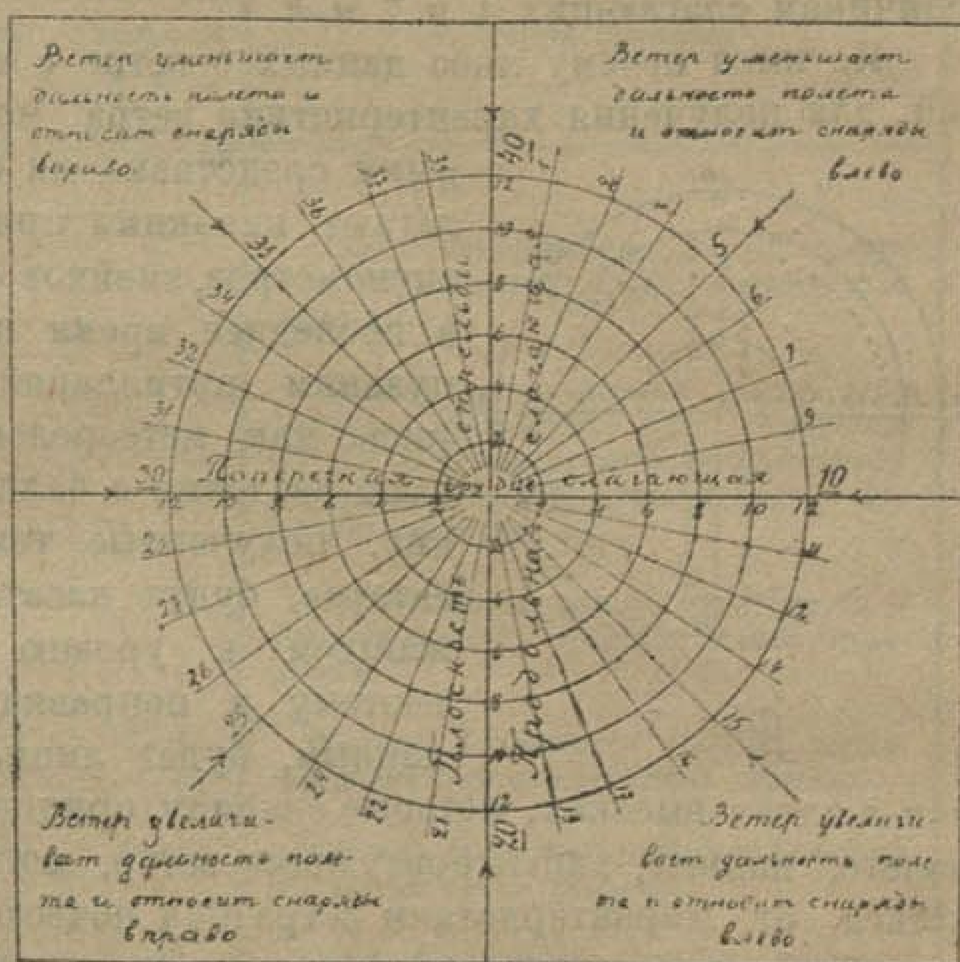
Получив с метеорологической станции или ближайшего зондировочного поста данные о ветре в виде его скорости в м.—с. и его направления в декаградах относительно северного меридиана, командир батареи должен определить направление этого ветра относительно плоскости стрельбы и продольную и поперечную составляющие этого ветра, для того чтобы внести вызываемые этим ветром поправки дальности и направления.

Для этой цели в таблицах стрельбы имеется график, схематически представленный на фиг. 6. Здесь вертикальная ось представляет направление плоскости стрельбы, горизонтальная—к ней перпендикулярна. По оси направления стрельбы прочитываются величины продольных слагающих ветра; по второй оси—величины поперечных слагающих этого ветра. Серия радиальных прямых, делящих вместе с двумя упомянутыми основными осями каждую четверть круга на 10 частей*), выражают направления ветра в десятках градов; число декаградов отмечено соответствующей цифрой на каждой из этих радиальных прямых. Для удобства определения по этим радиусам силы ветра на графике в произвольном масштабе вычерчена серия

*) На приложенном чертеже из соображений упрощения вычерчивания и большей ясности фигуры малого масштаба по две радиальных линии в каждом квадранте выпущено.

концентрических окружностей, пронумерованных от центра к периферии порядковыми цифрами, выражающими метры в секунду. В углу каждого квадранта, для памяти, отмечено влияние ветра, направленного именно в границах этого квадранта, на дальность полета и на снос снаряда в сторону.

Получив с метеорологического поста данные о ветре, командир батареи, помощью карты, буссоли и розетки ветров, прочерчивает на кальке направление географического меридиана для точки расположения орудия или батареи, направление стрельбы и направление ветра (по розетке и по числу переданных со станции декаградов), а затем эту кальку накладывает на график (фиг. 6), ориентируя кальку по направлению стрельбы; читает номер радиальной прямой графика, соответствующей направлению **ветра**, прочерченному на кальке, а затем проектирует точку пересечения этого радиуса с окружностью, выражающую силу ветра, на продольную и на поперечную ось графика, прямо прочитывая, таким образом, величины обоих слагающих силы ветра, по которым в соответствующей таблице определяет поправки дальности и направления, ими вызываемые.



Фиг. 6.

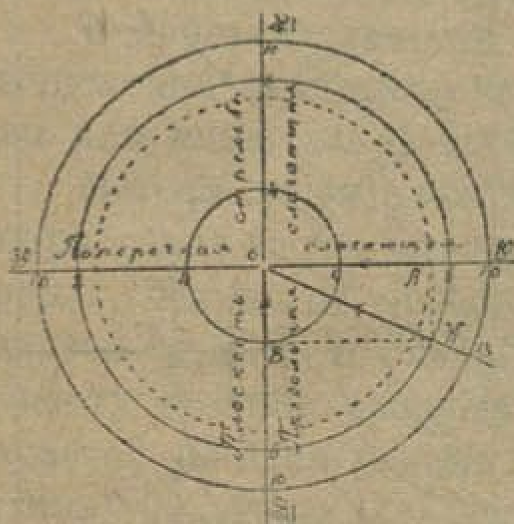
Можно обойтись и без прочерчивания на кальке, поступая так: получив с метеорологической станции величину угла, образуемого направлением ветра с географическим меридианом, вычитают из него угол, образуемый направлением стрельбы с географическим меридианом (выражая оба угла в декаградах) или придают к первому углу дополнение до 40 второго угла, если он больше первого по абсолютной величине; получают таким путем направление ветра в декаградах по отношению плоскости стрельбы. Дальше проделывается то же, что и было указано выше для определения обоих слагающих ветра.

Пусть, напр., направление ветра относительно плоскости стрельбы оказалось 13 дек., а сила ветра 8 м.—с. Тогда по пересечению радиальной прямой 13 (во второй четверти) с окружностью 8 (точка W

фиг. 7) получаем проекции силы ветра OW на направление стрельбы—ОБ, равную 4 м.-с, а на поперечное направление—ОА, равную приблизительно 7 м.-с.

Этот ветер увеличивает дальность, так как продольная слагающая его направлена по направлению стрельбы, и сносит снаряды влево, соответственно направлению влево поперечной слагающей. Величины же самых поправок дальности и направления определяются из таблиц стрельбы по таблице добавочных данных соответственно величинам слагающих 4 и 7 м.-с.

Не имея почему либо данных о ветре с метеорологических станций, для получения характеристики ветра можно пользоваться местными средствами на батарее, если не располагают никакими приборами (вроде ручных анемометров, змейков с динамометрами, какие в последнее время приданы ко всем французским артиллерийским дивизионам); но тогда как метеорологические посты обычно дают сведения о балистическом ветре, сведения, полученные тем или иным путем на батарее, будут касаться только ветра в ближайшем к уровню земли слое воздуха, поэтому и поправка, вычисленная по этим данным, будет лишь приблизительной, так как в слоях высоких, которые снаряду придется пересекать при своем полете, данные, характеризующие ветер, могут очень сильно отличаться от характеристики ветра над почвою непосредственно.



Фиг. 7.

Признаки, коими можно пользоваться при приблизительном определении скорости ветра над почвою, примерно сведены в приводимой на стр. 262 таблице.

При определении направления ветра местными средствами можно пользоваться флажками (вымпелами) или флюгерами, поставленными возможно выше, а также наблюдениями за дымом от костров и из труб жилых помещений, от разрыва снарядов, особенно дистанционных и т. п. При этом для устранения крупных ошибок необходимо учитывать местные особенности климатических условий.

III. Балистические поправки.

Поправки этого характера учитывают влияния, вызываемые:

а) разнообразием весов снарядов,

б) разнообразием качеств пороха,

в) разнообразием температуры зарядов и

г) износом каналов орудий.

а. Поправки на разнообразие весов снарядов.

Чем больше вес снаряда при том же заряде пороха, тем меньше дальность полета. С другой же стороны, увеличение веса снаряда

данного калибра увеличивает его поперечную нагрузку, а следовательно, уменьшает сопротивление воздуха при полете, что отражается на увеличении дальности полета при том же заряде. Так, что в результате этих противоположных влияний увеличение веса снаряда может повлечь либо уменьшение, либо увеличение дальности в зависимости от величины этой дальности.

Сила ветра в баллах.	Характер ветра.	Скорость ветра в м. в. с.	Внешние признаки:
0	Тихо (штиль).	0	Воздух неподвижен, дым от костра или из дымовой трубы поднимается вертикально.
1	Легкий ветер.	1	Дым от костра или из трубы едва заметно отклоняется от вертикали; листья на деревьях шелестят; зажженая спичка не тухнет, пламя заметно отклоняется в сторону.
2	Слегка ветрено.	2—3	Пламя спички сильно отклоняется и быстро тухнет; флажок слабо колышется.
3	Слабый ветер.	3—4	Флажок развевается вполне; раскачиваются небольшие ветви деревьев.
4	Умеренный ветер.	6—7	Флажок треплется; качаются большие и толстые ветви деревьев.
6	Сильный ветер.	11	Свист у построек; качаются верхушки деревьев; рвет флаг.
7	Очень сильный ветер.	13	По воде барашки; качаются стволы небольших деревьев.
8	Грозовой ветер.	15	Идущий против ветра встречает сильное сопротивление движению; качаются крупные деревья.
9	Буря.	18	Рвет крышу; валит сухостой в лесу.
10	Ураган.	50	Очень большие опустошения как среди населенных пунктов, так и в лесах.

Во французской артиллерии снаряды всех полевых калибров разделяются на группы по весам и на боковой своей поверхности снабжаются условным знаком, наносимым краскою (в виде условленного числа крестиков или звездочек) и при подготовке снарядов к стрельбе на позиции сортируются по этим знакам внося в данные для стрельбы каждый раз поправку, соответствующую группе снарядов, снабженной тем или иным знаком. Снаряды крупных калибров Французы снабжают на их боковой поверхности данной об их индивидуальном весе, который равным образом непосредственно учиты-

вается по соответствующим таблицам для внесения поправки в табличные данные для стрельбы.

б. Поправки на изменение свойств пороха.

Французы уделяют особенное внимание этой поправке на разнообразие скоростей горения или, как они называют, „живости" (la vivacité) пороха в различных партиях его или на изменение этой скорости горения в одной и той же партии под влиянием времени и условий хранения. Немцы, повидимому, до сих пор этой поправке не придают значения, что заставляет предполагать, что на однообразие партий пороха и соответствио их зарядов тем начальным скоростям, которые указаны в таблицах стрельбы, обращено большое внимание и что они вполне уверены в этом соответствии*).

Истинную начальную скорость, развиваемую зарядами данного сорта и данной партии пороха, можно установить только в обстановке полигонной стрельбы, так как требуются для этого фонографы и другие вспомогательные приборы и приспособления.

Поэтому заводы, изготовляющие заряды, сами подбирают для каждой партии пороха тот *средний по весу заряд*, который развивает надлежащую (табличную) начальную скорость, не выходящую из допускаемых пределов.

В условиях же полевой обстановки определение поправки, вызывающейся неуверенностью в сохранении первоначальных своих качеств зарядами с течением времени, французы делают, применяя так называемый „обратный прием": определив все остальные поправки на скорость горения пороха, производят пристрелку, предполагая, что заряды развивают табличные скорости.

Определившуюся при этой стрельбе поправку дальности, сравнительно с вычисленной, всецело относят на долю изменившихся свойств пороха и по ней определяют по дополнительным таблицам поправку начальной скорости, соответствующую этой практически определенной поправке дальности; эту поправку начальной скорости учитывают затем при всякой стрельбе зарядами этой же партии пороха или этого же сорта.

в. Поправки на температуру заряда.

Чем температура пороха заряда выше, тем давление развиваемым им пороховых газов больше. Табличная начальная скорость определена, принимая температуру заряда перед сгоранием в 15° Ц.

Изменение начальной скорости, вызываемое изменением давления пороховых газов при изменении температуры заряда, может быть довольно точно вычисляемо по формуле:

*) Нужно заметить, что нитроглицериновые бездымные пороха действительно обладают большим однообразием в этом отношении, чем применяемые у французов, у американцев и у нас пироксилиновые пороха.

$$V-V_0=dV_0=V_0\times\frac{t-15}{1000},$$

где t^0—температура пороха в момент воспламенения заряда, а V_0—табличная начальная скорость и V—фактическая нач. скорость, получающаяся при T^0.

Вычислив при температуре t^0 эту разность dV_0, по специальной таблице, в таблицах стрельбы определяют поправку дальности.

Для определения же температуры зарядов надлежит батареи снабжать термометрами, обучать их правильному пользованию ими, чтобы быть уверенными, что они действительно показывают температуру зарядов, а не подвержены влиянию прямых солнечных лучей или иных окружающих предметов.

Все французские батареи снабжены термометрами типа пращевых. Немцы имеют термометры даже с небольшими электрическими вентиляторами, с батарейками для создания циркуляции воздуха около термометра. Специальные опыты, произведенные в Германии, показали, что заряды в латунных гильзах и в патронах воспринимают вполне температуру окружающей среды (напр., воздуха в пороховом погребе, наружного воздуха при хранении открыто в штабелях и т. д.) через 1—1½ час. по внесении в эту среду.

Поэтому незначительные задержки патронов в канале разогретого от усиленной стрельбы орудия не должны заметно влиять на нагревание зарядов. Но нагрев орудия несомненно влияет на увеличение давления пороховых газов, развивающихся при выстреле, чем и можно об'яснить некоторые ненормальности в полете снарядов при этих условиях стрельбы. Поэтому надлежит применять всяческие меры к устранению сильных разогревов орудий, проветривая канал, чаще давая отдых орудиям, чередуя их стрельбу, даже поливая орудия водой при продолжительной, непрерывной стрельбе.

г. Поправка на износ канала орудия.

При значительном разгаре канала орудия, при всех прочих неизменных условиях, начальная скорость снаряда уменьшается.

Это обстоятельство, понятно, обратило на себя особенное внимание во время минувшей мировой войны при той подчас непосильной работе, которая выпадала на долю большей части орудий. Однако, до сих пор не установлено какой-либо закономерности влияния числа сделанных из данного орудия выстрелов на понижение начальной скорости, так как и самый износ каналов орудий, сделавших одинаковое большое число выстрелов, оказывается нередко самым разнообразным.

Так как способов вычисления величины падения начальной скорости по числу произведенных из орудия выстрелов еще нет, то единственным путем определения качеств орудий, или, как французы говорят, „режима“ орудия, остается фактическое сравнение его при одновременной стрельбе с вполне исправным новым орудием.

Такую выверку всех орудий, бывших на фронтах, немцы, а также англичане проделали в течении 1917 г. когда части отводились в тыл на отдых; при этом выверка производилась как по сравнению с образцовыми орудиями, так и орудий между собою, входящих в состав одной и той же батареи.

Полученная характеристика фиксировалась для каждого орудия и вводилась, как поправка, при вычислении данных для стрельбы в дальнейшем из этого орудия.

Конечно, полученная индивидуальная поправка пригодна только пока орудие составляет единую систему с тем лафетом, на котором оно выверялось; при перекладывании его на другой лафет или при перемене люльки индивидуальная поправка, вообще говоря, должна быть определена вновь.

Поправка на режим орудия особенное значение приобретает, конечно, у орудий больших калибров, стреляющих с большими начальными скоростями, как быстрее изнашивающихся.

II. Дистанционная стрельба.

При ударной стрельбе цель поправок—заставить траекторию пройти через данную точку цели, тогда как при дистанционной стрельбе необходимо получить разрывы снарядов в воздухе в точке траектории, надлежащим образом расположенной относительно цели.

Однообразие горения трубок обеспечивается подбором надлежаще обработанного пороха для трубочного состава. Но на его горение оказывают существенное влияние атмосферические условия—температура и давление воздуха. Поэтому изменения топографических, атмосферических и балистических условий, влияющие на расположение и форму траектории и рассмотренные в отношении ударной стрельбы, остаются в силе и при дистанционной стрельбе, поскольку они изменяют форму траектории; но при дистанционной стрельбе это влияние усложнено еще влиянием части этих же причин и на изменение скорости горения трубочного состава, разнообразя и изменяя положение точек разрыва снарядов на траектории сравнительно с табличными указаниями, отнесенными к определенным нормальным условиям.

Однако, у нас эти влияния мало исследованы и во всяком случае никоим образом не могут быть заранее учтены при подготовке стрельбы; учет же их при стрельбе может быть осуществлен только путем пристрелки и определения, вместе с прицелом дня, и установки трубки данного дня.

В европейских армиях уже во время минувшей войны делались настойчивые изыскания в направлении правил учета изменения условий горения дистанционного состава при подготовке стрельбы в зависимости от атмосферных условий; особенно этот вопрос интересовал и, повидимому, вполне теперь разработан в английской артиллерии, но подробных сведений по этому вопросу в нашем распоряжении пока не имеется, как уже упомянуто было в начале статьи.

Топографические поправки.

При дистанционной стрельбе по наземным целям с разными превышениями их относительно местоположения батареи, в табличную дистанцию до цели вносятся те же поправки на угол местности с дополнительной к ней поправкой, если нужно, как и при ударной стрельбе. К этому, конечно, должна быть для установки трубки взята данная, относящаяся до табличного угла прицеливания, исправленного на угол местности и на дополнительную к нему поправку.

При малых углах местности (до 1°) этими последними поправками практически можно пренебречь.

Поправки атмосферические и балистические.

При дистанционной стрельбе по наземным целям и даже по привязным шарам можно пользоваться, практически с достаточной степенью приближения, приведенными выше приемами исчисления поправок табличных данных для подготовки стрельбы, учитывая наличные атмосферические и балистические особенности момента и присоединяя к ним, конечно, поправки установки трубки, вытекающие из атмосферных влияний. Немцы при этом учитывают балистическую температуру воздуха, а также и балистическую плотность воздуха, т. е. вычисленные на метеорологических станциях средние, фиктивные величины этих данных, исходя из полученных непосредственным зондированием реальных данных в разных слоях атмосферы, вообще говоря, различающихся по величине между собою в зависимости от высоты, на которой они измеряются. Вычисление т. наз. балистических данных давления и температуры воздуха обычно определяются быстро по имеющимся для этого графикам или таблицам в функции высоты полета снаряда.

Во французских таблицах эти поправки учитываются по реальным данным атмосферического состояния, поэтому менее точны, чем у немцев.

А. Бельский.

Химия в мировую войну *).

Количество химиков в Германии к 1914 г. насчитывалось 30.000 чел., в то время, когда во Франции только 2.500 чел. Уже одно сопоставление этих цифр слишком характерно в отношении развития химии в Германии. По отношению к Франции можно сказать совершенно противоположное: своих химиков она не задержала для специальных работ, но с первого дня мобилизации отпра-

*) Составлено по статье С. Ростворовского в «Polska Zbrojna» №№ 199, 200, 209—1922 г.

вила на фронт 1.400 чел., из которых 200 чел. пали в первых же боях. Оставшиеся в тылу, наиболее слабые или в преклонном возрасте были совершенно не подготовлены к гигантским усилиям, какие ожидали Францию.

С точки зрения условий работы обстоятельства для Франции складывались еще более неблагоприятно. Во всей стране имелось около 10 научных химических лаборатории, из которых только одна была для органической химии, а на фабриках—несколько испытательных станций.

Совершенно другие условия были в Германии, где насчитывалось несколько десятков высших технических и промышленных школ с великолепно оборудованными лабораториями. Один из профессоров уже в первые дни мобилизации получил в свое распоряжение 200 химиков. К тому же почти в каждой крупной фабрике была лаборатория, приспособленная не только для практических, но и для теоретических исследований.

Материальная же ситуация улыбалась больше Франции. Германия не предвидела такого быстрого пресечения подвоза из заграницы, кроме того, ее наиважнейшие продукты были в незначительном запасе.

Борьба, начавшаяся в таких условиях, была не предусмотрена ни одним из теоретиков: аммуниция, рассчитанная на недели, была израсходована на фронтах в течение нескольких дней, дальнейшие пополнения оказались смехотворными в сравнении с потреблениями армий. В этом положении очутились как Германия, так и Франция.

Воевавшим государствам, кроме недостатка в аммуниции, сразу пришлось почувствовать дороговизну каучука, цинка, никкеля и проч., вызванную блокадой Германии. Кроме того, во Франции ощущался острый недостаток в перевязочных средствах, которые были также не предусмотрены; к тому же большое количество раненых принудило к устройству сотен госпиталей, которые снова требовали материалов, инструментов, как напр., термометров и т. д.

Оказалось, что во Франции не было ни одной фабрики термометров и ни одного специалиста для их выделки, так как до этого времени спрос на них удовлетворялся Германией. Ввоз индиго из Индии, из недостатка тоннажа, занятого на перевозку войск из Англии и колоний, был также приостановлен, таким образом, не оказалось красок для суконных изделий.. Таких примеров можно было привести целые сотни.

Предполагаемая вначале непродолжительность войны задержала организационные работы, тем же временем сражение на Марне не разрешило стратегической задачи, и война приняла окопный характер.

Только в течение зимы 1914—1915 г. г. начинается рациональная организация производства. В Германии инициатива исходила не от военных властей, но из самих технических кругов, так как

недостаток разных вспомогательных продуктов рисовал в дальнейшей перспективе одну катастрофу. Союз крупных фабрикантов приступил к организации военной промышленности. Во Франции же и Англии во главе этого движения стояли правительства, образовывая аммуниционные департаменты и министерства, армия же не весьма охотно и без достаточной оценки ситуации выделяла квалифицированных химиков и техников, а университеты и академии предоставляли для армии свои лаборатории и профессорские силы.

Для коалиции переломным моментом в организации химической работы было появление удушливых газов на немецком фронте. Только после этого военные и гражданские власти поняли доводы этой отрасли знаний и необходимость организации химической техники на военный лад.

Для центральных же государств критическим моментом был 1916 г. и в особенности наступление на Верден и неприятельское контр-наступление, истребившие запасы и не приведшие к решающим результатам. После этого, по примеру лорда Китченера, главная германская квартира, во главе с Гиндербургом и Людендорфом, выработала обширную программу расширения техн. строительства в тесной зависимости с военными требованиями.

Программа Гинденбурга ввела порядок и планомерность в химической промышленности и дала возможность пережить кризис. В химической промышленности не столько интенсивность труда, сколько организация оказалась решающим фактором. Перевес германской техники проявился в особенности на следующий год и мог бы привести к победе, если бы не вмешательство Америки и ее неслыханная организация, повлиявшая на равновесие сил союзников.

О развитии американской техники, в особенности в области химии, пока еще не представляется возможным найти какие-нибудь данные. Из французских источников видно, однако, ясно, что американская организация опиралась исключительно на опыт Франции в первые годы войны и даже на совместное сотрудничество с французской промышленностью. Американская военная программа была рассчитана на три года, согласно которой война должна была закончиться в 1919 г. Окончание войны на год ранее было для американской промышленности совершенно неожиданным, однако, работа не была приостановлена и выработка удушливых газов продолжалась в дальнейшем, о чем свидетельствует образование министерства противогазовой обороны.

В отношении отдельных отраслей химической техники положение во время войны обстояло так.

Металлургическая промышленность.—До войны количество металла на рынке было так велико, что ни одно государство не заботилось о создании мобилизационных запасов. Война произвела и в этом отношении революцию. Колоссальные требования на металл

оружейными фабриками, легкость производства и приобретения металла показали его значение.

Во Франции поводом к этому послужило занятие германской армией северных промышленных департаментов, затруднения в тоннаже, а в центральных государствах—непредвиденная морская блокада и мобилизация рабочих в копях и заводах. В этом отношении затруднения Франции были особенно чувствительны в связи с прекращением ввоза из шведских электро-технических фабрик готового металла, внутренняя же промышленность не оказалась на должной высоте для производства орудий. Приходилось путем химических опытов преодолевать затруднения или прибегать к открытию новых составов металла для оружейных фабрик. В еще худшем положении оказалась техника в области авиационной и автомобильной промышленности. Французские химики в металлургической промышленности создали целую серию сортов железа, напр., хромистое, кремнистое, никкелевое и др. сорта стали, которые отличались твердостью и упругостью.

Неизвестные для авиации до этого времени некоторые виды руды (аллюминиевая) и использование таковой для военной промышленности поставили Францию, в отношении количества вырабатываемого металла, на второе место после Америки. Один из этих видов руды, под названием дураллюминиевый, в составе 93% глины, 3,70%—меди, 0,61%—магния, 0,25%—цинка, 0,43%—магнезии и 0,53%—железа, оказался чрезвычайно ценным в инструкционной замене стали на более высшую твердость. Перевес Франции над Германией в области авиации был обязан всецело открытиям в металлургической химии.

Выработка броневых щитов для танков требовала, в свою очередь, специальных опытов. Результаты таковых оказались весьма удовлетворительны.

Германские металлурги-химики имели перед собой еще большие затруднения. О том, как велика была зависимость германской металлургической промышленности от ввоза из заграницы, говорит следующая таблица:

Нормальное производство в месяц:

Меди	2 000 тонн,	требов. на воен. целей . .	15.000 тонн
Никкеля	— —	„ „ „ „ . .	500 „
Цинка	10 „	„ „ „ . . .	400 „
Хрома	— —	„ „ „ . . .	500 „
Вольфрама	2 „	„ „ „ „ . .	80 „
Ртути	— —	„ „ „ „ . .	80 „
Графита	200 „	„ „ „ . . .	1.000 „

О том, как давал себя чувствовать недостаток какого-нибудь металла, доказывает факт перевозки из Америки подводной лодкой „Германия“ такого обыкновенного металла, как цинк.

В попытках постройки танков, в виду недостаточной их оценки генштабом в первое время войны, германские результаты не достигли высоты французских методов, хотя с другой стороны производство специальных твердых пуль, пробивавших самую твердую танковую бронь, так называемых J. Geschosse имело свои положительные результы.

Производство взрывчатых веществ.—Со времени введения огнестрельного оружия, вопрос о снабжении войск достаточным количеством пороха был постоянной заботой квартирмейстеров всех армий и народов. Недостаток пороха принуждал самые сильные крепости к капитуляции, как, напр., усилия ген. Гаука при взятии Замостья в 1813 г., окружение Смоленска Сигизмундом III, а также лихорадочное приготовление пороха во время восстания в 1831 г., от которого зависила дальнейшая судьба восстания.

Мировая война показала, что ни одному теоретику не удалось даже и приблизительно предусмотреть, какие колоссальные затруднения ожидают современные военные министерства на поле битв. Самая пылкая фантазия не могла представить себе количества тонн пороха, выстреливаемого в течение одного современного позиционного сражения. По изучении мировой войны можно смело сказать, что ни одно государство, а менее всего Германия, не было подготовлено к снабжению армии аммуницией в достаточном количестве.

Азот, употребляемый в сельском хозяйстве, необходим также и в военной промышленности, благодаря чему были высказаны опасения английским химиком Груксом об исчерпании источников чилийской селитры. Этот вывод оказался исходным пунктом для работ над изысканием азота из воздуха. К началу этой войны вопрос об азоте был для Европы совершенно не разрешен. За исключением Норвегии, которая при помощи своих водопадов первой начала фабрикацию искусственной селитры, другие государства только частично покрывали требования на азот внутренним производством. Потребление азота в Германии до войны составляло 220.000 тонн ежегодно, из которых 200.000 т. шло на сельское хозяйство и 20.000 тонн—на приготовление взрывчатых веществ в горно-заводской промышленности, на изготовление целлюлозы и проч. Половина этого количества вырабатывалась внутри (при 16.000 т. выработки из воздуха и 1/7 потребления) и остальная часть привозилась из Чили. Во Франции ежегодное потребление селитры составляло 320.000 тонн, из которых 280.000 т. для сельского хоз. и 2.000 т. использовывалось цианистыми фабриками. В Англии и Бельгии условия были аналогичны с Францией.

Первые месяцы войны доказали, что количество азота, необходимое для армии, в 5 раз превышает общее довоенное потребление. Ситуация была еще критичнее с началом войны, когда все склады чилийской селитры в Европе были уже пусты. Напр., в Германии количество реквизированной селитры составляло всего 9.000 тонн, дальнейший же подвоз из заграницы был невозможен.

К этому времени снова начались состязания химиков обоих сторон, в результате чего появился фантастический рост азотной техники. Проблема азота, над которой корпели ученые и техники в течение 25 лет, после предсказания Грукса, была разрешена в течение 5 лет!

Во Франции к этому времени приступили к утилизации дыма в газовых и коксовых заводах для изготовления азота.

В Пиринеях, в Пер-Эфите, в короткое время выстроили по системе Биркеланда фабрику для выработки азота с продуктивностью 12 тонн в день. Новые фабрики Франка и Кора, вырабатывающие цианистые соединения, построенные по немецкой системе, достигают продуктивности 100.000 тонн вместо 9.000 т. довоенной добычи.

Система Габера, немецкого техника, повлиявшая за три года войны на добывание аммиака из воздуха при соединении азота с водородом при 500° температуры 200 атмосферах давления, во Франции была усовершенствована путем увеличения давления до 1.000 атмосфер и понижения температуры.

Наиболее крупные германские фабрики вырабатывающие смесь азота, находятся: в Хоржеве около Бютома (спорный пункт в В. Силезии) с ежегодной производительностью в 300 тонн, и в Пестерице, продуктивность которой с апреля по ноябрь в 1915 г. составляла 150.000 тонн.

Во Франции довоенная азотная промышленность пользовалась в значительной мере ввозом из Германии, с об'явлением же войны, французская промышленность увеличила добычу азотной кислоты с 6000 до 300.000 тонн в год, пользуясь итальянскими и испанскими пиритами. При этом была достигнута большая экономия при сернистых испарениях из фабричных труб, в особенности в Америке. В данное время французская химическая промышленность совершенно независима от ввоза кислот из заграницы.

Для германской и австрийской серной промышленности катастрофическим моментом было об'явление войны Италией, когда прекратился ввоз серы из Сицилии.

Кроме того, найдена возможность приготовления кислоты из гипса, благодаря экономии при сухой дистилляции угля.

И, наконец, алкоголь и эфир, также необходимые в военной промышленности, сыграли большую роль для центральных и союзных государств: недостатком в первых и возможностью ввоза из Америки— для вторых.

В самой Германии количество спирта, вырабатываемого из картофеля и бураков для военной промышленности, не превышало 900 тонн ежегодно. В дальнейшем условия продовольственные сократили и эту цифру.

И здесь химический синтез оказался неизбежным. В Швейцарии приступили к выработке алкоголя из карбида, смесь которого с водой дает ацетилен, при реакции которого с уксусным альдегидом образу-

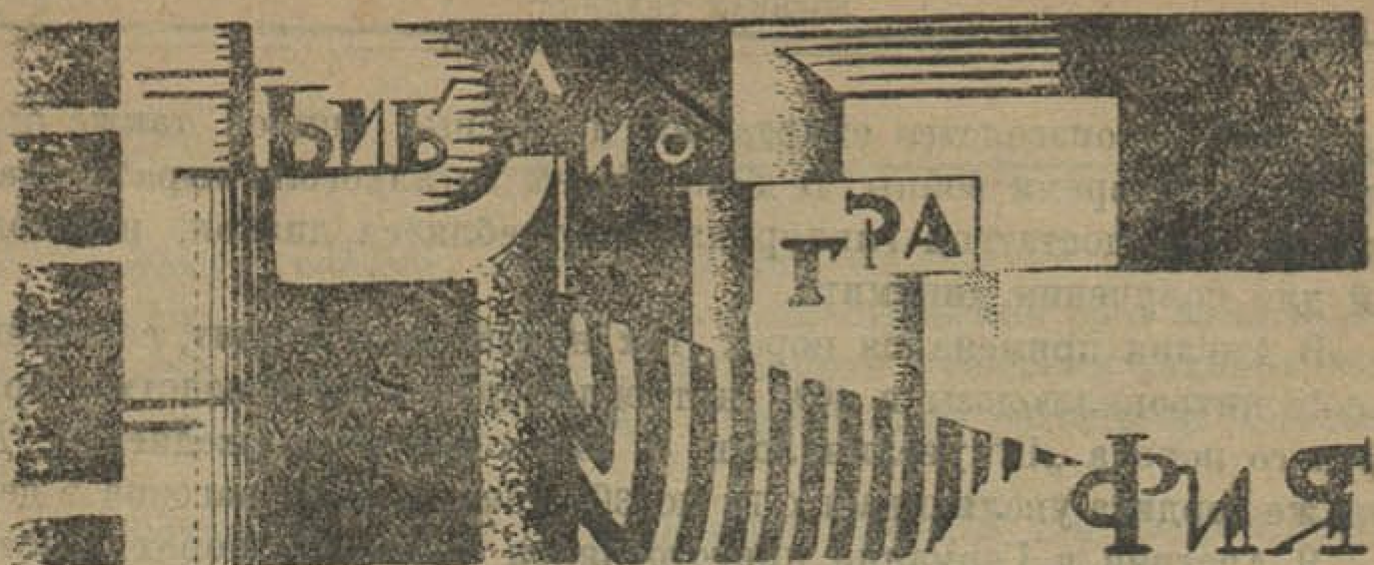
ется спирт. Производство спирта из древесных опилок также была применено во время войны. В дальнейшем из алкоголя вырабатывали эфир, но, с недостатком глицерина, употреблялся диакол, необходимый для получения динамита.

В Англии применялся порох, так называемый кордит, состоящий из 60% нитроцеллюлозы и 40% нитроглицерина. Производство французского пороха „Б" увеличилось с 24 до 500 тонн ежедневно. Добыча же кордита увеличилась с 15 до 300 тонн, т. е. 80 вагонов в день.

В Австрии и Германии приготовлялся амоновый порох, состоящий из аммиачной селитры ($NH^4 NO^3$) и 14% угля.

Производство искусственного каучука из исопрена и резины, фармацевтическая, микробиологическая и дезинфекционная химия оказали не меньшее влияние на развитие культуры во время войны.

Что же касается специально Польши, то последняя располагает в данное время количеством химиков и лабораторий, большим чем Франция в 1914 г. Особенно выделяются в этом отношении Краковский и Львовский университеты и Львовский политехникум.



„Военная наука и революция“ — книга вторая 1922 г. Высший Военный Редакционный Совет, стр. 238.

Журнал „Военная Наука и Революция“ пережил первую стадию, неминуемую для всякого вновь возникающего органа. Период неоформленности, нащупывания надлежащего тона для правильной оценки предстоящих задач и методов их достижения — все это у журнала в прошлом. Перед нами вполне сложившийся орган с определенной принципиальной точкой зрения и деловой программой.

Поэтому Красная Армия может с большой радостью констатировать наличие у нас (наконец-то) руководящего военно-научного органа, внутренне однородно спаянного единством марксистского понимания и оценки вещей.... Внешним, но значительным признаком этого внутреннего роста журнала может служить хотя бы тот факт, что с третьей книжкой он будет именоваться „Военная Мысль и Революция“.

Прежде чем переходить к разбору содержания книжки по существу, хотелось бы высказать несколько соображений, которые не кажутся совершенно бесполезными.

Именно: в рецензируемом номере мы не встречаем (исключая небольшой заметки А. О. по поводу статьи А. Свечина в В. Н. и Р. № 2 за 1921 г.) ни одной дискуссионной статьи. Возможно, что редакция, помня статью т. Петровского, реферирующую дискуссию, имевшую место на совещании военных делегатов, тем самым считала, что для дискуссионных вопросов отведено достаточно места. Но если принять во внимание, что именно эта статья дает освещение фактов под углом зрения, усвоенным журналом, и, так сказать, являющимся его credo, то надо признать что отсутствие дискуссионных статей, излагающих иную точку зрения—не оправдывается. Хотя, конечно, из этого обстоятельства слишком рано делать какие бы то ни было выводы, все же необходимо сказать для будущего, что журналу не следует избегать более или менее широкой дискуссии на своих страницах. Это не может повредить ни ему, ни Красной Армии. Нам кажется, что наша мысль достаточно ясна и понятна и не следует предполагать, что она может быть истолкована как проповедь „суб'ективизма“ и „отсебятины“ в журнале или, что еще хуже, принципов покойного „Военного Дела“ где чуть не все статьи шли как „дискуссионные“ в силу целого ряда прямых и побочных обстоятельств.

Из статей этого номера обращает на себя внимание статья т. Е. Шиловского „О технической стороне управления армией в гражданскую войну“. Под технической стороной автор разумеет всю ту черновую мало заметную для глаз постороннего наблюдателя большую ответственную и подчас тяжелую работу, которую выполняют штабы и отчасти командование для того чтобы: 1) располагать возможно полными и обработанными сведениями об обстановке, 2) облегчать оперативные решения в форму распоряжений, 3) передавать эти

распоряжения войскам, 4) следить за их исполнением и 5) согласовывать деятельность войск и различных специальных служб.

Сравнивая личный опыт работы в одном из штабов Запфронта в период 19—20 г. г. с той постановкой дела, которая имела место в 1916 г. в VII армии, автор развертывает ту мало заметную не только для постороннего человека, но и для постоянного работника наших штабов, привыкшего к „волоките" как к нормальному явлению, черепашью работу канцелярий, своею медлительностью приносящую делу фронта быть может не менее ущерба чем и отсутствие у командования достаточного военного доверия к ближайшим сотрудникам штаба.

Но особенно однако интересно отметить здесь следующие факты, приводимые автором. Именно: 1) в гражданской войне во многих случаях командование не только ставило оперативную задачу подчиненному начальнику но и регламентировало ее исполнение вплоть до того, что командарм фактически командывал бригадами и полками.

В старой армии, подчиненный начальник в решении задачи большей частью пользовался большей самостоятельностью.

В гражданской войне работники штабов имели минимум самостоятельности и были бесполезны как средство живого общения командования с частями.

Основная причина этих явлений заключается в том, что командование в гражданскую войну не могло быть уверено что будет правильно понято подчиненными начальниками. Это отсутствие достаточного доверия (в военном смысле слова) к исполнителям служило причиной стремления командования к максимальной централизации управления. Если оставить в стороне другую, менее значительную, так сказать, побочную причину излишней централизации—неумение организовать правильно технику сотрудничества работников, что сравнительно легко устранимо, то перед нами станет во всей широте вопрос значительно переросший „технические" рамки, намеченные автором, именно, вопрос об отсутствии единства военного воспитания наших военных работников, благополучное разрешение которого нам мыслится лишь при посредстве систематической военно-воспитательной работы наших ВУЗ, через которые надлежит пропустить и всех практиков военного дела.

В кратком очерке Е. Шиловский не мог охватить всей технической стороны управления в пределах выше цитированного, однако и многое из того, что им уже указано, может быть весьма полезно в деле создания стройного и гибкого технического аппарата командования. Именно поэтому особенно желательно появление дальнейших очерков на ту же тему.

Статья Яцука „О службе самолетов конницы", как и все, что касается конницы, сейчас представляет глубочайший интерес, усугубленный тем, что в статье выясняется роль в действиях кавалерии авиации, громадное значение которой в будущих войнах еще далеко не в полной мере осмыслено и оценено. Н. Яцук отмечает, что в то время как служба самолетов пехоты и артиллерии представляет собою вполне установленное богатой практикой общезначимое содержание, по вопросу об обслуживании авиацией кавалерийских частей ничего, кроме чисто теоретического признания необходимости такого обслуживания, не существует, что безусловно вызвано отсутствием достаточного опыта в этом направлении в империалистической войне. Тем более ценной поэтому становится попытка автора систематизировать в статье весь имеющийся здесь опыт гражданской войны. По мнению автора задачи, кои придется выполнить авиации при совместной работе с конницей, могут быть разделены на три основных категории:

а) борьба с воздушным противником с целью предотвратить нападение на конницу с воздуха и помешать обслуживанию неприятельских войск, действующих против конницы, воздушной разведкой, корректированием стрельбы с самолетов и т. п.;

б) активные выступления совместно с конницей или отдельно от нее, но с целью способствовать успеху действий ее против верных целей;

в) собственное обслуживание конницы и частей ей приданных разведкой, связью и т. п.

Во всех трех случаях роль авиации подготовляющей удар коннице противника, осуществляющей разведку и связь, обеспечивающей операции конных частей в неприятельском тылу и т. д. чрезвычайно велика; за недостатком места мы не можем здесь подробнее остановиться на этом вопросе и заинтересованных отсылаем к цитируемой статье. Здесь же придется констатировать своевременность обсуждения на страницах военных журналов, как оформляющихся принципов тактики авиации так, равно, и методов борьбы с нею, ибо если авиафлот призван сыграть громадную роль в предстоящих революционных войнах Р. С. Ф. С. Р. то, как мы знаем, проблемы создания могущественного воздушного флота поставлены в порядок дня и таких гигантов капитализма как Англия и др. и таким образом в будущих сражениях, одерживать победу будет тот, за кем окажутся преимущества не только в воздухе, но и земные орудия войны будут наиболее приспособленными к борьбе с воздушными армиями. Посвященная именно этому статья Е. Акогас (Артиллерия и борьба с авиацией), вводит читателя в область мероприятий разработанных современной техникой артиллерии в целях борьбы с недосягаемым обычными средствами врагом.

В статье „Красная Армия на полях агрикультуры" А. Тарасов-Родионов предлагает передать прозябающие ныне советские хозяйства красноармейским частям, мотивируя это следующими соображениями:

а) пребывание не в городах, а в поле, в деревне даст частям возможность усиленного преимущественного обучения маневренной тактике, что затруднительно при расположении частей в городах.

б) повлечет за собой экономический расцвет совхозов, вызовет движение к ним местного населения, принесет практическую пользу последнему, будет воспитывать красноармейские части, а равно и население в направлении усвоения преимуществ коммунизма, и, наконец,

в) даст Красной Армии новый источник получения материальных благ. Однако, ни приведенные выводы, ни предварительные соображения автора, ни в каком случае не могут быть отнесены к категории бесспорных.

Так например, автор рисует заманчивую картину показательного ведения землеобработки и скотоводства, технических и починочных мастерских, с.-х. курсов, шоссейных дорог, водоснабжения, образцовых культур, случных, пунктов электрофикации и т. д., вплоть до развития местной кустарной и промысловой кооперации, а заканчивает статью указанием, что специалисты в красноармейских частях имеются и дело лишь за Наркомземом и В. С. Н. Х. в предоставлении нужного количества инвентаря и материалов. Нам кажется, что одно это заключение может почти уничтожить первое весьма сильное впечатление.

Но даже не останавливаясь на том, почему это для Красной Армии у В. С. Н. Х. и Наркомзема найдется инвентарь и материалы, тогда как для теперешних хозяев вопрос о материальном снабжении совхозов обстоит далеко не благополучно, следует сказать, что слишком проблематичен тот коммунизм, которым проникнутся работающие в совхозах красноармейцы, в то время как весь опыт участия красноармейских частей в полевых работах а равно и чрезмерное увлечение с.-х. пропагандой свидетельствует скорее о том, что части разлагаются под влиянием особенно тесной и постоянной связи с землей, демобилизационное настроение повышается, увеличивается тяга домой и т. д., ослабевает боеспособность. На эксперимент, рекомендуемый автором, можно было бы решиться лишь в том случае, если бы была гарантирована *предполагаемая им техническая* подготовка дела, которая безусловно может дей

ствовать на красноармейца воспитывающе. А так как ни Наркомзем, ни В. С. Н. Х., ни сами мы этого ни в коем случае гарантировать не можем, надо серьезно подумать, не будет ли это похуже чем размещение войск по городам.

Если же автор боится, что трудно будет без практической обработки частей на коммунистической работе в Совхозах зажечь мелкособственнического крестьянина революционным энтузиазмом в случае новых на нас нападений, то приходится пожелать ему еще раз перечесть брошюру Троцкого о военных доктринерах, где по этому вопросу есть очень много такого, что способно успокоить автора.

Из других статей заслуживают внимания: Л. Клюева „Операции 1-й конной армии“ (продолжение), Е. Смысловского „Польская артиллерия“ и Я. Гайлита „Ночные действия“, а равно и весь отдел „Обозрение иностранной военной литературы“.

Мих. Лузин.

„Восстановление Европы“. изд. газеты „Манчестер Гвардиан“. Лондон.

Газета „Манчестер Гвардиан“ предприняла издание журнала „Восстановление Европы“. В предисловии к этому изданию газета пишет:

Восстановление Европы является неотложным требованием момента. Во всех странах укрепляется сознание, что возвращение экономического равновесия возможно только при условии совместной работы в этом направлении.

— Почему, — говорится в предисловии, — торговля в Европе утратила свое равновесие, международные же дельцы занялись игрой в ценности, и одно государство лишено покупательной способности, в то время как другое также переживает кризис с перепроизводством?

„Манчестер Гвардиан“ берет на себя задачу по разработке вопросов восстановления Европы вообще и разрешения проблем международного обращения ценностей, национальных финансов и кредита, таможенных вопросов, сообщения и обеспечения жизненными продуктами. — В частности, издательство использует все возможности исследования хозяйственного положения в Европе, изучения России, доставка и распределение сырья и т. д. Самая отдаленная страна должна быть исследована, благодаря чему намечаются новые пути экономической политики.

Заслуживает внимания в этом номере торговый барометр, показывающий с.-х. и промышленное положение, состояние финансов, колебания цен и производство в Англии, Америке и др. главнейших европейских государствах. Европейская часть журнала ведется Лондонской экономической школой в сотрудничестве с заграничными корреспондентами. Американской частью заведует экономический департамент Гарвардского университета.

Содержание первого номера:

И. М. Кейнс. — Теория денежного обращения и паритет покупательной способности.

Его-же и Д. Варда. — Производственное время в заграничных акциях.

И. М. Кейнс. — Стабилизация европейских акций.

Д. Вард. — Обзор Лондонской биржи.

О. Т. Фальк. — Европейский курс доллара и его дальнейшие колебания.

Проф. Д. Фред. — Платежный баланс в Америке и Европе.

Проф. Ej. Jòze. — Колебания курса франка.

Д-р Гианнини. — Итальянская валюта.

Д-р Мельхиор. — Падение немецкой марки.

Д-р фон Глазенапп. — Немецкий платежный баланс.

Ф. Р. Урбиг. — Возможности контролирования акций.

Проф. Г. Кассель. — Скандинавская валюта.

Д-р Регенданц. — Польская валюта и русский рубль.

Д-р А. Расин. — Чехословацкая валюта.

Д-р Ф. Стейнер.—Вена, как биржа для стран победительниц.

Маврикий Бланк.—Румынская валюта.

Проф. Андреадес. — Греческая валюта.

С. Бочнев.—Болгарская валюта.

И. Б. Немер. — Денежный курс в одной восточногалицийской деревне.

И. Кичин.—Действительное современное производство золота.

В. Вейт.—Европейские банкноты.

Биржевые таблицы.

Торговый барометр.

А. Бельский.

Дж. КЕЙНС. Экономические последствия Версальского мирного договора. Пер. с английского. Гиз. М. 1922 г. стр. 164.

Автор этой книги был официальным представителем от Британского казначейства на мирной конференции в Париже до 7-го июня 1919 года, в течение почти 6 месяцев и в качестве представителя канцлера казначейства заседал также в Высшем Экономическом Совете Антанты. Он сложил с себя полномочия, как только стало очевидным, что не остается никакой надежды на существенное изменение проэкта мирного договора.

Предлагаемая вниманию читателя книга написана вскоре после ратификации германским рейхстагом Версальского договора. Но автор ее уже тогда предвидел, что продиктованные Германии условия окажутся для нее невыполнимыми. Он уже тогда поставил вопрос о пересмотре договора, о ликвидации межсоюзнической задолженности, о международном займе для восстановления хозяйства наиболее пострадавших стран и, наконец, о России.

Версальский договор наложил на Германию огромную угольную контрибуцию: она обязалась в ближайшие годы сдавать союзникам 40—41 миллионов тонн угля ежегодно. Однако на протяжении двух с половиной лет, прошедших со времени принятия Версальского договора, идет постепенный, но систематический пересмотр его основных статей. Все это только доказывает, насколько дальновиден был проф. Кейнс, программа которого в основном стала теперь программой английского правительства.

„Если Франция и Италия — говорит Кейнс—воспользуются своим временным могуществом победителей для разрушения Германии и Австро-Венгрии, ныне лежащих в изнеможении, то этим они вызовут свое же собственное падение, ибо сами они глубоко и неразрывно связаны с жертвами своей победы скрытими техническими и хозяйственными нитями“.

Но каков же подлинный характер мирного договора? Ведь в задачу мирной конференции входило восстановление европейской жизни и исцеление ран, нанесенных войною. По мнению Кейнса, мирный договор не сделал ничего для экономического восстановления Европы, ничего для того, чтобы превратить побежденные центральные державы в добрых соседей, ничего для того, чтобы дать устойчивость вновь созданным государствам; он не подготовил пути для осуществления экономической солидарности в среде самих союзников. „Из всех экономических вопросов, говорит Кейнс, —только возмещение убытков возбуждало его (Совета Четырех) интерес, но члены Совета решали его как проблему теологии, политики или предвыборной интриги, с какой угодно точки зрения, но только не с точки зрения экономического будущего тех государств, судьба которых была им вверена“.

Лицам, которые думают, что Версальский мир не может войти в жизнь, Кейнс предлагает обсудить программу, состоящую из следующих пунктов: 1) пересмотр мирного договора, 2) погашение взаимной задолженности, 3) интернациональный заем и реформа денежной системы и 4) отношения Центральной Европы к России.

В книге Кейнса рассмотрены следующие вопросы: Европа перед войной, мирная конференция, мирный договор с Германией, возмещение убытков, Европа после мирного дого-

зора и средства восстановить Европу.

Написанная живым и увлекательным языком участника конференции, книга Кейнса читается с большим интересом.

В. Онежский.

Военная наука и Революция. Военно-научный журнал. Книга вторая. 1922. Высший Военный Редакционный Совет. Москва.

Вторая книга имеет очень богатое содержание и заключает несколько статей, имеющих руководящее значение, к которым можно отнести статьи: С. Варина „Уроки гражданской войны", М. Павловича „Советская Россия и новый Карфаген", Л. Троцкого „Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство" и некоторые другие.

В *„Уроках гражданской войны"* С. Варин отмечает, что, так называемый, принцип частной победы, под влиянием массы войск, длины фронтов и развитой военной промышленности, получил несколько иное значение. В войне современных больших армий для действительного разгрома противника нужны не отдельные, хотя бы и очень крупные, поражения, но сумма непрерывных и планомерных побед на всем фронте.

В дальнейшем С. Варин останавливается на мерах, которые принимались в гражданскую войну, чтобы парализовать последствия частных поражений.

Способ обычных пополнений в этих случаях слишком затягивал дело. Замена разбитых частей свежими перегруппировкой на фронте была непосильна, вследствие недостатка сил на фронте. Оставалось создать, как говорит С. Варин, „фабрику" для формирования сразу готовых, даже более крупных соединений, для быстрого восстановления расстроенных участков, что и было достигнуто образованием запасных армий. С. Варин приводит очень интересную таблицу и схему, из которой видно, как распределялись по фронтам формирования запасной армии, непосредственно подчиненной центру, которая с июля 1919 по декабрь 1920 года дала на фронт одну стрелковую, две кав. дивизии, 26 стр. и 4 кав. бригады, не считая более мелких формирований (полков, б-нов и пр.).

Другая мощная мера для восстановления разгромленных участков состояла в усиленной мобилизации и отправке на эти участки рабочих и, в особенности, коммунистов.

Далее, в связи с расширением понятия о „частной победе", С. Варин останавливается на значении непрерывности операции, как главнейшего условия победы. Старая школа, по мнению С. Варина, недостаточно оценивала этот принцип. К статье приложена диаграмма главнейших операций на всех фронтах гражданской войны за 1919 и 1920 годы, из которой видно, что именно в этой войне принцип непрерывности операций получил широкое применение на некоторых участках.

Руководящая статья Л. Троцкого *„Военная доктрина и мнимо-военное доктринерство"* подробно разобрана в № 14 „Революция и Война", а потому мы не будем на ней останавливаться.

Из других статей общего военно-научного содержания наибольший интерес представляет статья Н. Какурина *„Военная психология масс"* и Е. Батенина *„Наполеониды"*.

В теоретической части своей статьи Н. Какурин не дает ничего особенно нового, ссылаясь на известные, старые положения Лебона и дополняя их некоторыми замечаниями французского военного психолога Модюи. Это вызывает, в свою очередь, несколько замечаний редакции, указывающей на ошибочность или недостаточность старой теории Лебона, которая ограничивается установлением некоторых общих свойств или „вечных законов" психологии толпы, не вдаваясь в дальнейшие исследования.

Лебон не отрицает, что некоторые условия, к которым он относит „расу, традиции, время и воспитание", придают толпе „некоторую индивидуаль-

ность". Но он мало останавливается на этих условиях и придает им недостаточное значение. Самое перечисление индивидуализирующих толпу условий не отличается определенностью. Что такое традиции? или время?

Во всяком случае, мы знаем, что толпа, составленная из темной крестьянской массы, с узко обывательским кругозором, не может не отличаться от толпы рабочих из крупного промышленного центра. Одна и та же толпа (напр. из крестьян) в одном случае (во время холеры) убивает врачей, а в другом случае (во время гражданской войны) проявляет высшие образцы мужества и самопожертвования. Не всегда толпа, как говорит Лебон, блуждает в пределах бессознательного и легко поддается *всяким* внушениям. Наблюдения над нашими толпами запасных и войсковыми массами в минувшую империалистическую, а затем гражданскую войну дают достаточно материала, чтобы критически отнестись к этому, слишком обобщаемому положению.

Внушения, о которых говорит Лебон, также имеют, по крайней мере, двойное направление. Можно говорить о влиянии личности на толпу, но еще более общий случай представляет влияние толпы на личность, хотя бы с выдающимися качествами.

В прикладной части статьи Н. Какурин обстоятельно излагает два эпизода паники, которые произошли во время империалистической войны, на нашей стороне, в августе 1914 года, т. е. в начале войны. Оба случая приводят Н. Какурина к выводу, что „случаи непредвиденной паники сопутствуют армиям в начале кампании, после долгого промежутка мира, как бы хорошо ни были обучены войска... по мере того, как войска втягиваются в войну, случаи беспричинных массовых паник становятся все реже и реже и почти не наблюдаются среди уже обстрелянных войск". С первым из этих выводов еще можно, пожалуй, согласиться, но против второго можно было бы выставить не мало примеров как из империалистической, так и из гражданской войны. Н. Какурин не подкрепляет своего второго вывода никакими примерами.

Стремление автора подкрепить приводимыми фактами общие положения Лебона не представляет особого интереса по тем соображениям, которые изложены выше. Было бы интереснее узнать различные подробности, из которых сложилась психика той части (в обоих случаях одного и того же полка), поведение которой описывает Н. Какурин, но именно этих подробностей он не приводит.

Статья Э. С. Батенина заключает интересные, хотя довольно беглые характеристики трех современных полководцев „первой величины": Фоша, Людендорфа и Китченера. Одновременно автор делает попытку указать наиболее научный метод или подход к подобного рода исследованиям.

К сожалению, он не указывает источников, на которых основаны его характеристики, ссылаясь для Фоша и Людендорфа лишь на один немецкий источник (газету „Фоссише Цейтунг").

Теоретическая часть статьи способна вызвать ряд замечаний или, может быть, недоразумений, чему способствует способ изложения: цветистый, но не всегда ясный и определенный. Да простит нам автор это замечание, но некоторые места звучат настоящими загадками.

Прежде всего, не совсем ясно, какую роль автор отводит полководцу в современной войне. Статья начинается фразой: „Подготовка живой силы (гражданского населения и вооруженной его части) и средств (народно-хозяйственных—в стране и технических—в войсках) для современной большой войны и ведение ее, подготовка к сражению больших масс и его розыгрыш стали отныне по плечу личностям совершенно исключительной категории". Но можно с уверенностью сказать, что эта совокупность задач, как ее понимает автор, едва-ли по плечу вообще какой бы то ни было личности.

Во всяком случае автор не делает серьезной попытки приложить этот

масштаб к своим характеристикам полководцев первой величины.

Далее автор говорит, что на наших глазах выросла и закрепляется идея высшей стратегии, как новой дисциплины, долженствующей обобщать явления трех порядков или трех областей: военной, области народно-хозяйственной и технической и социально-политической.

Это фактически далеко не точно, ибо указываемое автором обобщение началось уже очень давно. Вся наша, так называемая, военная география и статистика в прежней академии генерального штаба имела именно эту задачу; ту же задачу разрабатывали в истории военного искусства и военной администрации еще профессора Михневич и Гулевич (Война и народное хозяйство). Из иностранных авторов можно назвать—М. Иенса и Блуме. Можно лишь согласиться с автором, что при нашем „старом режиме“ эти обобщения, именно у нас, не имели достаточного простора. Но Энгельс в своем „Анти-Дюринге“ развил их с достаточной широтой. Автор говорит: „Наши пирамиды (подразумеваются старые взгляды в области высшей стратегии) которые строились шесть веков, были сметены в шесть лет. Нужны новые истины, которые могли бы стеречь нас от бесславной гибели, подобно тому, как стерегут пирамиды (в Египте) плодоносные земли от песков Ливийской пустыни..!“

Но автор не рассматривает, что это за старые „пирамиды“, которые претерпели столь бесславную участь, и может даже явиться вопрос, не следует ли откопать некоторые из них, приняв меры, чтобы их не засыпал новый „песок“.

Столь же неясными остаются и „новые истины“, которые должен знать, по мысли автора, великий полководец.

В методах характеристики от Э. Батенина не мало достается нашим „военным психологам“, которых Э. Батенин ставит в скобки за их „отрыв от научной мысли“, за их приверженность к „атомизму“, т. е. к изучению личности по частям, без надлежащего синтеза, а также за их невнимание к „интуиции“, которая является именно свойством великих полководцев.

Непонятно, кого именно автор причисляет к военным психологам. Все ссылки сделаны на П. Изместьева. Ну, а, например, Драгомиров с его известными характеристиками Наполеона и Жанны Д'Арк или ряд других „военных писателей“ с характеристиками Суворова, Кутузова, Скобелева, надо тоже причислить к военным психологам в скобках или автор согласен освободить их от „оскорбления“.

Так называемый автором „атомизм“, который выражается в разделении душевных явлений на проявления ума, чувства и воли, есть, как известно, лишь способ анализа в общепринятых выражениях, но вовсе не означает, что „военные“ психологи в действительности разрывают душу на такие составные части.

Что же касается интуиции, то это, сравнительно новое, понятие, конечно, необходимо ввести в военную психологию, но, в сущности, оно давно уже введено под такими выражениями, как „наитие“, „вдохновение“, „гений“. Следует лишь уточнить это понятие, но автор как-будто сам избегает это сделать, называя интуицию, то „досознательной мотивировкой“, то „досознательной категорией“, то состоянием ума в обстановке риска и необходимости быстрого решения или, наконец, просто способностью к риску.

Ссылка автора на основные принципы душевной деятельности философа Вундта не много поможет читателю, ибо Вундт в своих „Очерках психологии“ ни единым словом не говорит об интуиции.

В общем Э. Батенин особенно подчеркивает различие между интуицией и расчетом, упрекая все тех же „военных психологов“ в переоценке значения последнего.

Но с доводами автора едва ли можно согласиться. Интуиция, как и другие душевные способности может иметь различные корни. Если она не соединяется с постоянным изучением

и взвешиванием или измерением средств и обстановки и есть не более, как способность к риску, то становится очень опасной для полководца или, вернее, для войск, которые ему доверены.

Углубляясь в дальнейшее раз'яснение интуиции, Э. Батенин переходит к ее значению в современных математических науках, цитируя Гадамара, ссылаясь на Римана, Пуанкаре, на принцип относительности и пр., но все это мало выясняет суть дела.

Из всего запаса учености для военного читателя выдвигаются лишь следующие положения.

Каждая рациональная дисциплина (наука) есть исследование свойств, которые имели бы человек и техника, если бы они были совершенны. Но мы не знаем, что такое это совершенство, а потому должны от времени до времени разрушать аксиомы, принципы, конструированные в законы, и возвращаться к гипотезам, с понятиями, ускользающими от поверки, т. е. отказываться от расчета, основанного на числе, количестве и формальной логике, и возвращаться к интуиции.

Необходимость возврата в военном искусстве к интуиции совпала у нас с революционной эпохой классовой войны или, вернее, есть ее следствие. Чем меньше преемственности в новых формах военного искусства, тем острее потребность в интуиции, единственно способной восторжествовать над опытом поколений, вернее, сказали бы мы, над их идеологией. В этих заключительных словах Э. Батенина заключается интересная мысль, но предыдущие рассуждения о значении гипотез в военном деле вызывают возражения. Многое зависит от того, что автор понимает под такой гипотезой. Но не мешает припомнить старое наполеоновское правило: никогда не следует рисовать себе картины на войне.

Из других статей следует указать на статью Б. Шапошникова *„Действия кавалерии на фланге армии“*, рассматривающую действия нашей конницы в августе 1914 года на левом берегу Вислы, написанную живо и содержательно с хорошо обоснованными выводами, указывающими на расширение стратегической роли конницы за счет действий на поле боя, а также на необходимость придачи коннице современных технических средств и на частые случаи совместных действий с пехотой. Такой же интерес представляет статья А. Клюева *„Операции 1-й конной армии на польском фронте“*, описывающая достопамятные действия этой армии с 25 мая по 18 июня при прорыве польского фронта.

Причины неполного разгрома 3 польской армии автор видит в недостаточной связи 1 конной армии с фронтом, в частой перемене оперативных заданий и в потере времени для удара в важнейшем направлении на Радомысль и севернее, чтобы закупорить все пути отхода. О статье профессора Незнамова *„Стратегическое значение современных технических средств и боевая подготовка армии“* — трудно сказать что-нибудь положительное. Она как-будто стремится указать какие-то особые методы, с которыми следует подходить к изучению новостей техники, но трудно уразуметь, в чем состоит этот метод. Выводы автора о значении технических средств грешат парадоксальностью. Позиционную войну, по его мнению, породили—пулеметы! Железные дороги сделали ненужными стратегические резервы! Все изложенное отличается не только абстрактностью, как указывает примечание редакции, но сбивчивостью и неясностью, за которой надо отыскивать особый, глубокий смысл по существу давно известных понятий, но поставленных в кавычки или напечатанных курсивом.

По вопросам военной техники помещены очень содержательные статьи М. Смысловского (о газовой войне и военно-химических средствах), Г. Серчевского (об инженерных средствах и бронесилах Германии в войну 1914—1918 г.г.), А. Кука (новые факторы, химические средства борьбы), много интересного (в том числе по

артиллерийской стрельбе) дает „Техническое обозрение“ извлеченное из немецкого журнала Militär Wochenblatt. Наконец, большой интерес представляет ряд статей в иностранном обзоре по вопросам международной политики. В отделе критики и библиографии даны отзывы об известной книге англ. адмирала Джелико „Кризис мировой войны“, о ряде немецких новых книг (Куля, Тайзена), о новом французском курсе общей тактики Кульмана и др. В хронике помещен некролог, скончавшемуся 20 декабря Дмитрию Павловичу Парскому, которого многие товарищи и сослуживцы как по старой, так и по Красной Армии помянут добрым словом с уважением к его памяти.

И. УСТИНОВ. Развитие речи. (К вопросу о методах занятий в школах взрослых и на командных курсах)— Гиз. М. 1922 г. стр., 108.

Вопрос о развитии речи в последнее время привлекает к себе все большее и большее внимание. Появляются на эту тему статьи в журналах „Коммунистическое просвещение“—органе Главполитпросвета, „Военное знание“—органе Гувуза и в целом ряде брошюр разрабатываются отдельные вопросы методики устной и письменной речи.

Однако до сих пор не было такой работы, которая бы использовал накопившийся опыт в методологической литературе по вопросу о развитии речи. Названная работа И. Устинова „Развитие речи“ и должна восполнить существующий пробел в русской литературе по этому вопросу.

Развитию речи должно быть отводимо на уроках родного языка гораздо больше времени, чем это практиковалось до сих пор. „Дать возможность—пишет автор—взрослому слушателю владеть языком—этим великим средством общения между людьми, их взаимного понимания,—значит приобщить его к многогранной кипучей общественности, дать ему возможность быть активным членом общества, понимающим других и умеющим быть понятым другими. Эта задача очень трудная, большая и приступать к ней надо с ясным представлением дела“.

Взрослому слушателю не хватает: 1) уменья сознательно читать художественную и научную книгу и газету, воспитания привычки видеть в книге и газете источник развития речи и всякого знания вообще, 2) развития уменья толково и литературно выражать свою мысль на бумаге, быстро ориентироваться в чужой речи, уменья воспроизвести ее и 3) знакомства с деловыми бумагами и печатными документами повседневного характера.

Автор справедливо считает единственно правильным методом, в данном случае метод разумного совмещения свободного творчества учащихся с педагогическим воздействием руководителя-преподавателя. Работа над развитием речи, устной и письменной, должна быть проникнута большим доверием, чем прежде, к творческим силам учащихся. И в то же время устные и письменные работы по развитию речи должны быть ближе к жизни. На этом основании автор уделяет в своей книге большое внимание приемам составления деловых сочинений по типу тех „деловых сочинений“, которые довольно широко распространены в американских школах. Это уменье составлять разного рода деловые письма, приговоры, протоколы, доклады, уменье написать рапорт, заявление, заполнить анкету и т. п.

К числу самостоятельных работ взрослых учащихся творческого характера автор относит: письма на разные случаи жизни, индивидуальные и коллективные сочинения на вольные и заданные темы из круга личных впечатлений, составление собственного рассказа по образцу прочитанного, конспектирование прочитанного, отзыв о прочитанной книге, доклад, реферат, ведение дневника, письменные работы по картинам, газетную корреспонденцию и т. д., разбирая в то же время каждый из этих видов работы и ука-

зывая приемы обучения этому искусству взрослых учащихся.

Помимо этих вопросов, в книге уделяется много внимания устройству литературных судов, литературно-художественных вечеров, стенных газет, работа с журналом и газетой.

К сожалению, автор уделяет вопросу о развитии устной речи гораздо меньше внимания, чем письменной. Ораторская речь явилась предметом рассмотрения одной лишь небольшой 13 главы, что, конечно, составляет большой пробел, тем более, что автор сам указывает, что выступать с речью в обществе иногда бывают неспособны не только учащиеся, но даже занимающие ответственные государственные посты (стр. 68). А далее пишет: „Тут мало знать материал, относящийся к теме,—надо, сверх всего, быть мастером своего дела, надо предусмотреть возможные возражения, приготовиться к ним и т. д.". Вопрос о том,—что необходимо для того, чтобы быть хорошим оратором, в книге разработан довольно слабо.

В указателе пособий по методике развития речи нет многих работ последнего времени, трактующих этот вопрос.

Однако книга Устинова своей злободневностью исчерпывает все незначительные недостатки ее и принесет большую пользу как агитаторам, лекторам, так и учащим и учащимся школ взрослых и командных курсов в деле уничтожения нашей крупной митинговой болезни—косноязычия.

В. Ягодкин.

Б. ШТЕЙН. Генуэзская конференция. Госиздат. М. 1922 г., стр. 126.

Настоящая работа принадлежит секретарю Российской делегации в Генуе—т. Б. Е. Штейну и написана по материалам и документам, бывшим в распоряжении автора на самой конференции, а также на основании личных впечатлений. В ней нашли свое отражение все важнейшие документы, резолюции и протоколы Генуэзской конференции, длившейся с 10 апреля по 19 мая с. г. и долженствовавшей излечить все язвы мира и приковывавшей к себе внимание всего мира в течение 1½ месяца.

Книжка состоит из 5 глав, которым предшествует предисловие от автора.

„Несмотря на то, что в повестке Генуэзской конференции стояли вопросы о восстановлении Европы и России,—говорится в предисловии,—европейская буржуазия сочла возможным, при наличности экономической разрухи, валютного хаоса, сырьевого голода, безработицы и разрушенного транспорта, заниматься в продолжение полутора месяца только одним вопросом: возвращением частной собственности кучке иностранных собственников в России".

Первая глава рассматривает вопрос о том, как готовилась Антанта к Генуэзской конференции и как готовилась Советская Россия? В этой главе дан очерк работ Лондонской конференции экспертов, состоявшейся 20—28 марта в Лондоне—с целью совместной выработки основ будущих резолюций для Генуэзской конференции и делается подробный разбор „отчета лондонских экспертов", который содержит в себе материалы по вопросу об условиях, при которых иностранная помощь и капиталы могут быть привлечены к делу восстановления России и по вопросу о восстановлении Европы.

Советская Россия не принимала участия в Лондонской конференции. Подготовительная работа ее велась в народных комиссариатах, которые проделали огромную работу в области разработки тщательных планов восстановления промышленности, сельского хозяйства, концессий и реформы денежного обращения, но „восстановители России" в Генуе—пишет Штейн—не воспользовались результатами этой работы. Их интересовало возвращение их *собственности*, и ничего более".

Во второй главе описывается открытие конференции и образование

комиссий (политической, финансовой, экономической и транспортной).

Третья глава посвящена рассмотрению и оценке работ политической комиссии, этого действительного центра конференции. Здесь же напечатан текст статей, принятых первой комиссией на ее заседании 18 мая 1922 г. и подтвержденных на последнем заседании 19 мая 1922 г., о созыве Гаагской конференции, назначенной на 26 июня 1922 г.

Четвертая глава рассматривает вопрос о „восстановлении" Европы в работах финансовой, экономической и транспортной комиссий.

Последняя (глава V) подводит итоги Генуэзской конференции — двум попыткам: реконструкции Европы и решении русского вопроса. „И работа лондонских экспертов и генуэзских врачей — говорит автор — оказалась одинаково непригодной для решения поднятых проблем. Оказалось, что Европа подошла к решению русского вопроса со своими обычными методами „империалистов - победителей". Этими методами она „решила германский вопрос на Версальском конгрессе, этими же методами она попыталась разговаривать с Российской революцией". Но эти методы оказались непригодными при попытках повторения их по отношению к Советской Республике.

Работа Штейна делает подробный анализ всех документов конференции и с этой стороны представляет большой интерес. *В. Онежский.*

„Армия и Революция". Научный военно-политический журнал. Издание военно - редакционного совета Украины и Крыма. Харьков*).

„Армия и Революция" № 1 (8) январь 1922 г., 136 страниц.

Номер начинается со статьи А. В. Павлова „К вопросу о подготовке войск", которая намечает ряд положений для подготовки Красной армии не современных началах. Основные мысли автора о том, что недостаточно только командовать, но нужно обучать, что обучение не должно иметь цель приготовление автоматов, но бойцов, способных разбираться в задачах и обстановке, что оно должно быть соединено с воспитанием и должно отвечать общим началам педагогики,—вполне правильны и не могут вызвать возражений. Но напрасно автор так подчеркивает значение способности солдата „рассуждать", а также говорит о „превосходстве воспитания над обучением". Нужны непросто рассуждения, а *действия*; воспитания без обучения бесполезно, с чем, впрочем, соглашается и сам автор: точно также и на счет применения общих начал педагогики также не всегда можно согласиться с А. В. Павловым. Статья разделена на 22 положения, число которых несомненно можно сократить. Хотелось бы побольше конкретных указаний.

Статья С. Унковского „Дессантные операции" дает сжатый очерк приемов для производства этих операций и несколько исторических примеров, в том числе один из последней мировой войны (атака английским флотом Зеебрюге и Остенде); примеры из гражданской войны 1917-20 г. г., как видно из примечания редакции, будут помещены в ближайших №№ журнала. Далее следует небольшая, но очень ценная статья Сер. Б—н „Венерические болезни и туберкулез в войсках Украины", которая заставляет сильно задуматься над приводимыми автором цифрами.

В „Красном Архиве" помещено описание „операции против Махно с 26 июня на 6 июля 1921 г." участника операции П. Сергеева; как видно из описания, действия произво-

---

*) Отчасти по условиям неаккуратного получения номеров журнала „Армия и Революция", отчасти по техническим и материальным условиям печатания редакция журнала „Революция и война" не могла своевременно дать отзыва о работах Военно-редакционного совета Укркрыма, заслуживающих самого широкого внимания и распространения среди всех, кто интересуется военным делом. Теперь она исправляет этот недочет, помещая отзыв о всех номерах „Армия и Революция" вышедших в 1922 г. и полученных на Запад. фронте. *Ред.*

дились под энергичным руководством тов. Эйдемана и дают много поучительного, хотя Махно все же ускользнул. За двумя небольшими заметками (по 2 страницы) М. Радкевича „Спорт на Украине необходим“ М. Окунева „Карельская авантюра“ следует извлечение из сочинения Ф. Куля „Германский генеральный штаб“, уже известного читателям „Революции и Война“ по прошлым №№.

В отделе „За рубежом“ помещены небезинтересные для нас переводы двух статей из польского журнала „Bellona:“ „Советская пехота“ и „Тачанки“.

Статья „Тачанки“ В. Спихальского—это настоящее восхваление этого нового способа применения пулеметов, в котором автор (кавалерист) видит все преимущества и, кажется, никаких недостатков. Оказывается, при этом, что знаменитые тачанки применялись с нашей стороны только у Буденого, да и то неудачно, за то с польской стороны в широком размере и с большим успехом в кавалерии, в пехоте и даже в артиллерии! Однако эти восхваления не из удачных. Оказывается, что главное преимущество тачанок—всегдашняя готовность.. к от'езду с поля сражения. Стрелять нельзя так точно, как с земли, но, по мнению автора, в бою имеет значение не меткий выстрел, а просто „факт пулеметного огня!“ Все оканчивается требованием настолько усовершенствовать тачанки, чтобы из извозчичьей пролетки обратить их в легкий броневик. Так, пожалуй, вернее сразу взять такой броневик?

В „Хронике“ помещен очень интересный отчет о трех заседаниях нового общества ревнителей военных знаний в г. Харькове. В отличие от военно-научных кружков, — цель нового общества — популяризация военных знаний среди всего населения. На первом заседании 25 декабря 1921 г. было 35 чел., 2-го января состоялся доклад т. Ксандрова „Научно-техническое достижение и воздушный флот за границей и у нас“ в котором были сообщены все новости по части воздухоплавания, а, в частности, обращено внимание на необходимость постройки в Харькове аэро-динамической обсерватории. 13 января член общества, военный моряк Унковский, сделал сообщение на тему: „Средства и способы борьбы в море“. Отдел „Библиографии“ занимает свыше 20 страниц (из 136).

АРМИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ. № 2. (9). Февраль 1922 г., 132 стр.

Этот номер посвящен четвертой годовщине Красной Армии. Он начинается соответствующими обращениями М. Фрунзе и Д. Мануильского. Затем следует содержательная и сильная статья С. Минина „В чем сила Красной Армии?;“ указав на две главнейших меры, которые буржуазные государства принимают для реорганизации своих армий—усиление классового характера их состава и усиление техники, автор задается двумя вопросами: почему противник, превосходивший Красную Армию во всех отношениях, понес поражение? удастся ли ему победа после реорганизации и перевооружения? Начальные ответы автор находит у Ф. Энгельса, в его тезисах: новые борцы и лучшая техника—два фактора победы; влияние гениальных полководцев, самое большее, ограничивается приспособлением ведения борьбы к новому орудию и новым борцам“. Красная Армия несомненно дала „новых борцов“; ее техника (оружие) была слаба, но „борцы“, т. е. живая сила, составляли более верный фактор победы, ее первоисточник. Вот главные из причин неудачи ее противников. Другая причина заключалась в успешном применении Красной Армии к новым условиям маневренной войны, на разорванных, неустойчивых фронтах, созданной переходной эпохой начавшейся (в капиталистических странах), но не завершенной (у нас) мировой пролетарской революции.

Третья причина—уменьшение относительного значения техники в маневренной войне по сравнению с позиционной (о чем, заметим мы от себя, еще следует поспорить), наконец, четвертая,—новый боец может пользоваться старым оружием лучше, чем старый — более новым и усовершенствованным. На второй вопрос — что будет дальше?—т. Минин отвечает: „Нельзя ждать особых перемен не в нашу пользу, скорее наоборот, если мы сделаем надлежащие выводы из материалистического понимания событий и опыта гражданской войны".

К числу юбилейных можно также отнести статьи С. Унковского „Красный флот за четыре года революции" и Р. Эйдемана „К вопросу о борьбе с бандитизмом".

Юбилейное значение может иметь, приложенный в конце номера, разбор книги (из белогвардейской прессы) Ветлугина „Авантюристы гражданской войны", в которой матерый журналист старой марки рисует белогвардейские подходы к оценке Красной армии, ныне опровергнутые действительностью. С военной точки зрения в книге Ветлугина интересна общая оценка действий Петлюры, а в особенности Махно, в смысле затруднений, которые были созданы последним для белогвардейского командования. К четырехлетнему юбилею Красной Армии оба эти „непобедимые" авантюриста оказались разбитыми и изгнанными заграницу. Из области военной техники в номере помещены статьи: А. В. Павлова „Техника и ее зависимость от тыла". Н. Махрова „Оборона и атака в маневренной войне" и В. Юнгмейстера „Воздушный флот в войне будущего".

А. В. Павлов дает сжатую характеристику средств новейшей техники, а затем рисует картину будущей войны и делает выводы для нашей стратегии. Статья бесспорно, интересная, но характеристика средств недостаточно точна и сделана без соответствующих частных выводов, картина, сказали бы мы, несколько феерична, а к предлагаемым стратегическим планам, основанным на сочувствии рабочих классов всего мира и на возможности воздействовать на тыл противника, считая разгром его живой силы второстепенной задачей, надо отнестись с должной осмотрительностью. Довольно странно звучит один из тезисов автора, что „технические средства являются факторами, стесняющими свободу маневра"... Неужели к этим „факторам" надо отнести железные дороги, автомобили, авиацию, средства связи? Да и из средств разрушения многие в настоящее время приспособлены именно к маневренной войне (пехотная артиллерия, ручные пулеметы, химические средства).

В. Ю. Юнгмейстер в статье „Воздушный флот в будущей войне" дает отчетливую картину развития авиации заграницей во всех крупных государствах, сопровождая ее целым рядом цифр. Он заканчивает ее напоминанием, что будущая война начнется борьбой за господство в воздухе. Отсюда для нас целый ряд задач по воссозданию нашего флота и по борьбе с земли с флотом противников. Быть может краски несколько сгущены, но некоторые из мер, указываемых автором, безусловно необходимы без всякого отлагательства.

Кроме рассмотренных статей видное место в текущем номере занимают статьи военно-исторического содержания: „Крымская кампания"—Шефа и две о Каховском плацдарме,—И. Гражиса и Д. Карбышева. Все они представляют большой интерес по свойствам тех выдающихся событий, которых касаются.

АРМИЯ и РЕВОЛЮЦИЯ № 3—4. Март—апрель. 1922 г. 208 стр.

Номер начинается статьей М. В. Фрунзе „Внешнее и внутреннее положение советской федерации и текущие задачи красной армии", которая представляет стенограмму доклада прочитанного т. Фрунзе на совещании командного и комиссарского состава войск Украины и Крыма, 1 марта с/г. Исходя из того, что все вопросы

строительства красной армии' и ее текущие задачи находятся в самой тесной связи с общим нашим положением, как внутренним так и внешним, что, в противоположность старой армии, красная армия черпает свою силу из широкого общения с политической жизнью страны, т. Фрунзе дает яркую картину общего политического положения Советской России, чтобы „красный командир и политический руководитель армии“ могли разобраться „во всей сложности происходящих вокруг нас явлений . . . и просто и толково раз'яснить их подчиненным рядовым бойцам“.

Статья т. П. Сметанникова „Обучение и боевая подготовка красной конницы“ относится к числу содержательных, но дает мало нового, страдает теоретичностью: подчас главное (уход за лошадью, езда) оказываются на втором плане, что и отмечено в отчете о заседании постоянного совещания при командующем ВСУ (в хронике), на котором доклад Сметанникова на ту же тему вызвал ряд возражений.

В статье „Полковая артиллерия“ А. Федотов дает интересный исторический очерк этого рода артиллерии существовавшей в XVII и в начале XVIII столетия и теперь возродившейся, доказывая необходимость скорейшего введения у нас пехотных пушек и мортир по примеру иностранцев. Можно лишь заметить, что причины упразднения полковой артиллерии и возвращения к ней изложены довольно замысловато, но смутно. В действительности такое решение зависило от того, что полевая артиллерия в XIX столетии получила полную возможность наносить вполне достаточное поражение издали, не следуя непосредственно с пехотой, но за последнее время трудности ближнего боя и средства защиты настолько увеличились, а связь с артиллерией настолько затруднилась, что вновь потребовались пехотные орудия. Автор предлагает формировать в стрелковых полках четвертые артбаталионы из пехотных орудий и тяжелых пулеметов. Проекты подобного же об'единения можно встретить и в иностранной печати, но в виде арт. пул. рот при баталионах.

Статья М. М. Радкевича „Техника артиллерии в европейских государствах“ знакомит с современной артиллерией Франции, С. А. Соед. Штатов, Англии, Японии, Германии, Польши и Румынии, давая очень ценные сведения, с которыми необходимо освоиться каждому командиру.

Статья В. Сергеева „Пути сообщения и их работа в красной армии“ слабее других; она дает довольно искусственное сочетание действительно полезных общих сведений об организации военных сообщений в военное время с неполной, слишком голословной и, под-час, неверной характеристикой работы железных дорог в гражданских войнах 1918—1920 годов; сказано несколько громких фраз о значении воздушного флота, но конкретные данные отсутствуют. За то следующая статья Р. Эйдемана „Повстанчество и его роль в современной войне“ — одна из самых интересных и содержательных. Указывая на особое значение повстанчества в гражданских войнах на стороне того или другого из противников, т. Эйдеман совершенно правильно останавливается также и на том случае, когда оно принимает характер самостоятельного выступления социальных групп, не примкнувших ни к одной из сторон, как было с Махно. Приводя целый ряд военно-исторических примеров из войны 1917—20 г. г., т. Эйдеман дает обоснованные выводы как для организации повстанческих движений, так и для борьбы с ними. Статья Н. Макушенко „Операция против банды Махно с 9 по 16 июня 1921“ может служить хорошей иллюстрацией к статье т. Эйдемана.

Из отчета о постоянном совещании при командующем ВСУ видно, что в нем за январь и февраль были прочитаны доклады: 1) т. Саблина „О ликвидации прорыва Врангеля на правый берег Днепра в октябре 1920 г.“ (см. №№ 2—3 и 7 Армии и Революции), 2) т. Радкевича „о современных достижениях арт. техники на за-

паде (см. настоящий № Армии и Революции), 3) т. Сметанникова „О подготовке конницы" (см. там-же), 4) т. Радкевича „О полковой артиллерии" (см. там же), 5) т. Павлова „Техника и ее зависимость от тыла (см. № 2), 6) т. Макрова „О маневренности и позиционности" 7) т. Юшкова „О современной организации и значении кавалерии". В отчете вкратце изложено содержание прений по докладам, что делает его еще более интересным.

С большой полнотой изложен также отчет о деятельности общества ревнителей военных знаний за январь—март 1922 года. Из отчета видно, что молодое общество уже привлекло 150 членов и открыло свободный доступ на свои лекции курсантам и красноармейцам. Состоялось об'единение с центральным в. наун. кружком УВУЗ Укркрыма. Существовавший с февраля, при высшем военно-политическом техникуме в Харькове, в. научн. кружок преобразовался в отделение общества. К деятельности этого кружка привлечены рабочие соседних заводов и профессиональные организации.

Отдел библиографии представлен с достаточной полнотой.

Армия и Революция. № 5. Май 1922 г. 172 страницы.

Майский номер открывается двумя статьями С. Минина. Одна озаглавлена просто буквами „Р.К.П. и Р.К.К.А.", другая носит заглавие „Философию за борт". Первая имеет задачей дать очерк постепенного развития Красной Армии и участия в нем Коммунистической Партии.

Статья, видимо, юбилейная, хотя и запоздалая, а потому не будем слишком строго относиться к таким выражением, что Красная Армия обладает невиданной в истории силой и т. п. Заглавие второй статьи представляется, пожалуй, слишком сногсшибательным для научного военно-политического журнала да и подход автора к затронутому им вопросу плохо вяжется с обычной для „Армии и Революции" трактовкой серьезных тем. Вместо обращения к широкому кругу читателей, указывая на ошибки, яко-бы сделанные в этом вопросе Плехановым и Лениным, было бы, вероятно, лучше продискутировать мысли С. Минина в более тесном кругу *).

Статья А. Павлова „Год учебы" представляет попытку найти способ для проведения в жизнь лозунга тов. Троцкого „Текущий год—год учебы". Учитывая трудности составления таких планов и программ занятий, которые соответствовали бы крайне разнообразной и при том меняющейся обстановке в войсках, которую урегулировать пока также не представляется возможным, А. Павлов предлагает в каждой дивизии сформирование на двухмесячный срок учебных частей (по бат-ну в бригаде и, сверх того, один эскадрон, одну легкую и одну тяжелую батарею в дивизии), освободив их от нарядов и поставив вообще в наиболее благоприятные для обучения условия. Редакция не соглашается с такой „импровизацией" особых учебных частей и находит, что каждый начальник дивизии может просто на время освобождать части от нарядов, что, думается нам, более, чем сомнительно. Программа требованой А. Павлова от красноармейца вызывает существенные возражения. „Рассуждений" от него вовсе не требуется, уметь поражать все (?) цели на 1200-1500 шагов также не надо, а одних строев по-взводно и рассыпного—недостаточно. Досадно, в самом деле, что даже по этим вопросам нам не удается установить единства взглядов!

В статье „Милиция и постоянное войско" Ф. Меринга (перевод Д. Журавлева), слишком много малоинтересных для нас подробностей из истории прусской армии. Автор, в подтверждение своих мыслей, более всего ссылается на русскую армию старого режима. Основная мысль его, что милиция и постоянное войско

*) Взгляд редакции на статью „Философию за борт" не совпадает с оценкой рецензента. Ред.

вовсе не разделяются резко друг от друга, но постепенно переходят одна в другую, в зависимости от определенных исторических обстоятельств. Строгая или вообще прочная дисциплина вовсе не составляют, по мнению автора, исключительной принадлежности постоянной армии. Все дело в различии дисциплины, которая у постоянного войска достигается путем выучки, а у милиции—прирожденная или, точнее, заранее уже данная милиции прежним (т. е. постоянным) общением в работе и в жизни. Поэтому дисциплина милиции может быть выше, чем дисциплина постоянной армии, достигаемая посредством выучки и наказаний; настолько выше, насколько жизнь превосходит школу. Но предпосылкой такой дисциплины в милиции должно быть именно тесное общение в работе и в жизни. Для этого положения Меринг и ссылается на прежнюю русскую армию, цитируя Бернгарди и Энгельса. Бернгарди отметил, что, при всей забитости прежнего русского солдата, в нем ярко жило представление, что есть „наши", ради которых он был готов итти на всякое самопожертвование. Энгельс об'ясняет в своих „Причинах", что весь жизненный опыт прежнего русского солдата указывал ему держаться товарищей: в деревне полукоммунистическая община, в городе—артельные товарищества рабочих и повсюду круговая порука. Отсюда, как заключает Меринг, внутренней спайкой русского войска была дисциплина не регулярной армии, а дисциплина милиции. Статья заканчивается общим выводом, что капиталистические государства естественно должны были стремиться к разрушению патриархальных общин с их дисциплиной, создавая для своих целей постоянные армии, но тот же капиталистический строй сам против себя творит прообраз милиции в современном рабочем движении, которое создает необходимую для милиции предпосылку—дисциплинированную массу. Нельзя однако не заметить, что при всей относительной верности этих положений, вопрос об условиях замены постоянной армии милицией разработан Мерингом недостаточно. Не говоря уже об некоторой идеализации русского общения в работе и в жизни при старых порядках, надо заметить, что военная или боевая работа требует особых навыков, в особенности в настоящее время, для которых навыки даже обобщенной работы мирного времени могут оказаться недостаточными. Самая организация милиционной армии, а в особенности, выучка и мобилизация, требуют также известных предпосылок в экономических и даже географических условиях, чего Меринг вовсе не касается.

Затем, сам Меринг повидимому разделяет взгляд Наполеона, который говорит, что с неиспытанными войсками можно штурмовать неприступные позиции, но нельзя довести до конца планомерной операции.

В очень обстоятельной статье „Белый Верден", Д. Карбышев дает оценку интересной подготовки перекопских позиций Врангеля, в которой, нисколько не умаляя подвигов Красной армии при атаке этих позиций, с документальной точностью изображает их действительное состояние, внося существенные поправки в изображения других авторов. Так он говорит, что укрепления вовсе не строились по опыту империалистической войны, но по опыту гражданской войны, применялись к качествам войск, что именно и могло бы составить их сильную сторону, если бы укрепления были достаточно развиты, но такого развития они не получили. Никаких иностранных инженеров к постройкам не привлекалось: было более чем достаточно и своих. Тем не менее, говорит автор, атаковать даже такую укрепленную позицию с расположения в несколько верст, по водному, хотя обмелевшему, пространству—было целом чрезвычайно трудным, т. к. во первых, у обороны отличный обзор и обстрел, а, во вторых, атакующий должен был двигаться безостановочно, т. к. ни залечь для передышки, ни тем более окопаться—было совершенно невозможно. Кроме того, была невозможна

и артиллерийская подготовка и поддержка атаки.

Интересна статья „Этапы в развитии французской военной мысли в мировую войну“ М. Бибикова, представляющая извлечение из статьи Люциуса „Переделка уставов и наша военная доктрина“. Но жаль, что статья обрывается на этапе 1915 года, рисуя лишь переход от маневреной войны к позиционной.

В конце номера отведен особый отдел для „откликов читателям“ в котором помещен лишь один отклик т. Л. Черняка. Возражая на предложения обратиться в борьбе с технически более сильным противником на его „тяжелый“ тыл, Л. Черняк справедливо указывает на трудность исполнения этой задачи, а также на способность новейших технических средств обратить этот тыл в легкий, подвижный и трудноуязвимый. В частности, не исключается возможность обращения „воздушного флота“ в „воздушный обоз“, над чем следует задуматься. В отделе „Военный спорт“ имеется очень ценная заметка маститого спортсмена, знатока лошадей М. Радковича „Подготовка кавалерийской лошади“, которую с интересом прочтут наши кавалеристы.

В „Хронике“ надо отметить отчет о военно-научной работе общества ревнителей военных знаний за март—апрель, из которого видно, что 1/2 месяца состоялось: 3 доклада в пленарных заседаниях и 4 доклада в высшем военно-политическом техникуме. О-во обратилось ко всем начальникам, политработникам и начальникам гарнизонов с призывом образовать в. научные кружки.

Отдел библиографии, по обыкновению, отличается значительной полнотой. Очень интересны отзывы о белогвардейской печати и изданиях эмиграции. Некоторые из них (Слащева, Смоленского и др.) представляют большой военно-исторический интерес.

Ф. Огородников.

Ответ. редактор *Мих. Лузин.*

Редакторы отделов: *Ф. Огородников. С. Меженинов.*

ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ С

Военный Редакционный Совет при Р. В. С. Запфронта.

Смоленск, Р. Ц. № 541, - 1000 экз. Типография военно-промышленных предприятий на запфронте.

0022 154